

Федеральное агентство по образованию

**Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования**

**НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н. А. ДОБРЮЛОВА**

М.П.Самойлова

Актуальные проблемы культурологии

Учебное пособие
для практических занятий

**Нижний Новгород
2006**

Печатается по решению редакционно-издательского совета ГОУ ВПОУ НГЛУ.

УДК 008 (37/38): 008 (075.83)

ББК 71

С 173

М.П. Самойлова. Актуальные проблемы культурологии: Учебное пособие для практических занятий. - Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2006.- 290 с.

ISBN 5-85839-127-3

В пособие вошли фрагменты трудов или отдельные небольшие статьи по актуальным проблемам современной культурологии. Фрагменты снабжены вводными текстами и комментариями, практическими заданиями и вопросами по основным разделам учебного курса: типология культуры, сущность культуры, нравственно-этические основания культуры, миф и культура, политические ценности и культура и т.д.

Пособие рассчитано на студентов, преподавателей и аспирантов НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, а также для всех, изучающих культурологию.

Рецензент доцент кафедры истории древнего мира и средних веков
ННГУ им. Н.И.Лобачевского, канд. ист. наук И.Ю. Ващева

ISBN 5-85839-127-3

© Издательство ГОУ ВПО НГЛУ, 2006

© Самойлова М.П., 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данное пособие представляет собой сборник заданий по основным разделам учебного курса «Культурология»: культура как общественное явление; природа, общество и культура; культура и нравственные ценности общества; миф и культура; политика и политические ценности; некоторые направления развития культурологической мысли. Пособие является частью комплекта учебно-методических материалов, позволяющих студентам более эффективно и глубоко освоить базовый курс «Культурология».

Тематический спектр данного пособия отнюдь не охватывает полностью всю проблематику современной культурологии, сюда включены лишь наиболее важные темы из теории и истории культуры.

Пособие предлагает читателю широкий круг основных текстов по темам, обозначенным в базовом курсе «Культурология»: тексты являются отобранными фрагментами книг или отдельных статей с необходимыми пояснениями и комментариями. Пропущенный материал в цитируемом источнике обозначен многоточиями в скобках. Все тексты снабжены специальными заданиями.

Пособие призвано помочь студенту получить комплексное и системное представление об основных закономерностях развития культуры, изучить особенности отдельных типов культуры в различных аспектах, познакомиться с различными теориями и гипотезами, существующими в современной культурологии, теории и истории культуры. Пособие направлено на то, чтобы активизировать знания, полученные на лекциях и в ходе самостоятельной работы с источниками и литературой, а также стимулировать интерес к собственным исследованиям.

Задания могут быть использованы преподавателями культурологии на семинарских занятиях по этому курсу, а также в качестве контрольных упражнений.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Семинар №1	
Тема: Культура как общественное явление.....	5
Семинар № 2	
Тема Природа, общество и культура.....	28
Семинар № 3	
Тема: Культура, нравственные ценности общества и христианская этика.....	76
Семинар №4	
Тема: Политика и политические ценности	123
Занятие 1	123
Занятие 2.....	154
Семинар №5	
Тема: Миф и культура. Современное мифотворчество.....	167
Семинар №6	
Тема: Некоторые направления истории культурологической мысли.....	183
Именной указатель.....	263
Библиографический список.....	266
Ключ к выполнению заданий.....	269
Контрольные экзаменационные вопросы по культурологии.....	288

Семинар № 1**Тема: Культура как общественное явление****Вопросы для изучения:**

1. Понятие «культура» и ее содержание. Соотношение древности и современности в культуре общества.
2. Античность как фундаментальная основа культурного развития человечества.
3. Античное культурное наследие и гуманитарное образование.
4. Тоталитаризм и культура.
5. Формация, цивилизация и культура.
6. Культура – область активной творческой деятельности и фактор, обуславливающий мотивы ее поведения.

Литература:¹

1. **Строгецкий В.М., Донин А.Н. Античность и проблемы мировой культуры: Учебное пособие в 3-х частях. Часть 1. Н.Новгород, 2000. С.5-49.**
2. **Арнольдов А.И. Введение в культурологию. М., 1993.**
3. **Сенюткина О.Н. Учебное пособие по курсу «История цивилизаций» Часть 1. Н.Новгород, 1999. С. 8-17.**
4. Цивилизации и культуры: научный альманах. Вып. 1-4. Москва, 1994-1996.
5. Семеникова Л.Н. Цивилизации в истории человечества. М., 1998.
6. Культурология (под науч. ред. проф. Г.В.Драча). Ростов-на-Дону, 1995. С.9-117.
7. Введение в культурологию. Учебное пособие для вузов (руковод, автор коммент. и отв. редактор Е.В.Попов. М., 1995.
8. **Ерасов Б.С. Социальная культурология. М., 2000.**
9. Розин В.М. Введение в культурологию. Учебное пособие для высшей школы. М., 1997.
10. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., 1994.
11. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
12. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства.(XVIII - началаXIX века). СПб., 1994. С. 5-16.
13. Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969.
14. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. М., 1983.

¹ Обязательная литература выделена жирным шрифтом

15. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998.
16. Юнг К.-Г. Психология бессознательного. М., 1994.
17. Гейзенберг В. Шаги в науку. Речи и статьи. М., 1987.
18. Формация или цивилизация // Сб. статей и материалов / Под ред. В.И.Овсянникова. М., 1993.

1. Задание

Выскажите свое отношение к следующим определениям культуры. Выберите из предложенной подборки то, которое наиболее созвучно вашим убеждениям и объясните ваш выбор. Распределите предложенные определения по группам, выделяя при этом самые важные, на ваш взгляд, признаки. Попробуйте дать собственное определение, аргументируйте вашу точку зрения.

«Культура в современном понимании есть совокупность материальных и духовных предметов человеческой деятельности, организационных форм, служащих обществу, духовных процессов и состояний человека и видов его деятельности».

«Культура – совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человечеством».

«Культура – деятельность людей по воспроизведению и обновлению социального бытия, а также включаемые в эту деятельность ее продукты и результаты. Социальное бытие не существует само по себе, безотносительно к его воспроизводству людьми; в этом, собственно, и состоит его отличие от природы». (Современный философский словарь. М., Бишкек; Екатеринбург. 1996. С.255)

«Культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле складывается из знаний, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества». (Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989. С.18)

«Восторгаясь успехами науки и практики, мы – увы! – пришли к ошибочной концепции культуры. Мы переоцениваем ее материальные достижения и не придаем значения духовному началу в той мере, в какой следовало бы. Но вот мы сталкиваемся с фактами, и они все больше заставляют нас задумываться. Беспощадно суровым языком они говорят нам, что культура, развивающая лишь материальную сторону без соответствующего прогресса духовного, подобна кораблю, который,

лишившись рулевого управления, теряет маневренность и неудержимо мчится навстречу катастрофе». (Швейцер А. Культура и этика // Антология культурологической мысли. М., 1996. С.221)

«Культура – это универсальный способ творческой самореализации человека через полагание смысла, стремление вскрыть и утвердить смысл человеческой жизни в соотнесенности его со смыслом сущего. Культура предстает перед человеком как смысловой мир, который вдохновляет людей и сплачивает их в некоторое сообщество. Этот смысловой мир передается из поколения в поколение и определяет способ бытия и мироощущения людей».

«Культура – исторически изменяющаяся в процессе исторического развития система производства духовных ценностей, их хранения, распределения и потребления, система, обеспечивающая на каждом этапе развития человечества определенное, дифференцированное, соответствующее конкретно-историческим социальным условиям духовное (интеллектуальное, эмоциональное, нравственное) формирование людей как деятельных членов общества и удовлетворение их духовных потребностей».

«Культура представляет собой деятельно-практическое единство человека с природой и обществом, определённый способ его природно-и социально-детерминированного деятельного существования».

«Воспитание человеческого рода – это процесс генетический и органический; процесс генетический - благодаря передаче, традиции, процесс органический – благодаря усвоению и применению переданного. Мы можем как угодно назвать этот генезис человека во втором смысле, мы можем назвать его культурой, т.е. возделыванием почвы, а можем вспомнить образ света и назвать его просвещением, тогда цепь культуры и просвещения протянется до самой земли. Различие между народами просвещенными и непросвещенными – не качественное, а только количественное». (Гердер И. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С.230)

«Культуры суть организмы. Всемирная история – их общая биография. Огромная история китайской или античной культуры представляет собой морфологически точное подобие микроистории отдельного человека, какого-нибудь животного, дерева или цветка... В судьбе отдельных, сменяющих друг друга, вырастающих друг воле друга, соприкасающихся, оттесняющих и подавляющих друг друга культур исчерпывается содержание всей человеческой истории... Культура рождается в тот миг, когда из прадушевного состояния вечно-

младенческого человечества пробуждается и отслаивается великая душа, некий лик из пучины безликого, нечто ограниченное и переходящее из безграничного и пребывающего. Она расцветает на почве строго отмежеванного ландшафта, к которому она остается привязанной чисто вегетативно. Культура умирает, когда эта душа осуществила уже полную сумму своих возможностей в виде народов, языков, вероучений, искусств, государств, наук и таким образом снова возвратилась в прадушевную стихию. Но ее исполненное жизни существование... представляет собой сокровенную, страстную борьбу за утверждение идеи против сил хаоса, давящих извне, против бессознательного, распирающего изнутри, куда силы эти злобно стянулись... Как только цель достигнута и идея, вся полнота внутренних возможностей, завершена и осуществлена вовне, культура внезапно коченеет, отмирает, ее кровь свертывается, силы надламываются – она становится цивилизацией.» (Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М., 1993. С.262. 264.)

«Культура... - понятие коллективное. Отдельный человек может быть носителем культуры, может активно участвовать в ее развитии, тем не менее по своей природе культура, как и язык, - явление общественное, то есть социальное. ...Культура есть форма общения между людьми... культура имеет, во-первых, коммуникационную и, во-вторых, символическую природу... область культуры – всегда область символизма... культура всегда, с одной стороны, определенное количество унаследованных текстов, а с другой – унаследованных символов...». (Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII- начало XIX века).

«Система понятий первоначально есть система, сопровождающая культ, - это суть развивающегося из самого культового действия, из “словесного” обряда, объясняющие культ мифа, так называемые эфимологические мифы, или же вспомогательные формы и термины Богослужения. Эти мифы, формулы, термины получают далее самостоятельный рост, автономно усложняются, отдаляются от культа, делаются светскими – литературными, научно-философскими сюжетами, формулами и терминами и, в конечном выветривании собственно религиозного обрядового действия, порождают светскую философию, светскую науку, светскую литературу». (П.Флоренский Богословские труды. М., 1977)

«Культура родилась из культа. Истоки её сакральны. Вокруг храма зачалась она и в органический свой период была связана с жизнью религиозной. Так было в великих древних культурах, в культуре греческой, в культуре средневековой, в культуре раннего Возрождения.

Культура благородного происхождения. Ей передался иерархический характер культа. Культура несет религиозные основы. Это нужно считать установленным с самой позитивной точки зрения». (Бердяев Н.А. *Философия неравенства*. М., 1991).

«Культура – исторически и социально обусловленное, отраженное в разнообразных продуктах человеческой деятельности отношение человека к природе, обществу и самому себе, побуждающее его к творчеству и обеспечивающее обществу возможность развиваться в быстро меняющемся мире».

2. Что значит античность – фундаментальная основа культурного развития человечества? Выскажите письменно свое отношение к следующим различным точкам зрения на эту тему. Выберите ту, которая Вас более устраивает, и обоснуйте свой выбор.

Одна из этих точек зрения принадлежит выдающемуся немецкому гуманисту *Винкельману*, это представление об абсолютной ценностной значимости античной культуры. С этой точки зрения, если довести её до логического завершения, компоненты античной культуры при условии, что христианские воззрения нашей культуры или продукты рационализма не привнесли в нее «добавления» или «преобразования», являются, во всяком случае виртуально, компонентами культуры как таковой, потому что в своей абсолютной ценностной значимости они должны казуально воздействовать на наше духовное формирование. Именно поэтому античная культура представляет собой, прежде всего, объект интерпретации для школьного обучения, для воспитания нации. Она превращает её в культурный народ. «Филология в самом широком её значении как «познание познанного» видит в античности нечто принципиально надысторическое, некую вневременную значимость».

Другая, современная точка зрения, прямо противоположная первой, гласит: культура античности в подлинном её своеобразии настолько бесконечно далека от нас, что совершенно бессмысленно стремиться дать «подавляющему большинству» понимание её истинной сущности. Она является объектом высокой ценности для тех немногих, кто хочет погрузиться в навсегда исчезнувшую, неповторимую в своих существенных чертах, высшую форму человечности, обрести от соприкосновения с этой культурой некое художественное наслаждение».

И, наконец, согласно третьей точке зрения, изучение древнего мира соответствует определенному направлению научных интересов, представляя богатейший этнографический материал для образования

общих понятий, аналогии, закономерностей развития в доистории не только нашей, но и «любой» культуры вообще. Достаточно вспомнить об успехах в наши дни сравнительной истории религии, которые были бы немыслимы без использования наследия древности на основе специальной филологической подготовки. С данной точки зрения античности уделяется внимание постольку, поскольку содержание её культуры может быть использовано в качестве средства познания при образовании общих «типов», но в ней не видят – в отличие от «понимания» второго типа – абсолютно неповторимого ценностного объекта индивидуального созерцания».

3. Какова связь между античным культурным наследием и классическим гуманитарным образованием? Какой смысл вкладывал А.С.Пушкин в слова, сказанные им с глубоким разочарованием «Я рву на себе волосы оттого, что нет у меня классического образования!» или Л.Н.Толстого, который в письме к А.И.Фету писал, прочитав «Илиаду» в переводе Н.И.Гнедича: «...можете торжествовать, без знания греческого и латыни не может быть подлинной образованности». Сравните следующие суждения и выскажите к ним свое отношение.

«Наша культура, поступки, мысли и чувства коренятся в духовном наследии античности, у истоков которой было греческое искусство, греческая поэзия, греческая философия и история. Позже, в эпоху христианства, вместе с формированием церкви этот тип духовности претерпел глубокие изменения, чтобы на исходе Средневековья, великолепно объединив христианское благочестие с духовной свободой античности, мысленно охватить весь мир как единый божий мир и далее в процессе географических открытий и развития естественных наук и техники радикально изменить его облик. В результате во всех сферах современной жизни, если только систематически, исторически или философски мы входим в суть дела, мы наталкиваемся на духовные структуры, восходящие к античности или христианству.

Вот почему в защиту классического гуманитарного образования можно сказать, что оно в высшей степени полезно, даже если в практической жизни не так уж часто возникает в нем нужда. Другие народы были столь же искушенными в практической деятельности как и греки, но что с самого начала отличало греков и их мышление от других народов – это способность обращать всякую проблему в принципиальную и тем самым занимать такую позицию, с точки зрения которой многообразие эмпирии можно было упорядочить

4. Какие особенности античной культуры предопределили ее присутствие в качестве составной части магистральных процессов развития культуры Европы и России?

5. Функции культуры: раскройте их содержание и дайте характеристику:

- адаптивная функция;
- функция производства новых норм, ценностей, значений и знаний и духовное творчество;
- функция накопления, хранения, передачи культуры и воспроизводства духовного процесса;
- функция целеполагания;
- коммуникативная и интегративная функции;
- социализирующая функция культуры;
- рекреативная или компенсаторная функция культуры;
- игровая функция культуры как существенный и специфический вид культурной деятельности.

6. Задание:

Соотношение понятий культуры и цивилизации. Марксистский и цивилизационный подходы к истории и теории культуры. Объясните, в чем состоит принципиальное различие этих подходов. Проиллюстрируйте ваши рассуждения цитатами из приведенных ниже текстов. Какой подход, по вашему мнению, является наиболее продуктивным для объяснения процесса развития культуры?

**Питирим Сорокин
(1889-1968)**

О концепциях основоположников цивилизационных теорий¹

П.Сорокин аналитически точно суммирует основные положения концепции Н.Данилевского, перелагая присущую тому специфическую языковую манеру начала второй половины XIX века на более современный и нейтральный язык. П.Сорокин по праву выделил Н.Данилевского как первого мыслителя, выдвинувшего содержательную концепцию «культурно-исторических типов», положившую начало одному из наиболее перспективных направлений изучения истории и культуры.

¹ Сравнительное изучение цивилизаций. М., 2001. С.38 и след.

1. Основные положения концепции Н.Данилевского

Н.Данилевский излагает свою теорию структуры и динамики «историко-культурных типов» не столько ради самой теории, сколько с целью объяснения гораздо более узкой проблемы: почему Европа (и Запад) постоянно остаются враждебными России? И он не находит рационального объяснения такого неприязненного отношения. Ответ Данилевского заключается в том, что Европа и Россия относятся к разным мирам, чуждым по отношению друг к другу.

Западная цивилизация в концепции Данилевского не имеет всеобщего характера, представляет собой лишь одну из нескольких великих цивилизаций, существовавших в истории человечества. Широко распространенная идея о том, что европейская цивилизация тождественна всеобщей цивилизации, основана на ошибочном положении, что только эта цивилизация является прогрессивной и творческой, - в отличие от всех остальных культур, которые рассматриваются как неподвижные и нетворческие.

Лишь немногие народы смогли создать цивилизации и стать «культурно-историческими типами». Н.Данилевский разделяет все народы в этом отношении на три варианта: 1) позитивные творцы истории, создавшие великие культурно-исторические типы; 2) негативные творцы истории, которые подобно гуннам, монголам или туркам, сами не создавали цивилизаций, но как «божий кнут» способствовали гибели дряхлых цивилизаций, разметав их остатки, чтобы затем вернуться в исходное ничтожество и исчезнуть с арены истории; 3) народы и племена, творческий дух которых по какой-то причине задержался на ранней стадии, и они остались на положении этнографического материала, используемого творческими народами для обогащения своих цивилизаций.

Н.Данилевский формулирует основные принципы и закономерности, которые регулируют процесс роста и упадка цивилизаций, деятельность народов, представляющих собой этнографический материал. В схематичном виде эти закономерности (получившие у него блестящую разработку) можно изложить следующим образом.

Закон 1. Всякое племя или семейство народов, характеризующееся отдельным языком или группой языков, близких между собою настолько, чтобы их сродство ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий, составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества.

Закон 2. Чтобы потенциальная цивилизация народа действительно была порождена и получила развитие, необходимо, чтобы народ имел политическую независимость.

Закон 3. Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам других типов. Каждый тип вырабатывает ее для себя, при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций.

Так, многочисленные попытки распространить античную цивилизацию на восточные народы потерпели крах.

Закон 4. Для реализации подлинно высокой культуры необходим разнообразный «этнографический материал».

Закон 5. Ход развития культурно-исторических типов имеет органический характер и напоминает жизнь многолетних растений, имеющих три жизненные стадии: длительный период роста, период культурного и политического самоопределения, а затем цветения и плодоношения. Достигнув расцвета как полного развития творческого потенциала, цивилизация исчерпывает свои силы и окаменевают, становится подверженной неразрешимым противоречиям, внутренним конфликтам и утрате веры.

По Н.Данилевскому, большинство цивилизации являются созидательными только в одной или нескольких областях деятельности и ни одна из них не проявила свою всесторонность. Так греческая цивилизация достигла непревзойденных высот в эстетической области и проявила творческое начало в философии, но не была творческой во многих других сферах. Семитская цивилизация достигла наивысших достижений в области религии, римская – в области права и политической организации, китайская в области практического устройства жизни, индийская – в сфере воображения, фантазии и мистики. Осуществив свою творческую миссию, цивилизация обречена на умирание как целостный творческий организм.

П.Сорокин подчеркивает значительное концептуальное сходство между построениями Н.Данилевского и О.Шпенглера, разделенными временным промежутком в полвека. В изложении П.Сорокина это сходство легче уловить, чем при чтении оригинальных текстов. Но, конечно, в этом аналитическом изложении не могли отразиться в полной мере интуитивные проникновения О.Шпенглера в символическое своеобразие основных великих культур и специфическая метафоричность его языка.

2.Основные положения концепции О.Шпенглера. Книга О.Шпенглера «Закат Европы», опубликованная в 1918 г., стала одним из наиболее влиятельных, противоречивых и устойчивых в своей популярности шедевров первой половины XX века в сфере культурной социологии, философии истории и немецкой философии. Хотя по своему общему характеру «Закат Европы» О.Шпенглера весьма отличается от работы Н.Данилевского «Россия и Европа», тем не менее основные концептуальные положения этих ученых сходны во всех важнейших пунктах.

Как и Н.Данилевский О.Шпенглер (1880-1936) высмеивает европейское деление истории на древнюю, средневековую и новую как «невероятно наивное и бессмысленное». Совершенный им, по его собственному выражению, «коперниковский переворот» состоит в том, что каждая высокая культура является настолько же значимой в схематике истории, как и западная, или «классическая» культура.

Подобно Н.Данилевскому, он рассматривает человеческую историю не как линейное развитие единой культуры, а как «драму, в которой участвует ряд мощных культур, с первобытной силой вырастающих из недр породившей их страны, к которой они строго привязаны на всем протяжении своего жизненного цикла».

«Культуры – это организмы, - утверждает О.Шпенглер, - а мировая история есть их коллективная биография». Они рождаются, растут, и, выполнив свое назначение, умирают. Каждая культура проходит в своем развитии через стадии, аналогичные стадиям развития живых организмов: детство, юность, зрелость и старость. Каждая культура имеет душу. Рождение культуры есть пробуждение великой души из протодуховности детского состояния человечества. Когда душа в полной мере реализовала всю совокупность своих потенций в форме народов, языков, учений, искусства, государств, наук, она умирает и возвращается в первоначальное состояние. Когда эти цели достигнуты, культура входит в свою последнюю стадию – стадию цивилизации. Характерными признаками цивилизации являются космополитизм и города-гиганты, приходящие на смену привязанности к дому, родственным отношениям и отечеству, научный атеизм или мертвая метафизика вместо истинной религии, масса вместо народа, деньги вместо плодородия земли и истинных ценностей, лозунг «хлеба и зрелищ» вместо религиозных и народных праздников, секс вместо материнства. Урбанизация, империализм, культ больших величин, синкретизм, жажда власти, классовая борьба, направленность на внешнее действие, а не углубленную работу – вот дополнительные характеристики цивилизационной стадии. В этом состоянии агонии или застоя цивилизации могут существовать еще длительное время. Иногда они могут даже переживать то, что А.Тойнби назвал «бабьим летом». Но в конце концов они возвращаются, по формулировке Н.Данилевского, в «простой этнографический материал», не имеющий ни истории, ни формы.

Перед смертью цивилизация переживает короткий период второй религиозности, приток новых религиозных течений, мистицизма и гностицизма, таких как культ Митры, Изиды, Солнца, или христианства (в Древнем Риме). Приход второй волны религиозности отмечает конец жизненного пути культуры, хотя может предвещать рождение новой культуры.

3. Основные положения концепции А.Тойнби. Теорию цивилизаций А.Тойнби можно рассматривать как кульминацию тех теоретических разработок, которые были проделаны Н.Данилевским и О.Шпенглером. Она была осуществлена независимо от их работ, основана на несравненно более широком историческом материале и является подлинным шедевром исторического и макросоциологического знания.

А.Тойнби начинает свое исследование с тезиса о том, что истинной областью исторического знания является не описание отдельных событий, сближенных в пространстве или времени, не история государств или политических систем или же человечества в целом, а цивилизация в ее религиозных, территориальных и политических характеристиках. Прежде всего, он рассматривает проблемы, связанные с зарождением цивилизаций.

Рождение цивилизации происходит при наличии двух специфических условий: присутствие в данном обществе творческого меньшинства и наличия среды, которая не является ни слишком неблагоприятной, ни слишком благоприятной. Механизм зарождения цивилизаций в таких условиях представляет собой взаимодействие вызова и ответа: окружающая среда непрерывно бросает вызов обществу, и общество через творческое меньшинство успешно отвечает на вызов и находит решение проблемы. Затем следует новый вызов и новый успешный ответ и т.д. В таких условиях общество постоянно находится в движении, которое и приводит его к цивилизации.

Следующий круг проблем связан с ростом цивилизаций. (...) А.Тойнби не видит связи между техническим прогрессом и развитием цивилизации. Подлинный рост цивилизации, по А.Тойнби, - это постоянный и кумулятивный процесс ее внутреннего самоопределения и самовыражения, возвышения ее ценностей и усложнение ее аппарата и технологий. (...)

Ф.Энгельс

«Происхождение семьи, частной собственности и государства»¹

«Происхождение семьи, частной собственности и государства» - одно из основных произведений марксизма. В этой работе дан анализ истории человечества на ранних этапах его развития, раскрыт процесс разложения первобытнообщинного строя и образования классового общества, основанного на частной собственности, показаны общие характерные черты этого общества, выяснены особенности развития семейных

¹ Энгельс Ф. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» М., Политиздат, 1978. С. 176 и далее.

отношений в различных общественно-экономических формациях, объяснены происхождение и сущность государства.

Глава IX: Варварство и цивилизация.

Возникнув на средней ступени дикости и продолжая развиваться на высшей ее ступени..., род достигает своего расцвета на низшей ступени варварства...Мы находим здесь, где примером должны служить нам американские краснокожие, вполне развившийся родовой строй. Племя делилось на несколько родов...эти роды распадаются каждый, по мере роста населения, на несколько дочерних родов.... Самое племя распадается на несколько племен, в каждом из них мы вновь встречаем прежние роды. Союз племен включает...родственные племена. Эта простая организация вполне соответствует общественным условиям, из которых она возникла... Величие родового строя, но вместе с тем и его ограниченность проявляются в том, что здесь нет места для господства и порабощения. Внутри родового строя не существует еще никакого различия между правами и обязанностями. Это приводит нас к рассмотрению экономического базиса этого строя.

Население в высшей степени редко... Разделение труда – чисто естественного происхождения; оно существует только между полами. Мужчина воюет, ходит на охоту, рыбную ловлю, добывает продукты питания в сыром виде и изготавливает необходимые для этого орудия. Женщина работает по дому и занята приготовлением пищи и одежды.

Но не везде люди остановились на этой ступени. В Азии они нашли животных, которых можно было приручать и в дальнейшем разводить в прирученном состоянии. У некоторых наиболее передовых племен – арийцев, семитов...- главной отраслью труда сделалось сначала приручение и лишь потом уже разведение скота и уход за ним. Пастушеские племена выделились из остальной массы варваров – это было *первое крупное общественное разделение труда*. ... Это впервые сделало возможным регулярный обмен. На более ранних ступенях развития мог происходить лишь случайный обмен. Главный предмет, которым обменивались пастушеские племена со своими соседями, был скот; скот сделался товаром, посредством которого оценивались все другие товары и который везде охотно принимался и в обмен на них – одним словом, скот приобрел функцию денег.

Огородничество, вероятно не известное жителям Азии, находившимся на низшей ступени варварства, появилось у них позднее..., как предшественник полеводства. ...если сначала зерно производилось для скота, то скоро оно стало пищей и для человека.

Обрабатываемая земля еще оставалась собственностью племени и передавалась в пользование сначала роду, позднее самим родом – домашним общинам, наконец, отдельным лицам; они могли иметь на нее известные права владения, но не больше.

Из достижений этой ступени в области промышленной деятельности особенно важное значение имеют два: первое – ткацкий станок, второе – плавка металлических руд и обработка металлов.

Увеличение производства во всех отраслях – скотоводстве, земледелии, домашнем ремесле – сделало рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем это было необходимо для поддержания ее. Вместе с тем оно увеличивало ежедневное количество труда, приходившееся на каждого члена рода, домашней общины или отдельной семьи. Появилась потребность в привлечении новой рабочей силы. Война доставляла ее: военнопленных стали обращать в рабов. Первое крупное общественное разделение труда вместе с увеличением производительности труда, а следовательно, и богатства, и с расширением сферы производительной деятельности при тогдашних исторических условиях, взятых в совокупности, с необходимостью влекло за собой рабство. Из первого крупного общественного разделения труда возникло первое крупное разделение общества на два класса – господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых.

Следующий шаг ведет нас к высшей ступени варварства, к периоду, во время которого все культурные народы переживают свою героическую эпоху, - эпоху железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора. Человеку стало служить железо, последний и важнейший из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории. Железо сделало возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов.... Произошло *второе крупное разделение труда*: ремесло отделилось от земледелия.

Различие между богатыми и бедными выступает наряду с различием между свободными и рабами, - с новым разделением труда возникает новое разделение общества на классы.

Возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью. Военный вождь народа – *rex*, *basileus*, *thiudans* – становится необходимым, постоянным должностным лицом. Появляется народное собрание там, где оно не существовало. Военачальник, совет, народное собрание образуют органы родового общества, развивающегося в военную демократию.

Мы подошли теперь к порогу цивилизации. Она открывается новым шагом вперед в разделении труда. На низшей ступени люди производили только непосредственно для собственного потребления; изредка происходившие акты обмена были единичны, касались только

случайно остававшихся излишков. На средней ступени варварства у пастушеских народов мы находим уже имущество в виде скота, которое...регулярно доставляет некоторый излишек над собственной потребностью; одновременно мы находим также разделение труда между пастушескими народами и отставшими племенами.... На высшей ступени варварства происходит дальнейшее разделение труда между земледелием и ремеслом, следовательно, производство все возрастающей части продуктов труда непосредственно для обмена, тем самым превращение обмена между отдельными производителями в жизненную необходимость для общества. Цивилизация упрочивает и усиливает все эти возникшие до нее виды разделения труда, особенно путем обострения противоположности между городом и деревней, и присоединяет к этому третье, свойственное лишь ей, разделение труда решающего значения – создает класс... купцов... А вместе с ним появляются металлические деньги, чеканная монета...

Так вместе с расширением торговли, вместе с деньгами и ростовщичеством, ...быстро происходила концентрация и централизация богатств в руках немногочисленного класса, а наряду с этим росло обнищание масс и возрастала масса бедняков. Родовой строй отжил свой век. Он был взорван разделением труда и его последствием – расколом общества на классы. Он был заменен *государством*.

Итак, согласно сказанному, цивилизация является той ступенью общественного развития, на которой разделение труда, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса товарное производство достигают полного расцвета и производят переворот во всем прежнем обществе.

Производство на всех предшествовавших ступенях общественного развития было по существу коллективным, равным образом и потребление сводилось к прямому распределению продуктов внутри больших или меньших...общин.

Но в этот производственный процесс медленно проникает разделение труда. Оно подрывает коллективный характер производства и присвоения, оно делает преобладающим правилом присвоение отдельными лицами и вместе с тем порождает обмен между ними. Постепенно товарное производство становится господствующей формой.

При товарном производстве, производстве уже не для собственного потребления, а для обмена, продукты по необходимости переходят из рук в руки. Когда же в роли посредника между производителями появляются деньги, а вместе с деньгами купец, процесс обмена становится еще сложнее.

Мы видели, как на сравнительно ранней ступени развития производства рабочая сила человека становится способной давать значительно больше продуктов, чем это необходимо для существования производителя, и что эта ступень развития в основном есть та самая ступень, на которой возникает разделение труда и обмен между отдельными лицами.

С появлением рабства...произошло первое крупное разделение общества на эксплуатирующий и эксплуатируемый классы.... Рабство – первая форма эксплуатации, присущая античному миру; за ним следуют: крепостничество в средние века, наемный труд в новое время.

Ступень товарного производства, с которой начинается цивилизация, экономически характеризуется: 1) введением металлических денег, а вместе с тем и денежного капитала, процента и ростовщичества; 2) появлением купцов как посреднического класса между производителями; 3) возникновением частной собственности на землю; 4) появлением рабского труда как господствующей формы производства. Цивилизации соответствует и вместе с ней окончательно утверждает свое господство новая форма семьи – моногамия, господство мужчины над женщиной и отдельная семья как хозяйственная единица общества. Связующей силой цивилизованного общества служит государство,... которое... является государством господствующего класса для подавления угнетенного, эксплуатируемого класса.

7. Задание.

Даны рисунки, схематически представляющие некоторые концепции возникновения и развития культуры¹. Определите, идеи

¹ В культурологии не существует единого понимания соотношения понятий «культура» и «цивилизация». Одна трактовка их взаимоотношения восходит к свойственному французским просветителям XVIII века *отождествлению этих понятий*, другая – к представлению Л.Моргана *о цивилизации как о высшей стадии развития культуры*, третья – к трактовке О.Шпенглером *цивилизации как последней фазы истории каждого локального типа культуры*. Основанием для предпочтения понятия «цивилизация» понятию «культура» может быть только узкая трактовка «культуры» как одной духовной деятельности. О неосновательности этого разрыва см. Строгоцкий В.М., Донин А.Н. Античность и проблемы мировой культуры. Ч. 1. Лекция 1, а также Каган М.С. Введение в историю мировой культуры. СПб., 2000. Кн.1. С.37-46. В большинстве современных книг по культурологии эти понятия используются как синонимы, термин «культура» в большей степени относится к проблемам, затрагивающим отдельную личность, как носителя определенной системы ценностей, а термин «цивилизация» чаще используется при анализе характерных черт социума, общества в целом. Подробнее о соотношении этих понятий см. стр. 26.

каких ученых они иллюстрируют и какие типы моделей культуры в них описаны.

Рисунок 1:

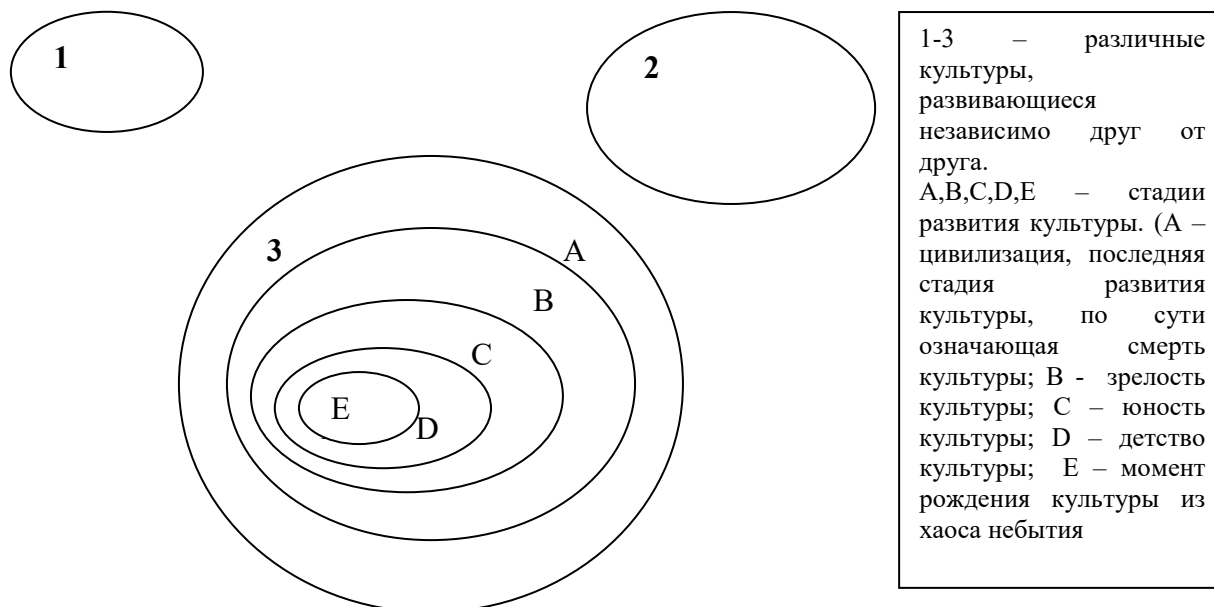
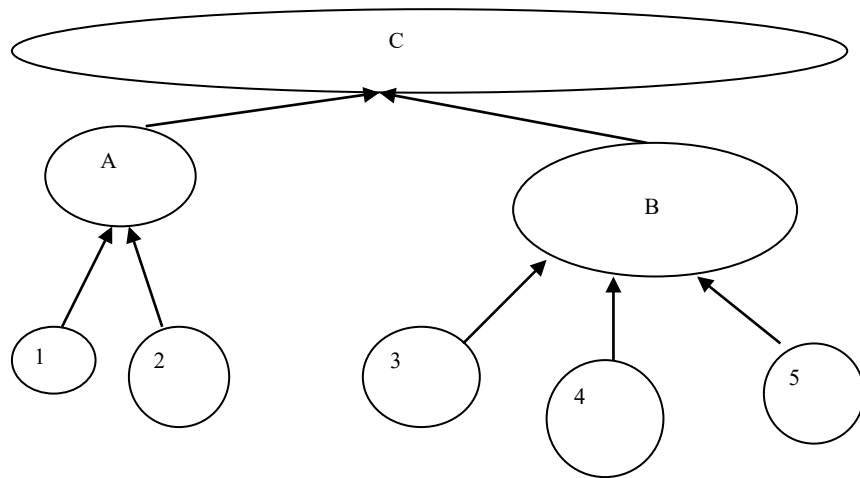
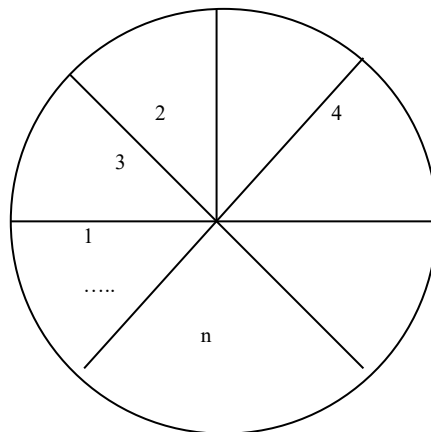

Рисунок 2:

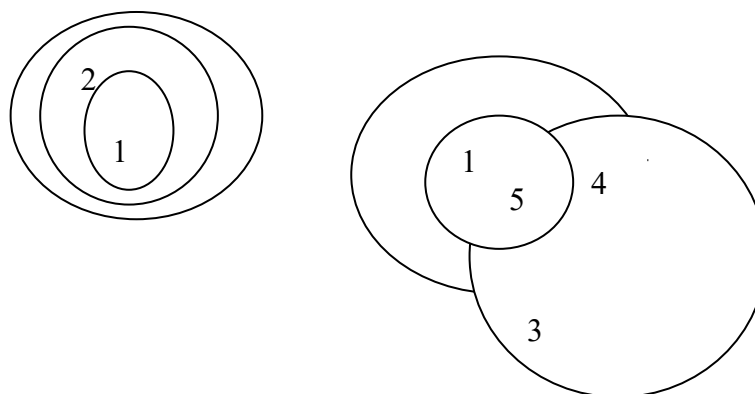

Рисунок 3:

1-5 – различные культуры, которые, в силу своего исторического развития и взаимодействия (добровольного или принудительного) друг с другом сливаются и объединяются в более развитые культуры А, В и С – единая глобальная цивилизация, которая вобрала в себя предшествующие культуры и является наивысшим этапом развития всех культур.

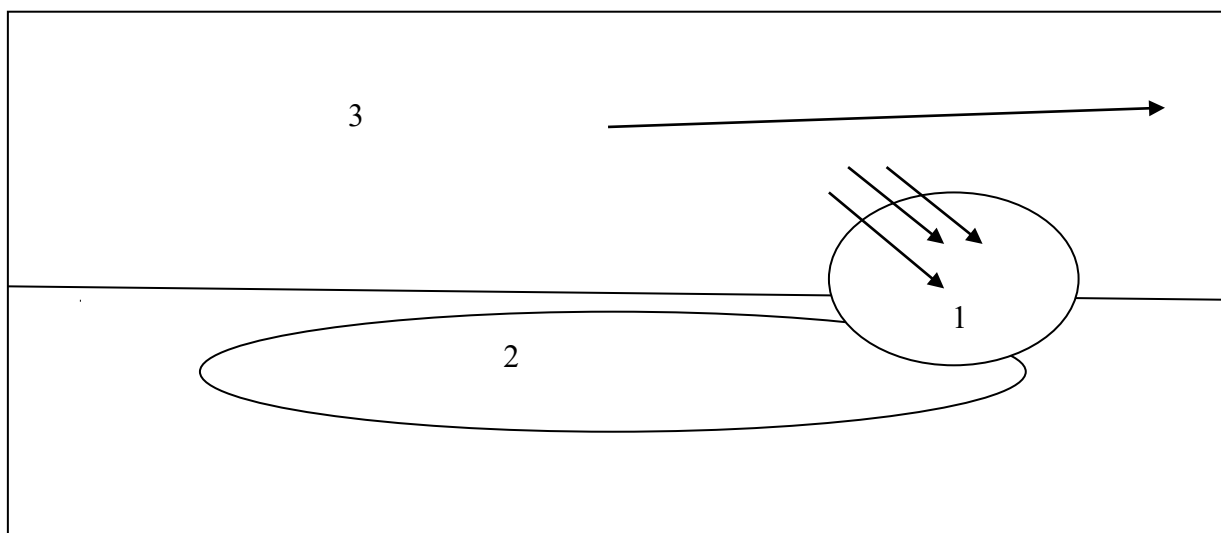
Рисунок 4:

1,2,3,4...n –
различные сферы
человеческой
деятельности,
например,
1- политика;
2 – экономика;
3 – религия;
4 – идеология и
т.д.

Рисунок 5:

1 – человек, 2 – культура; 3 – природа; 4 – область столкновения интересов культуры и законов природы; 5 – природное начало человека, испытывающее на себе воздействие культурных норм и запретов.

Культура находится между природой и человеком; с одной стороны она является средством защиты человека от природной стихии и средством выживания, а с другой – рычагом, регулирующим отношения между человеком и природой самого человека. Природа является составной частью человека как биосоциального существа и является материалом, который необходим для возникновения и функционирования культуры.

Рисунок 6:

1 – этнос; 2 – культура – след, который оставляет после себя этнос в процессе развития; 3 – космос, который влияет на процесс возникновения и развития этноса; → - направление развития этноса.

Рисунок 7:**8. Задание.**

Изобразите схематично, по аналогии с предыдущим заданием, основные культурологические идеи возникновения и функционирования культуры.

- **Культурологическая концепция Э.Кассирера**

Культура понимается Кассирером как продукт символической деятельности человека, в свою очередь опосредованный символикой речи. Кассирер полагает, что «символ – ключ к природе человека». «У человека между системой рецепторов и эффекторов, которые есть у всех видов животных, есть и третье звено, которое можно назвать символической системой. Это новое приобретение целиком преобразовало всю человеческую жизнь. По сравнению с другими животными человек живет не просто в более широкой реальности – он живет как бы в новом измерении реальности»¹. Кассирер проводит различие между органическими реакциями и человеческими ответами. В первом случае на внешний стимул дается прямой и непосредственный ответ; во втором – ответ задерживается и запаздывает из-за сложного процесса человеческого мышления. «Человек...живет не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия – части этого универсума, те разные нити, из которых сплетается символическая сеть, сложная ткань человеческого опыта... Человек уже не противостоит реальности непосредственно, он не сталкивается с ней лицом к лицу. Физическая реальность как бы

¹Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 28.

отдаляется по мере того, как растет символическая активность человека»¹.

С точки зрения Кассирера, человеческое бытие протекает в символических формах. В отличие от животных, которые реагируют на внешний стимул непосредственно, человек подвергает его мысленной обработке. Человеку присущ символический способ общения с миром. Символические формы - это, по Кассиреру, те средства, которые отделяют человека от мира и одновременно соединяют человека с миром; символические формы позволяют человеку упорядочить окружающий его мир, упорядочить хаос, в виде которого этот мир поначалу предстает перед человеком; символические формы дают представление о предметной действительности; деятельность человека (социума) всегда опосредована сферой символических форм; в основе развития символических форм лежит деятельность человека, его способность создавать и развивать орудия труда и в связи с этим формировать новые потребности (которые носят чисто человеческий характер и отличают человека от остального биологического мира); культура по Кассиреру является системой символических форм, позволяющая человеку упорядочить внешний космос.

• Культурологическая теория П.Я.Чаадаева.

Культурологическая концепция П.Я.Чаадаева, которую В.Зеньковский назвал «богословием культуры»², основана на мистицизме и провиденциализме. Чаадаев говорит об «историчности» христианства: «Христианство является не только нравственной системой, но и вечной божественной силой, действующей универсально в духовном мире»,... «Историческая сторона христианства заключает в себе всю философию христианства». Все, что есть в человеческой жизни повинует мистической силе провидения, которое через христианство и христианскую церковь мистическим образом реализуется в мире. Христианская церковь претворяет на земле нравственный закон христианства и способствует нравственному и общекультурному прогрессу человечества. Свет разумности хранится в социальной среде и передается через нее отдельному индивиду, отдельной национальной культуре. Отказавшись от истинных ценностей христианства, некоторые народы (например русский народ) отклоняются в своем развитии и выбирают ложную дорогу в культуре. (Анализ философии культуры П.Я.Чаадаева см.: Зеньковский В.В. История русской философии: в 2-х томах. Т.1. Ч.1 С.161-184).

¹ там же. С. 29.

² Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Ч.1. С.167.

• **Культурологические взгляды К.-Г. Юнга.**

Культура и природа в идеале должны находиться в равновесии, потому что, по мысли Юнга, нарушение этого равновесия приводит к разрушительным последствиям как по отношению к отдельной личности, так и к культуре и к природе в целом. Внутренний мир человека как биосоциального существа охвачен сферой культуры в той же мере, как и сферой природы. Коллективное бессознательное, которое, по мнению Юнга, находится в основе сознательного и подсознательного процессов в общественной жизни, структурировано как система архетипов, представляющих собой мифологические системы восприятия, познания человеком окружающего его мира. Творческий процесс создания произведений культуры, по мнению Юнга, «автономный комплекс», благодаря которому человек создает образы в искусстве, развивает культуру. Вся культура полагается им как результат творческой деятельности человека.

9 . Задание:

Прочтите приведенные ниже фрагменты текстов и ответьте на вопрос, каково соотношение понятий культура и цивилизация?

Сравните суждения В.Каволиса, Э.Калло и А.Швейцера о соотношении этих понятий, выделите наиболее важные, с вашей точки зрения, положения в их рассуждениях.

Сравните представления этих авторов с рабочим определением цивилизации, приведенным в учебном пособии по курсу «Культурология»: Строгеекий В.М., Донин А.Н. «Античность и проблемы мировой культуры»:

Цивилизация – это достигнутый благодаря человеческой деятельности относительно высокий уровень экологического, материального и духовного развития общества, обусловленный особенностями взаимоотношения общества с природой, другими обществами, своеобразием социально-психологического склада носителей цивилизации, образом жизни и способом мышления.¹

**Виктор Каволис
(1930-1997)**

Виктор Каволис - видный специалист в области теории цивилизаций, профессор по сравнительному изучению цивилизаций в Дикинсон колледже, президент Международного общества сравнительного изучения

¹ Строгеекий В.М., Донин А.Н. Античность и проблемы мировой культуры., Нижний Новгород, 2002. Ч.1. С.47.

цивилизаций (1977-1983). Данный фрагмент приведен из книги В.Каволиса, опубликованной в 1955 г. В.Каволис дает в социологических формулировках выражение того важного обстоятельства, что цивилизация представляет собой некоторое надличностное и надгрупповое начало, придающее некоторую общую определенность обществу, вмещающую разные компоненты и варианты, но тем не менее предстающее как некоторая исторически изменяющаяся целостность.

Основные положения общей теории цивилизаций¹

Цивилизация как определяющее начало в устройении культуры

Предмет цивилизационного анализа

Цивилизация может быть определена как сочетание крупных социальных институтов и символических структур, которые в результате длительного исторического развития соединились друг с другом как компоненты целостного эмпирически данного образования. Они могут рассматриваться как наиболее крупные постижимые единицы анализа, относящиеся к значимым, т.е. символически организованным, образованиям, которые выходят за пределы локального общества или конкретных культур и охватывают некую «сверхкультуру». (...)

Э. Калло

Культурное наследие в его ценностном выражении – вот что Э.Калло, французский специалист по философии истории, считает наиболее существенной основой цивилизации.

Культурное наследие как основа цивилизации²

Основным принципом всякой цивилизации является поддержание социальной жизнедеятельности на основе ценностных критериев. Поэтому необходимо выяснить, как же осуществляется такого рода деятельность, а это означает выявить глубинную основу, кроющуюся за жизненными проявлениями и определяющую эволюцию общества. (...)

Цивилизация покоится на традициях, образующих устойчивый базис тех верований, на которые люди опираются как на незапамятное и надежное достояние, чтобы ориентироваться в жизни и совладать с повседневными заботами и новыми задачами. Живая вера в устоявшиеся ценности, постоянно признаваемые как подлинные, постоянно поддерживаемые и утверждаемые, - таков глубинный механизм цивилизации, проходящий через все ее изменения. (...)

¹ Сравнительное изучение цивилизаций. М., 2001. С.72.

² там же. С.83.

Альберт Швейцер (1875-1965)

Становление культурологических взглядов А.Швейцера проходило в русле критики европейской философии второй половины XIX в. за утрату ею культурно-творческих ценностей и ориентиров. Позитивизм и сциентизм, по мысли Швейцера, ложно ориентировали культуру на приоритетное развитие материально-технологической ее стороны в ущерб духовной. Среди причин упадка европейской духовной культуры начала XX века Швейцер указывал на утрату человеком творческой сущности труда в процессе конвейеризации и механизации промышленного производства.

Швейцер связывал возникновение и развитие культуры с творческой деятельностью человека и расширением и упрочением солидарности между людьми.

А.Швейцер выступает твердым сторонником понимания цивилизации как духовного и этического начала, существующего независимо от материальных сторон жизни общества. Даже в терминологическом плане он отвергает целесообразность противопоставления цивилизации культуре и отстаивает существенное значение этических принципов в функционировании всякой цивилизации.

Об этических основах цивилизации¹

Что такое цивилизация? В качестве наиболее общего определения мы можем сказать, что цивилизация означает материальный и духовный прогресс в жизни как индивидов, так и массы людей. В чем же он состоит? Прежде всего - в уменьшении бремени, испытываемого индивидами и массой в борьбе за существование. Установление благоприятных жизненных условий для всех – необходимое требование как само по себе, так и предпосылка духовного и морального совершенствования индивидов и общества, что и является конечной целью цивилизации.

Относительно расхождения понятий «культура» и «цивилизация»

Попытки провести различие между цивилизацией как тем, что немцы называют Kultur, и цивилизацией как всего лишь материальным прогрессом направлены на то, чтобы ознакомить мир с идеей неэтической формы цивилизации наряду с этической и придать первой исторический смысл. Однако ничто в истории слова «цивилизация» не оправдывает таких попыток. В обычном употреблении слово «цивилизация» означает то же, что и немецкое «Kultur», а именно достижение высокого уровня развития и высоких моральных принципов. В некоторых языках отдается предпочтение одному слову, в других – другому. Немцы обычно говорят о

¹ Отрывок приведен по: Сравнительное изучение цивилизаций. М., 2001. С.84.

«Kultur», французы обычно о «цивилизации», однако проводить различие между ними не оправдано ни в филологическом ни в историческом планах. Мы можем рассуждать об этических и неэтических сторонах культуры или об этических или неэтических сторонах цивилизации, но не об отличии «Kultur» и «цивилизации».

Как же произошла утрата представлений об этике как об определяющем смысловом и ценностном начале в цивилизации? Все развитие цивилизации представляло собой доныне процесс, в котором силы прогресса были задействованы почти во всех сферах жизни. Крупные достижения в искусстве, архитектуре, управлении, экономике, промышленности, торговле и колонизации следовали друг за другом, сопровождаясь духовным прорывом, означавшим более высокий уровень понимания универсума. Любое приращение имело как материальную, так и этическую и духовную стороны, и упадок ощущался в первой, как правило, раньше, чем во второй.

В том цивилизационном движении, которое началось с Ренессансом, были задействованы, как бы соревнуясь друг с другом, как материальная, так и духовно-этическая стороны прогресса. И это продолжалось до начала XIX века. Однако затем произошел беспримерный разрыв с предшествующей историей: этическая энергия понизилась, а достижения в интеллектуальной и материальной сферах резко ускорились. И после этого в течение нескольких десятилетий наша цивилизация осваивает огромные блага материального прогресса, но вместе с тем лишь смутно ощущает последствия отмирания этических принципов. В этих условиях наш век, не склонный предаваться размышлениям, утвердился во мнении, что цивилизация состоит прежде всего в научных, технических и художественных достижениях и что он может достичь своей цели без этики или же, во всяком случае, с минимальным обращением к ней.

Семинар № 2

Тема: Природа, общество и культура.

Вопросы для обсуждения:

1. Определение понятия «географическая среда» и его содержание.
2. Роль теории географического детерминизма в историко-культурном развитии человечества.
3. Взаимоотношения человека с окружающей средой в эпоху древних цивилизаций.
4. Влияние христианства на связь человека с природой.

5. Европейская цивилизация нового времени и теории, объясняющие взаимоотношения человека и природы.
6. Научно-техническая революция XX века и «глобальная империя человека».
7. Теория биосферы и ноосферы. Римский клуб и шесть глобальных задач, стоящих перед человечеством.

Литература:¹

1. **Строгецкий В.М., Донин А.Н. Античность и проблемы мировой культуры. Учебное пособие в 3-х частях.**
2. Ерасов Б.С. Социальная культурология. М., 2000.
3. Гуревич П.С. Культурология. Элементарный курс. М., 2001. С.32-43.
4. Ахутин А.В. Понятие «природа» в античности и в Новое время. М., 1988.
5. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990.
6. Хесле В. Философия и экология. М., 1994.
7. Каган М.С. Философия культуры. СПб., 1996. С.55-94.
8. **Сенюткина О.Н. Учебное пособие по курсу «История цивилизаций» Часть 1. Н.Новгород, 1999.**
9. Вернадский В.И. Живое вещество и биосфера. М., 1994.
10. Вернадский В.И. Биосфера и Ноосфера. М., 1989. С. 145-242, 8-26, 132-138.
11. Блаватский В.Д. Природа и античное общество. М., 1976. С. 3-58.
12. Игнатовская Н.Б. Природа как ценность культуры. М., 1987. С. 7-35.
13. Лихачев Д.С. Раздумья. М., 1996. С.197-212.
14. Моисеев И.Н. Экология человечества глазами математика. М., 1988. С. 7-48, 163-245.
15. Моисеев И.Н. Человек и Ноосфера. М., 1990. С. 20-25, 223-226, 238-350.

Материалы для обсуждения.

Тит Лукреций Кар (около 95-55 до н.э.) О природе вещей²

В прилагаемых отрывках из пятой книги философской поэмы «О природе вещей» Тит Лукреций Кар рассказывает о возникновении на земле

¹ Обязательная литература выделена жирным шрифтом

² Лукреций Кар Т. О природе вещей. М., 1983.

человека, о сопутствующих ему первых проявлениях культуры: использовании огня, возникновении одежды, примитивных жилищ, семьи, языка, музыки, ремесел, первых поселений. Далее утверждается, что необходимость привела людей к возникновению мореплавания, других жизненных удобств, и что «мастерство, наконец, их доводит до высших пределов». Лукреций пытается объяснить естественным образом возникновение и развитие общества, в его взглядах можно видеть признаки эволюционизма: человеческое общество развивается поступательно, выделяясь и отдаляясь от природы.

Вопросы:

- 1. Какими факторами Лукреций объясняет возникновение и развитие общества, можно ли видеть в его взглядах признаки эволюционизма? Проиллюстрируйте ваши рассуждения соответствующими цитатами.**
- 2. В чем заключается историко-культурное значение поэмы, происхождение каких элементов культуры раскрывает автор в тексте этой поэмы? Подтвердите ваши рассуждения соответствующими цитатами.**
- 3. Как изменяется положение человека в природе с развитием человеческого общества и усовершенствованием техники? Приведите соответствующие цитаты.**

(...) Люди еще не умели с огнем обращаться, и шкуры,
Снятые с диких зверей, не служили одеждой их телу;
В рощах, в лесах или в горных они обитали пещерах
И укрывали в кустах свои заскорузлые члены,
Ежели их застигали дожди и ветра порывы.
Общего блага они не блюли, и в сношениях взаимных
Были обычаи им и законы совсем неизвестны.
Всякий, добыча кому попадалась, её произвольно
Брал себе сам, о себе лишь одним постоянно заботясь.
И сочетала в лесах тела влюбленных Венера.
Женщин склоняла к любви либо страсть обоюдная, либо
Грубая сила мужчин и причем неуёмная похоть,
Или же плата такая, как желуди, ягоды, груши.
На несказанную мощь в руках и в ногах полагаясь,
Диких породы зверей по лесам они гнали и били
Крепким тяжелым дубьем и бросали в них меткие
камни;
Многих сражали они, от иных же старались укрыться.
Телом своим загрубелым, подобно щетинистым вепрям,
Наземь валились спать нагишом с наступлением ночи
И зарывались в листву или ветви густые деревьев

С воплями громкими дня или солнца они не искали,
 В мраке ночном по полям пробираясь, объятые страхом,
 Но ожидали, в молчаньи и в сон погружившись
 глубокий,
 Как небеса озарит светильником розовым солнце.
 Ведь с малолетства уже присмотрелись они и привыкли,
 Что нарождаются свет и потемки друг другу на смену,
 А потому никогда не могло появиться сомненье
 Иль опасенье у них, чтобы вечная не распростерлась
 Ночь над землею и свет от солнца не сгинул навеки.
 Больше заботы им то причиняло, что дикие звери
 Часто тревожили их не давая несчастным покоя.
 Крова лишаясь они из-под каменных сводов бежали
 При появлении могучего льва иль вспененного вепря
 И уступали глухой полуночью свирепым пришельцам,
 В ужасе диком свои листвою покрытые ложа.
 Да и не чаще тогда, чем теперь, поколения смертных
 Сладостный свет бытия оставляли со стоном
 печальным.
 Правда тогда человек, в одиночку попавшись, чаще
 Пищу живую зверям доставлял и, зубами пронзенный,
 Воплем своим оглашал и леса, и дубравы, и горы,
 Видя как мясом живым он в живую уходит могилу. (...)

Но не губила зато под знаменами тысяч народа
 Битва лишь за день один. Да и бурные моря равнины
 Не разбивали судов и людей о подводные камни...
 Дерзкое людям совсем мореходство неведомо было.
 Скудная пища тогда предавала слабевшие члены
 Смерти. Напротив, теперь излишество нас убивает
 Те наливали себе по неведенью часто отраву
 Сами, а ныне другим дают её с большим искусством.
 После, как хижины, шкуры, огонь себе люди добыли,
 После того, как жена, сочетавшись с мужем, единым
 Стала хозяйством с ним жить, и законы супружества
 стали
 Ведомы им, и они свое увидали потомство,
 Начал тогда человеческий род впервые смягчаться.
 Зябкими сделал огонь их тела, и они перестали
 Так уж легко выносить холода под небесным покровом.
 Да и Венера их мощь ослабляла, и ласкою детям
 Грубый родителей нрав сломить без труда удавалось.
 Там и соседи сводить стали дружбу, желая взаимно
 Ближним не делать вреда и самим не терпеть от
 насилия. (...)

Что же до звуков, какие язык произносит, - природа
 Вызвала их, а нужда подсказала названия предметов
 Тем же примерно путем, как и малых детей, очевидно,
 К телодвиженьям ведет неспособность к словам,
 понуждая
 Пальцем указывать их на то, что стоит перед ними. (...)

Что же тут странного в том, наконец, если род
 человеков
 Голосом и языком одаренный. Означил предметы
 Разными звуками все, по различным своим ощущениям?
 Ведь и немые скоты и даже все дикие звери
 Не одинаковый крик испускают, а разные звуки,
 Если охвачены страхом иль чувствуют боль или
 радость. (...)

Стало быть, коль заставляют различные чувства
 животных
 Даже при их немоте испускать разнородные звуки,
 Сколь же естественней то, что могли первобытные
 люди
 Каждую вещь означать при помощи звуков различных!
 Во избежанье с твоей стороны молчаливых вопросов,
 Знай же, что смертным огонь принесен на землю
 впервые
 Молнией был. От нее и расходится всякое пламя.
 Видим ведь много вещей, огнем небесным объятых,
 Блещут ударом с небес пораженные, вспыхнув от жара.
 (...)

День ото дня улучшать пищу и жизнь научали
 Те, при посредстве огня и всяческих нововведений,
 Кто даровитее был и умом среди всех выдавался.
 Начали строить цари города, воздвигать укрепления,
 В них и оплот себе находя и убежище сами;
 И поделили поля и скотину они, одаряя
 Всех по наружности их и по их дарованиям и силам,
 Ибо наружность тогда почиталась и славились силы.
 Позже богатство пришло и золото было открыто,
 Что без труда и красивых и сильных лишило почета,
 Ибо за тем, кто богаче, обычно следуют свитой
 Те, кто и силой своей и красотой богачей превосходит.
 Тот же, кто в жизни своей взял кормилом истинный
 разум,
 Тот обладает всегда богатством умеренной жизни;
 Дух безмятежен его, и живет он, довольствуясь малым.
 Люди же вместо того устремились ко славе и власти,

Думая этим себе благоденствие твёрдо упрочить
И проводить свою жизнь при достатке в спокойствии
полном.

Тщетно! Все те, кто достичь до вершины почета
стремятся,
Гибельным сделали путь по дороге, к нему восходящей.
С самых почета высот будто молнией их поражает
Зависть и в Тартара мрак низвергает нередко
крошечный.

Зависть ведь чаще всего зажигает, как молния, выси,
Все, что стоит над другим и вершиной своей выдается,
Лучше поэтому жить, повинувшись в спокойствии полном,
Нежели власти желать верховной и царского сана.
Пусть же напрасно они обливаются потом кровавым,
Изнемогая в борьбе на пути честолюбия узком:
Все разуменье свое из чужих они уст почерпают,
Слушают мненья других, а собственным чувствам не
внемлют.

Было так прежде, так есть и теперь, и впоследствии
будет.

По убиении царей ниспровергнуты в прахе лежали
Гордые скипетры их и бывшее величие тронов,
И украшение державной главы, обогранные кровью,
Под ноги черни упав, за великую почесть платилось:
Жадно ведь топчется то, что недавно ужас внушало.
Смуты настали затем и полнейший беспорядок:
Каждый ко власти тогда и к господству над всеми
стремился.

Некие люди затем избранью властей научили
И учредили права, дабы люди держались законов.
Род же людской до того истомился насильем вечным
И до что изнемог от раздоров, что сам добровольно
Игу законов себя подчинил и стеснительным нормам.
Каждый ведь сам за себя порывался во гневе жесточе
Мстить, чем теперь это нам позволяет закон
справедливый. (...)

Ну а причину того, что богов почитанье в народах
Распространилось везде, города алтарями наполнив,
И учредился обряд торжественных богослужений,
Ныне в особых местах совершаемых в случаях важных,
Также откуда теперь еще в смертных внедрен этот ужас,
Что воздвигает богам все новые капища всюду
На протяжении земли и по праздникам их наполняет, -

Всё это здесь объяснить не составит больших затруднений.

Дело ведь в том, что уже и тогда поколения смертных
Дикие лики богов случалось и бодрствуя видеть
Иль еще чаще во сне изумляться их мощному стану.

(...)

И в сновиденьях еще представлялось людям, что боги
Много великих чудес совершают без всяких усилий.

Видели, кроме того, что вращение неба и смена
Года различных времен совершаются в строгом
порядке,

Но не могли распознать, почему это так происходит,

И прибегали к тому, что богам поручали все это,

Предполагая, что все направляется их мановеньем.

В небе жилища богов и обители их помещали,

Видя, что ночь и луна по небесному катятся своду. (...)

Древним оружием людей были руки, ногти и зубы,

Камни, а также лесных деревьев обломки и сучья,

Пламя затем и огонь, как только узнали их люди.

Силы железа потом и меди были открыты,

Но применение меди скорей, чем железа. Узнали:

Легче её обработка, а также количество больше.

Медью и почву земли бороздили, и медью волнение

Войны поднимали, и медь наносила глубокие раны;

Ею и скот и поля отнимали: легко человекам

Вооруженным в бою безоружное все уступало.

Мало-помалу затем одолели мечи из железа,

Вид же из меди серпа становился предметом насмешек;

Стали железом потом и земли обрабатывать почву

И одинаковым все оружием в битве сражаться.

Прежде верхом на коня садился в оружии всадник

И, управляя ездой, он правою бился рукою;

Позже в обычай вошло в колесницах двуконных

сражаться,

После же к паре коней припрягать еще пару другую

И в серпоносных нестись колесницах в опасную битву.

(...)

Шкуры одеждой сперва, а потом уже ткани служили.

Ткань появилась поздней, уже после открытия железа,

Ибо нельзя без него для тканья изготовить орудий –

Гладких цевок, челноков и звонких навоев.

Выделке пряжи мужчин научила сначала природа

Раньше, чем женщин, затем, что искусней гораздо

мужчины.

Да и способней их пол в его целом к художествам
разным.

Но земледельцы потом суровые этой работой
Стали гнушаться и всю ее отдали в женские руки,
Выбрав при этом себе исполнение грубой работы,
И закалили во грубом труде свои руки и мышцы. (...)
Звонкому голосу птиц подражать научились устами
Люди задолго пред тем, как стали они в состояньи
Стройные песни слагать и ушам доставлять
наслажденье.

Свист же Зефира в пустых стеблях камышовых впервые
Дуть научил поселян в пустые тростники цевницы.
Мало-помалу затем научились и жалобно-нежным
Звукам, какие свирель из-под пальцев певцов изливает, -
В непроходимых лесах обретенная в рощах и долах, -
В отдыха сладостный час на пастбищ просторе
пустынном.

Всем этим люди тогда услаждались и тешили души,
Пищей насытившись: все в это время забавы по сердцу.
(...)

Жизнь проводили уже за оградой крепкою башен
И, на участки разбив, обрабатывать начали землю,
Море тогда зацвело кораблей парусами, и грады
Стали в союзы вступать и взаимно оказывать помощь
Как появились певцы, воспевавшие века деянья;
А незадолго пред тем изобретены были и буквы.
Вот отчего мы о том, что до этого было, не знаем
Иначе, как по следам, истолкованным разумом нашим.
Судостроенье, полей обработка, дороги и стены,
Платье, оружие, права, а также и все остальные
Жизни удобства и всё, что способно доставить усладу:
Живопись, песни, стихи, ваянье искусное статуй –
Всё это людям нужда указала, и разум пытливый
Этому их научил в движеньи вперед постепенном.
Так изобретенья все понемногу наружу выводит
Время, а разум людской доводит до полного блеска.
Видели ведь, что одна за другой развиваются мысли,
И мастерство наконец их доводит до высших пределов.

Линн Уайт мл.

Исторические корни нашего экологического кризиса¹

Книга Л.Уайта представляет собой попытку рассмотреть проблему человеческой деятельности и ее воздействия на природу. Он утверждает, что при нынешнем состоянии экологических исследований мы не способны установить, где и когда человек осуществил решающие изменения в жизни природы и какой вклад он внес в формирование нынешней экологической ситуации. Однако основную причину кризиса он видит в господстве в Европе христианства.

Вопросы:

1. Чем, по мнению Л.Уайта, античное языческое мировоззрение принципиально отличалось в восприятии окружающей природы от мировоззрения средневекового христианского?
2. Какие христианские догматы, по мнению Л.Уайта, являются причиной экологического кризиса?
3. Какой вклад в формирование господствующего в европейской культуре отношения к природе внесла эпоха Средневековья?
4. Какие принципиально новые для западного христианства идеи высказывал Франциск Ассизский? В чем их значение по мнению Л.Уайта? Подтвердите ваши рассуждения соответствующими цитатами.

... развитие техники и естественных наук началось, обрело самостоятельный характер и достигло мирового преобладания еще в Средние века. Поэтому мы считаем, что невозможно понять их природу и нынешнее влияние на экологическую ситуацию, если не проанализировать основные категории средневекового мышления и следствия из них.

Средневековый взгляд на человека и природу.

До недавнего времени сельское хозяйство было основным делом даже для так называемых «передовых» обществ, поэтому большое значение имеет любое изменение в способах обработки земли. Самые передовые плуги, в которые запрягали по два вола, обычно не переворачивали почву, а только разрывали ее поверхность. Это требовало повторной пахоты поперек предыдущей, и в результате поля покрывались сетью продольно-поперечных борозд. На сравнительно легких почвах и в условиях полусухого климата Ближнего Востока и

¹ White L., Jr. The Historical Roots of Our Ecologic Crisis. – “Science”, 1967. Vol. 155, № 3767, p. 1203-1207.// Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990.

Средиземноморья такой способ обработки почвы оправдывал себя. Но для влажного климата и вязких почв северной Европы он не годился. Во второй половине VII века после рождения Христова северные крестьяне вслед за неведомым инициатором все чаще стали использовать совершенно новый вид плуга, оснащенного вертикальным лезвием для прорезания линии борозды, горизонтальным лемехом для отрезания почвы на ее глубине и отвалом, чтобы переворачивать.

Трение такого плуга о почву было столь велико, что для нормальной работы нужны были не два, а восемь волов. Поперечная вспашка уже была не нужна, и поля покрылись длинными бороздами.

Используя прежний плуг, крестьяне распределили между собой землю так, чтобы каждая семья получила поле, достаточное для ее обеспечения. Это и было предпосылкой производства. Но никто из крестьян не располагал восемью волами, и крестьяне стали объединять своих волов в большие упряжки, получая на долю каждого такое число вспаханных полос, которое соответствовало его вкладу. В итоге распределение земли основывалось уже не на нуждах каждой семьи, а скорее на силовых возможностях техники обработки земли. Отношение человека к почве основательно изменилось. Прежде он был частью природы, а теперь он стал ее эксплуататором. Нигде в мире подобная сельскохозяйственная техника тогда не внедрялась. И разве случайно совпадение с тем, что и современная техника со всей ее безжалостностью к природе была столь во многом создана именно наследниками тех крестьян Северной Европы?

То же самое отношение эксплуатации появилось в западных иллюстрированных календарях незадолго до 830 года. В ранее существовавших календарях месяцы изображались в виде пассивных персонификаций. Новые французские календари стали совершенно другими: в них показаны образцы обуздания человеком природы в разных видах деятельности – как люди пахут, собирают урожай, рубят деревья, забивают свиней. Подобные календари определяли стиль Средних веков в целом, в них человек и природа – вещи разные, и человек господствует.

Эти новшества вполне согласуются со стереотипами мышления более широкого характера. То, как люди обращаются со своим окружением, зависит от того, что они думают о самих себе и о своих связях с вещами вокруг себя. Экологические отношения человека глубоко обусловлены его верованиями относительно своей природы и судьбы, то есть религией. Для западного человека это становится совершенно очевидным, как только он оказывается, например, в Индии или на Цейлоне. Столь же верно это и в отношении как нас самих, так и наших средневековых предшественников.

Победа христианства над язычеством явилась величайшей революцией сознания в истории нашей культуры. Ныне же мы все уже

живем — независимо от того, хорошо это или плохо, - в «постхристианскую» эпоху. Конечно, формы нашего мышления и языка в значительной мере перестали быть христианскими, но, на мой взгляд, их суть часто остается удивительно сходной с той, какая им была свойственна в прошлом. Так, например, привычные для нас образцы каждодневной деятельности определяются неявной верой в неуклонный прогресс, о котором ничего не знали как в римской античности, так и на Востоке. Эта вера укоренена в иудейско-христианской телеологии, и невозможно доказать, что у нее независимый источник. Тот факт, что коммунисты разделяют веру в прогресс, помогает увидеть то, что легко показать, исходя из многих других соображений: марксизм подобно исламу, является иудейско-христианской ересью. Мы и сегодня продолжаем жить, как и прежде жили около 1700 лет, - очень во многом в контексте христианских догм.

Что же христианство говорит людям об их отношении с окружением?

Многие из мифов народов мира дают описание истории творения. Греко-римская же мифология в этом плане совершенно иная. Мыслители древнего Запада отрицали, как и Аристотель, что видимый мир когда-то имел начало. Просто невозможно ввести начало в их схему циклического понимания времени. Резкий контраст этому дает христианство, которое унаследовало от иудаизма не только представление о времени как линейном и неповторяющемся, но и удивительную в своем роде историю творения. Всемогущий и любящий Бог шаг за шагом создавал свет и тьму, небесные тела, землю со всеми ее растениями, животными, птицами и рыбами. И в завершение Бог сотворил Адама, а после некоторых раздумий — Еву, чтобы мужчина не был одинок. Человек дал имена всем животным, установив таким способом над ними свое господство. Бог предусмотрел и спланировал все это исключительно для пользы человека и чтобы он управлял миром: всякая природная тварь не имеет никакого иного предназначения, кроме как служить целям человека, и хотя тело человека создано из праха земного, он не простая часть природы — он создан по образу Божию.

Христианство, особенно в своей западной форме, - наиболее антропоцентрическая из всех мировых религий. Уже во II веке н.э. и Тертуллиан, и св. Ириней Лионский настаивали, что, когда Бог создавал Адама, в нем уже содержалось предзнаменование образа воплощенного Христа — второго Адама. Отношение человека к природе определялось во многом тем, что он, как и Бог, трансцендентен по отношению к миру. Полностью и непримиримо противостоя древнему язычеству и азиатским религиям, за исключением, возможно, зороастризма, христианство не только установило дуализм человека и природы, но и настояло на том, что воля Божия именно такова, чтобы человек эксплуатировал природу ради своих целей.

Для обычного человека все это обернулось интересными последствиями. В эпоху античности каждое дерево, каждый ручей, каждый водный поток, каждый холм имели своего *genius loci*, своего духа-защитника. Эти духи были доступны человеку, хотя и не очень похожи на него: кентавры, фавны, сирены, наяды – все они являли собой двойственный облик. Прежде чем срубить дерево, вырыть шахту, перекрыть речку, важно было расположить в свою пользу того духа, который владел определенной ситуацией, и позаботиться о том, чтобы и впредь не лишиться его милости. Разрушив языческий анимизм, христианство открыло психологическую возможность эксплуатировать природу в духе безразличия к самочувствию естественных объектов.

Часто говорят, что Церковь заменила анимизм культом святых. Но святой вовсе не пребывает в естественных объектах; у него может быть место почитания на земле, но его гражданство – на небесах. Более того, святой – во всем человек, и к нему можно обращаться человеческим образом. ... Духи, жившие в самых естественных объектах и ранее защищавшие природу от человека, теперь исчезли. Была утверждена действенная монополия человека над духовностью в нашем мире, а старые запреты на эксплуатацию природы были разрушены.

Высказываясь в подобном уничтожающем духе, нужно сделать определенные оговорки. Христианство – это сложная вера, и ее последствия различны в разных контекстах. Сказанное мною можно с успехом применить к Средневековому Западу, где техника действительно добилась впечатляющих успехов. Этого нельзя сказать о греческом Востоке – высокоцивилизованном мире с весьма выраженной христианской самоотдачей в вере; здесь не видно, чтобы были осуществлены какие-либо значимые технические нововведения после конца VII века, когда был изобретен греческий огонь. Чтобы понять, в чем здесь разница, нужно увидеть отличия в тональности благочестия и мышления, хорошо раскрытые исследователями, сравнившими теологии Греко-византийской и западной церквей. Греки верили, что грех – это слепота разума и что спасение нужно искать во внутреннем просвещении и ортодоксии, то есть в сфере чистого мышления. Латиняне иначе решали вопрос – они понимали, что грех – нравственное зло, поэтому спасение искали в правильном поведении. Восточная теология была интеллектуалистична, западная – волюнтаристична. Греческий святой созерцал, западный – действовал. Втягивание Христианства в покорение природы должно было легче проявиться в западной атмосфере.

Христианский догмат о творении, который можно найти в начале всех символов веры, имеет особый смысл для нашего понимания современного экологического кризиса. Бог дал людям через откровение Библию книгу Священного Писания. Но поскольку Бог сотворил природу, она тоже должна нести в себе проявления божественной

ментальности. Религиозное исследование природы в целях лучшего понимания Бога известно как натуральная теология. В ранней церкви, а особенно на греческом Востоке, природа постигалась прежде всего как символическая система, через которую Бог обращается к людям и говорит: жизнь муравья — это поучение бездельнику о трудолюбии, поднимающееся пламя — символ стремления души ввысь. По сути своей — это художественное, а не научное видение природы. Хотя в Византии сохраняли и переписывали много древнегреческих научных текстов по наука, как мы ее знаем, едва ли могла процветать в таком окружении.

На латинском Западе с начала XIII века натуральная теология стала развивать совершенно иное: отказавшись расшифровывать смысл природных символов, данных Богом для общения с человеком, она пыталась понять премудрость Божию путем раскрытия того, как устроено и как действует его творение. Радуга перестала быть символом надежды, когда-то данной Ною после потопа религиозное понимание переориентировалось на другие задачи, решая которые, Роберт Гроссетест, Роджер Бэкон и Теодорик из Фрейберга осуществили удивительно тонкую работу по исследованию оптических свойств радуги. С XIII века и далее любой крупный ученый, включая Ньютона и Лейбница, объяснял мотивы своей работы в религиозных терминах. Поистине, если бы Галилеи не претендовал на роль эксперта в теологических вопросах, где он не мог быть иначе как любителем, его беды были бы намного меньшими: теологи-профессионалы просто отразили его вторжение в свою область. И Ньютон, как выяснилось теперь, считал себя больше теологом, чем ученым-естественником. Вплоть до конца XVIII века гипотеза о Боге для многих ученых вовсе не была ненужной.

Историку часто трудно судить, что именно — реальные мотивы или же общепринятые в данной культуре соображения — приводят люди, чтобы объяснить, почему они действуют так, а не иначе. В течение долгих веков формирования западной науки ученые настойчиво и последовательно утверждали, что дело их жизни и награда за труд — суметь «вслед за Богом мыслить Его мыслями». Сама настойчивость подобных заявлений убеждает в том, что именно эти слова и выражают действительные мотивы труда этих ученых. Если так, то современные западные естественные науки просто являются отпечатком с матрицы христианской теологии. Иудейско-христианский догмат о творении сформировал настолько действенную религиозную веру, что она смогла дать сильный внутренний импульс развитию естественных наук.

Альтернативный христианский взгляд

Итак, получается, что мы пришли к выводам, неприятным для многих христиан. «Наука» и «техника» — это уважаемые слова в нашем словаре, поэтому некоторые могут быть удовлетворены, узнав, во-первых, что с исторической точки зрения современные естественные науки — это экстраполяция натуральной теологии и, во-вторых, что современную технику можно хотя бы отчасти объяснить как западную волюнтаристскую реализацию христианского догмата о трансцендентности человека по отношению к природе и о его полномочном господстве над ней. Мы увидели и то, как около столетия назад наука и техника, будучи прежде совершенно независимыми видами деятельности, соединились, чтобы дать человеку силы, вышедшие теперь из-под его контроля, если судить по множеству негативных экологических последствий. Если так, то христианство несет на себе огромное бремя исторической вины.

Лично я сомневаюсь, что можно избежать ужасного экологического ответного удара, если просто применить к решению наших проблем больше науки и техники. Последние выросли из христианского отношения человека к природе, и это признают почти все — не только христиане и нехристиане, но также и те, кто неразумно считает себя постхристианами. Вопреки Копернику для нас весь космос все еще вращается вокруг нашего маленького земного мира. Вопреки Дарвину мы в глубине сердца вовсе не считаем себя частью природных процессов. Мы возвысились над природой, высокомерны по отношению к ней, хотим ее использовать для удовлетворения своих самых низких прихотей. Недавно избранный губернатор Калифорнии, будучи как и я церковным человеком, хотя и менее обеспокоенным всеми этими проблемами, высказался в пользу христианской традиции, когда заявил (как утверждают), что «если Вы увидели хоть одно красное дерево, то Вы увидели их все». Для христианина дерево — это не более чем природный факт. Самое представление о священной роще чуждо христианству и всему этосу Запада. Около двух тысячелетий христианские миссионеры вырубали священные рощи, где практиковалось идолопоклонство, так как считали, что эти рощи населены демонами.

То, что мы делаем с окружением, зависит от нашего понимания взаимоотношений человека с природой. Если ввести в дело больше науки и больше техники, это не выведет нас из нынешнего экологического кризиса до тех пор, пока мы не найдем новую религию или не переосмыслим старую. Самые далеко идущие революционеры нашего времени — битники — свидетельствуют о своем глубоком духовном родстве с дзэн-буддизмом, в котором отношение человека с

природой предстает почти во всем противоположным христианскому пониманию. Дзэн, однако, глубоко обусловлен историей Азии, как и Христианство – историческим опытом Запада, и я сомневаюсь, что Дзэн обретет среди нас свою вторую родину.

Скорее всего, мы должны теперь по-настоящему оценить роль величайшего радикала в христианской истории после Христа - св. Франциска Ассизского. Первым его чудом является тот факт, что он не кончил костром, как это случилось со многими из его последователей левого крыла. Он был столь явным еретиком, что настоятель францисканского ордена св. Бонавентура - сам великий и вдумчивый христианин – пошел на то, чтобы начать подавлять ряд ранних установок францисканства. Чтобы понять Франциска, нужно увидеть его веру в добродетель смирения—не просто личного смирения отдельного человека, а человечества как вида. Франциск попытался свести человека с трона его монархического господства над

тварью и установить демократию в отношениях всех Божиих тварей. С приходом Франциска муравей перестал быть только поводом для проповеди лентяю, а огонь — только символом жажды души в ее стремлении соединиться с Богом. Теперь это — Брат-Муравей и Брат-Пламя, способные сами воздать хвалу Творцу вместе с Братом-Человеком, делающим то же самое по-своему.

Поздние комментаторы говорили, что Франциск проповедовал птицам и делал это в упрек людям, не захотевшим его слушать. Но в записях его времени этого не вычитаешь — он призывал малых птиц хвалить Бога, и те в духовном экстазе хлопали своими крыльями и радостно щебетали. Легенды о святых — а особенно это относится к ирландским святым — многое говорили об их отношениях с животными, но я уверен, что всегда здесь была цель — показать их человеческое господство над тварью. Франциск же совершенно иной. Район вокруг Губбио в Апеннинах разорял страшный волк. Как говорит легенда, св. Франциск поговорил с волком и разъяснил ему ошибку в его действиях. Волк покался, умер в ореоле святости и был похоронен в освященной земле.

Сэр Стивен Рьюисмен упоминал «францисканское учение о душе животных», но оно было быстро искоренено. Вполне возможно, что это учение было отчасти инспирировано—сознательно или нет — верой в реинкарнацию, которой придерживались еретики катары, группировавшиеся в те времена в Италии и Южной Франции; эту веру они, как предполагается, заимствовали из Индии. Важно то, что примерно в то же время — около 1200 года — следы учения о метемпсихозе обнаруживаются также и в западном иудаизме, в провансальской Каббале. Но Франциск не учил ни трансмиграции душ, ни пантеизму. Его видение природы и человека основывалось на его своеобразном понимании панпсихизма как присущего всем вещам — и

одушевленным, и неодушевленным. Все они созданы для прославления трансцендентного Творца, который в акте глубокого космического смирения и самоумаления воплотился на Земле, лег беспомощным младенцем в ясли и в конце земных дней умер повисшим на древе.

Я не думаю, что многие современные американцы, озабоченные экологическим кризисом, смогут или захотят советоваться с волками или же увещевать птиц. Нынешний рост разрушения природы до глобальных масштабов — это результат работы динамичной техники и науки, начало которым и положило западное Средневековье, против которого и восстал св. Франциск столь оригинальным способом. Экспансию науки и техники невозможно понять исторически, если оставить без внимания специфику отношения к природе, глубоко укорененного в христианской догматике. Тот факт, что многие вовсе не читают это отношение христианским, не имеет никакого значения. В нашем обществе не была принята никакая другая система основополагающих ценностей, чтобы заменить ею прежние христианские ценности. Следовательно, мы и дальше будем идти по пути углубления экологического кризиса, пока не отвергнем христианскую догму, согласно которой у природы нет никакого другого предназначения, кроме как служить человеку.

Величайший революционер духа в западной истории св. Франциск выдвинул альтернативный христианский взгляд на природу и на место человека в ней, попытавшись заменить идею безграничного господства человека над тварью другой идеей равенства всех тварей, включая и человека. Он потерпел неудачу. Современная наука и техника столь пропитаны ортодоксальным христианским высокомерием в отношении к природе, что не следует ждать разрешения экологического кризиса только от них одних. Корни наших бед столь основательно религиозны, что и средство избавления тоже должно стать религиозным по своей сути, как бы мы его ни называли. Мы должны заново осмыслить и глубоко пережить в душе, в чем же состоит наше подлинное предназначение и какова наша природа. Первоначальное францисканство обладало глубоко религиозным, хотя и еретическим пониманием духовной самоценности всего, что есть в природе, и это помогает нам найти направление к выходу. Я — за Франциска как святого покровителя для экологов.

В.И.Вернадский (1863-1945)

Органически соединил естественно-научное и гуманитарное видение мира, науки о земле и «живом веществе» с науками о человеческом обществе, способствовал превращению культурологии во всеобъемлющее учение будущего, рассматривал судьбы человечества в неразрывном

единстве с природой и космосом (антропокосмизм). Для современной культурологии определяющее значение имеет учение В.И.Вернадского о ноосфере. Хотя термин «ноосфера» впервые ввел в научный оборот не В.И.Вернадский, а французские ученые Э.Леруа и П.Тейяр де Шарден. Ниже приведен отрывок из книги «Живое вещество и биосфера».¹

Вопросы:

- 1. Какие опасности, по мнению В.И. Вернадского, таит неконтролируемая деятельность человека, прогресс науки и техники?**
- 2. Каков, по мнению В.И.Вернадского, выход из создавшейся ситуации?**

Мысль и сознание – то совершенно новое проявление живого вещества, которое сперва без самооценки и самосознания обнаруживается в жизненной группировке человеческих обществ – на наших глазах привели к захвату всей планеты человеком; сегодня особенно его единство и все увеличивающееся и все углубляющееся общение. Расстояние между людьми исчезает, связь между ними выявляется все более непрерывной и глубокой.

Единая организация всего человечества и организация для единого действия является идеальной в той обстановке, которую мы переживаем в данный момент, когда для всех ясной становится совершенно иная возможность всемирной организации всего человечества, для безбедной жизни и для благоустройства биосферы, для управления ею с помощью Разума. Биосфера рано или поздно превратится в ноосферу.

Мы подходим к великому перевороту в жизни человечества, с которым не может сравниться все им ранее пережитое. Недалеко время, когда человек овладеет атомной энергией, таким источником силы, который даст ему возможность строить свою жизнь как он захочет. Это может случиться в ближайшие годы, может случиться через столетия. Но ясно, что это должно быть. Сулит ли человечеству воспользоваться этой силой, направляя её на добро, а не на самозащиту? Дорос ли он до умения использовать ту силу, которую неизбежно должна дать ему наука? Ученые не должны закрывать глаза на возможные последствия их научных работ и научных прогнозов. Они должны себя чувствовать ответственными за последствия открытий. Они должны связать свою работу с лучшей организацией человечества. Мысль и внимание должны быть направлены на этот вопрос. А нет ничего в мире сильнее свободной научной мысли. Следующие явления наблюдаются, и заставляют думать, что страхи и возможности крушения цивилизации (в росте и устойчивости ноосферы) лишены основания.

¹ Вернадский В.И. Живое вещество и биосфера. М., 1994.

Во-первых, никогда не было в истории человечества ныне наблюдаемой его вселенскости, - с одной стороны, полного захвата человеком биосферы для жизни и, с другой стороны, отсутствия оторванности отдельных поселений благодаря быстроте сношений и передвижений. Сношения могут происходить мгновенно и громко оглашаться для всех. Скоро можно будет сделать видными для всех события, происходящие за тысячи километров. Передвижения и переносы вещей могут быть теоретически ускорены в любой степени, и темп их быстро растёт, как никогда раньше. Во-вторых, никогда ранее в истории человечества интересы и благо всех, а не отдельных лиц или групп, не становились реальной государственной задачей. И только теперь народные массы получают все растущую возможность сознательно влиять на ход государственных и общественных дел. Впервые реально поставлена и уже не может сойти с поля борьба с бедностью и ее последствиями (недоеданием) как биологически научная и государственная задача.

В-третьих, впервые поставлена как такая же задача проблема сознательного регулирования размножения, продления жизни, ослабления болезней для всего человечества.

Впервые становится задача проникновения научного знания во все человечество.

Такой совокупности общечеловеческих дел и идей никогда раньше не бывало, и ясно, что остановлено это движение быть не может. В частности, перед учеными стоят для ближайшего будущего небывалые для них задачи сознательного направления организованности ноосферы, отойти от которой они не могут, так как к этому направляет их стихийный ход научного знания.

Есть еще одно обстоятельство, которое не получило еще ясного выражения, но которое явно складывается. Это интернациональность науки, ее стремление к свободе мысли, и то сознание нравственной ответственности ученых за использование научных открытий и научной работы для разрушительной, противоречащей идее ноосферы, цели. Это течение еще не сложилось, но, мне кажется, за последние годы быстро складывается и расширяется в этом направлении мировое научное общественное мнение. В истории философии и науки, особенно в эпоху Возрождения и в начале Нового времени, когда латинский язык был ученым языком вне стран и национальностей, реальный, но не оформленный, интернационал ученых сыграл огромную роль и мел глубокие корни в средневековом единстве реального, но не оформленного векового интернационала философов и ученых.

Традиции интернационала ученых имеют, таким образом, глубокие корни, сознание его необходимости проникает все глубже, и это течение идет в унисон с созданием ноосферы как цели. Но на этот раз характер научного интернационала неизбежно должен быть иным, чем тот, каким

был скрывавшийся в мусульманской и католической среде, носивший личину правоверия, больше философский, чем научный, круг поколений средневековых ученых. Сейчас ученые являются реальной силой: специалисты, инженеры, экономисты-теоретики, прикладные химики, зоотехники, агрономы, врачи (игравшие и прежде ведущую роль) составляют основную массу и представляют всю творческую силу водителей народов.

Все сказанное выше указывает, что реальная обстановка в наше бурное и кровавое время не может дать развиваться и победить силам варваризации, которые сейчас как будто выступают на видное место. Все страхи и рассуждения обывателей, а также некоторых представителей гуманитарных и философских дисциплин о возможности гибели цивилизации связаны с недооценкой силы и глубины геологических процессов, каким является происходящий ныне, нами переживаемый переход биосферы в ноосферу.

(...)

Мы приближаемся к решающему моменту во второй мировой войне. Она возобновилась в Европе после 21- годового перерыва, в 1939 г., и длится в Западной Европе пять лет, а у нас, в Восточной Европе, три года. На Дальнем Востоке она возобновилась раньше - в 1931 г. - и длится уже 12-й год. В истории человечества и в биосфере вообще война такой мощности, длительности и силы — *небывалое явление*. К тому же ей предшествовала тесно связанная с ней причинного значительно менее мощная первая мировая война

В нашей стране эта первая мировая война привела к новой — исторически небывалой — *форме государственности* не только в области экономической, но и в области национальных стремлений. С точки зрения натуралиста (а думаю, и историка) можно и должно рассматривать исторические явления такой мощности как единый большой земной *геологический*, а не только *исторический* процесс. (...)

(...) Геологический эволюционный процесс отвечает биологическому единству и равенству всех людей — *Homo sapiens* и его геологических предков *Sinanthropus* и др., потомство которых для белых, красных, желтых и черных рас — любым образом среди них всех — развивается безостановочно в бесчисленных поколениях. Это *закон природы*. В историческом состязании, например в войне такого масштаба, как нынешняя, в конце концов побеждает тот, кто этому закону следует. Нельзя безнаказанно идти против принципа единства всех людей как закона природы. Я употребляю здесь понятие «закон природы», как это теперь все больше входит в жизнь в области физико-химических наук как точно установленное эмпирическое обобщение.

Исторический процесс на наших глазах коренным образом меняется. Впервые в истории человечества интересы народных масс, с одной стороны, и свободной мысли личности — с другой, определяют жизнь

человечества, являются мерилем его представлений о справедливости. Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, ставится вопрос *о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого*. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть *ноосфера*.

В 1922-1923 гг. на лекциях в Сорбонне в Париже я принял как основу биосферы *биогеохимические явления*. Часть этих лекций была напечатана в моей книге «Очерки геохимии», которая впервые была издана на французском языке в 1924 г., а затем в 1926 г. — в русском переводе. Приняв установленную мною биогеохимическую основу биосферы за исходное, французский математик и философ бергсонианец Э. Ле-Руа в своих лекциях в Коллеж де Франс в Париже ввел в 1927 г. понятие ноосферы как современной стадии, геологически переживаемой биосферой. Он подчеркнул при этом, что пришел к такому представлению вместе со своим другом, крупнейшим геологом и палеонтологом *Тейяром де Шарденом*, работающим теперь в Китае.

Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей *геологической силой*. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие возможности. И, может быть, поколение наших внуков уже приблизится к их расцвету.

Здесь перед нами встала новая загадка. *Мысль не есть форма энергии*. Как же может она изменять материальные процессы? Вопрос этот до сих пор научно не разрешен. Его поставил впервые, сколько я знаю, американский ученый, родившийся во Львове, математик и биофизик *Альфред Лотка*. Но решить его он не мог. Как правильно сказал некогда *Гёте* (1749—1832), не только великий поэт, но и великий ученый, в науке мы можем знать только, *как* произошло что-нибудь а *не почему*. Что касается наступления ноосферы, то эмпирические результаты такого «непонятного» процесса мы видим кругом нас на каждом шагу. Минералогическая редкость — самородное железо вырабатывается теперь в миллиардах тонн. Никогда не существовавший на нашей планете самородный алюминий производится теперь в любых количествах. То же самое имеет место по отношению к бесчисленному множеству вновь создаваемых на нашей планете искусственных химических соединений (биогенных «культурных минералов»). Масса таких искусственных минералов непрерывно возрастает. Все *стратегическое сырье* относится сюда. Лик планеты — биосфера — химически резко меняется человеком сознательно, и главным образом бессознательно. Меняется человеком физически и химически воздушная оболочка суши, все ее природные воды. В результате роста человеческой культуры в XX в. все более резко стали меняться прибрежные моря и части океана. Человек должен теперь

принимать все большие и большие меры к тому, чтобы сохранить для будущих поколений никому не принадлежащие морские богатства. Сверх того человеком создаются новые виды и расы животных и растений. В будущем нам рисуются как возможные сказочные мечтания: человек стремится выйти за пределы своей планеты в космическое пространство. И, вероятно, выйдет.

В настоящее время мы не можем не считаться с тем, что в переживаемой нами великой трагедии мы интуитивно пошли по правильному пути, который отвечает ноосфере. Я говорю «интуитивно», поскольку вся история человечества развивается в этом направлении. Историки и государственные деятели только подходят к охвату явлений природы с этой точки зрения. (...)

Ноосфера — последнее из многих состояний эволюции биосферы

в геологической истории — состояние наших дней. Ход этого процесса только начинает нам выясняться из изучения ее геологического прошлого в некоторых своих аспектах. Приведу несколько примеров. Пятьсот миллионов лет тому назад, в кембрийской геологической эре, впервые в биосфере появились богатые кальцием скелетные образования животных, а растений — больше двух миллиардов лет тому назад. Эта кальциевая функция живого вещества, ныне мощно развитая, была одной из важнейших эволюционных стадий геологического изменения биосферы. Не менее важное изменение биосферы произошло 70—110 млн. лет тому назад, во время меловой системы, и особенно третичной. В эту эпоху впервые создались в биосфере наши земные леса, всем нам родные и близкие. Это другая большая эволюционная стадия, аналогичная ноосфере. Вероятно, в этих лесах эволюционным путем появился человек около 15—20 млн. лет тому назад.

Сейчас мы переживаем новое геологическое эволюционное изменение биосферы. Мы входим в ноосферу. Мы вступаем в нее — в новый стихийный геологический процесс — в грозное время, в эпоху разрушительной мировой войны. Но важен для нас факт, что идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы, отвечают ноосфере.

Можно смотреть поэтому на наше будущее уверенно. Оно в наших руках, мы его не выпустим.

**Пьер Тейяр де Шарден
(1881-1955)**

Наряду с В.И. Вернадским считается создателем теории ноосферы в ее религиозном истолковании. Стал основателем «христианского эволюционизма, сочетающего идею Бога-Творца всего сущего и строго научные данные о становлении Земли и появлении на ней жизни. В своих

главных трудах «Божественная среда» и «Феномен человека» понимает под «ноосферой» идеальную “мыслящую” оболочку Земли. Ниже приводится отрывок из книги «Феномен человека»¹.

Вопросы:

- 1. Что общего в рассуждениях В.И.Вернадского и П.Тейяра де Шардена?**
- 2. Что в содержании идей Тейяра де Шардена дает основания считать его основателем христианского эволюционизма?**
- 3. Какой период истории, по мнению Тейяра де Шардена, переживает человечество? Что означает «изменение эры»?**

Геологи давно единодушно допускают зональность структуры нашей планеты. Мы уже упоминали находящуюся в центре металлическую барисферу, окруженную каменистой литосферой, поверх которой, в свою очередь, находятся текучие оболочки гидросферы и атмосферы. К четырем покрывающим друг друга оболочкам (...) наука обычно вполне резонно прибавляет живую пленку, образованную растительным и животным войлоком земного шара — биосферу, неоднократно упомянутую в этой книге. Биосфера — в такой же степени универсальная оболочка, как и другие «сферы», и даже значительно более индивидуализированная, чем они, поскольку она представляет собой не более или менее непрочную группировку, а единое целое, саму ткань генетических отношений, которая, будучи развернутой и поднятой, вырисовывает древо жизни.

Признав и выделив в истории эволюции новую эру ноогенеза, мы соответственно вынуждены в величественном соединении земных оболочек выделить пропорциональную данному процессу опору, то есть еще одну пленку. Вокруг искры первых рефлектирующих сознаний стал разгораться огонь. Точка горения расширилась. Огонь распространился все дальше и дальше. В конечном итоге пламя охватило всю планету. Только одно истолкование, только одно название в состоянии выразить этот великий феномен — ноосфера. Столь же обширная, но (...) значительно более цельная, чем все предшествующие покровы, она действительно новый покров, «мыслящий пласт», который, зародившись в конце третичного периода, разворачивается с тех пор над миром растений и животных — вне биосферы над ней.

Здесь-то и выступает ярко диспропорция, искажающая всю классификацию живого мира (и косвенно все строение физического мира), при которой человек логически фигурирует лишь как род или новое семейство. Извращение перспективы, которое обезличивает и развенчивает имеющий универсальное значение феномен! Для того,

¹ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.

чтобы предоставить человеку его настоящее место в природе, недостаточно в рамках систематики открыть дополнительный раздел — даже еще один отряд, одну ветвь... Несмотря на незначительность анатомического скачка, с гоминизацией начинается новая эра. Земля «меняет кожу». Более того, она обретает душу. Следовательно, если сопоставить ее с другими явлениями, взятыми в их истинных размерах, историческая ступень рефлексии имеет более важное значение, чем любой зоологический разрыв, будь то разрыв, отмечающий возникновение четвероногих или даже самих многоклеточных. Среди последовательных этапов, пройденных эволюцией, возникновение мысли непосредственно следует за конденсацией земного химизма или за самым возникновением жизни и сравнимо по своему значению лишь с ними.

Парадокс человека разрешается, приобретая огромное значение! Несмотря на установление рельефности и гармонии в вещах, эта перспектива вначале приводит нас в замешательство, потому что противоречит иллюзии и привычкам, склоняющим нас измерять события по их материальной стороне. Она нам кажется чрезмерной также потому, что, будучи всецело погруженными в мир человека, как рыба в море, мы затрудняемся охватить его умом, чтобы оценить его специфичность и его обширность. Но понаблюдаем немного внимательнее вокруг нас — этот внезапный поток церебральности; это биологическое вторжение нового животного типа, который постепенно устраняет или покоряет всякую форму жизни, не являющуюся человеческой; этот неодолимый разлив полей и заводов; это огромное растущее сооружение материи и идеи... Не кричат ли нам все эти знаки, которые мы повседневно видим, не пытаясь их понять, что на Земле что-то изменилось в «планетарном масштабе»?

Поистине для воображаемого геолога, который значительно позднее стал бы изучать наш окаменевший Земной шар, самой удивительной революцией, испытанной Землей, была бы, несомненно, та, которая произошла в начале периода, весьма справедливо названного *псилозоем*. И даже в настоящий момент какому-нибудь марсианину, способному анализировать как физически, так и психически небесные радиации, первой особенностью нашей планеты показалась бы не синева ее морей или зелень ее лесов, а фосфоресценция мысли.

Самый проникательный исследователь нашей современной науки может обнаружить здесь, что все ценное, все активное, все прогрессивное, с самого начала содержащееся в космическом лоскуте, из которого вышел наш мир, теперь сконцентрировано в «короне» ноосферы.

И высокопоучительна (если мы умеем видеть) констатация того, сколь *незаметно* в силу универсальной и длительной подготовки

произошло такое громадное событие, как возникновение этой ноосферы.

Человек вошел в мир бесшумно... (...)

Изменение эры

Во все эпохи человек думал, что он находится на «повороте истории». И до некоторой степени, находясь на восходящей спирали, он не ошибался. Но бывают моменты, когда это впечатление преобразования становится более сильным и в особенности более оправданным. И мы, конечно, не преувеличиваем значения нашего современного существования, когда считаем, что через него осуществляется глубокий вираж мира, способный смять его. (...)

В настоящий момент мы переживаем период *изменения эры*. Эра промышленности. Эра нефти, электричества и атома. Эра крупных коллективов и науки... Будущее даст более подходящее название той эре, в которую мы вступаем. Термин не играет роли. Напротив, имеет значение то, что мы имеем возможность сказать, что ценой наших лишений в нас самих и вокруг нас делается еще один, решающий шаг жизни. После долгого вызревания, скрытого кажущейся неизменностью земледельческих веков, наконец, пришел час нового изменения состояния, который отмечен неизбежными муками. Были первые люди — свидетели нашего возникновения, будут люди, которые станут свидетелями великих сцен финала. Удача и честь нашего краткого существования заключена в его совпадении с преобразованием ноосферы...

В этих туманных и напряженных зонах, где настоящее сливается с будущим, в бурлящем мире мы лицом к лицу сталкиваемся со всем величием феномена человека, величием, которого он дотоле не достигал. Здесь или нигде, теперь или никогда, при данном максимуме и приближении мы лучше, чем кто-либо из наших предшественников.

Можем оценить значение и смысл гоминизации. Посмотрим же внимательно и постараемся понять. А для этого попытаемся, отвлекшись от внешней стороны событий, расшифровать своеобразную форму духа, возникающего в недрах современной Земли.

Земля, дымящая заводами. Земля, трепещущая делами. Земля, вибрирующая сотнями новых радиации. Этот великий организм в конечном счете живет лишь для новой души и благодаря ей. Под изменением эры — изменение мысли. Но где найти, где поместить это обновляющее и тонкое изменение, которое, не меняя заметно наши тела, делает нас новыми существами? Нигде, кроме как в новом предчувствии, меняющем в своей целостности облик универсума, в котором мы развиваемся, иначе говоря, в пробуждении.

Конечно, не просто открытие и покорение других сил природы в течение жизни четырех или пяти поколений сделало нас, что бы там ни говорилось, столь отличными от наших предков, столь честолюбивыми, но также и столь беспокойными. В сущности, если не ошибаюсь, это объясняется следующим: мы осознали увлекающее нас движение и тем самым заметили грозные проблемы, поставленные сознательным осуществлением человеческого усилия.

Н.Н.Моисеев (математик, эколог)

Экология человека и европейская гуманистическая традиция

Вопросы:

- 1. Какова роль гуманитарных наук, с точки зрения Н.Н. Моисеева, в преодолении экологического кризиса? Согласны ли вы с его суждениями? Аргументируйте ваше мнение.**
- 2. Как осмысливалась представителями «русского космизма» система «Человек – Природа»? Почему Н.Н.Моисеев считает это направление шагом к созданию учения о ноосфере?**
- 3. В чем суть принципа антропности в понимании взаимоотношений между человеком и природой?**

Перелом произошел в эпоху неолита. Человек начал не просто активно вмешиваться в биотические процессы, отстаивать свое право на существование в живом мире планеты. Он начал активно уменьшать разнообразие общепланетарного генофонда. Сначала он извел крупных копытных и мамонтов. А потом началось поголовное уничтожение всего того, что непосредственно не использовалось в производственной деятельности. Да и сейчас ежегодно исчезают уже тысячи видов растительного и животного царства. Более того, деятельность человека начинает плохо предсказуемым образом менять климат, загрязнять океан, уничтожать плодородие почвы. Этот процесс уже нельзя назвать прогрессивной эволюцией планеты, которая не только теряет разнообразие своей биосферы, но и ставит под угрозу вообще само существование жизни.

А прекратить этот процесс, вызванный действием Разума, мы можем только с помощью Разума, рожденного цивилизацией. Такова основная коллизия современности, и она, несмотря на кажущуюся трагичность, содержит немалую долю оптимизма.

Думая о будущем, о грядущей эпохе ноосферы, я постепенно склоняюсь к убеждению, что наступающий век будет веком гуманитарных наук. Если первая половина нашего века прошла под знаком развития технических наук и физики, если во второй половине

текущего века на первом плане стали выдвигать науки о животном мире, то век наступающий станет веком наук о Человеке. Этот факт не умозрительный, это с необходимостью диктует появление «экологического императива».

Роль гуманитарных знаний и культуры вообще должна расти по мере развития цивилизации. Это утверждение, по-видимому, достаточно очевидно. Его справедливость нетрудно проиллюстрировать всем ходом исторического процесса. Но, и говоря о возрастании значения гуманитарной культуры в судьбах человечества, одновременно высказывают представление о том, что должна происходить и унификация культур. При этом ссылаются на развитие коммуникативного общения, техносферы, определенной унификации ряда стандартов, единство мирового рынка, капитала ресурсов. В результате рождается представление, будто будущее человечества станет единой супернацией с единым языком и культурой.

Но это не так. Унификация не может происходить в развивающемся обществе. Тенденция к унификации – это несчастье, трагедия человечества, его деградация. Культура как генетическая память – это банк данных» человеческого общества. Исчезновение любого элемента культуры, так же, как исчезновение какого-либо вида, уже никогда невосполнимо. Это навсегда утерянный опыт. Мы потеряли, например, опыт северных народов жить в условном равновесии с хрупкой природой лесотундры. А теперь каждый шаг на севере – это экологическая катастрофа, необратимо разрушающая установившиеся ценозы. Так же и потеря культурного разнообразия, сужение её палитры грозят многими последствиями, лишают человечество частиц его знаний и умений

Гуманистическая позиция европейской культуры, те научные взгляды и та картина мира, которая ею прорисовывалась, играла важную роль в мировой истории – истории человечества – и она, быть может, окажется тем фундаментом, на котором будет построено его будущее. Как ни велика роль других культур, как ни велико значение и важность разнообразия других цивилизаций, но, тем не менее, сквозь ретроспективу тысячелетий мы не можем не зафиксировать того влияния на мировую историю, которое оказал поток идей и мироощущений, возникший еще в античной Греции. Где-то в глубине «отрицательных» тысячелетий родилось удивительное мировосприятие, которому не только суждено было выжить в окружении великих цивилизаций древности – Шумера, Египта, Вавилона, но и пережить эти культуры. Не только пережить их, но сделаться источником той энергии и того гуманного рационализма, плоды которого мы пожинаем и которые, как я надеюсь, позволят людям найти проход между Сциллой и Харибдой современного мира, порожденными техническим прогрессом,

необходимостью его дальнейшего развития и связанными с ним опасностями.

Примечание. Говорить о всемирной истории человечества до поры до времени было неправомочно. Долгое время существовали лишь очаги цивилизации, разделённые «безднами», которые иногда пересекали великие завоеватели или путешественники. Но с эпохи возрождения начинается непрерывный рост взаимосвязанности, постепенного слияния цивилизованных анклавов в единую мировую систему – возникает общая история человечества. И в этом процессе роль европейской цивилизации очевидна. Объяснить чисто экономическими причинами её экспансию и место в этом объединительном процессе нельзя. В XV веке Китай был государством гораздо более развитым и богатым, чем Португалия. В его распоряжении были корабли водоизмещением более тысячи тонн (даже с бассейнами) и хорошая навигационная техника, позволяющая совершать любые путешествия. Но именно Васко да Гама дошел до Индии, а его соратники «открыли» Китай на своих 60-тонных утлых корабliках. А в XVII веке русские дошли пешком через всю Евразию не только до границ Поднебесной империи, но и до Америки. Стремление «открыть двери в неведомое» очень трудно объяснить, не учитывая своеобразных установок, рожденных культурной традицией. Китаю, например, были не нужны Европа и весь тот мир, который по вековым представлениям был населен грязными варварами. Надо стремиться к небу, а небом была Империя!

Я вижу потребность изучать проблемы истоков нашей культуры с позиции естественника, убежденного в необходимости гуманизации современного техницизма и науки.

Специалисты в области античной культуры и философии имеют свои оценки и, наверное, по-другому характеризуют истоки нашей европейской цивилизации. Но, не забывая о сложнейших переплетениях судеб, прорывах и отступлениях, рождений и гибели народов и культур, мне хочется обсудить лишь одну линию развития, которая, как я думаю, становится особенно важной именно сегодня, на переломном этапе истории человечества, линию единства человека и природы.

Небо, то есть космос древних эллинов, было населено целой толпой удивительно симпатичных богов, они умели любить и ненавидеть, им были свойственны все людские пороки – они могли и пьянствовать и прелюбодействовать. И, в то же время, они готовы были прийти на помощь своему близкому – человеку, столь похожему на них самих, на богов, - защитить его, приблизить к себе и даже, если понадобится, сделать равным себе, то есть превратить его в бога. Значит Мир, Вселенная, Космос – это не только Земля и Небо. По воззрениям греков – это еще и люди и боги, столь похожие на людей: в нем обитали существа, которые были людьми или почти людьми. Они были полны оптимизма и желания вмешиваться по своему разумению во все, что

происходит не только на Земле, но и на небе. И конечно, в человеческие судьбы.

Представить себе Вселенную без человека, увидеть Космос пустым древние греки не умели! Я думаю, что многие идеалы христианства – «не убий», «полюби ближнего своего» - шли, скорее всего, не от мрачного указующего перста Иеговы, а от эллинской традиции благожелательности к человеку, умению и желанию прийти к нему на помощь.

Главная ценность эллинского мира – это Жизнь, и нет ничего прекраснее Жизни. И она всюду вокруг нас: и на Земле, и на Небе. Не отделение от человека, не замыкание в самом себе, а открытость к жизни и, прежде всего, к Человеку – вот где мне представляются истоки и той энергии, и того мировосприятия, которые становятся необходимейшими атрибутами и нашей современной жизни.

Примечание. Прихотливы не только судьбы людские, но и судьбы могучих цивилизаций. Когда-то общий индоевропейский корень раздвоился, и одна из его могучих ветвей оказалась в Индии. И там родилась своя цивилизация, столь мало похожая на греческую, что трудно и подумать, что они вышли из одного корня. Самосозерцание, желание уйти в нирвану, к чему призывают религии Индостана, - как это контрастирует с тем стремлением к совместной активности, столь свойственным древним грекам.

Но рассуждениями об истоках европейского гуманизма я не хотел бы создавать у читателя представления о том, что я как-то противопоставляю различные культурные традиции. Обращая внимание на их отличие друг от друга, я хочу тем самым показать разнообразие культур, столь же важное для будущего общепланетарной цивилизации, как и генетическое разнообразие человека – биологического вида *homo sapiens*. Обсуждая современный интеллектуальный настрой, я хочу лишний раз подчеркнуть преемственность некоторых важнейших идей современности, их генезис и далекую связь времен.

После крушения античного мира настал черед «темных» столетий. Но культурная традиция, как бы она ни была слаба и хрупка, не прерывалась. Обаяние великой цивилизации древности жило в людской памяти. И оно было немаловажным фактором в тот переломный период, когда европейский мир шагнул в эпоху Возрождения. Я подчеркиваю – именно европейский, ибо попытка абсолютизировать особенности исторического и культурного процесса, перенести его на другие континенты и страны, мне кажется несостоятельной. Уже в России эпоха Возрождения и связанная с ней Реформация проходила совсем иначе, чем в Западной Европе. А в истории Индии и Китая эти процессы в той форма вообще отсутствовали.

И еще одно замечание. Эпоха Возрождения потому и носит такое название, что в этот период происходило возрождение древних

ценностных шкал, прежде всего Древней Греции. В этом процессе сыграла не последнюю роль никогда не прерывавшаяся ниточка, связывающая нас через Рим и Византию с античным миром.

Эпоха Возрождения – это не только возврат и переосмысливание культурного наследия прошлого, но и рождение и становление научного метода, в значительной степени отвергавшего это прошлое. Приобретения сопровождались и потерями – такова неизбежная диалектика. Так, например, вместе со становлением гелиоцентрической системы, были забыты правила исчисления эфемерид – планет на основе системы Птолемея. Потребовалось известное время, чтобы их восстановить уже на новой основе, конечно на основе небесной механики Ньютона.

Коперник, Галилей, Ньютон – все они преддверие рационализма и энциклопедизма. И с развитием научного метода происходит неизбежное – Человек в представлении новой науки покидает вселенную, Космос. В новой картине мира, постепенно утвердившейся в XVIII веке, Человека уже нет. И в пустом космосе появляются свои законы, подобные законам действующего автомата, с помощью которых не только можно восстановить прошлое, объяснить настоящее, но и в принципе с любой точностью предсказать будущее.

Вспомним еще раз замечательную историю о том, как Лаплас подарил Наполеону книгу с изложением своей космогонической теории, известной ныне как теории Канта-Лапласа. Прочитав книгу, император Франции спросил Лапласа: «А где же место бога в твоих рассуждениях? Я его там не нашел». На это маркиз де Лаплас ответил: «Ваше Величество! Мне этой гипотезы не потребовалось!».

Раз мир может быть объяснен без человека и без вмешательства божественного разума, то он и должен быть так объяснен. Таково требование науки, нового научного метода, таково следствие принципа «лезвие Оккама», многократно оправдавшего себя и утвердившегося в естествознании XIX столетия.

Таким образом, в науке XIX века с её стремлениями к прозрачным и ясным схемам, с её глубокой убежденностью, что мир в своей основе прост, Человек превратился в стороннего наблюдателя, изучающего мир «извне», неспособный вмешаться в раз и навсегда установленный порядок. Возникло странное противоречие – Человек, ведь он не существует! Но существует как бы сам по себе. А Космос и Природа тоже существуют, и тоже сами по себе. И порой их объединяют, если это можно назвать объединением, только религиозные воззрения.

Рационализм эпохи Просвещения, не оставляющий места никакой иррациональности, был своеобразным отрицанием истоков европейского миропонимания. Но заменить его полностью он не мог. Я думаю, что понимание его ограниченности было свойственно не только Канту, который полагал, что деятельность Человека доопределяет

законы Природы. Впрочем, заметного влияния эти критические идеи на развитие наук и философской мысли не оказали. Вплоть до XX века основное течение естествознания следовало тому руслу, которое наметили Коперник, Галилей, Ньютон, Декарт.

Особенность методологии естествознания XIX века, которое и сейчас оказывает огромное влияние на развитие науки, - это представление о независимости предмета исследования от наблюдателя (приборов, которые он использует, в частности). В рамках классического естествознания нельзя объяснить связь человека и Природы, рассмотреть систему Человек-Природа, видя в человеке её активную составляющую. Для этого нужен гуманитарный подход, нужны гуманитарные знания.

Гуманитарное знание, «Гуманитарная парадигма» необходимо рассматривает Человека, исследователя как участника процесса. Естественно-научный подход недостаточен для того, чтобы изучать, например, социальную систему. В гуманитарном мышлении возникает новое представление об истинности и ложности, не сводимое к представлениям классического естествознания. Человек может действовать целенаправленно, в своих собственных, субъективных интересах. Наблюдатель оценивает поведение человека, структуру его целей с позиций своего класса, своей страны, своей собственной цели, наконец! Отсюда и субъективный характер представлений об истинности и ложности, добре и зле, шкале ценностей и т.д. И до поры до времени представление об общечеловеческих ценностях могло быть только проявлением прекрасноты.

В XIX веке оформляются две ветви человеческой культуры – естественно-научная и гуманитарная. У них собственные языки и мерила ценностей. Между ними возникает пропасть, об опасности которой так много беспокоился и писал замечательный английский романист и физик Чарльз Персис Сноу.

Таким образом, эпоха Просвещения, успехи естественных наук и рационализм научного мышления, казалось бы, порывают с той классической гуманитарной традицией древнегреческой культуры, рассматривающей мир в его единстве и человека как участника единого мирового процесса.

Но уже в том же XIX веке возникли неудовлетворенность сложившейся ситуацией и понимание недостаточности и даже ущербности ситуации, возникшей в науке XIX века, несмотря на все её удивительные достижения. По-видимому, их очень хорошо чувствовал К.Маркс, когда писал о том, что неизбежно настанет время, когда произойдет слияние наук естественных и гуманитарных в единую науку – науку о Человеке. Но вряд ли К.Марксу было известно, что в том же XIX веке уже начали возникать идеи, которым будет суждено сыграть особую роль в этом «Великом Объединении».

В самом деле, уже в середине XIX века в эпоху триумфального шествия «физикалистских» воззрений классического естествознания рождается и новое умонастроение, которое как бы снова возвращает нас к воззрениям древних греков. Но не просто возвращает. Оно теперь обогащено всеми приобретениями опыта исследователей с использованием возникшего научного метода. Человек снова становится действующим лицом, неотделимым от Природы, Космоса, его частью, его составляющей. И он, Человек, теперь начинает изучать космос «изнутри» не как наблюдатель, а как участник событий. Он изучает теперь (или формулирует как предмет изучения) и свою причастность к процессам, внутри его происходящим.

Это умонастроение получило название «русского космизма», и оно не противопоставляло себя достижениям научной мысли. Это было переосмысливание достижений мировой науки с позиций европейской гуманистической традиции. Новое умонастроение родилось в России и является одной из важнейших страниц в истории русской и мировой философской и естественно-научной мысли. Я убежден, что русский космизм – это один из очень важных вкладов в сокровищницу европейской культуры, вклад, к сожалению, малоизвестный не только широкой публике, но и специалистам. И не только за рубежом, но и у нас в стране.

Одна из особенностей русской философской школы – глубокий синтез естественно-научной и философской мысли. Такое явление – это своеобразный феномен, и его генезис заслуживает известного внимания. И без этого обсуждения будет, вероятно, непросто объяснить, почему учение о ноосфере возникло и притом в нашей стране. Но для подобного обсуждения процесса совместного развития естественных и философских воззрений в России и анализа их взаимного влияния потребуется высокий профессионализм в области истории науки. Поэтому я ограничусь лишь несколькими замечаниями общего характера.

Историю русской мысли и развития естествознания в России во второй половине XIX века, как мне кажется, нельзя понять, не обратив внимания на одну особенность истории России XVIII века. Начиная с эпохи Петра правительство стало уделять определенное внимание развитию науки и просвещения. Отсутствие в допетровской России каких-нибудь научных заделов, на которые могло бы опереться развитие естественных наук, заставило правительство приглашать ученых из-за границы. Поэтому первыми учеными-естественниками в России были иностранцы, преимущественно немцы или немецкие швейцарцы. Они принесли с собой и специфическую культуру научных исследований. Их исследования, конечно не все, – я не хочу, например, говорить о работах Л.Эйлера, не отличались особой широтой взгляда, но зато им была свойственна тщательная отработка отдельных деталей.

Еще одна особенность – приверженность к определенным стандартам мышления и оценок научных разработок.

Все это в определенной степени противоречило русскому темпераменту – вспомним бесконечные ссоры М.В.Ломоносова с немецкими академиками. Они были вызваны не только его характером.

Я не собираюсь умалять огромной роли этого «немецкого слоя» русских ученых-естественников в формировании общей научной культуры послепетровской России: без их участия возвращение России в клуб европейских держав было бы еще более длительным и мучительным. Но следующий слой – русские ученики немецких учителей – был в основном представлен эпигонами, продолжавшими тематику своих учителей и работавших в их ключе. А эпитонство – стремление во всем следовать своим учителям – редко бывает успешным. И в начале XIX века общий уровень науки в России по сравнению с ее мировым уровнем, как мне представляется, несколько снизился.

Но затем стали появляться русские ученики уже русских учителей. Они владели современными методами научных исследований, но не были обременены жесткими канонами немецкой научной школы. Они работали уже в том ключе, который отвечал особенностям русской культурной традиции, может быть даже уместно сказать – национальному характеру. И вот появляется ряд блестящих имен – Н.И.Лобачевский в математике, Д.Менделеев в химии, И.Сеченов в физиологии. К середине XIX века уже можно говорить о появлении русской естественно-научной школы. Этой плеяде ученых было свойственно стремление к широте взглядов, стремление осмыслить изучаемое явление в целом, его место в потоке фактов, стремление избавиться от привычных норм и стандартов исследовательской деятельности. Возникают новые, оригинальные «системные конструкции». Тому пример – периодическая таблица Д.Менделеева. И. Сеченов также шел непроторенными путями. Он, вероятно, был первым, кто начал изучать человека в его единстве. Не только психическом и физическом, но в единстве Человека и окружающей среды. К этому же кругу явлений следует, наверное отнести и открытие хемосинтеза Виноградским. К числу подобных общесистемных конструкций должны быть затем однажды причислены и исследования В.И.Вернадского и его учение о ноосфере, конечно! Но об этом ниже, сейчас же мне важно заметить, что во второй половине XIX века в России произошло переосмысливание содержания и целей научных исследований, утвержденных еще в предыдущем веке. И это происходило всюду – в химии, биологии, геофизике...

Так случилось, что одновременно и в философской среде возникла определенная реакция на западноевропейский рационализм. Можно по-разному относиться к кружку Любомудров и течению славянофилов, но

Иван Кириевский был, безусловно, первым, кто четко обозначил, что холодный, рассудочный анализ эпохи Просвещения привел к потере единства представлений о мире. Он увидел разрыв между рациональным видением мира, естествознанием XIX века и иррациональностью человеческого «я». Еще в 1852 году он писал: «Многовековой холодный анализ разрушил все те основы, на которых стояло европейское просвещение с самого начала своего развития».

В общефилософском плане близкие идеи высказывал Кант, и конечно, они были известны и Кириевскому. Но автор «Критики чистого разума» говорил об ущербности, недостаточности того миропонимания, которое предлагало естествознание XVIII века. Что же касается Кириевского, то он отчетливо увидел те потери в единстве общей картины мира, которые повлек за собой рационализм, и предлагал, по сути, новые альтернативы, связанные с возвращением к европейской гуманистической традиции, истоки которой лежат в древнегреческих представлениях о мире, единстве Природы и Человека.

Вот этот гуманистический настрой русской мысли прошел через все ее проявления. Он свойственен не только философии. В литературе он проявился не менее сильно. Н.Гоголь, Ф.Достоевский и Л.Толстой оказали влияние на всю мировую культуру и на философские течения, в частности. Он проявился в политической жизни и во многом определил характер мышления русских естествоиспытателей.

Я умышленно употребляю термин «умонастроение», ибо в России не было единой школы, но возник определенный настрой мысли, который был свойственен русской интеллигенции второй половины XIX века. Он был свойственен людям очень разных философских, политических и религиозных взглядов, от идеологов православия до приверженцев научного материализма.

Так или иначе, все это заслуживает еще специальных исследований, но в результате взаимовлияния философско-гуманитарной мысли и работы естествоиспытателей, пытавшихся по-новому осмыслить предмет своей деятельности, возникло замечательное явление, которое, собственно, и принято называть теперь «русским космизмом». Это своеобразное течение мысли – именно «умонастроение», – в рамках которого преодолевать противоречие эпохи Просвещения, и снова картина мира обретала цельность, единство, как это было в античные времена!

Человек становился снова частью Природы; развитие мысли согласно воззрениям космистов, – это уже не иррациональная категория, а процесс. Столь же естественный для природы, как и движение и эволюция небесных светил. Мысль – это важнейшая составляющая мирового процесса. Подчеркиваю – мирового, то есть космического, а не только земного.

Природа, Космос – вот что рождает Человека, рождает разум и его носителя – все эти явления космической природы. Человек должен изучать этот процесс своего становления, своего развития, своего участия в нем! Это ему необходимо для его же дальнейшего развития. И не с позиций стороннего наблюдателя, как биолог насекомого, а изнутри мирового процесса развития, как его непосредственный и активный участник. Человек по воззрениям космистов не только испытывает на себе влияние Космоса и природных процессов, поскольку является их порождением и составной частью, но и, будучи носителем Разума, он способен оказывать воздействие на космос и «естественный ход» развития окружающего мира, и все в большей степени по мере развития цивилизации. Кроме общих законов развития Природы, Разум способен формулировать свои законы, точнее, - свои правила поведения, которые суть следствие его целенаправленных усилий. И такая «искусственная» деятельность не менее реальна и не менее потенциально способна влиять на развитие мира, чем «естественный ход» событий.

Изложенные представления – уже совсем иной взгляд на вещи. В кадре подобных рассматриваний уже нет места проблеме «прибора», независимости происходящего от нашего сознания, поскольку сознание есть такой же продукт развития материи, как и все, что мы наблюдаем вокруг себя.

Но отсюда следуют и многочисленные выводы вполне «практического» характера: коль скоро человек вмешивается в природные процессы, то его действия могут изменять их в таком направлении, что деятельность людей начнет сама вредить их будущности. Возникают проблемы, общие для всего человечества. Н.Ф.Федоров, работавший в тот период в Румянцевском музее (ныне библиотека им.В.И.Ленина), так и назвал свою книгу «Общее дело».

Другими словами, позиция космистов, какими бы ни были их философские и другие воззрения, утверждала необходимость такого выбора собственных действий, который шел бы на пользу людям – был бы их общим делом.

Я постарался описать ту интеллектуальную атмосферу, в которой воспитывался В.И.Вернадский, в которой формировалось его мировоззрение – естествоиспытателя, материалиста, философа. Он вращался в кругу людей, исповедавших взгляды космистов, критически воспринимавших метафизический рационализм XVIII века. Он был дружен с семьей В.Г.Короленко, оказавшего большое влияние на юношу Вернадского. Конечно, он был в курсе всех идей «русского космизма». И в идейном плане от их воззрений, от той картины мира, до учения о ноосфере – один шаг. Но это был уже шаг не философа, а естествоиспытателя – он требовал осмысления и накопления огромного экспериментального материала и преодоления той естественно-научной традиции, которая доминировала в естествознании XIX века.

Вот почему создание учения о ноосфере, о тех ограничениях, которые накладывает Природа на общественные структуры, - это не только этап развития науки, сопоставимый с копернианской или дарвиновской революциями, но и подвиг Человека.

В XX веке стала понятной (процесс понимания был длительным и тяжелым) недостаточность принципа «постороннего наблюдателя». Новая физика, изучение микромира по-новому заставили взглянуть на многие вопросы, переоценить смысл и цели опытного изучения мира. Даже простое наблюдение превращает порой человека из зрителя в участника в течение изучаемых им процессов, ставит новые проблемы глубокого философского значения.

Огромное впечатление на физиков и лиц, следящих за ее развитием, производит согласованность фундаментальных физических констант: незначительное изменение гравитационной постоянной или скорости света, например, привело бы к тому, что в таком мире уже не могли бы возникнуть стабильные космические образования и жизнь, конечно, в ее современном понимании. В результате возник «принцип антропности», весьма популярный среди западных физиков: в мире все происходит так только потому, что мы есть! Другими словами, если бы соотношение констант, если бы те правила (законы), которые определяют процесс самоорганизации материи во Вселенной, были бы иными, то нас просто бы не было! И некому было бы изучать процессы развития, происходящие во Вселенной, и нас самих!

Примечание. Принципу антропности сейчас посвящено уже довольно много работ, принадлежащих перу виднейших физиков; популярное изложение этого принципа на русском языке читатель может найти и в статьях лауреатов Нобелевской премии С.Хокинга и Ф.Д.Дайсона, опубликованных в журнале «Природа» № 5 и 8 за 1982 год.

Принцип антропности и все рассуждения, которые с ним связаны, в точности противоположные тому общему принципу, который начал входить в науку со времен эпохи Возрождения и прочно утвердился в естествознании XIX века: истинно лишь то, что может быть установлено без ссылок на Человека, его деятельность, его способность к наблюдению.

Но ведь еще за 100 лет до появления «принципа антропности» «русский космизм», а затем и В.И.Вернадский видели в Человеке носителя разума, не только зрителя мирового процесса развития, но и его участника, способного все более и более активно вмешиваться в его течение, причем темпы его «вмешательства», его активных целенаправленных действий растут столь быстро, что теперь уже уместно говорить о том, что мы наблюдаем качественное изменение

всего хода эволюционного процесса, и, может быть, уже не только на Земле.

Вот почему мне кажется, что принцип антропности не так уж далек от идей «космизма», и, может быть, лишь использует другой язык и опирается на данные той физики, о которой столетие тому назад никто и не подозревал. Но в то же время, в самой формулировке «принципа антропности» многое еще недоговорено. Может быть, ту лаконичную формулировку «принципа антропности», данную С.Хокингом, которую я привел, следует сказать иначе, в форме известного афоризма: «Никогда такого не было, чтобы ничего не было». Будь иными физические константы (или законы физики), другой была бы Вселенная, по-другому шли бы процессы самоорганизации материи, по-другому на определенном этапе своего развития материя начала бы познавать себя, то есть возник бы Разум. И тоже появился бы какой-либо из его носителей, который утвердил свой аналог «принципа антропности»? Кто знает – может быть!

Уместны ли здесь дискуссии?

Мне кажется, здесь был бесконечно прав В.И.Вернадский, который многие сверхтрудные вопросы, на которые было мало надежды получить ответы, относил к категории «эмпирических обобщений». Я целиком разделяю эту позицию – надо воспринимать мир таким, каков он есть! Изучать его. И делать из этого определенные выводы, вырабатывая нормы собственного поведения. А накопление материала нам позволит однажды увидеть то, что сегодня скрыто за горизонтом.

Здесь я хочу обратить внимание на то, что в идейном плане учение о ноосфере – это наследие «русского космизма», в котором возрождаются те гуманистические взгляды, которые лежали в основе европейской цивилизации, в его самых глубинных истоках. Они определяли представление о том, что Природа и Человек – это единство и неразсторжимость. Но теперь общий принцип, это мировосприятие, это единство получает не только научный фундамент, но и служит источником конкретных действий. Мы начинаем понемногу понимать, что Разум, рожденный в земных условиях, для своего развития и даже просто для своего сохранения должен из зрителя и наблюдателя должен превращаться в участника мирового процесса развития. Место вопроса, который в течение тысячелетий занимал умы людей: «Зачем жить?» – сейчас занимает другая проблема: «Как жить?».

У нас нет сколько-нибудь полного ответа на этот вопрос. Но тем не менее мы уже знаем его некоторые фрагменты. Человеку предстоит – и он должен быть способен – расширять свое воздействие на окружающую среду и перестраивать самого носителя Разума – Человека, продукт сложного процесса эволюции, во многом несовершенного и плохо приспособленного Природой к той роли греческих богов, которые властвуют на Небе и роль которых ему предстоит сыграть.

«Естественная эволюция» отступает на второй план, и именно Разуму и только Разуму предстоит создавать тот образ, которому должен следовать его носитель, ибо эволюционный процесс индивидуального совершенствования практически закончился уже десятки тысяч лет тому назад. Ему придется создавать новые принципы этики и морали, и той организации «исполнителей и наблюдателей», которые по необходимости должны оказаться способными превратить этот дуализм в единство!

Учение о ноосфере и система взглядов «русского космизма» стирают представления о различии «естественного» и «искусственного». Пути развития классического естествознания, по словам В.Ф.Одоевского, нас подводят к дверям Истины, но сами двери с ее помощью не открываются. Только включение Человека в единую систему позволяет мир в его полноте и реальности. Мысль Человека, его сознание не только отражают действительность, но и являются его частью. И все порожденное мыслью и творчеством Человека столь же естественно, как и все прочие явления природы. Рукотворные создания Человека – мир искусственного – это тоже лишь фрагмент естественного, фрагмент единого мирового эволюционного процесса. Став на эту точку зрения, мы обнаруживаем новые проблемы и новые возможности.

Разуму свойственны свои законы. Он обладает волей, Он способен к целенаправленной деятельности, не только к сохранению самого себя. Но и к саморазвитию.

Прекращение биологического развития Человека, его индивидуального мозга не означает прекращения развития Разума. Ведь мозг животного и человека состоят практически из одних и тех же нейронов. Но у человека их намного порядков больше и совсем иная структура связей. Поэтому мысль о постепенном появлении коллективного Разума по мере увеличения техники связи уже не кажется абсолютно утопичной. Разум не существует абстрактно. Он имеет своего носителя – Человека, во имя которого теперь уже коллективный Разум будет предпринимать те или иные усилия и разрабатывать стратегию своего развития.

Экспозиция мировой картины превращается в видение перспектив развития, в конкретные действия. И в частности, становится очевидной необходимость качественной перестройки морально-этической основы цивилизации, преодоления тех стереотипов мышления, которые формировались сотнями поколений и которые будут служить барьером, не перешагнув через который человечество не сможет вступить в эпоху ноосферы.

Таким образом, общая гуманистическая позиция, возникшая в самых истоках европейской цивилизации, привела нас не только к такому видению мира, в котором Человек и Природа, в том числе и

Космос, представляют неразрывное существо, но и к выводам, побуждающим к действиям, ибо дальнейшее развитие мира, дальнейшая эволюция - это мы, это наши действия, целенаправленная деятельность человечества.

Любая картина мира – всегда некоторая экстраполяция. И в ней неизбежно присутствует элемент субъективизма и утопичности. Тем не менее, стремление взглянуть за горизонт всегда оправдано трудностями сегодняшнего дня и необходимостью альтернативы. А сегодня она необходима больше, чем когда бы то ни было!

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛИХАЧЕВ (р.1906)

В условиях советского идеологического контроля за гуманитарной мыслью и длительного пренебрежения официальной науки духовными ценностями национального прошлого одной из наиболее заметных фигур отечественной культуры стал академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. Далекий от политического диссидентства, посвятивший себя главным образом древнерусской литературе, он вышел через нее на широкую культурологическую проблематику и в настоящее время как по содержательности опубликованных работ, так и по возрасту является признанным патриархом отечественной гуманитарной мысли. Уже сам факт его почетного членства в многочисленных зарубежных академиях и учебных центрах, связанный с безусловным признанием его в качестве крупного ученого-русиста, обеспечил непреходящую роль Лихачева в истории российской культуры.

Д.С. Лихачев родился, как он сам пишет, в «среднеинтеллигентной» семье петербургского инженера-электрика и всю свою жизнь связан с городом на Неве. С 1938 г. он стал сотрудником Института русской литературы АН СССР («Пушкинский дом»), в то же время работал сначала доцентом, а позднее профессором ЛГУ. В 1970 г. он стал академиком. В 1986 г. стал председателем Советского Фонда культуры. Как культуролог Д.С. Лихачев выступает последовательным противником всякого рода культурной исключительности и культурного изоляционизма, продолжая линию «примирения» традиций славянофильства и западничества, восходящую к Ф.М. Достоевскому и Н.А. Бердяеву, поборником культурного единства человечества при безусловном сохранении всех национальных своеобразий.

Но наиболее оригинальным вкладом ученого в общую культурологию стала предложенная им под влиянием В.И. Вернадского идея гомосферы (т.е. человеческой сферы) Земли, а также разработка основ новой научной дисциплины — экологии культуры, задачи которой формулируются в прилагаемом отрывке.

ЗЕМЛЯ РОДНАЯ¹

Экология культуры

(...) Наука, которая занимается охраной и восстановлением окружающей природы, называется экологией и как дисциплина начинает уже сейчас преподаваться в университетах. Но экологию нельзя ограничивать только задачами сохранения природной биологической среды. Для жизни человека не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды — задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его нравственной самодисциплины и социальности. А между тем вопрос о нравственной экологии не только не изучается, он даже и не поставлен нашей наукой как нечто целое и жизненно важное для человека. Изучаются отдельные виды культуры и остатки культурного прошлого, вопросы реставрации памятников и их сохранения, но не изучается нравственное значение и влияние воздействующей силы па человека всей культурной среды во всех ее взаимосвязях, хотя сам факт воспитательного воздействия на человека его окружения ни у кого не вызывает ни малейшего сомнения. (...)

Улицы, площади, каналы, дома, парки напоминают, напоминают, напоминают... Ненавязчиво и ненастойчиво творения прошлого, в которые вложены талант и любовь поколений, входят в человека, становясь мерилom прекрасного. Он учится уважению к предкам, чувству долга перед потомками. И тогда прошлое и будущее становятся неразрывными для него, ибо каждое поколение — это как бы связующее звено во времени. Любящий свою родину человек не может не испытывать нравственной ответственности перед людьми будущего, чьи духовные запросы будут все множиться и возрастать.

Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саду, который они возделывали, в вещах, которые им принадлежали, — значит, он не любит их. Если человек не любит старые улицы, старые дома, бывшие «участниками» его юности, свидетелями исторических, революционных событий, — значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, он, как правило, равнодушен и к своей стране.

Итак, в экологии есть два раздела: экология биологическая и экология культурная, или нравственная. Убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека

¹ Лихачев Д.С. Земля родная. М., 1983.

нравственно может несоблюдение законов экологии культурной. И нет между ними пропасти, как нет четко обозначенной границы между природой и культурой. Разве не влияло на среднерусскую природу присутствие человеческого труда? Крестьянин веками трудился, ласково гладил холмы и доли сохой и плугом, бороной и косой, от того-то среднерусская, а особенно подмосковная природа такая родная, приласканная. Крестьянин оставлял леса и перелески нетронутыми, обходил их плугом, и потому они вырастал» ровными купами, точно в вазу поставленные. Избы и церкви деревенский зодчий ставил как подарки русской природе, на пригорке над рекой или озером, чтобы любовались своим отражением. Деревянные стены долго сохраняли тепло рук их строителей. Золотая маковка не только издали светилась, как яркая, веселая игрушка, но и была ориентиром для путника. Не само здание как таковое было нужно человеку, а здание, поставленное в определенном месте, украшающее его, служащее гармоническим завершением ландшафта. Поэтому и хранить памятник и ландшафт нужно вместе, а не раздельно. Вместе, в гармоническом их сочетании, они входят в душу человека, обогащая его представления о прекрасном.

Человек — существо нравственно оседлое; даже и для того, кто был кочевником, тоже существовала «оседлость» в просторах его привольных кочевий. Только безнравственный человек не обладает оседлостью и способен убивать оседлость в других. Все мною сказанное не значит, что надо приостановить строительство новых сооружений в старых городах, держать их «под стеклянным колпаком» — так искаженно хотят представить позицию защитников исторических памятников некоторые не в меру рьяные сторонники перепланировок и градостроительных «улучшений».

А это значит только то, что градостроительство должно основываться на изучении истории развития городов и на выявлении в этой истории всего живого и достойного продолжать свое существование, на изучении корней, на которых оно вырастает. И новое должно также изучаться с этой точки зрения. Иному архитектору, может, и кажется, что он открывает новое, в то время как он только разрушает ценное старое, создавая лишь некоторые «культурные мнимости». (...)

Итак, экология культуры!

Есть большое различие между экологией природы и экологией культуры, к тому же весьма принципиальное.

До известных пределов утраты в природе восстановимы. Можно очистить загрязненные реки и моря, можно восстановить леса, поголовье животных, конечно, если не перейдена известная грань, если не уничтожена та или иная порода животных целиком, если не погиб тот или иной сорт растений. (...) Природа при этом сама помогает человеку, ибо она «живая». Она обладает способностью к самоочищению, к

восстановлению нарушенного человеком равновесия. Она залечивает раны, нанесенные ей извне: пожарами, вырубками, ядовитой пылью, сточными водами.

Иначе обстоит дело с памятниками культуры. Их утраты невосстановимы, ибо памятники культуры всегда индивидуальны, всегда связаны с определенной эпохой, с определенными мастерами. Каждый памятник разрушается навечно, искажается навечно, ранится навечно. Можно создать макеты разрушенных зданий, как это было, например, в Варшаве, разрушенной нацистами, но нельзя восстановить здание как «документ», как «свидетеля» эпохи своего создания. Всякий заново отстроенный памятник старины будет лишен документальности — это только «видимость». От умерших остаются портреты. Но портреты не говорят, они не живут. В известных обстоятельствах «новоделы» имеют смысл и со временем сами становятся «документами эпохи, той эпохи, когда они были созданы.

«Запас» памятников культуры, «запас» культурной среды крайне ограничен в мире, и он истощается со все прогрессирующей скоростью на земле становится тесно для памятников культуры не потому, что земли мало, а потому, что строителей притягивают к себе старые места, обжитые и оттого кажущиеся особенно красивыми и заманчивыми для градостроителей.

Чтобы сохранить памятники культуры, необходимые для нравственной оседлости» людей, мало только платонической любви к своей стране любовь должна быть действенной. А для этого нужны знания, и не только краеведческие, но и более глубокие, объединяемые в особую научную дисциплину — экологию культуры.

Аурелио Печчеи (1908—1984)

В судьбах мировой и национальных культур уровень экономического и научно-технического развития играет важную, хотя далеко не определяющую роль. Подлинно культурные люди, равно как и наиболее культурные народы, - отнюдь не самые «богатые» и не самые технологически развитые. Культура связана совсем не с избытком материального благополучия, но прежде всего с чисто духовными идеалами, отвергающими гедонизм, роскошь и потребительское отношение к жизни. Тем более, что эти склонности человека не только «расслабляют» его самого, но и стали к концу XX в. реальной угрозой самому существованию земного шара как человеческой среды обитания. Комплекс вопросов «научно-технический прогресс — экология — культура» стал основным в практической и творческой деятельности видного итальянского экономиста, предпринимателя и организатора науки **Аурелио Печчеи**. Ему принадлежит заслуга создания международного

научно-аналитического сообщества ученых, так называемого Римского клуба, стремящегося комплексными, в том числе и математическими, методами прогнозировать будущее мировой цивилизации.

А. Печчеи происходил из семьи среднего достатка; закончил экономический факультет Туринского университета; в юности увлекался Марксом, принимал активное участие в антифашистском движении Сопротивления, арестовывался и подвергался пыткам (1944). После войны в качестве менеджера известной фирмы «Фиат» много лет работал в Китае и Аргентине и объездил весь мир, воочию увидев его современную неустроенность, беды и проблемы. Став весьма богатым человеком, он в 1968 г. по собственной инициативе основал Римский клуб, куда привлек около сотни выдающихся ученых и общественных деятелей из десятков стран, положивших начало изучению «глобальных проблем», т.е. проблем, захватывающих ныне все человечество, независимо от политического строя или уровня экономического развития. К этим проблемам, от решения которых зависит само существование цивилизации на нашей планете, относятся гонка вооружений и угроза ядерной войны; загрязнение окружающей среды и Мирового океана; истощение природных ресурсов; бесконтрольный рост народонаселения; углубление неравенства стран и регионов; расширение зоны нищеты и голода и др. Наука и техника, по Печчеи, развиваются столь стремительно и губительно для Природы, что им надо положить определенные и разумные «пределы роста». Вся эта проблематика находила отражение в регулярных докладах и проектах, разрабатываемых участниками Римского клуба, и была в популярной форме изложена Печчеи в его книге-бестселлере «Человеческие качества» (1977), переведенной на многие языки.

Судьбы не только культуры, но и всей экосистемы Земли, согласно Печчеи, зависят от принятия людьми «нового гуманизма», основными качествами которого являются чувство принадлежности к единому человечеству, любовь к справедливости и нетерпимость к насилию. Главными целями людей на пороге нового тысячелетия должны стать: научиться жить, не губя Природу; научиться жить, не губя самих себя; сохранять и ценить свое культурное наследие; трансформировать враждующие национальные государства в единое мировое сообщество; решить проблему целесообразного размещения людей в общем доме, которым является наша планета; установить на земле новый, более справедливый экономический порядок, ибо капитализм, так же, как и социализм, не были для Печчеи идеалами. «Главное, — писал он, — человеческая личность, она важнее любых дел и любых идей, ибо все они без людей равным счетом ничего не значат. А главное в каждом из нас и в нашей жизни — узы любви; ведь только благодаря им наша жизнь перестает быть кратким эпизодом и обретает смысл вечности»¹.

¹ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985. С. 311.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА¹

Триумфальное развитие западной цивилизации неуклонно приближается к критическому рубежу. Уже занесены в золотую книгу наиболее значительные успехи ее предшествующего развития. И, пожалуй, самым важным из них, определившим все остальные достижения цивилизации, явилось то, что она дала мощный импульс к развертыванию промышленной, научной и технической революций. Достигнув сейчас угрожающих размеров, они уподобились гигантским тиграм, которых не так-то просто обуздать. И, тем не менее, вплоть до недавнего времени общество умудрялось приручать их и, успешно подчиняя своей воле, понукало мчаться вперед и вперед. Время от времени на пути этой бешеной гонки вырастали трудности и преграды. Но они либо с поразительной легкостью преодолевались, либо оказывались стимулами для новых мощных скачков вперед, побуждали к развитию более совершенных движущих сил, новых средств роста. У современной цивилизации нашлись возможности для решения многих, казалось бы, неразрешимых социально-политических проблем. Так, появилась новая общественная формация — социализм, — широко использующая достижения научно-технического прогресса. Набирая все новые и новые силы, цивилизация нередко обнаруживала явную склонность навязывать свои идеи с помощью миссионерской деятельности или прямого насилия, идущих от религиозных, в частности христианских, традиций. Трудовая этика и прагматический стиль мышления послужили источниками непреодолимого напора тех идей и средств, с помощью которых она навязывала свои привычки и взгляды другим культурам и традициям. Так цивилизация неуклонно распространялась по планете, используя для этого все возможные пути и средства — миграцию, колонизацию, завоевания, торговлю, промышленное развитие, финансовый контроль и культурное влияние. Мало-помалу все страны и народы стали жить по ее законам или создавали их по установленному ею образцу. Ее нравы стали предметом поклонения и образцом для подражания; и, даже если их отвергают, все равно именно от них отталкиваются в поисках иных решений и альтернатив.

Развитие цивилизации, однако, сопровождалось расцветом радужных надежд и иллюзий, которые не могли осуществиться хотя бы по причинам психологического и социального характера. В основе ее философии и ее действий всегда лежал элитаризм. А Земля — как бы ни была она щедра — все же не в состоянии разместить непрерывно растущее население и удовлетворить все новые и новые его потребности, желания и прихоти. Вот почему сейчас в мире наметился

¹ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985.

новый, более глубокий раскол — между сверхразвитыми и слаборазвитыми странами. Но даже и этот бунт мирового пролетариата, который стремится приобщиться к богатствам своих более благополучных братьев, протекает в рамках все той же господствующей цивилизации и в соответствии с установленными ею принципами.

Маловероятно, чтобы она оказалась способной выдержать и это новое испытание, особенно сейчас, когда ее собственный общественный организм раздирают многочисленные недуги. НТР же становится все строптивее, и умирять ее все труднее и труднее. Наделив нас невиданной доселе силой и привив вкус к такому уровню жизни, о котором мы раньше и не помышляли, НТР не дает нам порой мудрости, чтобы держать под контролем наши возможности и запросы. И нашему поколению пора, наконец, понять, что только от нас зависит теперь, сможем ли мы преодолеть это критическое несоответствие, так как впервые в истории от этого зависит судьба не отдельных стран и регионов, а всего человечества в целом. Именно наш выбор предопределит, по какому пути пойдет дальнейшее развитие человечества, сможет ли оно избежать самоуничтожения и создать условия для удовлетворения своих потребностей и желаний.

Далек ли от нас критический порог? Думаю, что он уже совсем близок, и мы стремительно мчимся прямо к нему. (...)

Что же мы можем предпринять в этот последний час? Прежде всего пора, наконец, понять всем — как тем, кто принимает ответственные решения, так и рядовым людям, — что нельзя без конца уповать на всякого рода общественные механизмы, на обновление и усовершенствование социальной организации общества, когда на карту поставлена судьба человека как вида. При всей той важной роли, какую играют в жизни современного общества вопросы его социальной организации, его институты, законодательства и договоры, при всей мощи созданной человеком техники не они в конечном счете определяют судьбу человечества. И нет, и не будет ему спасения, пока оно само не изменит своих привычек, нравов и поведения. Истинная проблема человеческого вида на данной стадии его эволюции состоит в том, что он оказался неспособным в культурном отношении идти в ногу и полностью приспособиться к тем изменениям, которые он сам внес в этот мир. Поскольку проблема, возникшая на этой критической стадии его развития, находится внутри, а не вне человеческого существа, взятого как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, то и ее решение должно исходить, прежде всего, и главным образом изнутри его самого.

Проблема в итоге сводится к *человеческим качествам* и путям *их* усовершенствования. Ибо лишь через развитие человеческих качеств и человеческих способностей можно добиться изменения всей

ориентированной на материальные ценности цивилизации и использовать ее огромный потенциал для благих целей. (...)

(...) Вполне закономерен вопрос: реалистично ли ожидать подобной эволюции от рядовых мужчин и женщин планеты, если учесть, что у нас, по-видимому, осталось очень мало времени? Чтобы достаточно ответственно сформулировать ответ на этот весьма непростой вопрос, надо ясно отдавать себе отчет, что еще никогда человеческая изобретательность не подвергалась столь решающей проверке. А опыт показывает, что даже самые рядовые люди, если они до конца осознают задачу, проблему или грозящую опасность, не успокаиваются, пока не найдут средств с ними справиться.

И если так оценивать нынешнюю ситуацию, то она сразу же становится не такой уж безнадежной. Сейчас буквально повсюду люди все более и более остро чувствуют настоятельную необходимость существенно улучшить организацию мирового сообщества и усовершенствовать управление делами человечества. Настало время выявить и освободить дремлющую в каждом человеке способность видеть, понимать и созидать, направить моральную энергию людей на то, чтобы они сами создавали достойное их общее будущее¹. (...)

Третья цель: культурное наследие

Защита и сохранение культурных особенностей народов и наций совершенно справедливо объявлены, в особенности в последние годы, ключевым моментом человеческого прогресса и самовыражения. Эти положения весьма часто служат удобным прикрытием для всякого рода политических уловок и интриг. Вместе с тем люди начинают все больше опасаться, что в будущем все культуры могут оказаться на одно лицо — причем лицо, как показывает сегодняшний опыт, не слишком уж привлекательное — и что движение к обезличивающей однородности происходит уже сейчас.

Чтобы предотвратить эту опасность, маленькие и слабые страны превратили тезис о культурных различиях в основной элемент принципов нового международного экономического порядка и стратегий развития. Несмотря на все благие намерения и пустые слова в защиту культурных различий, сделано в действительности пока что очень мало. Истинной основой культурного плюрализма будущего может стать только наше нынешнее культурное наследие. А поскольку оно сейчас стремительно деградирует и исчезает, необходимы самые активные и срочные меры, чтобы остановить эти невосполнимые в будущем потери. (...)

¹ Два последних абзаца взяты из предисловия автора к первому русскому изданию.

Дальнейшее развитие технологической цивилизации, экономический рост, возрастающая мобильность людей, чьи поселения занимают большую часть твердой поверхности планеты, расширение средств массовой информации— все это сулит в будущем исполнение мрачных пророчеств окончательного и безжалостного исчезновения с лица земли львиной доли того, что еще осталось от свидетельств веры, любви, эмоций, гордости, чувства прекрасного и стремления к добру прошлых поколений.

Надо немедленно принять самые серьезные и активные меры для спасения культурного наследия человечества, которые должны охватить все без исключения области человеческой деятельности, использовать достижения всех научных дисциплин: археологии, эпиграфики¹, палеографии², философии, этнологии, антропологии и прежде всего истории, — чтобы совместными усилиями человечества защитить его культурное наследие. Для того, чтобы подтвердить уважение как к тем, кто уже ушел из этого мира, так и к тем, кто придет позже, необходимы качественно новые подходы и решения. (...) Показать пример другим или, по крайней мере, попытаться сделать первый шаг в этом направлении должны наиболее богатые историческими памятниками и традициями страны, и в первую очередь страны Европейского экономического сообщества. (...)

Организация организации

В июле 1970 года...Римский клуб приступил к работам, которые привели впоследствии к широкоизвестному докладу о *Пределах росту*. (...).

Римский клуб оставался немногочисленным – не более 100 членов, - что должно было способствовать хотя бы минимальным постоянным контактам друг с другом... Он должен быть не организацией, - в мире и так уже достаточно всякого рода организаций, (...). Он должен существовать на собственный, пусть даже скудный бюджет, чтобы ни в какой степени не зависеть ни от каких источников финансирования. Он должен быть действительно транскультурным – обращаться ко всем возможным научным дисциплинам, идеологиям и системам ценностей, не связывая себя ни с одной из них. Он должен быть не политическим (...). Он должен быть по-настоящему неформальным и способствовать самому свободному обмену мнениями между его членами. ... он должен

¹ Эпиграфика — вспомогательная историческая дисциплина, изучающая древние надписи, находящиеся на скалах, каменных плитах, глиняных, металлических и других изделиях.

² Палеография — вспомогательная филологическая дисциплина, изучающая древние рукописи с целью определения времени и места их создания.

быть готов к необходимости исчезнуть, как только отпадет в нем необходимость: нет ничего хуже идей или инструментов, которые пережили собственную полезность.

Клуб задуман как общество, ориентированное на конкретные действия, а не на дискуссии ради дискуссий. В соответствии с намеченной программой действий перед Клубом были поставлены две основные цели ... Первая цель - *способствовать и содействовать тому, чтобы люди как можно яснее и глубже осознавали затруднения человечества*. Очевидно, что эта цель включает изучение ограниченных и весьма сомнительных перспектив и возможностей выбора, которые останутся человечеству, если оно срочно не скорректирует наметившиеся ныне тенденции мирового развития. И вторая цель – *использовать все доступные знания, с тем чтобы стимулировать установление новых отношений, политических курсов и институтов, которые бы способствовали исправлению нынешней ситуации*.

(...) Римский клуб по своему составу должен представлять по своему составу как бы срез современного прогрессивного человечества. Его членами являются видные ученые и мыслители, государственные деятели, представители сферы образования, педагоги и менеджеры из более чем тридцати стран мира. Все они отличаются друг от друга образованием и жизненным опытом, занимают различное положение в обществе и придерживаются различных убеждений и взглядов.

(...) Как правило, члены правительств не могут одновременно быть членами Римского клуба.

(...) Римский клуб по самой своей природе не может служить интересам какой бы то ни было отдельной страны, нации или политической партии и не отождествляет себя ни с какой идеологией; смешанный состав не позволяет ему целиком присоединиться к позиции одной из сторон в раздирающих человечество на части спорных международных делах. У него нет и не может быть единой системы ценностей, единой точки зрения, он вообще не стремится к единомыслию. (...) И тем не менее Римский клуб отнюдь не аполитичен, более того, его как раз можно назвать политическим, в самом истинном, этимологическом значении этого слова. Ибо, способствуя изучению и осмыслению долгосрочных интересов человечества, он на деле помогает заложить новые, более прочные и созвучные времени основы для принятия важных политических решений и одновременно заставляет тех, от кого зависят эти решения, осознавать всю глубину лежащей на них ответственности.

(...) Малочисленность Римского клуба порой дает основание считать его некой элитарной группой, весьма далекой от повседневных земных проблем, которые встают перед рядовыми людьми. Это утверждение совершенно неверно. Напротив, цель Клуба как раз в том и состоит, чтобы добраться до самых корней истинных проблем нашего мира, которые стали мировыми, а следовательно, общими проблемами и

одинаково касаются всех нас. (...) Римский клуб абсолютно убежден, что судьба всех нас, наших детей и детей наших детей зависит *в конечном счете от того, как будет решаться проблематика всего мира в целом*, - зависит гораздо в большей степени, чем от того, как мы сможем преодолеть другие, более узкие, хотя и не менее важные и неотложные, проблемы; и мы намерены посвятить себя первым из них, даже рискуя оказаться непопулярными.

Есть кому заботиться о трудностях и проблемах национального или местного характера – повсюду к их услугам мэры, министры, конгрессмены, парламентарии, сенаторы и даже генералы и многие другие официальные лица, разного рода учреждения, организации... Но никто, в сущности, не несет и даже не ощущает ответственности за состояние всего мира, и возможно в этом одна из причин, почему дела в нем идут все хуже и хуже.

(...) Обычно Римский клуб проводит одно пленарное заседание в год. Остальное время он действует как «незримый колледж»,¹ члены его стараются поддерживать между собой постоянные контакты и по мере необходимости встречаются, организуя нечто вроде специальных узких дискуссионных групп.

Задание:

Сравните приведенные ниже высказывания и дайте им свою оценку.

1. Французский ученый, эколог **Дюбо**: «Часто предполагается, что прогресс зависит от способности человека покорять природу. В действительности, человечество испытывает биологические и эмоциональные потребности, которые требуют не покорения природы, а, скорее, гармоничного сотрудничества с ее силами. Конечная цель политики сохранения природы должна заключаться в обращении с окружением таким образом, чтобы оно способствовало физическому и психическому здоровью человечества и процветанию цивилизации. Но практическая цель должна заключаться не в том, чтобы сохранять, а скорее, чтобы руководить правильным развитием взаимодействия между человеком и природой».
2. **Н.Федоров** – русский философ: «Итак, мир идет к концу, а человек своей деятельностью даже способствует приближению конца, ибо цивилизация, эксплуатирующая, а не восстанавливающая, не может иметь иного результата, кроме ускорения конца. Свобода без власти

¹ Неформальное общество людей, объединенных научными интересами (Примечание А.Печчеи.)

над природой – это все равно, что освободить крестьян без земли. При такой свободе остается только ждать и прогнозировать, когда же человечеству не станет хватать угля, железа, хлеба, чтобы, в конце концов, подчиниться природе и отдать ей свою жизнь».

3. **Н.Пригожин.:** «Наверное, уместно заметить, что НТР не только дает новые технологии, но в немалой степени влияет на утерю некоторых полезных навыков. Так, например, мы навсегда потеряли секрет дамасской стали, потеряли многие рецепты народной медицины. Под угрозой ухода в небытие тибетская медицина. Утеряны многие навыки в сохранении экологического равновесия в тех областях земного шара, где его поддерживать особенно трудно. Утеряны знания народов майя, а вместе с ними и их навыки. Все это не просто издержки цивилизации и технического прогресса. Чаще всего это результат невежества и косности.

Семинар №3

Тема: Культура, нравственные ценности общества и христианская этика

Вопросы для обсуждения:

1. Назовите известные вам этические системы. Проиллюстрируйте ваши рассуждения фрагментами текстов Задания 1.
2. Понятия «мораль», «нравственность», «этика» и их содержание.
3. Система нравственных ценностей в античной цивилизации. Гомер, Гесиод, Сократ.
4. Нравственные концепции Платона и Аристотеля и их отношение к современным этическим проблемам.
5. Нравственная философия киников и стоиков и её связь с современностью.
6. Истоки и основы христианской этики.
7. Гуманистические идеи и общечеловеческие ценности.

Литература:¹

1. Аристотель. Сочинения. Т. 4: Никомахова этика. Большая этика. М., 1984.
2. Асмус В.Ф. Античная философия. М., 1976. С. 102-130.

¹ Обязательная литература выделена жирным шрифтом

3. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
4. Богомоллов А.С. Античная философия. М., 1985. С. 122-130; 266-293.
5. Бубер М. Я и ТЫ. М., 1993 // Квинтэссенция. Философский альманах.- М., 1992. С.294-371.
6. Гусейнов А.А. Золотое правило нравственности. М., 1982.
7. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Перевод М.Л.Гаспарова под ред. А.Н.Лосева. М., 1979. Гл. 8-9.
8. Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М.,1987.
9. Сенека Люций Анней. Нравственные письма к Люцилию. Пер.А.Ошерова. М., 1977.
10. **Строгецкий В.М. Античное культурное наследие и современные проблемы культуры. Н.Новгород., 1997. С.49-72.**
11. Шишкин А.Ф. Человеческая природа и нравственность. М., 1987.
12. Антология кинизма /отв. ред. И.М.Нахов/ М., 1986.
13. Библер В.С. Нравственность. Культура. Современные философские размышления о жизненных проблемах. М., 1990.
14. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. М., 1992.
15. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.,1993.
16. Платон. Собрание сочинений. Т.3. (Государство); Т.4 (Законы). Под ред А.Ф.Лосева, В.Ф.Асмуса, А.А.Тахо-Годи. М., 1994.
17. Розанов Р.В. О себе и жизни своей. М., 1991.
18. Честертон Г. Вечный человек. М., 1991.

Задание 1.

1. **Прочтите фрагменты текстов, в которых представлены морально-этические и нравственные ценности разных типов культуры в соответствии с различными мировыми религиями, являющимися их мировоззренческим ядром. Определите, какие из предлагаемых текстов принадлежат иудаистской, христианской, исламской, индо-буддийской, древнегреческой культурной традиции.**
1. Братья, мы блуждаем по печальному, пустынному пути перерождений, только потому, что не знаем четырех истин спасения. Вот, братья, высокая истина страдания: рождение есть страдание, старость есть страдание, болезнь есть страдание, смерть есть страдание, разлука с людьми любимыми есть страдание, близость людей нелюбимых есть

страдание, недостижимость желаний есть страдание. [...] Вот, братья, высокая истина о происхождении страдания: это – жажда бытия (танха), ведущая от перерождения к перерождению, это – влечение к удовлетворению чувственности, влечение к индивидуальному счастью. Вот, братья, высокая истина об уничтожении страдания, - это совершенное уничтожение жажды бытия, уничтожение вожделений; их должно уничтожить, отрешиться от них, положить им предел. Вот, братья, высокая истина о пути, ведущем к уничтожению страдания, - это высокий, осмеричный путь, который называется истинной верой, истинной решимостью, истинным словом, истинным делом, истинной жизнью, истинным стремлением, истинными помыслами, и истинным самопознанием.

2. 23 (22). Не делай другого божества, чтобы не оказаться тебе порицаемым, оставленным.
- 24 (23). И решил твой Господь, чтобы вы не поклонялись никому, кроме него, и к родителям – благодеяние. Если достигнет у тебя старости один из них или оба, то не говори им – тьфу! и не кричи на них, а говори им слово благодеяние.
- 25 (24). И преклоняй перед ними обоими крыло смирения из милосердия и говори: «Господи! Помилуй их, как они воспитали меня маленьким».
- 26 (25). Господь ваш лучше знает, что у вас в душах, если вы добродеещи.
27. И поистине, Он к обращающимся прощающь!
- 28 (26). И давай родственнику должное ему, и бедняку, и путнику и не расточай безрассудно.
- 29 (27). Ведь расточителям – братья сатаны, а сатана своему Господу не благодарен.
- 30 (28). А если ты отворишься от них, ища милости от своего Господа, на которую надеешься, то скажи им слово легкое.
- 31 (29). Не делай твою руку привязанной к шее и не расширяй её всем расширением, чтобы не остаться тебе порицаемым, жалким.
- 32 (30). Поистине, Господь твой простирает удел, кому Он желает, и распределяет. Поистине, Он о Своих рабах знающ и видящ!
- 33 (31). И не убивайте ваших детей из боязни обеднения: Мы пропитаем их и вас; поистине, убивать их – великий грех!
- 34 (32). И не приближайтесь к прелюбодеянию, ведь это мерзость и плохая дорога!
- 35 (33). И не убивайте душу, которую запретил...иначе, как по праву. А если кто был убит несправедливо, то Мы его близкому дали власть, но пуст он не излишествует в убиении. Поистине, ему оказана помощь.

- 36 (34). И не приближайтесь к имуществу сироты иначе, как с тем, что лучше, пока он не достигнет своей зрелости, и исполняйте верно договоры, ведь о договоре спросят.
- 37 (35). И будьте верны в мере, когда отмериваете, и взвешивайте правильными весами. Это – лучше и прекраснее по результатам.
- 38 (36). И не следуй за тем, о чем у тебя нет знания: ведь слух, зрение, сердце – все они будут об этом спрошены.
- 39 (37). И не ходи по земле горделиво: ведь ты не просверлишь землю и не достигнешь гор высотой!.
- 40 (38). Зло всего этого у господина отвратительно.
- 41 (39). Это – то, что внушил тебе Господь из мудрости, и не сотворяй... другого божества, а то будешь ввергнут в генну порицаемым, презренным!

3.

1. .Я- Иегова, твой бог; не поклоняйся иному богу.
2. Праздник опресноков соблюдай: семь дней ешь пресный хлеб.
3. Все, разверзающее ложесна, принадлежит мне, также и весь скот твой мужского пола, первенцы из волов и овец.
4. Соблюдай мои Субботы; шесть дней работай, а седьмой день отдыхай.
5. Праздник седмиц совершай, праздник первых плодов пшеничной жатвы.
6. Праздник собирания плодов совершай в конце года.
7. Не изливай крови жертвы моей на квасной хлеб.
8. Тук от праздничной жатвы моей не должен оставаться всю ночь до утра.
9. Самые первые плоды земли твоей приноси в дом господина, бога твоего.
10. Не вари козленка в молоке матери его.

- 4 Первой же вашей обязанностью было любить родителей и угождать им. Верьте одной великой истине: куда человек жив, он не должен отчаиваться. От величайшего горя он может перейти к величайшей радости, от ужаснейшего бедствия – к полнейшему блаженству. Постарайтесь запомнить четыре следующие предложения, которые могут вам пригодиться: сталь ломается, как бы ни была она крепка; нередко кажется несокрушимым то, что, в сущности, легко уничтожить; гордый, ставя себя выше других, воображает, что все ему поклоняются, другие же, считая его ниже себя, не обращают на него никакого внимания; излишне снисходительный, со всеми соглашаясь, чтобы всего достигнуть,

делается всегда игрищем собственного легковерия. ... Эти правила, как ни кажутся они просты, могут довести до высочайшей ступени мудрости того, кто, проникнув в их смысл, согласно им будет вести себя.

5 Я - Ягве, Бог твой, который вывел тебя из земли Мицраим, из Дома рабства. Ты не должен иметь других богов перед Лицом моим.

Ты не должен делать себе никакого изображения божества.

Ты не должен употреблять понапрасну имя Ягве, Бога твоего.

Помни день Субботы, чтобы праздновать его.

Почитай отца и мать.

Ты не должен убивать.

Ты не должен распутничать.

Ты не должен красть.

Ты не должен давать ложного свидетельства на ближнего своего.

Не желай дома ближнего твоего, ни жены его, ничего, что у ближнего твоего.

6. ...Воспитание страдания, великого страдания, - разве вы не знаете, что только это воспитание возвышало до сих пор человека? То напряжение души в несчастье, которое прививает ей крепость, её содрогание при виде великой гибели, её изобретательность и храбрость в перенесении, истолковании, использовании несчастья, и все, что давало ей глубину, тайну, личину, ум, хитрость, величие, - разве не было даровано ей это под оболочкой страдания? В человеке тварь и творец соединены воедино: в человеке есть материал, обломок, глина, грязь, бессмыслица, хаос; но в человеке есть также и творец, ваятель, твердость молота. Божественный зритель и седьмой день – понимаете ли вы это противоречие? И понимаете ли вы, что ваше сострадание относится к твари в человеке, к тому, что должно быть сформовано, обожжено, закалено, очищено – к тому, что страдает по необходимости и должно страдать? А наше сострадание – разве вы не понимаете, к кому относится наше обратное сострадание, когда оно защищается от вашего сострадания как от самой худшей изнеженности и слабости?

7. ...Добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот и не ест.

Забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния.

Высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов.

Коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного.

Гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку – друг, товарищ и брат.

Честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни.

Взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей.

Непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству.

Дружба и братство всех народов...нетерпимость к национальной и расовой неприязни.

Непримиримость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов.

Братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами.

8. Добродетель необходимо есть прекрасное, потому что, будучи благом, она еще заслуживает похвалы. Добродетель, как кажется, есть возможность приобретать блага и сохранять их, вместе с тем возможность делать благодеяния другим во многих важных случаях и всем вообще во всевозможных случаях. Части добродетели составляют справедливость, мужество, благоразумие, щедрость, великодушие, бескорыстие, кротость, рассудительность, мудрость. Раз добродетель есть способность оказывать благодеяния, величайшими из добродетелей необходимо будут те, которые наиболее полезны для других. Вследствие этого наибольшим почётом пользуются люди справедливые и мужественные, потому что мужество приносит пользу людям во время войны, а справедливость и в мирное время. Затем следует благородная широта натуры (*eleutheriotes*), потому что такие люди легко отказываются от денег и не затевают споров из-за них, а они составляют главный предмет стремлений для других. Справедливость (*dicaiosyne*) – такая добродетель, в силу которой каждый владеет тем что ему принадлежит. [...] Умеренность (*sophrosyne*) – добродетель, в силу которой люди так относятся к физическим наслаждениям, как повелевает закон; невоздержанность (*acolasia*) – противоположное этому качество. Благородная широта натуры – в способности охотно помочь деньгами, а скарденность (*aneleytheria*) – качество противоположное. Великодушие (*megalopsychia*) – добродетель, побуждающая к совершению великих благодеяний, ничтожность (*micropsychia*) – качество противоположное. Щедрость (*megalopreia*) – добродетель, побуждающая к крупным издержкам, мелочность и скряжничество (*micropsychia* *cai* *micropreia*) – качества противоположные.

Рассудительность (phronesis) – есть интеллектуальная добродетель, в силу которой люди в состоянии судить о значении перечисленных выше благ и зол для блаженства.

По результатам своих исследований заполните табл. 1

Таблица 1¹

Тип культуры	№ текста
Христианство	
Буддизм	
Ислам	
Древнегреческая культура	
Иудаизм	
Конфуцианство	
Коммунизм	

Задание 2.

Проанализируйте приведенные выше тексты и по результатам ваших исследований заполните табл. 2.

Таблица 2.

	Ислам	Христианство	Буддизм	Иудаизм
Образ абсолюта (бога, божественной силы, богов и т.д.)				
Образ человека				
Принципы взаимоотношений между абсолютом и человеком				
Моральные требования к человеку и характер их декларирования				
№ текста				

¹ В таблице представлены лишь *некоторые* типы нравственно-этических учений, лежащих в основе соответствующих типов культуры. Перечень данных типов культуры не претендует на полную и законченную типологию, а включает наиболее влиятельные и массовые этические направления мировой культуры.

Материалы для обсуждения

Ксенофонт

Воспоминания о Сократе¹

Вопросы:

1. Что такое мудрость в этическом учении Сократа?
2. Как вы думаете, актуальны ли в наши дни суждения Сократа о нравственности? Если «да», то какие из них вам более всего близки?

Глава 5. Сократ внушал ученикам воздержание

Предположим, при конце жизни мы хотели бы поручить кому-нибудь воспитание малолетних сыновей, охрану чести дочерей-девушек, сбережение имущества: сочли бы мы заслуживающим такого доверия человека невоздержного? А рабу невоздержному поручили бы мы скотину, кладовые, надзор за полевыми работами? А в домашние слуги и закупщики провизии захотели бы мы взять такого хоть даром? Но, если даже раба невоздержного мы не взяли бы к себе, то не следует ли самому-то человеку остерегаться стать таким? Корыстолюбцы, отнимая деньги у других, думают, что обогащают себя; но про невоздержного человека нельзя сказать, что он для других вреден, а для себя полезен: нет, он — злодей для других, но для себя еще больший злодей, если только величайшее злодеяние — губить не только свой дом, но и тело и душу. В дружеской компании кому понравится человек, про которого известно, что вкусные блюда и вино он предпочитает друзьям и проституток любит больше, чем товарищей? Не следует ли каждому проникнуться убеждением, что воздержание есть основа добродетели, и его прежде всего запasti в душе? И действительно, кто может без него приобрести какие-нибудь полезные знания или достигнуть упражнением значительного навыка в них? Какой раб чувственных наслаждений не доведет до позорного состояния и тело и душу? Мне кажется, клянусь Гефестом, свободный человек не желает получить такого раба, а рабу таких наслаждений следует молить богов о том, чтоб ему получить хороших господ: лишь в этом случае такой человек может спастись.

Глава 7. О хвастовстве

Посмотрим также, не внушал ли он своим собеседникам стремления к нравственному совершенству тем, что удерживал их от хвастовства.

¹ Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М., 1993. С. 31, 35, 36, 96-99, 138-142.

Он всегда говорил, что нет лучшего пути к славе, как сделаться на самом деле хорошим в том, в чем хочешь казаться хорошим. Истину этого тезиса он доказывал так.

Представим себе, говорил он, что надо делать человеку, который хотел бы иметь репутацию хорошего флейтиста, если он на самом деле не таков. Не следует ли ему подражать хорошим флейтистам в том, что не имеет прямого отношения к искусству? Прежде всего, так как они имеют красивые костюмы и ходят в сопровождении массы слуг, то и ему надо припасти себе побольше хвалителей. Но за самое дело нигде не следует браться: иначе он сейчас же окажется в смешном положении, и все увидят, что он — не только плохой флейтист, но еще и хвастун. Но, если он расходов нести будет много, а пользы получать никакой не будет, да сверх того еще будет иметь дурную репутацию, не будет ли жизнь его тяжелой, убыточной, всеми осмеянной? Подобным образом вообразим себе, что случилось бы с человеком, который хотел бы казаться хорошим командиром или рулевым, не будучи таким на самом деле. Если бы он, желая казаться способным к этой деятельности, не мог убедить в этом других, разве не было бы это для него горем, а если бы убедил, то еще большим несчастьем? Ведь несомненно, что, получив назначение править рулем или командовать войском, человек не умеющий был бы причиной гибели тех, кого вовсе не хотел бы губить, и сам должен был бы ретироваться с позором и горем.

Точно так же, доказывал он, невыгодно считаться богатым, храбрым, сильным, не будучи таковым: к ним предъявляют требования, говорил он, превышающие их силы, и если они не могут их исполнить, но считаются достаточно способными, то снисхождения они не получают.

Мошенником называл он немалым и того, кто получит от кого-нибудь с его согласия деньги или посуду и не возвратит этого; но величайшим мошенником называл он того, кто, на самом деле, будучи ничего не стоящим человеком, сумеет обмануть сограждан, убедив их в своей способности стоять во главе государства.

Вот такими разговорами, казалось мне, он удерживал своих собеседников и от хвастовства.

Глава 9. Определение понятий «храбрость» и других

В другой раз Сократу предложили вопрос о храбрости, можно ли ей научить человека, или она — природный дар. Он дал такой ответ. Как одно тело от рождения имеет больше силы для перенесения трудов, чем другое тело, так, думаю, и одна душа от природы бывает крепче другой в перенесении опасностей: как я вижу, люди, получая воспитание при одних и тех же законах и обычаях, тем не менее отличаются друг от друга смелостью. Но я все-таки думаю, что при всяких природных свойствах в человеке можно развивать храбрость путем обучения и упражнения: так, например, скифы и фракийцы, несомненно, не

осмелились бы с большим щитом и длинным копьем сражаться со спартамцами, и, наоборот, спартамцы, очевидно, не решились бы вступить в бой с фракийцами, вооруженные маленьким щитом и дротиком, и со скифами, вооруженные луком. Подобно этому и во всем остальном, как я вижу, люди и по природе отличаются друг от друга, и в то же время благодаря упражнению достигают значительного прогресса. А из этого следует, что все люди, как с хорошими, так и с плохими природными способностями должны учиться и упражняться в той области, в которой хотят стать известной величиной.

Между мудростью и нравственностью Сократ не находил различия: он признавал человека вместе и умным и нравственным, если человек, понимая, в чем состоит прекрасное и хорошее, руководится этим в своих поступках и, наоборот, зная, в чем состоит нравственно безобразное, избегает его. В ответ на дальнейший вопрос, считает ли он умными и воздержными тех, кто знает, что должно делать, но поступает наоборот, он сказал: столь же мало, как неумных и невоздержных: все люди, думаю я, делая выбор из представляющихся им возможностей, поступают так, как находят всего выгоднее для себя. Поэтому, кто поступает неправильно, тех я не считаю ни умными, ни нравственными.

Сократ утверждал также, что и справедливость и всякая другая добродетель есть мудрость. Справедливые поступки и вообще все поступки, основанные на добродетели, прекрасны и хороши. Поэтому люди, знающие, в чем состоят такие поступки, не захотят совершить никакой другой поступок вместо такого, а люди не знающие не могут их совершать и, даже если пытаются совершить, впадают в ошибку. Таким образом, прекрасные и хорошие поступки совершают только мудрые, а немудрые не могут и, даже если пытаются совершить, впадают в ошибку. А так как справедливые и вообще все прекрасные и хорошие поступки основаны на добродетели, то из этого следует, что и справедливость и всякая другая добродетель есть мудрость.

Сумасшествие, говорил Сократ, есть нечто противоположное добродетели; однако познания он не считал сумасшествием; но не знать самого себя или воображать, будто знаешь то, чего не знаешь, это, он думал, очень близко к сумасшествию. Однако в просторечии, продолжал он, про людей, делающих ошибки в том, чего народная масса не знает, не говорят, что они — сумасшедшие; только делающих ошибки в том, что знает масса, называют сумасшедшими. Так, например, если кто считает себя каким-то таким великаном, что наклоняется при проходе через ворота в городской стене, или таким силачом, что пробует поднимать дома или браться за что-нибудь другое, очевидно невозможное, — про того говорят, что он сумасшедший. А кто делает мелкие ошибки, тех не считают сумасшедшими: как сильную страсть

называют влюбленностью, так и большую ненормальность ума называют сумасшествием.

Исследуя вопрос, что такое зависть, Сократ находил, что она есть некоторая печаль, но печаль не о несчастьи друзей или о счастье врагов: завистники, говорил он, только те, кто горюет по поводу счастья друзей. Когда некоторые удивлялись, как можно, любя кого-нибудь, печалиться о его счастье, он напоминал, что у многих бывает к тем или другим лицам такое чувство, при котором они не могут равнодушно смотреть на их бедствия и помогают им в несчастьи, но при счастье их они испытывают печаль. Впрочем, с человеком рассудительным этого не может случиться, а у дураков всегда есть это чувство.

Исследуя вопрос, что такое досуг, Сократ находил, что огромное большинство людей, правда, всегда что-то делает: и игроки в кости и шуты тоже что-то делают; но на самом деле, говорил он, все они ничего не делают, потому что имеют возможность пойти и заняться чем-нибудь лучшим. Но перейти от лучшего занятия к худшему ни у кого нет времени; а если бы кто и перешел, то поступил бы дурно, потому что свободного времени у него нет.

Цари и правители, говорил Сократ, — не те, которые носят скипетр или избраны кем попало или получили власть по жребию или насилием или обманом, но те, которые умеют управлять. Когда собеседник Сократа соглашался, что дело правителя — приказывать, что делать, а подчиненного — повиноваться, Сократ указывал на то, что и на корабле управляет знающий, а хозяин корабля и все пассажиры повинуются знающему, точно так же, как при сельских работах владельцы земли, при болезни больные, при гимнастических упражнениях учащиеся гимнастике и вообще все, у кого есть дело, требующее забот, если считают себя знающими его, то сами заботятся; а если нет, то не только слушаются знатоков, когда они есть налицо, но даже, когда их нет, приглашают их, чтобы под их руководством делать, что нужно. В прядильном деле, указывал Сократ, даже женщины распоряжаются мужчинами, потому что женщины знают, как прясть, а мужчины не знают.

Если кто возражал на это, что у тирана есть возможность не слушать разумных советников, Сократ говорил: Да как же можно не слушать, когда грозит ущерб, если не послушаешь доброго советника? Ведь если не послушаешь доброго советника в каком-нибудь деле, то, несомненно, сделаешь ошибку, а за ошибку заплатишься.

Если кто указывал, что у тирана есть возможность даже казнить умного советника, Сократ говорил: А кто казнит своих лучших помощников, неужели, думаешь ты, остается безнаказанным или отделяется лишь каким-нибудь пустым ущербом? Как ты думаешь,

кто так поступает, имеет больше шансов остаться невредимым или при таком образе действий может даже очень скоро погибнуть?
(...)

О воздержности

А теперь я расскажу, как Сократ развивал в друзьях своих способность к практической деятельности. Исходя из принципа, что для всякого, кто хочет чем-нибудь прославиться, обладание воздержностью — счастье, Сократ прежде всего сам являл собою окружающим его пример воздержности в такой степени, в какой ею не обладал никто на свете; затем, и беседами своими он старался направить друзей своих главным образом к воздержности. Поэтому он и сам постоянно помнил о том, что способствует нравственному совершенству, и всем друзьям об этом напоминал. Мне известно, что однажды он вел такую беседу и с Евфидемом о воздержности.

Скажи мне, Евфидем, как ты думаешь, свобода — прекрасное, великое достояние как отдельного человека, так и целого государства?

Как нельзя более, отвечал Евфидем.

Так вот кто находится под властью чувственных наслаждений и из-за них не может поступать наилучшим образом, тот, по-твоему, свободен?

Никоим образом, отвечал Евфидем.

Верно, ты находишь, что свобода состоит в том, чтоб поступать наилучшим образом, а потому иметь людей, мешающих поступать так, считаешь отсутствием свободы?

Совершенно верно, отвечал Евфидем.

Значит, невоздержные люди кажутся тебе совершенно несвободными?

Несомненно так, клянусь Зевсом.

Как же ты думаешь, невоздержным только мешают поступать благородно или еще заставляют поступать подло?

Я думаю, их не в меньшей степени заставляют делать последнее, чем мешают делать первое.

Каковы же господа, по-твоему, которые мешают делать хорошее, а заставляют делать дурное?

Самые скверные, какие только могут быть, клянусь Зевсом, отвечал Евфидем.

А какое рабство, по-твоему, самое скверное?

По-моему, рабство у самых скверных господ, отвечал Евфидем.

Значит, невоздержные находятся в самом скверном рабстве?

Мне думается, да, отвечал Евфидем.

Не находишь ли ты, что невоздержность удаляет от человека мудрость, это высшее благо, и ввергает его в противоположное состояние? Или, может быть, ты не думаешь, что она мешает человеку устремлять внимание на полезное и изучать это, отвлекая его к наслаждениям, и часто побуждает его отдавать предпочтение худшему перед лучшим, отнимая разум, хотя он понимает, что хорошо и что дурно?

Бывает это, отвечал Евфидем.

А умение властвовать собой кому так мало свойственно, как невоздержному? Ясно, что действия человека, властвующего собой, и невоздержного совершенно противоположны.

Согласен и с этим, отвечал Евфидем.

А для занятия каким-нибудь делом, как ты думаешь, есть ли большая помеха, чем невоздержность?

Не думаю, отвечал Евфидем.

А как ты думаешь, есть ли для человека что-нибудь хуже, чем страсть, побуждающая его отдавать предпочтение вредному перед полезным, склоняющая его о вредном заботиться, а полезное оставлять без внимания и заставляющая его делать противоположное тому, что делает человек, умеющий властвовать собой?

Ничего нет, отвечал Евфидем.

Естественное следствие отсюда то, что воздержность является у человека причиной действий, противоположных действиям невоздержности?

Конечно, отвечал Евфидем.

Естественное следствие отсюда то, что и та причина противоположных действий есть что-то в высшей степени хорошее?

Да, так должно быть, отвечал Евфидем.

Из этого следует, Евфидем, сказал Сократ, что воздержность есть что-то в высшей степени хорошее для человека?

Следует, Сократ, отвечал Евфидем.

А приходило ли тебе когда в голову, Евфидем, вот что?

Что? спросил Евфидем.

Что даже к наслаждениям, к которым только и ведет, по-видимому, людей невоздержность, на самом деле она не может привести, а, наоборот, воздержность доставляет больше всего радостей?

Как же это? спросил Евфидем.

Невоздержность не позволяет терпеть ни голода, ни жажды, ни любовных томлений, ни бессонных ночей, а между тем чрез это только и можно с удовольствием есть, пить, предаваться любви, с удовольствием отдыхать и спать, если подождать и потерпеть до той поры, когда все это станет приятным в самой высокой степени; таким образом, невоздержность мешает наслаждаться, как следует, самыми необходимыми удовольствиями, которые постоянно доступны человеку. Напротив, только одна воздержность дает человеку возможность терпеть названные сейчас неудобства, и одна только она дает ему возможность наслаждаться в этих случаях, как следует.

Совершенная правда, отвечал Евфидем.

Наконец, если нужно приобрести какие-нибудь полезные, благородные сведения и заниматься одной из таких наук, которые дают человеку возможность укрепить тело, хорошо вести хозяйство, приносить пользу друзьям и отечеству, одолеть врагов,— наук, от которых бывает не только польза, но и огромное удовольствие, то воздержные этими предметами занимаются и получают пользу и удовольствие, а невоздержные не имеют к ним ни малейшего отношения. Кому, в самом деле, все подобное чуждо в такой степени, как не им? Они поглощены стремлением к удовольствиям, которые даются без усилий, и не имеют возможности заниматься этими предметами.

Тут Евфидем сказал: Ты хочешь сказать, по-видимому, Сократ, что человеку, не могущему бороться с чувственными наслаждениями, совершенно чужда всякая добродетель?

Да, Евфидем, отвечал Сократ, чем же отличается человек невоздержный от животного самого неразумного? Кто не задается высокими целями, а гонится всеми способами только за наслаждениями, чем может тот отличаться от безрассудных скотов? Нет, только воздержные могут задаваться высокими целями и, разделяя в теории и на практике предметы по родам, хорошим отдавать предпочтение, а дурных избегать.

При таком методе, говорил Сократ, люди становятся высоконравственными, очень счастливыми и весьма способными к диалектике. Да и слово «диалектика», говорил он, произошло оттого, что люди, совещаюсь в собраниях, разделяют предметы по родам. Поэтому надо стараться как можно лучше

**Аристотель.
Никомахова этика¹**

Вопросы:

- 1. В чем, по мнению Аристотеля, состоит благо человека? Подтвердите ваши рассуждения цитатами.**
- 2. Каков взгляд Аристотеля на добродетель, какой смысл он вкладывает в это понятие?**
- 3. В чем, по мнению Аристотеля, состоит человеческое счастье? Как это понятие связано с «благом» и «добродетелью»?**

Книга первая (А)

Всякое искусство и всякое учение, а равным образом поступок и сознательный выбор, как принято считать, стремятся к определенному благу. Поэтому удачно определяли благо как то, к чему все стремится. В целях, однако, обнаруживается некоторое различие, потому что одни цели – это деятельности, другие – определенные отдельные от них результаты. В случаях, когда определенные цели существуют отдельно от действий, результатам естественно быть лучше [соответствующих] деятельностей.

Так как действий, искусств и наук много, много возникает и целей. У врачевания – это здоровье, у судостроения – судно, у военачальника – победа, у хозяйствования – богатство. Поскольку ряд таких искусств и наук подчиняется одному какому-нибудь умению (*dynamis*) – подобно тому как искусство делать уздечки и все прочее, что относится к конской сбруе, подчинено искусству править лошадьми, а само оно, как и всякое действие в военном деле, подчинено искусству военачальника, и таким же образом остальные искусства подчинены каким-то другим, [≠] постольку во всех случаях цели управляющих искусств и наук заслуживают предпочтения перед целями подчиненных; в самом деле, ведь последние преследуют ради первых...

Если же у того, что мы делаем, существует некая цель, желанная нам сама по себе, причем остальные цели желанны ради нее и не все цели мы избираем ради иной цели (ибо так мы уйдем в бесконечность, а значит наше стремление бессмысленно и тщетно), то ясно, что цель эта есть собственно благо (*tagaton*), т.е. наивысшее благо (*to ariston*).

Разве познание его не имеет огромного влияния на образ жизни? И словно стрелки□, видя мишень перед собою, разве не вернее достигнем мы должного? А если так, надо попытаться хотя бы в общих чертах представить себе, что это такое и к какой из наук, или какому из умений,

¹ Аристотель. Сочинения. Т. 4: Никомахова этика. Большая этика. М., 1984.

имеет отношение. Надо, видимо, признать, что оно, высшее благо, относится к ведению важнейшей науки, т.е. науки, которая главным образом управляет. А такой представляется наука о государстве, или политика. Она ведь устанавливает, какие науки нужны в государстве и какие науки и в каком объеме должен изучать каждый. Мы видим, что наиболее почитаемые умения, как-то: умения в военачалии, хозяйствования и красноречии – подчинены этой науке. А поскольку наука о государстве пользуется остальными науками как средствами, и, кроме того, законодательство определяет, какие поступки следует совершать и от каких воздерживаться, то ее цель включает, видимо, цели других наук, а, следовательно, эта цель и будет высшим благом для людей вообще.

Даже если для одного человека благом является то же самое, что для государства, более важным и более полным представляется все-таки благо государства, достижение его и сохранение. Желанно, разумеется, и благо одного человека, но прекрасней и божественней благо народа и государств.

Итак, настоящее учение как своего рода наука о государстве имеет это (т.е. достижение и сохранение блага государства), своей целью.

(...)

...большинство, т.е. люди весьма грубые, разумеют под благом и счастьем удовольствие, и потому для них желанна жизнь, полная наслаждений. Существует ведь три основных образа жизни: во-первых, только что упомянутый, во-вторых, государственный и, в-третьих, созерцательный.

И вот большинство, сознательно избирая скотский образ жизни, полностью обнаруживает свою низменность, однако они находят оправдание в том, что страсти многих могущественных людей похожи на страсти Сарданапалла.¹

Люди достойные и деятельные понимают под благом и счастьем почет, а цель государственного образа жизни почти это и есть. Но и такое кажется слишком поверхностным в сравнении с искомым благом. действительно, считается, что почет больше зависит от тех, кто его оказывает, нежели от того, кому его оказывают, а в благе мы угадываем нечто внутреннее присущее и неотчуждаемое. Кроме того, к почету стремятся, наверное для того, чтобы удостовериться в собственной добродетели. Поэтому добиваются почета у людей рассудительных и знакомых и притом почета за добродетель. Ясно, стало быть, что по крайней мере для таких добродетель лучше почета. Вероятно, ее даже скорее можно представить себе целью государственного образа жизни. Но оказывается, и она не вполне совпадает с этой целью. В самом деле, обладать добродетелью можно, как кажется, и во время сна или всю

¹ Персидское имя.

жизнь бездействуя, а, кроме того, обладая ею, можно пережить беды и величайшие несчастья. Но того, кто так живет, пожалуй не назовешь счастливым, разве только отстаивая положения своего учения.

Вернемся теперь к искомому благу: чем оно могло быть? Кажется, что оно различно для различных действий и искусств: одно благо для врачевания, другое – для военачалия и точно так же для остального. Что же тогда вообще благо в каждом случае? Может быть то, ради чего все делается? Для врачевания – это здоровье, для военачалия – победа, для строительства – дом и т.д., а для всякого поступка и сознательного выбора – это цель, потому что ради нее все делают все остальное. Поэтому, если для всего, что делается есть некая цель, она-то и будет благом, осуществляемым в поступке, а если таких целей несколько, то соответственно и благ несколько.

Поскольку целей несколько, а мы выбираем из них какую-то определенную (например, богатство... и вообще орудия) как средство для другого, поскольку ясно, что не все цели конечны, т.е. совершенны. А наивысшее благо представляется чем-то совершенным. Следовательно, если существует только какая-то одна совершенная и конечная цель, она и будет искомым благом, если же целей несколько, то искомое благо – самая совершенная из них, т.е. конечная. Цель, которую преследуют саму по себе, мы считаем более совершенной, чем та, к которой стремятся как к средству для другого, причем цель, которую никогда не избирают как средство для другого, считаем более совершенной, чем цели, которые избирают как сами по себе так и в качестве средств для другого, а безусловно совершенной называем цель, избираемую всегда саму по себе и никогда как средство. Принято считать, что, прежде всего, такой целью является счастье. Ведь его мы всегда избираем ради него самого и никогда ради чего-то другого, в то время как почет, удовольствие, ум и всякая добродетель избираются как ради них самих (ибо на каждом из этих благ, пусть из него ничего не следует, мы бы все-таки остановили выбор), так и ради счастья, ибо они представляются нам средствами к достижению счастья. Счастье же никто не избирает ради этих благ, ни ради чего-то другого.

То же самое получится, если исходить из самодостаточности, потому что совершенное благо считается самодостаточным. Понятие самодостаточности мы применяем не к одному человеку, ведущему одинокую жизнь, но человеку вместе с родителями и детьми, женой и вообще всеми близкими и согражданами, поскольку человек – по природе существо общественное. Но здесь надо принять известное ограничение: в самом деле, если расширять понятие общества до предков и потомков и до друзей наших друзей, то придется уйти в бесконечность. (...) Здесь мы полагаем самодостаточным то, что одно только делает жизнь достойной избрания и ни в чем не нуждающейся, а таковую мы и считаем счастьем. Кроме того, мы считаем, что счастье

больше всех благ достойно избрания, но в то же время не стоит в одном ряду с другими. Иначе счастье, разумеется, делалось бы более достойным избрания с добавлением даже наименьшего из благ, потому что добавлением создается перевес в благе, а большее из благ всегда достойнее избрания. Итак, счастье, как цель действий [≠] это очевидно нечто совершенное, полное, конечное, самодостаточное.

Впрочем, называть счастье высшим благом кажется чем-то общепризнанным, но непременно нужно отчетливее определить его суть.

(...)

Итак, блага подразделяют на три вида: так называемые внешние, относящиеся к душе и относящиеся к телу, причем относящиеся к душе мы все называем благами в собственном смысле слова и по преимуществу, но мы именно действия души и ее деятельности представляем относящимися к душе. Таким образом получается, что наше определение высшего блага и счастья правильно, по крайней мере оно согласуется с тем воззрением, которое и древнее и философами разделяется.

Определение верно еще и потому, что целью оно называет известные действия и деятельности, ибо тем самым целью оказывается одно из благ, относящихся к душе, а не одно из внешних благ.

С нашим определением согласуется и то, что счастливый благоденствует и живет благополучно, ибо счастьем мы выше почти было называли некое благоденствие и благополучие.

По-видимому, все, что обычно видят в счастье, - все это присутствует в данном нами определении. Одним счастьем кажется добродетель, другим – рассудительность, третьим - известная мудрость, а иным - все это вместе или что-нибудь одно в соединении с удовольствием или не без участия удовольствия; Есть, наконец, и такие, что включают в понятие счастья и внешнее благосостояние. Одни из этих воззрений широко распространены и идут из древности, другие же разделяются немногими, однако знаменитыми людьми. Разумно, конечно, полагать, что ни в том, ни в другом случае не заблуждаются всецело, а напротив, хотя бы в каком-то одном отношении или даже в основном бывают правы.

Наше определение, стало быть, согласно с мнением тех, кто определяет счастье как добродетель или как какую-то определенную добродетель, потому что добродетели как раз присуща деятельность сообразно добродетели.

(...)

Поскольку счастье – это некая деятельность души в полноте добродетели, нужно, пожалуй, подробно рассмотреть добродетели; так мы, вероятно, лучше сможет уразуметь все, связанное со счастьем.

Настоящий государственный муж тоже, кажется, больше всего старается о добродетели, ибо он хочет делать граждан добродетельными и законопослушными. Образец таких государственных людей мы имеем в законодателях критян и лакедемонян и других, им подобных, если таковые были. Коль скоро рассмотрение этого вопроса относится к науке о государстве (т.е. к политике), то, очевидно, наши поиски идут путем, избранным в самом начале. Ясно, что добродетель, которую мы должны рассматривать, человеческая, ведь и благо мы исследовали - человеческое.

Между тем человеческой добродетелью мы называем добродетель не тела, но души, и счастьем мы называем тоже деятельность души.

(...)

Впрочем, нужно не только указать, что добродетель – это нравственные устои, но и указать каковы они. Надо сказать между тем, что всякая добродетель доводит до совершенства то, добродетелью чего она является, и придает совершенство выполняемому делу.

Если так обстоит дело, то добродетель человека – это, пожалуй, такой склад души, при котором происходит становление добродетельного человека и при котором он хорошо выполняет свое дело.

Итак, во всем непрерывном и делимом можно взять части большие, меньшие и равные, причем либо по отношению друг у другу, либо по отношению к нам; а равенство – это некая середина между избытком и недостатком.

Я называю серединой вещи то, что равно удалено от обоих краев, причем эта середина одна и для всех одинаковая. Серединой по отношению к нам я называю то, что не избыточно и не недостаточно, и такая середина не одна и не одинакова, а для всех. Так, например, если десять много, а два мало, то шесть принимают за середину, потому что насколько шесть больше двух, настолько же меньше десяти, а это и есть середина по арифметической пропорции.

Но не следует понимать так середину по отношению к нам. (...)

Если всякая наука успешно совершает свое дело (to ergon), стремясь к середине (откуда обычай говорить о делах, выполненных в совершенстве, «ни убавить, ни прибавить», имея в виду, избыток и недостаток губительны для совершенства, а обладание серединой благотворно, причем искусные (agathoi) мастера, как мы утверждаем, работают с оглядкой на это правило), то и добродетель, которая так же как природа, и точнее и лучше искусства любого мастера будет, пожалуй, попадать в середину.

Я имею в виде нравственную добродетель, ибо именно она сказывается в страстях и поступках, а тут и возникает избыток, недостаток и середина. Так, например, в страхе и отваге, во влечении и гневе и сожалении и вообще в удовольствии и в страдании возможно и

«больше», и «меньше», а и то и другое не хорошо. Но все это, когда следует, в должных обстоятельствах, относительно должного предмета, ради должной цели и должным способом, есть середина и самое лучшее, что как раз и свойственно добродетели.

Точно также и в поступках бывает избыток, недостаток и середина. Добродетель сказывается в страстях и в поступках, а в этих последних избыток $\neq$ это проступок, и недостаток тоже не похвалят, в то время как середина похвальна и успешна; и то и другое между тем относят к добродетели.

Добродетель, следовательно, есть некое обладание серединой; во всяком случае, она существует постольку, поскольку ее достигает.

Добавим к этому, что совершать проступок можно по-разному (ибо зло, как образно выражались пифагорейцы, принадлежит беспредельному, а благо – определенному), между тем поступать правильно можно только одним-единственным способом (недаром первое легко, а второе трудно, ведь легко промахнуться, трудно попасть в цель). В этом, стало быть, причина тому, что избыток и недостаток присущи порочности (kakia), а обладание серединой – добродетели.

Итак, добродетель есть сознательно избираемый склад души, состоящий в обладании серединой по отношению к нам, причем определенной таким суждением, каким определит ее рассудительный человек. Серединой обладают между двумя видами порочности, один из которых – от избытка, другой – от недостатка. А еще и потому добродетель означает обладание серединой, что как в страстях, так и в поступках пороки преступают должное добро либо в сторону избытка, либо в сторону недостатка, добродетель же умеет находить середину и ее избирает.

Именно по этому по сущности и по понятию, определяющему суть ее бытия, добродетель есть обладание серединой, а сточки зрения высшего блага и совершенства – обладание вершиной.

Однако не всякий поступок и не всякая страсть допускают середину, ибо и некоторых страстей в самом названии выражено дурное качество, например: злорадство, бесстыдство, злоба, а из поступков – блуд, воровство, человекоубийство. Все это и подобное этому считается дурным само по себе, а не за избыток или недостаток, а значит в этом никогда нельзя поступать правильно, можно только совершать проступок;

Будь это не так, можно было бы ожидать, что в неправосудных поступках, трусости, распушенности возможны обладание серединой, избыток и недостаток, ведь тогда было бы возможно обладание серединой в избытке и недостатке, а также избыток избытка и недостаток недостатка. И подобно тому, как не существует избытка благоразумия и мужества, потому что середина здесь – это как бы вершина, так и в названных выше пороках невозможно ни обладание

серединой, ни избыток, ни недостаток, но, коль скоро так поступают, совершают проступок. Ведь, вообще говоря, невозможно ни обладание серединой в избытке и недостатке, ни избыток и недостаток в обладании серединой.

Платон¹ Государство

Вопросы:

1. Охарактеризуйте в целом этическую концепцию Платона, основываясь на приведенном ниже фрагменте текста.
2. Какое государство Платон считал справедливым? Как его представления о справедливом государстве связаны с его этической концепцией?

Три начала человеческой души

— Значит, у человека, испытывающего жажду, поскольку он ее испытывает, душа хочет не чего иного, как пить,— к этому она стремится и порывается.

— Очевидно.

— И если, несмотря на то что она испытывает жажду, ее все-таки что-то удерживает, значит, в ней есть нечто отличное от вожделеющего начала, побуждающего ее, словно зверя, к тому, чтобы пить. Ведь мы утверждаем, что одна и та же вещь по может одновременно совершать противоположное в одной и той же своей части и в одном и том же отношении.

— Конечно, нет.

— Точно так же о том, кто стреляет из лука, было бы, думаю я, неудачно сказано, что его руки тянут лук одновременно к себе и от себя. Надо сказать: «Одна рука тянет к себе, а другая — от себя».

— Совершенно верно.

— Можем ли мы сказать, что люди, испытывающие жажду, иной раз все же отказываются пить?

— Даже очень многие и весьма часто.

— Что же можно о них сказать? Что в душе их присутствует нечто побуждающее их пить, но есть и то, что пить запрещает, и оно-то и берет верх над побуждающим началом?

— По-моему, так.

— И, не правда ли, то, что запрещает это делать, появляется — если уж появляется — вследствие способности рассуждать, а то, что ведет к этому и влечет,— вследствие страданий и болезней?

¹ Платон. Собрание сочинений. Т. III. (Государство). М., 1994. С. 212.

— По-видимому.

— Мы не без основания признаем двойственными и отличными друг от друга эти начала: одно из них, с помощью которого человек способен рассуждать, мы назовем *разумным началом души*, а второе, из-за которого человек влюбляется, испытывает голод и жажду и бывает охвачен другими вожделениями, мы назовем началом *неразумным и вожделеющим*, близким другом всякого рода удовлетворения и наслаждений.

— Признать это было бы не только обоснованно, но и естественно.

— Так пусть у нас будут разграничены эти два присущих душе вида. Что же касается ярости духа, отчего мы и бываем гневливы, то составляет ли это третий вид или вид этот однороден с одним из тех двух?

— Пожалуй, он однороден со вторым, то есть вожделеющим, видом.

— Мне как-то рассказывали, и я верю этому, что Леонтий, сын Аглайона, возвращаясь из Пирея, по дороге, снаружи под северной стеной, заметил, что там возле палача валяются трупы. Ему и посмотреть хотелось, и вместе с тем было противно, и он отворачивался. Но сколько он ни боролся и ни закрывался, вожделение оказалось сильнее — он подбежал к трупам, широко раскрывая глаза и восклицая: «Вот вам, злополучные, насыщайтесь этим прекрасным зрелищем!»

— Я и сам слышал об этом.

— Однако этот рассказ показывает, что гнев иной раз вступает в борьбу с вожделениями и, значит, бывает от них отличен.

— И в самом деле.

— Да и во многих других случаях разве мы не замечаем, как человек, одолеваемый вожделениями, вопреки способности рассуждать, бранит сам себя и гневается на этих поселившихся в нем насильников? Гнев такого человека становится союзником его разуму в этой распре, которая идет словно лишь между двумя сторонами. А чтобы гнев был заодно с желаниями, когда разум налагает запрет, такого случая, думаю я, ты никогда не наблюдал, признайся, ни на самом себе, ни на других.

— Не наблюдал, клянусь Зевсом.

— Дальше. Когда человек сознает, что он поступает несправедливо, то, чем он благороднее, тем менее способен негодовать на того, кто, по его мнению, вправе обречь его на голод, стужу и другие подобные муки: это не возбуждает в нем гнева — вот о чем я говорю.

— Верно.

— Ну а когда он считает, что с ним поступают несправедливо, он вскипает, раздражается и становится союзником того, что ему представляется справедливым, и ради этого он готов переносить голод, стужу и все подобные этим муки, лишь бы победить; он не откажется от

своих благородных стремлений — либо добиться своего, либо умереть, разве что его смиряют доводы собственного рассудка, который отзовет его наподобие того, как пастух отзывает свою собаку.

— Твое сравнение очень удачно. Ведь в нашем государстве мы поручили его защитникам служить как сторожевым собакам, а правителям — как пастухам.

— Ты прекрасно понял, что я хочу сказать, но обрати внимание еще вот на что...

— А именно?

— На то, что о *яростном* духе у нас сейчас составилось представление, противоположное недавнему. Раньше мы его связывали с вождедеющим началом, а теперь находим, что это вовсе не так, потому что при распре, которая происходит в душе человека, яростное начало поднимает оружие за начало разумное.

— Безусловно.

— Так отличается ли оно от него, или это только некий вид разумного начала, и выходит, что в душе существуют всего два вида [начал]: разумное и вождедеющее? Или как в государстве три рода начал, его составляющих: деловое, защитное, совещательное, так и в душе есть тоже третье начало — *яростный дух*? По природе своей оно служит защитником разумного начала, если не испорчено дурным воспитанием.

— Непременно должно быть и третье начало.

— Да, если только обнаружится, что оно не совпадает с разумным началом, подобно тому как выяснилось его отличие от начала вождедеющего.

— Это нетрудно обнаружить. На примере малых детей можно видеть, что они, чуть родятся, беспрестанно бывают исполнены гнева, между тем некоторые из них, на мой взгляд, так и не становятся способными к рассуждению, а большинство становятся способными к нему очень поздно.

— Да, клянусь Зевсом, это ты хорошо сказал. Вдобавок и на животных можно наблюдать, что дело обстоит так, как ты говоришь. Кроме того, об этом свидетельствует и стих Гомера, который мы как-то уже приводили раньше:

В грудь он ударил себя и сказал раздраженному сердцу...

Здесь Гомер ясно выразил, как из двух разных [начал] одно укоряет другое, то есть начало, разбирающееся в том, что лучше, а что хуже, прицает начало безрассудно яростное.

— Ты очень правильно говоришь.

— Следовательно, хоть и с трудом, но мы это все же преодолели и пришли к неплохому выводу, что в государстве и в душе каждого

отдельного человека имеются одни и те же начала, и число их одинаково.

— Да, это так.

— Значит, непременно должно быть и вот что: как и в чем сказалась мудрость государства, так же точно и в том же самом она проявляется и у частных лиц.

— Конечно.

— И в чем и как проявляет свое мужество частный человек, в том же и точно так же будет мужественным и государство. Оба они одинаково обладают и всем прочим, что имеет отношение к добродетели.

— Да, это необходимо.

— И справедливым — я думаю, Главкон, мы признаем это — отдельный человек бывает таким же образом, каким осуществляется справедливость в государстве.

— Это тоже совершенно необходимо.

— Но ведь мы не забыли, что государство у нас было признано справедливым в том случае, если каждое из трех его сословий выполняет в нем свое дело.

— Мне кажется, не забыли.

— Значит, нам надо помнить, что и каждый из нас только тогда может быть справедливым и выполнять свое дело, когда каждое из имеющих в нас начал выполняет свое.

— Это надо твердо помнить.

— Итак, способности рассуждать подобает господствовать, потому что мудрость и попечение обо всей душе в целом — это как раз ее дело, начало же яростное должно ей подчиняться и быть ее союзником.

— Конечно.

— И, не правда ли, как мы и говорили, сочетание мусического искусства с гимнастическим приведет оба этих начала к созвучию: способность рассуждать оно сделает стремительнее и будет питать ее прекрасными речами и науками, а яростное начало оно несколько ослабит, смягчая его словами и успокаивая гармонией и ритмом.

— Совершенно верно.

— Оба этих начала, воспитанные таким образом, обученные и подлинно понявшие свое назначение, будут управлять началом вожделеющим, а оно составляет большую часть души каждого человека и по своей природе жаждет богатства. За ним надо следить, чтобы оно не умножилось и не усилилось за счет так называемых телесных удовольствий и не перестало бы выполнять свое назначение: иначе оно может попытаться поработить и подчинить себе то, что ему не родственно, и таким образом извратить жизнедеятельность всех начал.

— Безусловно.

— Оба начала превосходно оберегали бы и всю душу в целом, и тело от внешних врагов: одно из них — своими советами, другое — вооруженной защитой; оно будет следовать за господствующим началом и мужественно выполнять его решения.

— Это так.

— И мужественным, думаю я, мы назовем каждого отдельного человека именно в той мере, в какой его яростный дух и в горе, и в удовольствиях соблюдает указания рассудка насчет того, что опасно, а что неопасно.

— Это верно.

— А мудрым — в той малой мере, которая в каждом главенствует и дает эти указания, ибо она-то и обладает знанием того, что пригодно и каждому отдельному началу, и всей совокупности этих трех начал.

— Конечно.

— Рассудительным же мы назовем его разве не по содружеству и созвучию этих самых начал, когда и главенствующее начало, и оба ему подчиненных согласны в своем мнении, что разумное начало должно управлять и что нельзя восставать против него?

— Действительно, рассудительность — и государства, и частного лица — не что иное, как это.

— Но и справедливым будет человек, как мы уже часто указывали, именно вследствие этого и как раз таким образом.

— Всенепременно.

— Что же? Нет ли здесь какого-то смутного намека на то, что справедливость может оказаться чем-то иным, а не тем, чем мы признали ее в государстве?

— По-моему, нет.

— Если в душе у нас еще есть какое-то сомнение, мы можем полностью его рассеять, приведя примеры из обыденной жизни.

— Какие же?

— Если бы требовалось нам прийти к соглашению относительно нашего государства и подобного ему по своей природе отдельного человека, подобным же образом воспитанного, вот тебе пример: если такому человеку дать на хранение золото или серебро, можно ли думать, что он их украдет? Кому, по-твоему, может прийти в голову, что от такого человека можно скорее этого ожидать, чем от человека иного нрава?

— Никому.

— Он в стороне от святотатств, краж, предательств, касаются ли они частного обихода — его личных друзей или же общественного — государственной жизни.

— Да, он от этого всего в стороне.

— И он, конечно, не вероломен в клятвах и разного рода соглашениях.

— Конечно.

— Прелюбодеяние, пренебрежение к родителям, непочитание богов — все это скорее подходит кому угодно другому, только не ему.

— Да, любому другому.

— А причиной всему этому разве не то, что каждое из имеющихся в нем начал делает свое дело в отношении правления и подчинения?

— Да, причиной это, а не что-либо другое.

— И ты еще хочешь, чтобы справедливость была чем-то другим, а не той силой, которая делает такими, а не иными как людей, так и государства?

— Клянусь Зевсом, я этого не хочу.

— Значит, полностью сбылся наш сон — то, о чем мы только догадывались: едва мы принялись за устройство государства, мы тотчас же благодаря некоему богу вступили, как видно, в область начала и образа справедливости.

— Несомненно.

— Значит, Главкон, неким отображением справедливости (почему оно и полезно) было наше утверждение, что для того, кто по своим природным задаткам годится в сапожники, будет правильным только сапожничать и не заниматься ничем другим, а кто годится в плотники — пусть плотничает. То же самое и в остальных случаях.

— Очевидно, это так.

— Поистине справедливость была у нас чем-то в таком роде, но не в смысле внешних человеческих проявлений, а в смысле подлинно внутреннего воздействия на самого себя и на свои способности. Такой человек не позволит ни одному из имеющихся в его душе начал выполнять чужие задачи или досаждать друг другу взаимным вмешательством: он правильно отводит каждому из этих начал действительно то, что им свойственно; он владеет собой, приводит себя в порядок и становится сам себе другом; он прилаживает друг к другу три начала своей души, совсем как три основных тона созвучия — высокий, низкий и средний, да и промежуточные тоны если они там случатся; все это он связует вместе и так из множественности достигает собственного единства, рассудительности и слаженности. Таков он и в своих действиях, касаются ли они приобретения имущества, ухода за своим телом, государственных дел или же частных соглашений. Во всем этом он считает и называет справедливой и прекрасной ту деятельность, которая способствует сохранению указанного состояния, а мудростью — умение руководить такой деятельностью. Несправедливой деятельностью он считает ту, что нарушает все это, а невежеством — мнения, ею руководящие.

— Ты совершенно прав, Сократ.

Справедливое государство и справедливый человек.

— Ну что ж,— сказал я.— Если мы признаем, что определили справедливого человека и справедливое государство, а также проявляющуюся в них справедливость, то нам не покажется, думаю я, будто мы в чем-то слишком уж заблуждаемся.

— Не покажется, клянусь Зевсом.

— Стало быть, мы признаем это?

— Признаем.

— Пусть будет так. После этого, я думаю, надо подвергнуть рассмотрению несправедливость.

— Это ясно.

— Она должна заключаться, не правда ли, в каком-то раздоре указанных трех начал, в беспокойстве, во вмешательстве в чужие дела, в восстании какой-то части души против всей души в целом с целью господствовать в ней, хотя данная часть к этому не предназначена по своей природе, а должна повиноваться той части, которой господствовать подобает. Вот что, я думаю, мы будем утверждать о несправедливости: она смятение и блуждание разных частей души, их разнузданность и трусость и вдобавок еще невежество — словом, всяческое зло.

— Это все одно и то же.

— Стало быть, что значит поступать несправедливо и совершать преступления и, напротив, поступать по справедливости — все это, не правда ли, уже совершенно ясно, раз определилось, что такое несправедливость и что такое справедливость?

— А разве это определилось?

— Справедливость и несправедливость ничем не отличаются от здоровых или болезнетворных начал, только те находятся в теле, а эти — в душе.

АНТИСФЕН¹

Вопросы:

- 1. Каковы основные положения философии киников?
Подтвердите ваши рассуждения соответствующими цитатами.**
- 2. В чем, по мнению Антисфена, состоит богатство?**
- 3. Как вы думаете, какие идеи киников актуальны в наши дни?**

¹ Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. М.-Л., 1996. С. 335 и след.

55. Безвестность, как и труд, — благо (*Диог. Лаэрт.*, VI, 11; ср.: *Эпиктет. Беседы*, I, 24; ср. также: *Диог. Лаэрт.*, VI, 72; 83; 93).

56. Мудрец сам себе довлеет, ибо все, что принадлежит другим, принадлежит и ему (*Диог. Лаэрт.*, VI, 11, ср.: Там же, VI, 72).

57. Добродетель — оружие, которое нельзя отнять... Разум — самое прочное из укреплений, ибо его нельзя ни уничтожить, ни предать. Его стены нужно возводить из наших собственных неопровержимых доводов (Там же, 12-13).

58. Вот основные положения его философии. Он доказывал, что добродетели можно научиться; что благородство и добродетельность одно и то же. Для счастья достаточно одной добродетели, а она нуждается лишь в Сократовой силе. Добродетель же состоит в делах и не нуждается ни в многословии, ни в науках... Мудрец живет не по законам государства, а по законам добродетели... Диокл приписывает ему также следующие мысли... Лучше с немногими добродетельными сражаться против всех дурных, чем со многими дурными против немногих честных. Считайся с врагами: они первыми замечают твои ошибки. Пуще родича своего почитай человека справедливого... Добро прекрасно, зло безобразно. Все дурное считай чуждым себе (*Диог. Лаэрт.*, VI, 11-12).

59. Снова и снова **Антисфен** говорит, что целью жизни является непритязательность (*Климент Алекс. Строматы*, II. — Поттер, с. 498).

60. «А ты, - спросил он, - чем ты гордишься, Антисфен?» — «Богатством», - ответил он. Тогда Гермоген спросил, а много ли у него денег. Тот поклялся, что у него нет ни оболы. «Тогда много ли у тебя земли?» — снова спросил тот. «Может быть, нашему Автолику хватило бы для того, чтобы натереться песком» (*Ксенофонт. Пир.*, III, 8).

61. — А ну-ка, - сказал Сократ, - ты теперь говори нам Антисфен, как это ты, имея столь мало, гордишься богатством?

- По моему убеждению, друзья, у людей богатство и бедность не в хозяйстве, а в душе. Я вижу много частных лиц, которые, владея очень большим капиталом, считают себя такими бедными, что берутся за всякую работу, идут на всякую опасность, только бы добыть побольше. Знаю и братьев, которые получили в наследство поровну, но у одного из них средств хватает, даже есть излишки против расхода, а другой нуждается во всем. Я слыхал и про тиранов, которые так алчны до денег, что прибегают к действиям, гораздо более преступным, чем люди, самые неимущие, - из-за нужды одни крадут, другие прорывают стены, иные похищают людей, а тираны бывают такие, что уничтожают целые семьи, казнят людей массами, часто даже целые города из-за денег обращают в рабство.

Мне их очень жалко, что у них такая тяжелая болезнь: мне кажется, с ними происходит что-то похожее на то, как если бы человек много ел, но никогда не был сыт. А у меня столько всего, что сам я насилу нахожу

это; но все-таки у меня в барышах остается, что, евши, я дохожу до того, что не бываю голоден, пивши — до того, что не чувствую жажды, одеваюсь так, что на дворе не мерзну нисколько не хуже такого богача, как Каллий; а когда бываю дома, то очень теплыми хитонами кажутся мне стены, очень теплыми плащами — крыши; постелью я настолько доволен, что трудно бывает даже разбудить меня. Когда тело мое почувствует потребность в наслаждении любовью, я так бываю доволен тем, что есть, что женщины, к которым я обращаюсь, принимают меня с восторгом, поскольку никто другой не хочет иметь с ними дела. И все это кажется мне таким приятным, что испытывать больше наслаждения при исполнении каждого такого акта я и не желал бы, а напротив, меньше: до такой степени некоторые из них кажутся мне приятнее, чем это полезно.

Но самым драгоценным благом в моем богатстве я считаю вот что: если бы отняли у меня и то, что теперь есть, ни одно занятие, как я вижу, не оказалось бы настолько плохим, чтобы не могло доставлять мне пропитание в достаточном количестве. И в самом деле, когда мне захочется побаловать себя, я не покупаю на рынке дорогих продуктов, потому что начетисто, а достаю их из кладовой своей души. И гораздо больше способствует удовольствию, когда подносишь ко рту пищу, дождавшись аппетита, чем когда употребляешь дорогие продукты, как, например, теперь, когда я пью это фассосское вино, не чувствуя жажды, а только потому, что оно попало мне под руку. Несомненно, и гораздо честнее должны быть люди, любящие дешевизну, чем любящие дороговизну: чем больше человеку хватает того, что есть, тем меньше он зарится на чужое.

Следует обратить внимание еще на то, что такое богатство делает человека более щедрым. Сократ, например, от которого я получил его, давал его мне без счета, без веса: сколько я мог унести с собою, столько он мне и давал. Я тоже теперь никому не отказываю: всем друзьям показываю изобилие богатства в моей душе и делюсь им со всяким. Далее, видите, такая прелесть, как досуг, у меня всегда есть; поэтому я могу смотреть, что стоит смотреть, слушать, что стоит слушать, и, чем я особенно дорожу, благодаря досугу проводить целые дни с Сократом. Да и Сократ не ценит людей, насчитывающих груды золота, а, кто ему нравится, с теми постоянно и проводит время. Так говорил Антисфен (*Ксенофонт. Пир, IV, 34-43 / Пер. С.И. Соболевского*).

63. Что касается Антисфена-сократика, то он говорит о наградах за доблесть то же самое, что и Платон. Правда, данный рассказ не может считаться истинным, так как этот киник многое делал, чтобы понравиться Сократу. Поэтому не следует верить ни тому, ни другому, когда мы имеем свидетельство Фукидида. Антисфен добавляет к уже существующим неправильным описаниям следующее: «Мы знаем, что в битве с беотийцами ты получил награду за доблесть». — «Молчи,

чужестранец. Это заслуга Алкивиада, а не моя». – «Как мы видим, ты соглашаешься» (*Афиней*, V, 216 b).

64. Антисфен утверждал, что удовольствие – благо, но, добавлял он, когда оно не вызывает раскаяния (Там же, XII, 51 За).

65. Антисфен, человек с гераклитовским складом ума, говорил, что лучше быть безумным, чем наслаждаться. Поэтому он убеждал своих учеников, чтобы они для достижения удовольствия не шевельнули и пальцем (*Евсевий*. Приготовление к Евангелию, XV, 13; *Диог. Лаэрт.*, IX, 101; *Авл _елий*, IX, 5; *Климент Алекс.* Строматы, II, 20, 492a; *Цицерон*. О границах добра и зла, V, 31, 93).

66. Отсюда вытекает, что законодательство по необходимости устанавливается в интересах людей, равных как по рождению, так и по могуществу. Для таких людей законы не пишутся: они сами себе законы. И был бы смешон тот, кто пытался бы писать для них законы. Ведь они, пожалуй, скажут так, как говорил Антисфен: львы взяли слово, когда, собравшись на совет, зайцы потребовали для всех равноправия (*Аристотель*. Политика, III, 13, 1284a15-16; Ср.: *Эзон*, 241).

67. Речи придается выразительность и тем, что самое важное слово ставится в конце; поставленное же в середину, оно как бы притупляется, как, например, у Антисфена: «Почти что больным человек, спавший на хворосте, встанет». Если изменить порядок слов и сказать: «спавший на хворосте человек встанет почти что больным», - то хотя будет сказано одно и то же, но возникнет впечатление, что сказано не одно и то же (*Деметрий Филерский*. О стиле, 249).

68. И как Антисфен изысканность Кефисодота сравнил с ладаном: он доставляет удовольствие, когда убывает (*Аристотель*. Риторика, III, 4, 1407a).

69. Пес называл харчевни аттическими фидитиями (Там же, 10, 1411a. Псом Аристотель, вероятно, называл Антисфена).

70. Поэтому Антисфен справедливо отвечал нищенствующей братии: Не собираюсь кормить мать богов, которую кормят боги (*Климент Алекс.* Протрептик. – Поттер, с. 64).

71. Общаясь с мудростью других,
 Становятся тираны мудрецами

(этот стих вместе с Платоном Антисфен приписывает Еврипиду, в то время как другие авторы утверждают, что он взят из трагедии Софокла «Аякс из Локр». См.: Схолии к Фесмофориадзусам, Аристофана, 21; *Аристид*. Речи, II, 288; *Платон*. Государство, VIII, 568A; *Он же*. Феаг, 125B, и др.).

72. Поэтому не так уж плохи поправки, сделанные Клеанфом и Антисфеном. Когда он (Антисфен. – *И.Н.*) увидел, что афиняне, находившиеся в театре, пришли в страшное волнение, услышав стих:

Что за позор, коли его позором не считать,

тут же его переделал:

Позор позором остается, хочешь того или нет.

(*Плутарх*. Как юноше должно слушать произведения поэтов. – Гуттен, т. 7, с.115. Указанный стих принадлежит Еврипиду («Эол»), как указывает схолиаст к стих. 1523 «Лягушек» Аристофана).

73. Если бы он любил не только сельское хозяйство, но и людей, то предпочел бы засеять поле, которое могло бы прокормить много народа, а не такой клочок земли, о котором говорил Антисфен, что его хватило бы только на то, чтобы натереться Автолику песком. А я, собираясь возделывать поле, хочу обратить в него весь мир (*Плутарх*. Философу следует беседовать прежде всего с сильными мира, 3. — Гуттен, т. 12, с. 86; ср.: *Ксенофонт*. Пир, III, 8; *Плутарх*. Об изгнании, т. 10, с. 370; Диог. Лаэрт., VI, 98; *Цицерон*. Тускуланы, V, 37).

74. Рассмотрев этот вопрос, Антисфен сказал, что образованного и умного человека трудно переносить, так как неразумие – вещь легкая и необременительная, а разум непреклонен, непоколебим, тяжесть его неодолима (*Филон Алекс.* О том, что всякий добродетельный человек свободен. — Гешель, с. 869).

75. «Сотого времени, как Антисфен меня освободил, я перестал быть рабом». – «Как он это сделал?» – «Послушай, что он говорит: он научил меня тому, что является моим и что мне не принадлежит. Богатства не мои, родственники, близкие, друзья, слава, привычные ценности, общение с людьми – все это чуждое». – «Что же принадлежит тебе?» – «Мои представления. Они, - учил он, - никому не подвластны, зависят только от меня, и никто не может им помешать, никто не заставит пользоваться ими иначе, чем я хочу» (*Эпиктет*. Беседы, III, 24, 67 ел.; ср.: Там же, IV, 1, 114).

Диоген Синопский¹

283. Он смеялся над теми, кого мучила жажда, но кто проходил мимо источников и искал, где бы купить хиосского или лесбосского вина. Они, говорил Диоген, гораздо глупее пасущегося скота, который никогда не пройдет мимо источников или чистого ручья, когда хочет

¹ Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. М.-Л., 1996. С.141.

пить, а когда хочет есть, с удовольствием поедает нежные побеги и траву.

284. Ноги он никогда не обувал, потому что, как говорил, они не нежнее глаз или лица. Последние, очень чувствительные по природе, легко выносят холод благодаря постоянной закалке. Не может быть, чтобы люди ходили с глазами обутыми, как ноги.

285. Он говорил, что богачи похожи на новорожденных, так как всегда нуждаются в пеленках.

286. Он говорил, что люди из-за своей изнеженности живут несчастнее животных, которые пьют воду и питаются растениями; большинство из них в течение всего года ходят голыми, они не заходят ни в один дом, не нуждаются в огне и живут столько, сколько им установила природа, если, правда, их никто не убьет. Они все в одинаковой степени сильны и здоровы, не нуждаются ни во врачах, ни в лекарствах. Люди же, так сильно привязанные к жизни, придумавшие столько средств, чтобы отдалить смерть, в большинстве случаев не достигают глубокой старости, а страдают многочисленными болезнями, которые-то и назвать нелегко, а для лечения им уже недостаточно лекарств, предоставляемых им землей: они еще нуждаются в железе и огне. Ни один врач – ни Хирон, ни Асклепий, ни его сыновья не могут облегчить их участь из-за их невоздержанности и порочности. Им не помогут ни прорицатели с их прорицаниями, ни жрецы с их очистительными жертвами.

287. Он говорил, что люди собираются в города, чтобы обороняться от внешних врагов, но при этом делают самые неслыханные вещи, будто именно ради них они и собрались в одно место. Как ему казалось, смысл сказания о Прометее заключается в том, что Зевс наказывает его за изобретение и передачу огня людям, что было началом и первым шагом к изнеживанию и роскоши. Что же касается Зевса, то он вовсе не ненавидит людей и не завидует их благу.

288. Некоторые говорили, что человек не может жить так же, как другие животные, потому что тело у него нежное, к тому же он наг, не покрыт шерстью, как большинство животных, нет у него ни перьев на теле, ни толстой шкуры. На это Диоген отвечал: «Люди так изнежены только из-за своего образа жизни, потому что большей частью избегают как жару, так и мороз. Отсутствие растительности на теле здесь не помеха. Он приводит в качестве примера лягушек и много других животных, гораздо нежнее человека и с еще меньшей растительностью, но которые не только выдерживают колебания температуры, но даже зимой могут жить в ледяной воде. Да и у самих людей, говорил он, глаза и лицо не нуждаются ни в каких укрытиях.

Вообще нет ни одного живого существа, которое бы не могло жить там, где оно родилось. В противном случае, как могли уцелеть первые люди на земле, когда не было ни огня, ни жилищ, ни платья и никакой другой пищи, кроме той, что росла сама собой? Последующим поколениям не принесли пользы для жизни ни их хитроумие, ни многочисленные изобретения, ни их машины. Ведь люди использовали свой ум не для мужества и справедливости, а для удовольствий.

Постоянно охотясь только за удовольствиями, они делали свою жизнь все более безотрадной и трудной. Когда им казалось, что они больше всего заботятся о себе, в это самое время дела у них шли все хуже именно по той причине, что они очень заботились и пеклись о своем благополучии. Поэтому справедливо, как гласит легенда, Прометей был прикован к скале, а коршун терзал его печень...».

289. Когда Диоген Синопский был изгнан из родного города, он прибыл в Элладу и жил то в Коринфе, то в Афинах. Он говорил, что подражает образу жизни персидского царя, который зимой жил в Вавилоне и Сузах, иногда в Бактрах, т.е. самых теплых местах Азии. Лето же проводил в Экбатанах Мидийских, где воздух всегда веет прохладой, и лето похоже на вавилонскую зиму. Так и он меняет свои резиденции в соответствии с временами года.

290. Диоген говорил, что мудрый человек должен быть похож на хорошего врача, который спешит с помощью туда, где больше всего больных. Так и место мудреца там, где больше всего людей неразумных, и он должен изобличать и порицать их неразумие.

291. Он давал возможность встретиться с собой всякому, кто этого хотел, и говорил, что его удивляет следующее обстоятельство: если бы он заявил, что лечит зубы, то к нему собрались бы все, кому нужно выдрать зуб, а если бы он пообещал исцелять глаза, то, клянусь Зевсом, к нему бросились бы все показывать свои гноящиеся глаза. То же самое произошло бы, если бы он объявил, что знает лекарство от болезни селезенки, подагры или насморка. Когда же он обещает исцелить всех, кто его послушается, от невежества, пороков и распущенности, никто к нему не является и не просит лекарства, если бы даже вдобавок получил еще приличную сумму денег.

292. Он говорил, что похож на лакейских собак. Когда их выставляют на продажу, многие подходят, гладят и ласкают, но никто их не покупает, так как не знают, что с ними делать.

293. Он говорил в шутку, что его правильно бранят «собакой» (так называли его из-за свирепости и ворчливости) и добавлял, что собаки нередко сопровождают своих хозяев на празднества, но никого там не трогают, а лают и набрасываются лишь на воров и мошенников. А если кто напьется и заснет, то псы не спят и охраняют его.

294. Но, когда он увенчал себя сосновым венком, коринфяне послали слуг и приказали снять венок и впредь не делать ничего

противозаконного. Он спросил их, что противозаконного в том, что он надел на себя сосновый венок. Другие делают то же самое. Почему же их не обвиняют в противозаконных действиях? Кто-то из посланцев сказал ему: «Но ведь ты, Диоген, никого не победил». – «Напротив. Я одержал победу над многими очень сильными противниками – не чета тем рабам, которые здесь борются, метают диск, соревнуются в беге.

Мои противники посерьезнее – бедность, изгнание, забвение, а также гнев и печаль, страсть и страх и самое непобедимое или, скорее, трудно победимое чудовище, коварное и растлевающее, – наслаждение».

295. Он учил, что упражнения бывают двух видов: одни касаются души, другие – тела. При постоянном упражнении духа создаются представления, облегчающие совершение добродетельных поступков. Один вид упражнений без другого недостаточен, причем хорошее здоровье и сила имеют для них большое значение, так как относятся и к душе, и к телу. Он приводит также примеры того, как легко благодаря упражнениям совершается переход к добродетели. Можно заметить, что как в простых ремеслах, так и в других искусствах специалисты, упражняясь, достигают удивительного совершенства и ловкости. Так, например, флейтисты и атлеты, чем больше упражняются каждый в своем деле, тем большего добиваются успеха. Если бы они перенесли свои упражнения также и на душу, то эти усилия не остались бы без пользы и результата (*Диог. Лаэрт.*, VI, 70).

296. Он утверждал, таким образом, что в жизни невозможно достичь никакого блага без упражнений и что благодаря им можно все одолеть. Беспольным трудам следует предпочесть труды в согласии с природой, и жить счастливо; люди несчастны только из-за собственного неразумия. И когда мы привыкнем, то презрение к наслаждению само по себе будет доставлять высочайшее удовольствие. И как те, кто привык жить, испытывая наслаждения, с отвращением относятся к неудовольствиям, так приучившие себя к последним извлекают радости из презрения к самим удовольствиям. Так он учил и поступал в соответствии со своим учением. Это и впрямь было «перечеканкой монеты», так как он меньше всего считался с законам государства, предпочитая им законы природы. Он утверждал, что ведет такой же образ жизни, как и Геракл, всему предпочитая свободу (Там же, 71).

297. Без закона, говорил он, невозможна жизнь в государстве, так как вне государства нельзя извлечь никакой пользы от цивилизации, а государство — плод цивилизации. Вне государства нет никакой пользы от закона, следовательно, и закон есть плод цивилизации. Высокое происхождение, славу и тому подобное он высмеивал, называя их украшениями испорченности. Пример единственно совершенного государственного устройства он находил только во Вселенной (Там же, 72; ср. выше, фргм. 222).

298. Он учил также, что женщины должны быть общими, брак не ставил ни во что, кроме союза, основанного на взаимном согласии. Поэтому и дети должны быть общими (*Диог. Лаэрт.*, VI, 72).

299. Он не видел ничего ужасного в краже из храма или в употреблении в пищу мяса любого животного. Причем, говорил он, нет ничего нечестивого и в том, чтобы питаться даже человеческим мясом, как это видно из быта других народов. Более того, согласно здравым

рассуждениям, все элементы содержатся во всем и во все проникают. Так, например, в хлебе заключено мясо, а хлеб — в овощах; и во всем находятся частицы других веществ, проникающие через невидимые поры в виде испарений (Там же, 73).

300. Музыкой, геометрией, астрологией и тому подобными дисциплинами можно, считал он, не заниматься как бесполезными и ненужными (Там же).

301. Уже смертельно больной, Диоген Синопский, с трудом передвигаясь, дотащился до какого-то мостика вблизи гимнасия, там упал и попросил сторожа палестры бросить его тело в Илисс, когда заметит, что он уже больше не дышит. Так мало заботили Диогена и его собственная смерть, и погребение. Диоген Лаэртский (VI, 79) так описывает смерть философа: «Некоторые авторы сообщают, что, будучи при смерти, он оставил наказ, чтобы его не погребали, а бросили на съедение диким зверям или кинули в ров, покрыв тело только тонким слоем пыли. По другим свидетельствам, он просил сбросить его в реку Илисс, чтобы принести пользу своим [меньшим] собратьям.

Луций Анней Сенека¹

Нравственные письма к Луцилию Письмо XCV

Вопросы:

1. **Какие принципы этики стоиков нашли отражение в этом письме?**
2. **Какова, по мнению Сенеки, роль философии в исправлении пороков современного ему общества?**
3. **Как Сенека в своей этической концепции рассматривает человека? Подтвердите ваши суждения соответствующими цитатами.**

(4) А теперь попробую, пропустив вступление, перейти прямо к делу. — Говорят так: «Блаженная жизнь складывается из правильных поступков; к правильным поступкам ведут наставленья; значит, наставлений довольно для блаженной жизни». — Но наставленья ведут к правильным поступкам не всегда, а только когда им послушен ум, иногда же, если душу держат в осаде превратные мнения, наставлять ее бесполезно. (5) Потом некоторые, даже поступая правильно, не знают сами, что правильно поступают. Ведь только образованный, прошедший всю науку с начала и постигший ее суть, может соблюсти все статьи, чтобы знать, что надлежит делать, когда, насколько, как и с кем.

¹ Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 2000.

Другому, даже при самом упорном желании, невозможно вершить то, что велит честность, от всей души, — он будет оглядываться и колебаться. — (6) «Если честные поступки проистекают из наставлений, то их с избытком довольно для блаженной жизни; а так как первое верно, верно и второе». — На это мы ответим: к честным поступкам побуждают наставления, но не одни только наставления. — (7) «Если все науки довольствуются наставлениями, то должна довольствоваться ими и философия, потому что и она есть наука о жизни. Кормчим человека делает тот, кто наставляет его: так поворачивай рулевое весло, так опускай паруса, так двигайся с попутным ветром, так сопротивляйся встречному, а так используй боковой, не благоприятный и не враждебный. И любого наставленья укрепляют в его науке; значит и для науки жить они могут сделать то же». — (8) Но все эти науки заботятся лишь о средствах к жизни, а не о жизни в целом. Поэтому многое мешает им и препятствует извне: надежда, желание, страх. А той, что провозгласила себя наукой о жизни, никогда ничто не помешает оказать свое действие: она опрокидывает преграды и влечет за собой препятствия. Хочешь знать, как несхожи между собой эта и все прочие науки? В тех простительней ошибаться намеренно, а не случайно, в этой величайшая вина — погрешить по своей воле. (9) Вот что я имею в виду. Грамматик не покраснеет, заведомо употребив неправильное выражение, и покраснеет, употребив его по неведению.

(...)

...Ни алчность, ни жестокость не знают меры. Убийства, совершаемые в одиночку и исподтишка, не так опасны и чудовищны; но жестокости творятся теперь по постановлению сената и народа, и запрещенное частным лицам приказывается от лица государства. (31) За одно и то же преступление платят головою, если оно совершено тайно, а если в солдатских плащах — получают хвалы. Людям, кроткому роду, не стыдно радоваться крови друг друга, вести войны и поручать детям продолжать их, меж тем как среди бессловесных и диких животных царит мир. (32) Против такого могучего и повсеместного безумия философия, которой прибавилось труда, накопила столько же сил, сколько прибыло их у противника. Легко было порицать преданных вину и лакомых до изысканных блюд; немного сил нужно было, чтобы привести на путь воздержности душу, когда она едва с него сошла...

Люди повсюду ищут наслаждений, каждый порок бьет через край. Жажда роскоши скатывается к алчности; честность в забвении; что сулит приятную награду, того не стыдятся. Человека — предмет для другого человека священный — убивают ради потехи и забавы; тот, кого преступно было учить получать и наносить раны, выводится на арену

голый и безоружный: чтобы развлечь зрителей, с него требуется только умереть.

(34) При такой извращенности нравов нужны средства сильнее обычных, чтобы прогнать застарелые недуги; необходимы основные правила, чтобы искоренить глубоко воспринятые общим убеждением ложные мнения. Вместе с основоположениями наставления, утешения, ободрения, может статься, и будут достаточно сильны, а сами по себе они не действуют. (35) Если мы хотим связать людей и вырвать их из плена пороков, пусть научатся различать благо и зло, пусть знают, что всё, кроме добродетели, меняет имя и становится то злом, то благом. Как первые узы военной службы — это благочестье, и любовь к знаменам, и священный запрет бежать от них, а потом уже легко требовать с приведенных к присяге всего остального и давать им любые поручения, — так и в тех, кого ты хочешь повести к блаженной жизни, нужно заложить первые основания, внушив им добродетель. Пусть держатся ее с неким даже суеверием, пусть ее любят, пусть иначе, как с нею, не хотят и жить.

— (36) «Но что же, разве нет честных людей, которые, и не обучаясь тонкостям, ускользнули от пороков и весьма преуспели, слушаясь одних лишь наставлений?» — Согласен, есть, но в них от природы были счастливые задатки, и ум их на лету ловил благотворные советы. Ведь подобно тому как бессмертные боги не учатся добродетели, наделенные всем от рождения, и благодать есть часть их природы, так и некоторые люди особого дарования без долгой науки постигают все, что обычно преподается, и впитывают правила честности, едва услышав о них; эти-то умы так восприимчивы к добродетели и щедры на нее. А у других, слабых и тупых или поработанных дурной привычкой, долго надо счищать ржавчину с души....

(...)

Так поставим перед собою цель — высшее благо, чтобы стремиться к ней изо всех сил и иметь ее в виду в каждом деле, в каждом слове, — так мореходы должны направлять свой путь по какой-нибудь звезде. (46) Кто живет без цели впереди, тот всегда блуждает. А если непременно нужно поставить себе цель, то становятся необходимы и основоположения. Я думаю, ты согласишься, что нет зрелища постыднее, чем колеблющийся, нерешительный, робкий человек, пугливо отдергивающий ногу. Но мы окажемся такими во всяком деле, если не избавимся от всего, что сковывает и удерживает нам душу и не дает вложить в него всего себя.

(47) Есть обычай давать наставленья, как следует чтить богов. Мы запрещаем зажигать им светильники по субботам, — ведь и боги не нуждаются в освещенье, и людям нет никакой радости от копоты. Мы возбраняем являться с утренними приветствиями и сидеть перед дверьми храмов: таким угожденьем подкупают людское тщеславие,

бога чтит тот, кто его познал. Мы не велим приносить Юпитеру простыни и скребницы, держать зеркало перед Юноной, — богу не нужны прислужники. Почему? Да потому что он сам служит роду человеческому, везде и всякому готовый помочь. (48) Пусть человек выслушал, какую меру надо соблюдать в жертвоприношениях, как необходимо бежать прочь от докучных суеверий, — все равно он далеко не пойдет, если как должно не постигнет умом, каков есть бог — всем владеющий, все ниспосылающий, безвозмездно благодетельствующий. В чем причина божеских благодеяний? В природе богов. (49) Заблуждается думающий, будто они не хотят вредить: они и не могут. Невозможно ни им причинить, ни от них потерпеть урон: ведь ущерб, который нам наносят и который наносим мы, связаны. Кого высокая и прекрасная природа избавила от угроз, тем она не дала и грозить другим. (50) Начало почитания богов — вера в них; затем следует признать за ними и величие, и благость, без которой нет величия, знать, что это они правят миром, они устрояют своею силой вселенную, опекают род человеческий, заботясь иногда и об отдельных людях. Они и не причиняют зла, и не испытывают; впрочем, некоторых они и наказывают, и обуздывают, и налагают кару, посылая ее порою и под видом блага. Хочешь умилизовать богов? Будь благ! Кто им подражает, тот чтит их достаточно!

(51) Но вот другой вопрос, — как обращаться с людьми? Что нам делать? Какие давать наставленья? Чтобы щадили человеческую кровь? Какая это малость, — не вредить тем, кому должно приносить пользу! Великая, конечно, слава для человека — быть милосердным к другому человеку! Поучать ли нам, что тонущему надо протянуть руку, заблудившемуся — указать дорогу, с голодным — поделиться хлебом? Когда я кончу перечислять все, что следует делать и чего избегать? Ведь я могу преподать одно короткое правило о том, в чем человеческий долг: (52) «Все, что ты видишь, в чем заключено и божественное и человеческое, — едино: мы — только члены огромного тела. Природа, из одного и того же нас сотворившая и к одному предназначившая, родила нас братьями. Она вложила в нас взаимную любовь, сделала нас общительными, она установила, что правильно и справедливо, по ее установлению несчастнее приносящий зло, чем претерпевающий, по ее велению должна быть протянута рука помощи. (53) Пусть будет у нас и в сердце, и на устах этот стих:

Коль скоро сам я человек, то думаю,

Что мне ничто не чуждо человеческое.

Запомним: мы родились, чтобы жить вместе. И сообщество наше подобно своду, который потому и держится, что камни не дают друг другу упасть».

(54) Сказав о богах и людях, посмотрим, как надо обращаться с вещами. Мы бросали бы наставленья на ветер, не наставив предварительно, каковы должны быть наши мнения о каждом предмете: о бедности и о богатстве, о славе и о поношении, о родине и об изгнании.

Оценим все по отдельности, отбросив прочь общие толки, и дойдемся, что это такое, а не как называется.

(55) Перейдем теперь к добродетелям. Иной станет поучать, чтобы мы высоко ценили разумность, учились храбрости, любили воздержность и, если это возможно, больше всего прилежали душой справедливости. Но он ничего не добьется, если мы не знаем, что такое добродетель, одна ли она или есть их множество, существуют ли они раздельно или неразрывно связаны, обладает ли обладающий одною и всеми остальными, различаются ли они и чем. (56) Ремесленнику нет надобности исследовать свое ремесло, где его начало и каково применение, так же как и миму — искусство танца. Если такие искусства знают сами себя, этого довольно, так как они не охватывают жизнь целиком. Добродетель есть знание и себя самой, и других вещей. Нужно выучить в ней все, чтобы выучиться ей. (57) Поступок не будет правильным без правильного намеренья, которым поступок и порождается. И опять-таки намеренье не будет правильным без правильного строя души, которым и порождается намеренье. А строй души не будет наилучшим, если она не постигнет законов всей жизни, не определит, как нужно судить о каждой вещи, и не сведет ее к тому, что она есть поистине. Спокойствие достанется на долю только тем, кто пришел к неизблемым и твердым суждениям, а остальные то и дело вновь берутся за прежнее, с чем покончили, и так мечутся между отказом и желанием. (58) А причина метаний — в том, что для руководимых самым ненадежным вожатым, молвою, ничто не ясно. Если хочешь всегда хотеть одного и того же, надо хотеть истинного. Но до истины не дойти, не зная основоположений: они заключают в себе всю жизнь. Благо и зло, честное и постыдное, благочестивое и нечестивое, добродетели и приложение добродетелей, обладание вещами удобными, доброе имя и достоинство, здоровье, сила, красота, острота чувств — все это требует оценщика. Пусть нам будет позволено знать, что по какой цене следует занести в список. (59) Ведь ты заблуждаешься: многое кажется тебе дороже, чем оно есть; то, что считается у нас самым важным, — богатство, милость и власть — не стоят и сестерция: вот как ты заблуждаешься! Но тебе этого не узнать, если ты не разберешься в том законе, по которому такие вещи сравниваются и оцениваются. Как листья не могут жить сами по себе, — им нужна ветка, чтобы на ней держаться и пить из нее сок, — так и наставления, если они одни, вянут: им нужно прирасти к учению. (60) И потом те, кто отбрасывает основоположенья, не понимают, что этим самым укрепляют их. Что они говорят? Для объяснения жизни хватит наставлений, и лишними будут основоположенья мудрости, то есть догматы. Но и то, что они говорят, есть догмат, — так же как я, если бы сказал, что нужно отказаться от наставлений, ибо они излишни, и обратить все наше усердие на одни только основоположенья, давал бы наставленье,

утверждая, будто о наставленьях незачем и думать! (61) В философии одно требует увещаний, другое, и к тому же многое, — доказательств: это то, что не лежит на поверхности и едва может быть обнаружено благодаря величайшему прилежанию и тонкости. Но если необходимы доказательства, необходимы и основоположенья, потому что в них истина подкреплена доводами. Есть вещи явные, есть темные. Явные — те, которые постигаются чувствами и памятью, темные — те, что им недоступны. Разум же не довольствуется очевидным, большая и прекраснейшая его часть занята тайным. Тайное требует доказательства, — но без основоположений доказывать нельзя; значит, основоположенья необходимы. (62) Что делает воззрение всеобщим, то же самое делает его и совершенным: это - твердая убежденность, и если без нее все в душе плавает, то необходимы основоположенья, дающие душам непоколебимость суждений. (63) Наконец, если мы поучаем кого-нибудь относиться к другу как к самому себе, верить, что враг может стать другом, стараться первому внушить любовь, а во втором утишить ненависть, мы прибавляем: «Это справедливо и честно». Но в честности и справедливости и заключается смысл наших основоположений; значит, они необходимы, если ни той, ни другой без них нет.

(64) Нужно сочетать основоположенья и наставленья: ведь и ветви без корня бесполезны, и корни получают помощь от того, что ими порождено. Чем полезны нам руки, нельзя не знать, — они помогают нам явно; а сердце, благодаря которому руки живут и действуют, которое приводит их в движение, — сердце прячется. То же самое могу сказать я и о наставленьях: они на виду, тогда как основоположенья мудрости скрыты. Как величайшие святыни таинств известны только посвященным, так и в философии тайны ее священнодействий открыты только для взора избранных и допущенных, а наставленья и прочее в этом роде известно и непосвященным.

Евангелие от Матфея

Вопросы:

1. Назовите главные принципы христианской этики. Подтвердите ваши суждения соответствующими цитатами.
2. Какие догматы христианства отражают мысль о непротивлении злу насилием?

5. Увидев народ, он вошел на гору; и, когда сел, приступили к нему ученики Его.

²И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря:

³Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

⁴Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

⁵Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

⁶Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

⁷Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

⁸Блаженны чистые сердцем ибо они Бога узрят.

⁹Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

¹⁰Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

¹¹Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедливо злословить за Меня.

¹²Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас.

¹³Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на поприще людям. (...)

²⁰Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное.

²¹Вы слушали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. ²²Я же говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; (...) ²⁵Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу;

²⁷Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. ²⁸А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем;

³¹Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную. ³²А Я говорю вам, кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, то прелюбодействует.

³³Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй перед Господом клятвы твои. ³⁴А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий; ³⁵ни землею, потому что она подножие ног его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ³⁶ни головою своею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. ³⁷Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого.

³⁸ Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. ³⁹ А Я говорю вам: не противься злому. И кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; ⁴⁰ и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду. ⁴¹ и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два; ⁴² Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся.

6. Смотрите, не творите милостыни вашей перед людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного; ³ У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука не знает, что делает правая, ⁴ чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

¹⁹ Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, ²⁰ но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ²¹ ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше.

²² Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то всё тело твоё будет светло; ²³ если же око твоё будет худо, то всё тело твоё будет темно.

²⁵ Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи и тело одежды?

³¹ Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? ³² потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. ³³ Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам. ³⁴ Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своём: довольно для каждого дня своей заботы.

Общечеловеческие ценности¹

Вопросы:

- 1. Как вы думаете, возможно ли расширение социального единения до границ всего человечества?**
- 2. Что представляют собой общечеловеческие ценности? Какую роль они играют в жизни человека, общества, человечества?**

¹ Основы гражданского образования. Нижний Новгород, 1995. С. 8.

Ценности существуют для человека как неповторимой личности (индивидуальные ценности) и для человека как представителя различных социальных групп (групповые ценности). Групповые ценности отражают и формируют целостность данной группы.

Понятие общечеловеческих ценностей. В жизни человечества наступило время, когда отдельные потоки истории – регионов, народов, наций, государств сливаются в единую историю. Человечество становится реальной целостностью. Стремление к преумножению своей мощи для выживания, увеличения комфорта, защиты от реальных и мнимых врагов сделало человека силой планетарного масштаба. В то же время, его непродуманное воздействие на природу, разрушительная мощь оружия вместе с неспособностью предвидеть результаты своей деятельности и эгоизмом (неуемная жажда потребления, жизнь по принципу «после меня – хоть потоп») создали серьезную угрозу существования всего человечества.

Складывается новое сообщество, мегаобщество, включающее в себя всех ныне живущих людей, деятельность которого влияет на возможность выживания грядущих поколений. Человек не всегда способен осознать себя членом этого большого сообщества, поскольку эмпирически он чаще всего чувствует лишь свою зависимость от тех людей, с которыми вступает в общение, и от государства.

Для современного человека решение проблемы выживания связано с осознанием целостности человечества и единства его судьбы. Объединение человечества предполагает наличие некоторых общечеловеческих ценностей. Общечеловеческими являются не те ценности, которые признаются всеми людьми (такое единодушие практически невозможно), а те, которые могут быть приняты каждым человеком в силу его принадлежности к человеческому роду.

Содержание общечеловеческих ценностей. Первейшей ценностью для человека является человек. Все остальные ценности, называемые общечеловеческими, конкретизируют представление об этой центральной ценности или являются условиями ее существования.

Общечеловеческие ценности можно подразделить на группы:

Первая группа. Ценности, связанные с правом человека на жизнь, все, что служит его реализации.

Вторая группа. Экзистенциальные (назовем их так условно) ценности: человеческая неповторимая индивидуальность, стремление к самовыражению, счастье, достоинство.

Третья группа. Ценности культуры (искусство, наука, нравственность и др.), которые в обобщенной форме могут быть выражены в традиционной триаде: истина, добро, красота.

Четвертая группа. Политические ценности: социальная стабильность, справедливость, защищенность, свобода, равноправие.

Пятая группа. Экологические ценности, связанные с идеей сохранения природы во всей ее чистоте и многообразии.

Эти группы ценностей находятся в некотором соподчинении. Жизнь (в собственном смысле слова) является фундаментом, предпосылкой реализации человеческой сущности, человеческого существования (экзистенции). Культура есть возможность и способ приобщения к человеческому бытию. Политические ценности призваны служить охране человека.

Место природы в этой системе ценностей философами определяется неоднозначно. Суть одной позиции заключается в отношении к природе преимущественно как к источнику жизнеобеспечения для человека: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник». Сторонники другой позиции, не отрицая значимости природы для выживания человека, в то же время подчеркивают ее самодовлеющее значение как уникального явления материального мира. Первая точка зрения связана с традицией антропологического эгоцентризма, вторая исходит из принципа «благоговеющего отношения к жизни» (А.Швейцер).

Соотношение в общечеловеческих ценностях общего и частного.

Вопросы:

- 1. Как реализуются ценности в деятельности отдельного человека, группы людей, государства? Можно ли по вашему мнению их согласовывать?**
- 2. Как связаны общечеловеческие ценности с иными ценностями – национальными, классовыми, профессиональными и т.д.?**

На протяжении весьма короткого отрезка времени – последних десяти-пятнадцати лет – в общественном мнении нашей страны нашли отражение различные взгляды на систему ценностей. До начала периода реформ провозглашалось первенство классовых ценностей по отношению ко всем другим. Затем на первый план выдвинулась точка зрения, согласно которой приоритет отдавался общечеловеческим ценностям, в противовес классовым и другим. В последнее время все чаще говорят о главенстве государственных, державных ценностей. При этом за «классовыми ценностями» нередко скрывались номенклатурные, а под «общечеловеческими» в действительности подразумевались ценности западного мира (Европа и Северная Америка). Что означают слова «державность», «Государственные ценности»? Каково их содержание?

Природа человеческих ценностей противоречива. С одной стороны, в них заключается общее для всего человечества (хотя бы в возможности). С другой стороны, общечеловеческие ценности признаются (или не признаются) не вполне определенными, конкретными людьми. Каждый человек – представитель определенной социальной группы, профессиональной общности, нации, государства и т.д. Общечеловеческое существует только в форме единичного. Можно сказать и так: общечеловеческие ценности воплощены в различных сосуществующих культурах, цивилизациях.

В нашей стране понятие «общечеловеческие ценности» стало популярным и даже модным в связи с фундаментальными преобразованиями в экономике, социальной, политической, духовной сферах. Пик популярности этого термина сейчас уже миновал. Но проблема общечеловеческих ценностей отнюдь не уходит в небытие.

Классовое и общечеловеческое. Не так давно классовый подход, а следовательно, и классовые ценности, занимали одно из центральных мест в отечественном общественном сознании. Теперь, по мнению многих, стало почти неприличным упоминать о классовом подходе, классовой оценке.

Абсолютизация классовых понятий проявляется в подчинении им всех прочих аспектов человеческого бытия. Сторонники этой позиции утверждают, что классовая принадлежность определяет быт, нравы, вкусы, вообще – весь духовный мир человека и все его поступки, что искусство, философия, религия, вся духовная жизнь могут быть сведены к классовым истинам и целям. Такое утверждение следует признать ошибочным. Классовый подход может быть обоснован, но не как абсолютный, а как относительный. Одно дело – признание его права на существование, другое – его абсолютизация, апологетика. Классовый подход в анализе и оценке общественных явлений играет свою роль, более того, многие явления социальной жизни можно понять только с его помощью.

Национальное и общечеловеческое. Общечеловеческое не отрицает национальное, а напротив, проявляется, обнаруживает себя в нем. Именно в форме национального впервые реализуется все то уникальное, неповторимое, что впоследствии приобретает общечеловеческий статус. Войти в общечеловеческое, минуя национальное, невозможно. Общечеловеческое вне национального не существует. Но национальное без общечеловеческого – узко, локально, имеет лишь местное значение. Сущность национализма выражает формула: «Интересы нации превыше всего». Эта идеология абсолютизирует этнические, национальные признаки, отрывая их от общечеловеческого. Можно утверждать, что это болезнь несложившейся, ущербной нации, не преодолевшей комплекса

национальной неполноценности, свидетельство слабости национального развития.

Возможность столкновения цивилизаций и общечеловеческие ценности. Понимание западной цивилизации как максимального воплощения общечеловеческих ценностей, как своего рода «конца истории» (Ф.Фукуяма), как вершины пирамиды (где пирамида – это все человечество в его прошлом и настоящем) порождено событиями, которые происходили в мире в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия. Это взгляд на конец XX века из прошлого, из времени ушедшего.

Возможен иной взгляд, который, например, был выражен одним из крупнейших политологов С.Хантингтоном. Его идея заключается в том, что на смену эпохе «холодной войны» пришла «цивилизационная» эпоха. Цивилизация – это самый широкий уровень общности, с которой соотносит себя человек. Со временем общность людей на уровне цивилизации будет становится все более важной. Облик мира будет формироваться во взаимодействии семи-восьми крупных цивилизаций. Самые значительные конфликты будущего развернутся вдоль линий соприкосновения цивилизаций. Почему?

Первое. Различия между цивилизациями очень велики: язык, история, культура, традиции, религия. Эти различия складывались столетиями, и они не исчезнут в обозримом будущем.

Второе. Мир становится более тесным. Взаимодействие между народами – представителями различных цивилизаций - усиливается. Это ведет к росту национального самосознания, к осознанию различий между цивилизациями и консолидации внутри цивилизаций.

Третье. Уменьшается роль государства, теряется связь человека с постоянным местом жительства. Основой общности становится культура, религия и т.п. Именно они в большей степени объединяют людей.

Четвертое. В незападных цивилизациях происходит возврат к собственным корням. Запад находится на вершине своего могущества. Но другие цивилизации пытаются освободиться от его влияния, «вернуться к самим себе».

Пятое. Культурные различия более стабильны, чем экономически политические. Их сложнее преодолеть.

Шестое. В современном мире усиливается экономический регионализм.

Исходя из этого, попытки Запада распространить свои ценности во всем мире, провозгласить их общечеловеческими, наталкиваются на сопротивление других цивилизаций. Внешне может показаться, что западная культура пропитала весь мир. Но по сути, западные ценности (либерализм, индивидуализм, свобода личности, верховенство закона, демократия и т.д.) далеко не всегда понимаются другими

цивилизациями (исламской, конфуцианской, буддийской, православной). «Универсальная» цивилизация – это, видимо, утопия. Таким образом, ставится под сомнение само существование общечеловеческих ценностей. Они не должны быть «привязаны» к одной цивилизации, а, следовательно, выражать лишь достаточно ограниченный, минимальный набор ценностей.

Общечеловеческие ценности и проблема «индивидуализм – коллективизм». Универсальность общечеловеческих ценностей требует ответа на вопрос: совместимы ли они с принципом индивидуализма? Этот принцип – фундаментальная ценность западной (европейской и североамериканской) цивилизации. В западном обществе принцип индивидуализма доминирует и в теории, и на практике. «Индивидуализм по-американски заключается в том, что нужно заполучить все, что можно, для себя и не утруждаться заботой о чужих проблемах. Подобную позицию ... в некоторых обществах считают бесчеловечной, в нашем ... относятся к ней как к ... большой общественной ценности» (М.Паренти). Господство индивидуалистской идеи делает проблематичным воплощение общечеловеческих ценностей. Это, скорее, идеал, дело будущего, чем практика сегодняшнего дня.

С другой стороны, в России (по Хантингтону, православно-славянской цивилизации) в течение почти всего XX века доминировал классовый подход. Кроме того, в России на протяжении многих веков было укоренено соборное (общинное) сознание, для которого любые проявления и притязания индивидуальности выглядят как индивидуализм, отчуждение от общества. Идея общечеловеческих ценностей, включающих в себя принципы индивидуализма, встречают здесь настороженное отношение.

В качестве основы, доминанты русского национального идеала традиционно выдвигалось надличное, наиндивидуальное начало. Это – стремление к общественной справедливости и правде. Абсолютизация индивидуальной исключительности, претензия «личной правды» заменить собой общую расценивается как нескромность, высокомерие, чванство. Величие личности измеряется общественной направленностью намерений, способностью понимания и сострадания по отношению к другому человеку.

«Русская мечта» принципиально отличается от «американской мечты». Это так. Но это не мешает вести диалог и поиск общего, находить фундаментальные ценности, делающие возможным сосуществование западной, православно-славянской и других цивилизаций, всего человечества.

Семинар № 4**Тема: Культура и политические ценности**
(занятие 1)**Вопросы для обсуждения:**

1. Понятие «Политическая культура» и его содержание.
2. Свобода и демократия – классические ценности политической культуры.
3. Античные представления о свободе, демократии, гражданском обществе и правовом государстве.
4. Теории демократии и конституционного правления в Европе Нового времени.
5. Культура демократического поведения в античности и в Новое время.

Литература:¹

1. Аристотель. Сочинения в 4-х томах. «Политика». Т.4. М., 1984.
2. Ильин М.В. Что есть политика и что наука о политике. // Полис. 1991, № 4
3. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
4. Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. М., 1991.
5. Поппер. Открытое общество и его враги. Т.1-3. Пер. с англ. Под ред В.Н.Садовского. М., 1992.
6. Шестопал Е.Б. Личность и политика. М., 1988
7. История политических и правовых учений. Учебное пособие под ред. О.Э.Лейста. М., 1991.
8. **Андреев С.С. Политические интересы и политические отношения // Социально-политический журнал. 1991, № 6.**
9. **Тарасов Ч.Н. Государство как институт политической системы // Социально-политический журнал. 1994 № 1-2**
10. **История политических и правовых учений. Древний мир. (Отв. ред. В.С.Нерсисянц). М., 1985**
11. Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989.
12. **Строгеецкий В.М. Античное культурное наследие и современные проблемы мировой культуры. Учебное пособие. Часть 2. Лекция 5. Нижний Новгород, 1997.**
13. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993
14. Лукин Ю.А. Культура и культурная политика. М., 1992
15. Санистебан Л.С. Основы политической науки. М., 1992.
16. Основы гражданского образования. Нижний Новгород. 1995.

¹ Обязательная литература выделена жирным шрифтом.

Материалы для обсуждения

Николо Макиавелли (1469-1527)

В труде Н.Макиавелли нашли отражение идеи государственного абсолютизма. С его точки зрения только сильное, централизованное государство могло преодолеть разобщенность общества, защитить требования национальной суверенности в борьбе против католического универсализма в эпоху, когда пробуждались европейские нации.

В конце XV и в начале XVI в. Италию потрясали постоянные войны, вносившие кризисные явления в экономику и культуру страны. Италия была раздроблена на городские республики, князья соперничали между собой за власть, и не было силы, способной политически объединить страну.

Потребность в сильном государстве, которое выполнило бы эту задачу, лучше всего выразил в своей политической теории флорентиец, современник Леонардо да Винчи, друг Микеланджело, государственный деятель, историк, поэт **Николо Макиавелли**.

Первоначально он занимал важную политическую должность во Флорентийской республике, а после ее падения в 1512 г. был выслан в изгнание, где и написал свои политические трактаты.

Политическая теория Макиавелли имела актуальное значение, а именно стала руководством для способного и честолюбивого правителя, который во главе сильного государства освободил бы Италию от влияния приходящего в упадок папства.

Этот итальянский мыслитель считал, что в политической борьбе во имя великих целей допустимо пренебрегать законами морали и применять любые средства в борьбе правителей за власть. Тот, кто встал на пути «судьбы», должен быть правителем нового типа, абсолютным властелином, деспотом, он не должен быть связан никакими правовыми предписаниями, религией, своим собственным словом. Он должен руководствоваться только строго анализируемыми реальными фактами, может быть жестоким, хитрым, грешным, беспощадным (образцом служил Цезаре Борджиа). Правитель как общественный деятель должен руководствоваться моралью силы этого мира, но не моралью религиозной, лишь так он овладеет стихийным движением человеческого поведения, вытекающим из жажды богатства, благосостояния и инстинктов.

Государь¹

Вопросы:

1. В чем состоит суть основных мыслей Н.Макиавелли о взаимоотношении морали и политики, морали и государства?
2. Какие примеры «макиавеллизма» в отечественной и мировой истории вы можете привести?

О том, за что людей, в особенности государей, восхваляют или порицают

Теперь остается рассмотреть, как государь должен вести себя по отношению к подданным и союзникам. Зная, что об этом писали многие, я опасаюсь, как бы меня не сочли самонадеянным за то, что избрав тот же предмет, в толковании его я более всего расхожусь с другими. Но, имея намерение писать нечто полезное для людей понимающих, я предпочел следовать правде не воображаемой, а действительной – в отличие от тех многих, кто изобразил республики и государства, каких в действительности никто не знал и не видел. Ибо расстояние между тем, как люди живут, и как должны бы жить столь велико, что тот, кто отвергает действительное ради должного действует скорее всего во вред себе, нежели на благо, так как, желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь со множеством людей, чуждых добру. Из чего следует, что государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности.

Что может быть похвальнее для государя, чем соединять в себе все лучшие из ... качеств? Но раз в силу своей природы человек не может ни иметь одни добродетели, ни неуклонно им следовать, то благоразумному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же – воздерживаться по мере сил, но не более. И даже пусть государи не боятся навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти, ибо, вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя, и наоборот: выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность.

*О жестокости и милосердии и о том, что лучше:
внушать любовь или страх*

Переходя к другим из упомянутых выше свойств, скажу, что каждый государь желал бы прослыть милосердным, а не жестоким,

¹ Макиавелли Н. Государь. М., 1990.

однако следует остерегаться злоупотреблять милосердием. Чезаре Борджа многие называли жестоким, но жестокостью этой он навел порядок в Романье, объединил ее, умиротворил и привел к повиновению. И, если вдуматься, проявил тем самым больше милосердия, чем флорентийский народ, который, боясь обвинений в жестокости, позволил разрушить Пистойю¹. Поэтому государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости. Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его, потворствуют беспорядку. Ибо от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдает все население, тогда как от кар, налагаемых государем, страдают лишь отдельные лица. Новый государь еще меньше, чем всякий другой, может избежать упрека в жестокости, ибо новой власти угрожает множество опасностей. (...)

По этому поводу может возникнуть спор, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись. Говорят, что лучше всего, когда боятся и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом; поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх. Ибо о людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива: пока ты делаешь им добро, они твои всей душой, обещают ничего для тебя не щадить: ни крови, ни жизни, ни детей, ни имущества, но когда у тебя явится в них нужда, они тотчас от тебя отвернутся. И худо придется тому государю, который, доверяясь их посулам, не примет никаких мер на случай опасности. Ибо дружбу, которая дается за деньги, а не приобретается величием и благородством души, можно купить, но нельзя удержать, чтобы воспользоваться ею в трудное время. Кроме того, люди меньше остерегаются обидеть того, кто внушает им любовь, нежели того, кто внушает им страх, ибо любовь поддерживается благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренебречь ради своей выгоды, тогда как страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно. (...)

Но когда государь ведет многотысячное войско, он тем более должен пренебречь тем, что может прослыть жестоким, ибо не прославив жестоким, нельзя поддержать единства и боеспособности войска. Среди удивительных деяний Ганнибала упоминают и следующее: отправившись воевать в чужие земли, он удержал от мятежа и распрей огромное и разноплеменное войско как в дни побед, так и в дни поражений. Это можно объяснить только его нечеловеческой жестокостью, которая вкупе с доблестью и талантами внушала войску благоговение и ужас; и не будь в нем жестокости, другие его качества не возымели бы такого действия. Между тем, авторы исторических трудов,

¹ Пистойя – главный город одноименной провинции в центральной Италии.

с одной стороны, превозносят сам подвиг, с другой, – необдуманно порицают его главную причину. (...)

Итак, возвращаясь к спору о том, что лучше: чтобы государя любили, или чтобы его боялись, скажу, что любят государей по собственному усмотрению, а боятся – по усмотрению государей, поэтому мудрому правителю лучше рассчитывать на то, что зависит от него, а не от кого-то другого;

О том, как государи должны держать слово

Излишне говорить, сколь похвальна в государе верность данному слову, прямодушие и неуклонная честность. Однако, мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдерживать данное слово и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца; такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность.

Надо знать, что с врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, - силой. Первый способ присущ человеку, второй – зверю. Но так как первое часто недостаточно, то приходится прибегать и ко второму. Отсюда следует, что государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека и зверя. Не это ли иносказательно внушают нам античные авторы, повествуя о том, как Ахилла и прочих героев древности отдавали на воспитание кентавру Хирону, дабы они приобщились к его мудрости? Какой иной смысл имеет выбор в наставники получеловека-полузверя, как не тот, что государь должен совместить в себе обе эти природы, ибо одна без другой не имеет достаточной силы?

Итак, их всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса – волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана. Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам, и если отпали причины, побудившие его дать это обещание. Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же. А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется. Примеров тому множество: сколько мирных договоров, сколько соглашений не вступило в силу или пошло прахом из-за того, что государи нарушали свое слово, и всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру. Однако натуру эту надо еще уметь прикрыть, надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить.

Из близких по времени примеров не могу умолчать об одном. Александр VI¹ всю жизнь изощрялся в обманах, но каждый раз находились люди, готовые ему верить. Во всем свете не было человека, который бы так клятвенно уверял, так убедительно обещал и так мало заботился об исполнении своих обещаний. Тем не мене, обманы всегда удавались ему, как он желал, ибо он знал толк в этом деле. Отсюда следует, что государю не необходимости обладать всеми названными добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими. Дерзну прибавить, что обладать этими добродетелями и неуклонно следовать им вредно, тогда как выглядеть обладающим ими – полезно. Иначе говоря, надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым – и быть таковым в самом деле, но внутренне надо сохранять готовность проявить противоположные качества, если это окажется необходимо. Следует понимать, что государь, особенно новый, не может исполнять все то, за что людей почитают хорошими, так как ради сохранения государства он часто бывает вынужден идти против своего слова, против милосердия, доброты и благочестия. Поэтому в душе он всегда должен быть готов к тому, чтобы переменить направление, если события примут другой оборот или в другую сторону задует ветер фортуны, то есть, как было сказано, по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла. (...)

О действиях всех людей, а особенно государей, с которых в суде не спросишь, заключают по результату, поэтому пусть государи стараются сохранить власть и одержать победу. Какие бы средства для этого не употребить, их всегда сочтут достойными и одобрят, ибо чернь прельщается видимостью и успехом, в мире же нет ничего, кроме черни, и меньшинству в нем не остается места, когда за большинством стоит государство.

Дж. Локк (1632-1704)

Родился в Рингтоне. После успешной учебы, которую начал в Вестминстерской школе и продолжил в оксфордском университете, становится учителем греческого языка и риторики. Уже в ходе учебы он проявляет исключительный интерес к современному естествознанию, а также к современной ему философии, в частности к системам Бэкона и Декарта. В 1664-1665 гг. он впервые посетил европейский континент в качестве секретаря английского посла при бранденбургском дворе. После возвращения в Англию начал принимать активное участие в политической

¹ Александр VI (1431- 1503) – римский папа с 1492 г. Поддерживал завоевательные планы своего сына Чезаре Борджиа. Политических противников уничтожал при помощи яда и кинжала.

жизни, становится секретарем лорда-канцлера Эшли. Вместе с ним он в 1682 г. находит убежище в Голландии. В Англию Локк возвратился после уже после так называемой славной революции 1688 г.

Драматическое развитие общественной и политической ситуации в Англии, свидетелем которой был Локк, вызывает у него, естественно, и интенсивный интерес к политике. Среди политических работ Локка основополагающей является «Два трактата о государственном правлении», где он обосновывает свое понимание устройства общества.

В своих общественно-научных и политических рассуждениях Локк исходит из естественного состояния общества, которое представляет собой «...состояние равенства, в котором вся власть и правомочность является взаимной, один имеет не больше, чем другой», это – состояние свободы. Хотя человек в этом состоянии имеет неконтролируемую свободу делать с собой и своим имуществом все, что угодно, он, однако, ограничивает свободу человека естественный закон, согласно которому, никто не имеет права ограничивать другого в его жизни, здоровье, свободе либо имуществе.

Свобода человека, таким образом, не абсолютна. Поэтому и власть правителя, полученная на основе «договора» путем отречения подданных от естественных прав, не может быть абсолютной. «Договор» возникает на основе уважения естественного закона, естественного права. Поэтому, если правитель нарушит эти права, его подданные вправе отказаться от договора.

Значительной составной частью рассуждений Локка об упорядочении общества являются идеи о разделении власти: он различает власть законодательную, исполнительную и федеративную.

Два трактата о государственном правлении¹

Вопросы:

- 1. Как Дж.Локк переосмысливал роль и место государства в политической жизни?**
- 2. Что собой представляет «естественное состояние»?**
- 3. В чем, по мнению Дж.Лока, смысл «договора», почему договор приводит к возникновению гражданского общества? Каковы черты такого общества?**
- 4. Что принципиально нового по сравнению с эпохой средневековья во взглядах Дж.Локка на права гражданина и его взаимоотношения с государством?**
- 5. Какие демократические политические ценности нашли отражение в приведенном ниже отрывке?**

¹ Дж.Локк Сочинения. В 3-х томах. Т.3. М., 1988.

...Будет уместно дать определение того, что я считаю политической властью... Политической властью я считаю право создавать законы, предусматривающие смертную казнь и соответственно все менее строгие меры наказания для регулирования и сохранения собственности, и применять силу сообщества для исполнения этих законов и для защиты государства от нападения извне – и все это только для общественного блага.

Глава II

О естественном состоянии

Для правильного понимания политической власти и определения источника ее возникновения мы должны рассмотреть, в каком естественном состоянии находятся все люди, а это – *состояние полной свободы* в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли.

Это также *состояние равенства*, при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными, - никто не имеет больше другого. Нет ничего более очевидного, чем то, что существа одной и той же породы и вида, при своем рождении без различия получая одинаковые природные преимущества и используя одни и те же способности, должны также быть равными между собой без какого-либо подчинения или подавления.

(...)

...*политическое общество* налицо там, где каждый из его членов отказался от естественной власти и передал ее в руки общества во всех случаях, которые не препятствуют ему обращаться за защитой к закону, установленному этим обществом. И таким образом, всякий частный суд каждого отдельного члена исключается, в общество становится третейским судьей, устанавливая постоянные правила, беспристрастные и одни и те же для всех сторон, и с помощью людей, получивших от общества полномочия проводить в жизнь эти правила, разрешает все разногласия, которые могут возникнуть между любыми членами этого общества в отношении всякого правового вопроса, равно как и наказывает те преступления, которые любой член общества совершил по отношению к обществу, такими карами, которые установлены законом. Вследствие этого легко различить, кто находится и кто не находится вместе в *политическом обществе*. Те, кто объединены в единое целое и имеют общий установленный закон и судебное учреждение, куда можно обращаться и которое наделено властью разрешать споры между ними и наказывать преступников, находятся в *гражданском обществе*; но те, кто не имеют такого общего судилища, я имею в виду – на земле, все

еще находятся в естественном состоянии, при котором каждый, а это, как я уже показал, и есть совершенное *естественное состояние*.

Таким образом, государство получает власть устанавливать, какое наказание должно полагаться за различные нарушения, совершенные членами этого общества, и какие нарушения того заслуживают (это есть *законодательная власть*), так же как оно обладает властью наказывать за ущерб, кто не входит в это общество (это *власть* решать вопросы *войны и мира*), и все это для сохранения собственности всех членов общества, насколько это возможно. Но хотя каждый человек, вступивший в гражданское общество и ставший членом какого-либо государства, тем самым отказался от своей власти наказывать преступления против закона природы и осуществить свое собственное частное правосудие, все же вместе с правом судить за преступление, которое он передал законодательной власти во всех случаях, когда он может обратиться к суду, он дал праву государству употреблять его силу для исполнения приговоров государства в тех случаях, когда его к этому призовут: ведь эти приговоры являются его собственными, так как они вынесены им самим или его представителями. И здесь мы имеем первоначально *законодательной* и *исполнительной* власти гражданского общества, которой надлежит определять на основании постоянных законов, в какой мере должны наказываться преступления, когда они совершены внутри государства, а также определять с помощью решений, принимаемых в каждом отдельном случае на основании обстоятельств данного дела, в какой мере должен возмещаться ущерб, нанесенный извне, и в обоих этих случаях употреблять силу всех членов общества, когда это требуется

Следовательно, когда какое-либо число людей так объединено в одно общество, что каждый из них отказывается от своей исполнительной власти, присущей ему по закону природы, и передает ее обществу, то тогда, и только тогда, существует *политическое, или гражданское*, общество. И это происходит, когда какое-либо число людей, находящихся в естественном состоянии вступает в общество, чтобы составить один народ, одно политическое тело под властью одного верховного правительства, или когда кто-либо присоединяется к ним и принимается в какое-либо существующее государство. Тем самым он уполномочивает общество или, что все равно, его законодательную власть создавать для него законы, каких будет требовать общественное благо; он должен способствовать исполнению этих законов (как своим собственным установлениям). И это *переносит* людей из естественного состояния *в государство*, поскольку на земле появляется судья, имеющий власть разрешать все споры и возмещать любой ущерб, который может быть нанесен любому члену государства; этим судьей является законодательная власть или назначенное ею должностное лицо. В тех случаях, когда есть какое-то число людей, хотя бы и связанных

между собой, но не имеющих такой принимающей решения власти, к которой они могли бы обратиться, они все еще находятся в естественном состоянии.

Отсюда очевидно, что *абсолютная монархия*, которую некоторые считают единственной формой правления в мире, на самом деле *несовместима с гражданским обществом* и, следовательно, не может вообще быть формой гражданского правления. Ведь цель гражданского общества состоит в том, чтобы избегать и возмещать те неудобства естественного состояния, которые неизбежно возникают из того, что каждый человек является судьей в своем собственном деле. Это достигается путем установления известного органа власти, куда каждый член этого общества, может обратиться, понеся какой-либо ущерб или в случае любого возникшего спора, и этому органу должен повиноваться каждый член этого общества. В тех случаях, когда существуют какие-либо лица, не имеющие такого органа, к которому они могла бы обратиться для разрешения каких-либо разногласий между ними, эти лица все еще находятся в *естественном состоянии*. И в таком состоянии находится каждый *абсолютный государь* в отношении тех, кто ему подвластен.

Ведь предполагается, что он, и только он, обладает всей, и законодательной, и исполнительной, и нельзя найти никакого судьи, не к кому обратиться, кто бы мог справедливо и беспристрастно решить дело, обладая необходимыми полномочиями, и от чьего решения можно было бы ожидать помощи и возмещения любого ущерба или неудобства, которые можно претерпеть от самого государя или по его приказу. И таким образом, подобный человек, как бы он ни назывался – *царь*, или *владелец сеньор*, или еще какой-нибудь, в такой же степени находится в *естественном состоянии* по отношению ко всем, кто ему подвластен, как и по отношению ко всему остальному человечеству. Ведь во всех случаях, когда имеются два каких-либо человека, у которых нет ни постоянного правила, ни общего судьи, к которому они могли бы обратиться на земле для решения их споров о том, кто из них прав, они все еще находятся в *естественном состоянии*...

(...)

Глава VII

(...) Ни для одного человека, находящегося в гражданском обществе не может быть сделано исключения из законов этого общества. Ведь если какой-либо человек может делать все, что ему заблагорассудится, и на земле не будет места, куда можно было бы обратиться для исправления причиненного им зла или для защиты от него, то, спрашиваю я, не будет ли такой человек все еще полностью в естественном состоянии; но тем самым он не может быть *ни частью ни членом этого гражданского общества*, если только кто-либо не станет

утверждать, что естественное состояние и гражданское общество – это одно и то же; но до сих пор я еще не нашел ни одного столь страстного приверженца анархии, который бы стал на этом настаивать.

Глава VIII *О возникновении политических обществ*

Поскольку люди являются, как уже говорилось, по природе свободными, равными и независимыми, то никто не может быть выведен из этого состояния и подчинен политической власти другого без своего собственного *согласия*. Единственный путь, посредством которого кто-либо отказывается от своей естественной свободы и надевает на себя узы гражданского общества, - это соглашение с другими людьми об объединении в сообщество для того, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и находясь в большей безопасности, чем кто-либо не являющийся членом общества. Это может сделать любое число людей, поскольку здесь нет ущерба для свободы остальных людей, которые, как и прежде, остаются в естественном состоянии свободы. Когда какое-либо число людей таким образом *согласилось создать сообщество* или государство, то они тем самым уже объединены и составляют единый политический организм, в котором *большинство* имеет право действовать и решать за остальных.

Ведь когда какое-либо число людей создало с согласия каждого отдельного лица *сообщество*, то они тем самым сделали это сообщество единым организмом, обладающим правом выступать как единый организм, что может происходить только по воле и решению *большинства*. Ведь то, что приводит в действие какое-либо сообщество, есть лишь согласие составляющих его лиц, а поскольку то, что является единым целым, должно двигаться в одном направлении, куда его влечет бо́льшая сила, которую составляет *согласие большинства*: в противном случае оно не в состоянии выступать как единое целое или продолжать оставаться единым целым, *единым сообществом*, как на то согласились все объединенные в него лица; и, таким образом, каждый, благодаря этому согласию, обязан подчиняться *большинству*. И вот почему мы видим, что в законодательных собраниях, облеченных властью силою положительных законов, в тех случаях, когда в положительном законе, который облек их властью, не указано число, *действие большинства* считается действием целого и, разумеется, определяет силу целого, которой по закону природы и разума оно обладает.

И, таким образом, каждый человек, согласившись вместе с другими составить единый политический организм, подвластный одному правительству, берет на себя перед каждым членом этого сообщества обязательство подчиняться решению *большинства* и считать его

окончательным: в противном же случае этот *первоначальный договор*, посредством которого он вместе с другими вступил в одно общество, не будет что-либо значить и вообще не будет договором, если этот человек останется свободным и не будет иметь никаких иных уз, кроме тех, которые он имел, находясь в естественном состоянии. Ведь как тогда будет выглядеть любой договор? Какое это будет новое обязательство, если человек будет связан любыми постановлениями общества лишь постольку, поскольку он сам это считает удобным и дал на это свое согласие? Ведь тогда он будет все еще пользоваться такой свободой, какой он пользовался до этого договора или какой пользуется человек, находящийся в естественном состоянии, который может побудить себя и согласиться на любые действия, если он считает их подходящими для себя.

Ведь если *согласие большинства* не будет разумно восприниматься как *действие целого* и не будет обязательным для каждого отдельного человека, то ничто, за исключением согласия индивидуума, не сможет сделать что-либо действием целого, но достижение подобного согласия вряд ли является возможным, если мы примем во внимание болезни и деловые обстоятельства, которые значительному количеству людей, хотя это число и будет намного меньше всех членов общества, по необходимости не дают присутствовать на общем собрании. Если же к этому добавить разнообразие мнений и противоположность интересов, которые неизбежно наличествуют всегда, когда люди собираются вместе, то создание общества при подобных условиях будет напоминать только приход Катона в театр, который пришел лишь для того, чтобы сразу же уйти. Подобное устройство сделает могучего Левиафана менее долговечным, чем даже самое слабое существо, и он не переживет даже дня своего рождения, а это можно предположить только в том случае, если мы сможем допустить, что разумные существа пожелают создавать общества лишь для того, чтобы они распадались; ведь если *большинство* не может решать за всех, то такие общества не могут выступать как единое целое, и, следовательно, они немедленно вновь распадутся.

Следовательно, подразумевается, что все, кто из естественного состояния объединяется в сообщество, отказываются в пользу большинства этого сообщества от всякой власти, необходимой для осуществления тех целей, ради которых они объединились в общество, если только они не договорились совершенно определенно о каком-либо числе, превышающем простое большинство. И все это совершается посредством одного лишь согласия на *объединение в единое политическое общество*, а это и есть весь тот договор, который существует или должен существовать между личностями, вступающими в *государство* или его создающими. И, таким образом, то, что является началом *всякого политического общества* и фактически его *составляет*, - это всего лишь согласие любого числа свободных людей, способных

образовать большинство, на объединение и вступление в подобное общество. И именно это, и только это, дало или могло дать *начало* любому законному правлению в мире.

Глава IX

О целях политического общества и правления

Если человек в естественном состоянии так свободен, как об этом говорилось, если он абсолютный господин своей собственной личности и владений, равный самым великим людям и никому не подчиненный, то почему расстается он со своей свободой, почему отказывается он от этой империи и подчиняет себя власти и руководству какой-то другой силы? На это напрашивается самый очевидный ответ, что хотя в естественном состоянии он обладает подобным правом, но все же пользование им весьма ненадежно и ему постоянно угрожает посягательство других. Ведь, поскольку все являются властителями в такой же степени, как и он сам, поскольку каждый человек ему равен, а большая часть людей не особенно строго соблюдает равенство и справедливость, постольку пользование собственностью, которую он имеет в этом состоянии, весьма небезопасно, весьма ненадежно. Это побуждает его с готовностью отказаться от такого состояния, которое хотя и является свободным, но полно страхов и непрерывных опасений; и не без причины он разыскивает и готов присоединиться к обществу тех, кто уже объединился или собирается объединиться ради взаимного *сохранения* своих жизней, свобод и владений, что я называю общим именем – «собственность».

Поэтому-то великой и главной целью объединения людей в государства и передачи ими под власть правительства *является сохранение их собственности*. А для этого в естественном состоянии не хватает многого.

Во-первых, не хватает *установленного*, определенного, известного закона, который бы был признан и допущен по общему согласию в качестве нормы справедливости и несправедливости, и служил бы тем общим мерилom, при помощи которого разрешались бы между ними все споры. Ведь хотя закон природы ясен и понятен всем разумным существам, однако люди руководствуются своими интересами, к тому же они его не знают, так как не изучали, и поэтому не склонны признавать его в качестве закона, обязательного для них в применении к их конкретным делам.

Во-вторых, в естественном состоянии не хватает *знающего и беспристрастного судьи*, который обладал бы властью разрешать все затруднения в соответствии с установленным законом. Ибо каждый в этом состоянии является одновременно и судьей, и исполнителем закона природы, а люди пристрастны к себе, и страсть и месть очень даже

могут завести их слишком далеко и заставить проявить большую горячность в тех случаях, когда дело касается их самих; точно так же небрежность и безразличие могут сделать их слишком невнимательными к делам других людей.

В-третьих, в естественном состоянии часто не хватает *силы*, которая могла бы подкрепить и поддержать справедливый приговор и *привести* его в *исполнение*. Те, кто совершает какую-либо несправедливость, вряд ли удержатся от того, чтобы силой настоять на своем, когда они в состоянии это сделать; подобное сопротивление часто делает наказание опасным и нередко гибельным для тех, кто пытается его осуществить.

Таким образом, люди, несмотря на все преимущества естественного состояния, находятся в скверных условиях, пока они в нем пребывают, и быстро вовлекаются в общество. Вот почему, получается так, что мы редко видим, чтобы какое-либо количество людей сколько-нибудь длительное время жило вместе в этом состоянии. Неудобства, которым они при этом подвергаются в результате беспорядочного и ненадежного применения власти, которой обладает каждый человек для наказания проступков других, вынуждают их искать убежища под сенью установленных правительством законов, и здесь они стремятся найти *сохранение своей собственности*. Именно это побуждает их столь охотно отказываться от того индивидуального права на наказание, которым обладает каждый, для того чтобы оно осуществлялось только тем из них, кто будет назначен на это, и посредством тех законов, о которых согласится сообщество или уполномоченные на то лица. Вот это-то и является первоначальным правом и *источником* как *законодательной*, так и исполнительной власти, а равно и самих правительств и обществ.

Ведь в естественном состоянии, не говоря о свободе, которой человек обладает для невинных развлечений, он обладает двумя видами власти.

Во-первых, это власть делать то, что он считает необходимым для сохранения себя и других в рамках закона *природы*. По этому закону, общему для всех, он и все остальное *человечество представляют собой одно сообщество*. И если бы не разложение и порочность выродившихся людей, то не требовалось бы никакого другого; не было бы необходимости, чтобы люди отделялись от этого великого и естественного сообщества и посредством положительных соглашений составляли ряд меньших отдельных объединений.

Другая власть, которой обладает человек в естественном состоянии, - это *власть наказывать за преступления*, совершенные против данного закона. От обоих этих видов власти он отказывается, когда присоединяется к частному, если я могу так выразиться, или отдельному политическому обществу и вступает в какое-либо государство, отдельное от остального человечества.

От первой *власти совершать все, что он считает необходимым для сохранения себя* и остальной части человечества, он отказывается ради того, чтобы это регулировалось законами, созданными обществом, в той мере, в какой этого потребует сохранение его самого и остальной части этого общества; эти законы общества во многих отношениях ограничивают ту свободу, которую он имел по закону природы.

Во-вторых, от власти наказывать он отказывается полностью и употребляет свою естественную силу (которую он до того мог использовать для исполнения закона природы по своему единоличному решению, когда считал это необходимым) для оказания помощи исполнительной власти общества в той мере, в какой этого потребует закон. Ведь, находясь теперь в новом состоянии, в котором он будет пользоваться многими благами благодаря труду, помощи и обществу других членов того же сообщества, равно как и защитой всей его силы, он должен также расстаться также в такой же мере со своей естественной свободой ради обеспечения себя, в какой этого потребуют благо, процветание и безопасность общества; это не только необходимо, но и справедливо, поскольку остальные члены общества поступают подобным же образом.

Но хотя люди, когда они вступают в общество, отказываются от равенства, свободы и исполнительной власти, которыми они обладали в естественном состоянии, и передают их в руки общества, с тем чтобы в дальнейшем этим располагала законодательная власть в той мере, в какой этого будет требовать благо общества, все же это делается каждым лишь с намерением как можно лучше сохранить себя, свою свободу и собственность (ведь нельзя предполагать, чтобы какое-либо разумное существо сознательно изменило свое состояние на худшее). Власть общества или созданного людьми *законодательного органа никогда не может простирается далее, нежели это необходимо для общего блага*; эта власть обязана охранять собственность каждого, не допуская тех трех неудобств, о которых говорилось выше, и которые делали естественное состояние столь небезопасным и ненадежным. И кто бы ни обладал законодательной или верховной властью в любом государстве, он обязан править согласно установленным *постоянным законам*, провозглашенным народом и известным народу, в не путем импровизированных указов; править с помощью *беспристрастных* и справедливых *судей*, которые должны разрешать споры посредством этих законов, и применять силу сообщества в стране *только при выполнении таких законов*, а за рубежом – для предотвращения вреда или для получения возмещения за него и для охраны сообщества от вторжений и захватов. И все это должно осуществляться ни для какой иной *цели*, но только в интересах *мира, безопасности и общественного блага* народа.

Глава X
О формах государства.

Поскольку с момента объединения людей в общество большинство обладало, как было показано, всей властью сообщества, то оно могло употреблять всю эту власть для создания время от времени законов для сообщества и для осуществления этих законов назначенными им должностными лицами; в этом случае *форма* правления будет представлять собой совершенную *демократию*; или же оно может передать законодательную власть в руки нескольких избранных лиц и их наследников или преемников, и тогда это будет *олигархия*; или же в руки одного лица, и тогда это будет *монархия*; если в руки его и его наследников, то это *наследственная монархия*; если же власть передана ему только пожизненно, а после его смерти право назначить преемника возвращается к большинству, то это *выборная монархия*. И в соответствии с этим сообщество может устанавливать сложные и смешанные формы правления и в зависимости от того, что оно считает лучшим. И если законодательная власть первоначально была передана большинством одному или нескольким лицам лишь пожизненно или на какое-то ограниченное время, а затем верховная власть снова должна была вернуться к большинству, то, когда это происходило, сообщество могло снова передать ее в какие ему угодно руки и, таким образом, создать новую форму правления. Ибо *форма правления зависит от того, у кого находится верховная власть*, которая является *законодательной* (невозможно предположить, чтобы низшая власть предписывала высшей или кто бы то ни было, кроме верховной власти издавал законы); в соответствии с этим, *форма государства* определяется тем, у кого находится законодательная власть.

Под *государством* я все время подразумеваю не демократию или какую-либо иную форму правления, но *любое независимое сообщество*, которое латиняне обозначили словом «*civitas*»; этому слову в нашем языке лучше всего соответствует слово «государство» (*commonwealth*), оно более точно выражает понятие, обозначающее такое общество людей, а английское слово «община» (*community*) или «город» (*citty*) его не выражает, ибо в государстве могут быть подчиненные общины, а слово «город» у нас имеет совершенно иное значение, чем «государство»...

Шарль Луи Монтескье
(1689-1755)

Его творчество приносит во многом новый взгляд на сущность общества. Он пытается объяснить возникновение и развитие общества на основе более или менее естественных факторов. Общественные процессы

во Франции во второй половине XVII - начале XVIII века приводят его, как и других мыслителей, к попытке раскрыть сущность и причины общественных изменений и поворотов.

После завершения учебы Монтескье работал в различных судебных и политических учреждениях (достиг должности президента парламента в Бордо). Это дает ему возможность досконально ознакомиться с юридической практикой, законодательством и судопроизводством тогдашней Франции. В 20-е годы XVIII века он начинает интенсивно заниматься изучением как естественных (ботаника, физика), так и общественных (история и право) наук, отходит от политической и общественной жизни и систематически занимается научно-литературной деятельностью.

Основной работой Монтескье является «О духе законов» (1747). В ней он дает цельный системный обзор своих общественно-научных воззрений, в которых близок к наследию английских мыслителей XVII - начала XVIII века.

О духе законов¹

Вопросы:

1. Охарактеризуйте в целом роль Монтескье в осмыслении современных ему процессов политического развития. Проиллюстрируйте ваши рассуждения соответствующими цитатами.
2. В чем состоит главный критерий выделения Монтескье трех основных форм правления?

Книга вторая

О законах, вытекающих непосредственно из природы правительства

Глава I

О природе трех различных образов правления

Есть три образа правления: *республиканский, монархический и деспотический*. Чтобы обнаружить их природу, достаточно и тех представлений, которые имеют о них даже наименее осведомленные люди. Я предполагаю три определения, или, вернее, три факта: «республиканское правление – это то, при котором верховная власть находится в руках или всего народа, или части его; монархическое, - при котором управляет один человек, но посредством установленных

¹ Монтескье Ш.-Л. О духе законов. М., 1999.

неизменных законов; между Тае как в деспотическом вне всяких законов и правил движется волей и произволом одного лица».

Вот что я называю природой правления. Предстоит рассмотреть, каковы законы, непосредственно вытекающие из этой природы и, стало быть, имеющие значение основных краеугольных законов.

Глава II

О республиканском правлении и законах, относящихся к демократии

Если в республике верховная власть принадлежит всему народу, то это демократия. Если верховная власть находится в руках части народа, то такое правление называется аристократией.

В демократии народ в некоторых отношениях является государем, а в некоторых отношениях подданным.

Государем он является только в силу голосований, коими он изъявляет свою волю. Воля государя есть сам государь. Поэтому законы, определяющие право голосования, являются основными для этого вида правления. В самом деле, для республики столь же важно определить, как, кем и о чем будет производиться голосование, как для монархии – знать, кто государь и как он должен управлять.

Существенно важно определить число граждан, из коих состоит народное собрание, ибо без этого во многих случаях было бы неизвестно, высказался ли весь народ в целом или только часть его. (...)

Народ, обладающий верховной властью должен сделать сам все, что он в состоянии хорошо выполнить, а то, что он не может выполнить, он должен делать через посредство своих уполномоченных.

Но эти уполномоченные не будут таковыми, если они не назначены самим народом. Поэтому основной принцип этого вида правления состоит в том, что народ сам избирает своих уполномоченных, т.е. должностных лиц государства.

Подобно монархам и даже еще в большей степени народ нуждается в руководстве со стороны совета и сената. Но чтобы иметь к ним доверие, он должен сам избирать членов этих учреждений или непосредственно, как в Афинах, или через посредство особого учреждения, созданного народом для того, чтобы выбирать, как это делалось в некоторых случаях в Риме.

Народ в высшей степени удачно избирает тех, кому он должен поручить часть своей власти. Тут ему нужно руководиться лишь обстоятельствами, которых он не может не знать, и самыми очевидными фактами. Он знает, например, что такой-то человек часто бывал на войне и воевал успешно – и вот он уже способен избрать полководца. Он знает, что такой-то судья усердно исполняет свои обязанности, никогда не был уличен в подкупе и что люди вообще довольны им, - и он уже

достаточно осведомлен для избрания претора. Он поражен роскошью и щедростью какого-нибудь гражданина, и это все, что ему нужно знать для выбора эдила. Все это факты, о которых он узнает на своих площадях гораздо лучше, чем монархи в своих дворцах. Но сумеет ли он сам выполнить какое-нибудь дело, изучить места, возможности, благоприятные моменты, воспользоваться этими знаниями? Нет, этого он не сумеет сделать.

Если бы кто-либо усомнился в естественной способности народа распознавать достоинства избираемых им лиц, то пусть он бросит взгляд на непрерывный ряд поразительных удачных выборов, которые были произведены афинянами и римлянами и которые, конечно, невозможно объяснить случайностью.

Известно, что хотя в Риме народ и завоевал себе право поручать отправление государственных должностей плебеям, он так и не мог решиться выбирать их, и, хотя в Афинах, по закону Аристиды позволялось избирать на эти должности лиц из всех классов простой народ, по словам Ксенофонта, никогда не претендовал на те должности, от которых зависели его благополучие и слава.

Подобно тому, как большинство граждан вполне способно быть избирателями, но не имеет всех нужных качеств для того, чтобы быть избираемыми, народ способен контролировать деятельность других лиц, но не способен вести дела сам.

Необходимо, чтобы дела шли, и шли не слишком скорым и не слишком замедленным шагом; но народ всегда или не в меру деятелен, или совсем безучастен. Иногда он все ниспровергает своими сотнями тысяч рук, но бывает и так, что на своих сотнях тысяч ног он ползет, как насекомое.

В демократическом государстве народ разделен на определенные классы. В различных способах производить это разделение особенно наглядно проявился гений великих законодателей. Именно от правильности этого разделения зависели всегда прочность и процветание демократии.

Сервий Туллий создавал свои классы, руководствуясь аристократическим принципом. Тит Ливий и Дионисий Галикарнасский рассказывают нам, как он сосредоточил право голосования в руках первых граждан государства. Он разделил римский народ на сто девяносто три центурии, образовавшие шесть классов. Поместив богатых в относительно меньшем количестве в первые центурии, а менее богатых в количестве сравнительно большем в следующие, он отбросил всю массу бедняков в одну последнюю центурию. И так как центурии имели только по одному голосу каждая, то выходило, что право голоса принадлежало не столько лицам, сколько влиянию и богатству.

Солон разделил афинский народ на четыре класса. Руководствуясь демократическим духом он образовал эти классы для того, чтобы обозначить не тех, которые должны избирать, а тех, которые могут быть избраны; доставив каждому гражданину право избирать, он разрешил избирать судей из граждан всех четырех классов, между тем как на более высокие государственные должности могли быть избраны лица только первых трех классов, в которые входили зажиточные граждане.

Итак, разделение на классы населения, имеющего право голоса, составляет основанной закон республик. Другим основным ее законом является способ подачи голосов.

Назначение по жребию свойственно демократии; назначение по выборам – аристократии.

(...)

К основным законам демократии принадлежит и тот, в силу которого власть издавать законы должна принадлежать только народу. Однако есть тысячи случаев, когда бывают необходимы постановления сената; часто полезно даже испробовать закон, прежде чем установить его окончательно. Конституции Рима и Афин отличались в этом отношении большой мудростью. Определения сената имели там силу закона в продолжение года и обращались в постоянный закон только по воле народа.

Глава III

О законах, относящихся к природе аристократии

В аристократии верховная власть находится в руках группы лиц. Эти лица издают законы и заставляют их исполнять; остальной народ является по отношению к ним тем же, чем в монархии подданные по отношению к государю.

Выбор по жребию не должен иметь места; он проявил бы здесь только свои дурные стороны. В самом деле, в правлении, которое уже установило самые прискорбные различия между людьми, должностное лицо не станет менее ненавистным оттого, что оно выбрано по жребию: тут завидуют не служебной должности человека, а его знатности.

Если число знатных очень велико, то является необходимость в сенате для решения дел, которые знать не в состоянии решать сама, и для подготовки тех дел, которые подлежат решению. В этом случае, можно сказать, что сенат представляет собою аристократию, знать – демократию, а народ – ничто.

Сенаторы не должны иметь права замещать по собственному выбору вакантные места в сенате: это повело бы к большим злоупотреблениям. В Риме, который первоначально был аристократическим государством, сенат не имел права избирать своих членов, новые сенаторы назначались цензорами.

(...)

Лучшая аристократия та, где часть народа, не принимающая никакого участия во власти, настолько бедна и малочисленна, что господствующая часть народа не может извлечь никакой выгоды из того, чтобы угнетать ее.

Итак, аристократические роды должны, насколько это возможно, сближаться с народом. Аристократия будет тем лучше, чем она более приближается к демократии и тем хуже, чем она более приближается к монархии.

Худшая из аристократий та, где часть народа, которая повинуетя, находится в гражданском рабстве у той, которая повелевает, какова, например, аристократия Польши, где крестьяне – рабы дворянства.

Глава IV *О законах в их отношении к природе* *монархического правления*

Власти посредствующие, подчиненные и зависимые образуют природу монархического правления, то есть такого, где правит одно лицо посредством основных законов. Я сказал: посредствующие, подчиненные и зависимые потому, что в монархии источником всякой политической и гражданской власти является сам государь. Эти основные законы необходимо предполагают существование посредствующих каналов, по которым движется власть, так как если в государстве нет ничего, кроме изменчивой и капризной воли одного, то, то в нем ничего не может быть устойчивого, а следовательно не может быть и никакого основного закона.

Самая естественная из этих посредствующих и подчиненных властей есть власть дворянства. Она некоторым образом содержится в самой сущности монархии, основное правило которой: «Нет монарха – нет и дворянства, нет дворянства – не и монарха». В монархии, где нет дворянства монарх становится деспотом.

(...)

Глава XVI *Отличительные свойства республики*

Республика по своей территории требует небольшой территории, иначе она не удержится. В большой республике будут и большие богатства, а следовательно, и неумеренные желания. Круг общественных дел, поручаемых заботам гражданина станет слишком обширным. Усилятся личные интересы.

В большой республике общее благо подчинено тысяче разных соображений; не все могут им пользоваться; оно зависит от случайностей. В небольшой республике общее благо живее чувствуется,

яснее сознается, ближе к каждому гражданину; злоупотребления встречаются там меньше простора, а следовательно, и меньше покровительства.

Глава XVII

Отличительные свойства монархии

Монархическое государство должно быть средней величины. Если бы оно было мало, оно сформировалось бы как республика; а если бы оно было слишком обширно, то первые лица в государстве, сильные по самому своему положению, находясь вдали от государя, имея собственный двор в стороне от его двора, обеспеченные от быстрых карательных мер законами и обычаями, могли бы перестать ему повиноваться; их не устрасила бы угроза слишком отдаленной и замедленной кары.

Поэтому едва Карл Великий успел основать свою империю, как ему тотчас пришлось разделить ее: потому ли, что начальники провинций не повиновались, или для того, чтобы заставить их лучше повиноваться, империю оказалось необходимо разделить на несколько государств.

После смерти Александра империя его распалась. Что могло заставить повиноваться вельмож Греции и Македонии, свободных от победоносных вождей, рассеянных по громадному пространству завоеванных земель?

По смерти Атиллы его царство распалось: государи, освободившиеся от подчинения, не могли далее мириться со своими цепями.

В таких случаях распад государства может быть предотвращен быстрым установлением неограниченной власти, т.е. новым злом, следующим за злом завоевания!

Глава XIX

Отличительные свойства деспотического образа правления

Обширные размеры империи – предпосылка для деспотического управления. Надо, чтобы отдаленность мест, куда рассылаются приказания правителя, уравновешивалась быстротой исполнения этих приказаний; чтобы преградой, сдерживающей небрежность со стороны начальников отдаленных областей и их чиновников, служил страх; чтобы олицетворением закона был один человек; чтобы закон непрерывно изменялся с учетом всевозможных случайностей, число которых всегда возрастает по мере расширения границ государства.

Задание:

1. Ниже приведен фрагмент текста из сборника «Основы гражданского образования»¹. Пользуясь этим фрагментом, объясните, что такое политическая культура, как она формируется, какую роль играет в жизни общества.
2. Пользуясь содержанием текста и опираясь на ваши собственные представления, дайте характеристику состоянию современной политической культуры в нашей стране.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Термин «политическая культура» был введен в научный оборот немецким философом XVII века И.Гердером. В конце XIX- начале XX века термин активно использовался различными научными школами. В российской политической литературе он впервые встречается у В.И.Герье (70-е годы XX века).

Политическая культура – составная часть духовной культуры общества, характеризующая его политическую жизнь. Та или иная социальная общность, отдельная личность обладают определенным уровнем политических потребностей и интересов, сознания и поведения, мышления и деятельности, в основе которых – их собственный политический опыт и традиции общества.

Содержание политической культуры составляют политические ценности, идеи, цели, доминирующие политические действия; политические институты, их роль в политической системе, основные методы политической деятельности, правила поведения граждан и социальных групп. Следовательно, политическая культура проявляется, прежде всего, в сознании, в уровне политической образованности и информированности, в убеждениях, а также в деятельности, мотивах поведения, направленности поступков, в мере устойчивости и гибкости ориентаций. Важнейшие компоненты политической культуры – политическое сознание и политическое поведение.

Политическая культура – явление конкретно-историческое. На различных этапах развития общества она имеет конкретное содержание, которое соответствует задачам, целям, потребностям, выдвинутым временем. Там, где существуют политические отношения, складывается определенная культура. Но в какой-то момент она может разойтись с требованиями времени, вступить в конфликт с потребностями общественного развития. Объективная необходимость в новой политической культуре дает повод говорить об ее «отсутствии». Однако

¹ Основы гражданского образования. Нижний Новгород, 1995. С. 101-104.

это следует понимать в том плане, что отсутствует не вообще политическая культура, а только адекватная данной ситуации.

Воспроизведение политической культуры осуществляется путем передачи от поколения к поколению общественно-значимых политических норм, традиций, образов поведения, навыков и способов политической деятельности, умения и опыта. Этот процесс обычно называют политической социализацией. Но передаются не все продукты политической деятельности. Многие из них не закрепляются, не воспринимаются гражданами – современниками и потомками, бесследно исчезают. Происходит фильтрация, отсеивание случайного, мнимого. Остается устойчивое, повторяющееся, передающееся от поколения к поколению в течение длительного исторического периода, то, что составляет политико-культурную ценность народа.

Политическая культура – многоуровневое явление общественной жизни. Прежде всего – это культура политической власти на всех ее уровнях, культура отношений между управляющими и управляемыми. Повышение уровня политической культуры членов общества ведет к возрастанию требований к политическому руководству страны. Политическая культура – это и культура соблюдения прав и выполнения обязанностей каждым гражданином (правовая культура), и культура межнациональных отношений. Определенная политическая культура характеризует демократизм в целом, поскольку в ней раскрывается содержание ценностных отношений человека к различным политическим явлениям: государству, членам своей социальной общности и самому себе как субъекту политической жизни. Существует и общецивилизационный уровень политической культуры, который определяется отношением людей, групп к своему историческому прошлому, настоящему, будущему.

Уровень политической культуры личности показывает, насколько человеком освоены общезначимые, получившие всеобщее признание образцы политической деятельности, насколько ему удалось овладеть признанными в обществе культурными нормами мыслительной и практической политической деятельности. Обладание политической культурой означает конституирование человека как политического субъекта, осознавшего свой политический долг и соединившего внутренне значимые для него идеи (свободы, справедливости, равенства и др.) с пониманием реальных средств их осуществления в конкретной политической системе. В этом выражается индивидуально-личностное отношение гражданина к явлениям политики, стиль его деятельности как субъекта политики.

Политическая социализация человека. Вхождение человека в политику, его включение в отношения власти осуществляются по мере и в процессе усвоения им господствующих культурных ориентиров и норм, ценностей и образцов политического поведения. Это процесс

усвоения личностью социального и политического опыта, накопленного обществом, получил название политической социализации. Включение человека в политику начинается с того, что политическая система через свои механизмы обучает каждого гражданина выполнению простейших политических функций, дает определенные сведения о том, что гражданин должен знать и уметь. Политическая социализация человека имеет конкретно-исторический характер, так как каждая политическая система вырабатывает свои специфические механизмы вовлечения людей в политику, «рекрутирования» своих сторонников.

В результате взаимодействия человека с политическими институтами формируется его политическое сознание и поведение.

Этапы политической социализации. Каждому историческому типу политической социализации соответствует определенный идеал «политического человека», его гражданских достоинств, степени вовлечения в политику, активности, развитости политического сознания, принадлежности к политическим партиям и общественным объединениям. Процесс гражданского созревания происходит поэтапно. Он начинается уже в возрасте трех-четырех лет, когда семья, средства массовой информации, ближайшее окружение дают ребенку первоначальные сведения о политике. Школа формирует первые систематические представления о ней, но в этот период складывается самостоятельное отношение к политической жизни. Юношеский этап характеризуется усилением влияния неформальных молодежных групп, молодежной культуры в целом.

Политическая социализация продолжается в течение всей жизни, по мере вхождения человека в те или иные социальные группы и приобретения политического опыта. На этот процесс влияют семья, друзья, институт, работа, церковь, средства массовой информации, культура, искусство, тип политического режима и т.д. В ходе политической социализации происходит отбор людей на те или иные политические роли.

Политическое сознание – это совокупность взглядов, выражающих отношение отдельного гражданина или группы граждан к другим общественным группам, государственному строю, к происходящим политическим процессам, политическим партиям и движениям. Сознание любого гражданина в той или иной мере является политическим, даже если он заявляет о своей якобы независимости от политики. Уже этим он выражает политически четкое отношение к окружающей социальной среде, проявляя в данном случае отрицательное политическое сознание.

По глубине отражения действительности политическое сознание подразделяется на обыденное и научно-теоретическое. Обыденное сознание включает в себя здравый смысл, моральные нормы и оценки, складывающиеся на основе повседневной жизнедеятельности людей.

Таким сознанием обладает большинство из нас. Обыденную, эмоциональную сторону политического сознания изучает политическая психология. Теоретическое сознание вскрывает сущность явлений современного мира. Оно составляет научную базу идеологии.

Типы политической культуры. Политическая культура под влиянием общественных условий, а также получивших массовое распространение норм и образцов поведения граждан приобретает внутренние черты и свойства, имеющие как всеобщее, так и узко местное или групповое значение – для отдельных стран, наций, регионов, слоев населения и других субъектов политической жизни. В западной политологии большое распространение получила классификация, предложенная Г.Алмондом и С.Вербой. Они выделяют три «чистых» типа политической культуры:

- *патриархальный тип* характеризуется полным отсутствием у граждан какого-либо интереса к политической жизни;
- *подданнический тип* отличается сильной позитивной ориентацией на политическую систему и слабой степенью индивидуальной активности граждан;
- *активистский тип* отличается тем, что граждане стремятся играть в политической системе значительную роль и компетентно ее исполняют.

Самой массовой и одновременно оптимальной с точки зрения обеспечения политической стабильности режима является культура «гражданственности», где преобладают подданнические установки и соответствующие им формы участия в политике. Чистые типы встречаются, однако, редко. Чаще складывается политическая культура смешанного типа, сочетающего в себе различные признаки.

по отношению к социальному прогрессу и преобразованиям культура подразделяется на замкнутую и открытую, прогрессивную и реакционную, патриархальную и модернизированную, застойную и динамичную;

по идеологическому основанию – на консервативную, либеральную, коммунистическую, анархистскую, социал-демократическую и т.д.

по признаку «равенства – неравенства» человека в обществе – на эгалитарную (уравнительную) и элитарную;

по режиму власти и характеру управления – на демократическую, тоталитарную, авторитарную;

по характеру политического взаимодействия – на конфронтационную и консенсусную.

Таким образом, характеристика политической культуры того или иного общества, социального слоя, гражданина является многоплановой. Чем ярственнее господство какого-либо типа, тем ярственнее характеристика.

Задание.

Как вы думаете, к какому типу относится современная российская политическая культура? Попробуйте дать многоплановую характеристику современной политической ситуации в нашей стране.

СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТ

В современном мире существуют самые разнообразные политические культуры.

В странах Запада господствующей является либерально-демократическая политическая культура. Политическая борьба, идущая между либералами, консерваторами и социал-демократами, как правило, не затрагивает вопроса о форме правления и характере власти. Спор идет лишь о том, кто сможет лучше использовать эту власть. Таким образом, не затрагиваются основы базовой модели политической культуры. Но господство демократической политической культуры не означает отсутствия элементов других культур, в частности, авторитарной. Они реально существуют, и при определенных условиях это может стать толчком для перехода общества на путь авторитаризма.

В переходных обществах, которые сложились в настоящее время в бывших социалистических странах, Восточной Европы, бывших республиках СССР, и в том числе в России, наблюдается сложный процесс формирования новой политической культуры. Идет противоборство двух политических культур: старой, авторитарно-тоталитарной, и новой, демократической.

Формирование демократической политической культуры в России наталкивается на многие проблемы. Этот процесс не может быть легким, и не только потому, что сложно преодолеть наследие тоталитаризма, возможно, более живучее в России, нежели в других странах. Не создан материальный фундамент новой культуры – рыночные отношения, основанные на частной собственности. Новые демократические институты политической системы не развиты, а гражданское общество еще только формируется. Стремительный переход к рынку поставил на грань бедности половину населения страны, и, как следствие, многие испытывают сильную ностальгию по прошлому. Существенное влияние, зачастую негативное, оказывает на формирование новой политической культуры и деятельность органов власти как в центре, так и в регионах. При всей привлекательности основных ценностей политической культуры Запада, очевидно, что новая политическая культура России не может и не должна стать ее копией.

Семинар № 4**Тема: Культура и политические ценности**
(занятие 2)**Вопросы для обсуждения:**

1. Политическая культура в условиях городской и аграрной цивилизации до XVIII века.
2. Традиционная культура допетровской Руси и ее критики. Истоки гуманизма в России. С.Полоцкий и Ю.Крижанич.
3. Петр I и ренессансная культура в России. Петровское наследие в культуре России в век Елизаветы и Екатерины II.
4. Истоки либерально-демократических идей в культуре России. Период правления Александра I и Александра II.
5. Противоречия и успехи в развитии политической культуры в России в конце XIX - начале XX века.
6. Установление советской тоталитарной системы и ее губительное влияние на отечественную культуру.
7. Гражданское общество и правовое государство и пути их становления в России.

Литература.¹

1. **Строгецкий В.М. Античное культурное наследие и современные проблемы мировой культуры: Учебное пособие. Ч.2. Нижний Новгород, 1997.**
2. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
3. **Красильщиков В.А. Зиберов Г.М. Рябов А.В. Модернизация в России. Мировой опыт и наши перспективы // Кентавр. 1992 №5,6.**
4. **Красин А. Долгий путь к демократии и гражданскому обществу // Полис. 1992. № 5,6.**
5. **Модели демократии для России: стратегия экономических и социально-политических реформ // Полис. 1993, №1**
6. **Розмозер Г. Пути либерализма в России // Полис. 1993, №1**
7. Россия и Мир. Учебная книга по истории в 2-х частях // Под ред. проф. А.А.Данилова. М.: Владос, 1994.

¹ Обязательная литература выделена жирным шрифтом.

Материалы для обсуждения

Полоцкий Симеон (1629-1680)

Белорус по национальности, Полоцкий сыграл заметную роль в истории русского просвещения и литературы, он жил и работал в годы, непосредственно предшествующие преобразованиям Петра Великого. Полоцкого по праву можно назвать не только талантливым проповедником и педагогом, но и полемистом. Его сборник «Ветроград многоцветный» представляет собой корпус дидактической поэзии. По замыслу он должен не только развлекать и поучать, но и служить энциклопедическим справочником. В этом сборнике сравнительно большое место занимают стихи, посвященные общественно-политической проблематике. Сюда относится стихотворение «Гражданство», где он характеризует основания человеческого «гражданского общежития» устами древних мудрецов. К этой же серии примыкают стихотворения, которые должны были показать, что такое идеальный правитель государства и что такое тиран.¹ Идеальный правитель в изображении Симеона Полоцкого полон смирения, никогда не забывает о непрочности человеческого счастья, всегда являет собой достойный пример для подданных, трудится на благо общества, строг и требователен и, в то же время, милостив и справедлив, ревностно заботится о просвещении своего народа, он – страж законности в стране.

Вопросы:

1. **Какие черты доброго правителя отмечает С.Полоцкий в приведенных ниже стихотворениях? Подтвердите ваши суждения цитатами.**
2. **Какие черты, по мнению Полоцкого, должны быть присущи идеальному государству?**
3. **В каком направлении, если судить по приведенным ниже стихотворениям Полоцкого, должны происходить преобразования в России?**

Разнствие²

Кто есть царь и кто тиран, хочещи ли знати,
Аристотеля книга потщися читати.
Он разнствие обою сие полагает:
Царь подданным прибытков ищет и желает,
Тиран паки прижитий всяко ищет себе,
О гражданстей ни мало печален потребе

¹ Слово «тиран» в смысле «дурного, жестокого царя» ввел в русскую поэзию впервые именно Симеон Полоцкий.

² Стихотворение из сборника «Ветроград многоцветный» // Симеон Полоцкий Избранные сочинения. М.-Л., 1953. С.15-16.

Власть¹

Всякая власть от Бога, он бо благи дает
 властелины. А злыя за грех попускает
 Весьма убо должно есть власти почитати
 и в благих велениях им не пререкаати
 Противник бо сый власти Богу ся противит
 за что Господь отмститель, иже благих
 живит

Гражданство²

Како гражданство преблаго бывает
 гражданствующим знати подобает
 Разная седми мудрых суть мнения
 но вся виновна граждан спасения.
 Премудрый Виас даде слово свое
 Гражданство бытии преизрядно тое,
 В нем же закона, як царя боятся
 И царя, яко закона, страшатся.
 Хилон блажит, где законов слушают,
 велесловных же ритор не глашают.
 Клеопул паки той град похваляет,
 где безчестия всяк ся устрашает
 Гражданин паче закона самаго
 на приступники в книгах писанного.
 Периандр же то славит гражданств,
 в нем же всем прочим, имущим равенство
 Добродетelmi зовутся лучшая
 и наричутся злобы вся хуждшая.
 Питтак похвалу дает граду тому,
 в нем же началство не дается злomu.
 Фалес град блажит, где граждане мнози
 ни пребогати, ни зело убози.
 Солону град люб, в нем же обид творцы
 вся равно имут праведныя борцы,
 Не токмо беду от них страдавшыя,
 еще – идеже блазии блажатся
 Честь приемлющее, злии же казнятся;
 Еще – и в нем же граждане слушают
 начальных, - сии закон почитают.
 Сия суть, яже крепит государства
 чинна и славна содевают царства.

¹ Там же.

² Там же. С. 10-11.

Началник¹**1.**

Пастыр с овцами образ предлагает,
 как нам житии в мире подобает.
 Пастыр началны знаменуєт люди,
 Стадо подданных во образ нам буди.
 Егда же пастырь стадо присєщает,
 Овца на пути не лежит, но встает.
 Аки честь ему хотящи творити;
 Таков к началным подначалный быти.
 Выну² да тщится, сиречь³ да говєєт⁴,
 яко же овца, елико умєєт,
 И яко место божие держаща,
 О без бедствии подначалных бдяща.
 Взаим же пастыр овцы соблюдает
 и на рамах си блудные ношает,
 Тако началник должен єсть творити,
 бремя подданных крепостно носити,
 Не презирати и за псы имєти,
 паче любити, яко своя дети,
 И то в памяти выну содержати,
 Яко земля тех и его єсть мати.
 Паче овчата пастыря боятсья
 жєзла и свиста єдина страшатсья;
 Подначалници страх далжни началным,
 о их целости по вся дни печалным;
 Тем и апостол к страху увєщает
 И мечем острым началных прєщает.
 Пастыр же жєзлом укрощает стада,
 женєт на паству, женєт и внутрь града;
 Тако началник жєзлом да управит,
 вина накажєт, невежду наставит,
 обачє косєн да будєт язвити,
 идежє довлє єсть токмо страшити.
 Ещє глас пастырск овцы добре знают
 и того выну прилєжно слушают;
 Шєствуют тамо, аможє⁵ глашает
 Єдина другу вслєд его варяєт;
 То поддании должни суть хранити,

¹ Симеон Полоцкий Избранные сочинения. М.-Л., 1953. С.15-16.

² всегда

³ то есть

⁴ благоволить

⁵ куда, где

гласу начальных послушливи бытии:
 Всякая душа влаstem да бывает
 богопокорна, - Павел увещает.
 Пастыри взаим пред овцами ходят,
 овцы на паству благуую возводят;
 Сице¹ начальных долг есть предходить
 стаду подданных, на кажит водити
 Здраву, спасенну, божию канону,
 ниже гражданску противну закону;
 Образ да будут себе подчиненным,
 еще ходити путем божественным.
 К сим овцы млеко пастыря питают.
 и на одежды волну свою дают;
 Поддании же долг свой да воздают,
 господы своя хлебом да питают;
 И ины нужды должни исполняти
 не ропчуще же, но во благодати.
 А яко пастыр от волк защищает,
 во дни и в нощи мало усыпает,
 Егда же стришет волну, а не тело
 живое режет, то бо хранит цело
 И кожу блюдет, да неповретится,
 да паки стрищи волну прилучится, -
 Тако державци должни снабдевати,
 подданыя си от враг защищати,
 Н егда даже от оных взимают,
 долг свой да вземлют, а не искожают.
 Да и впред мощно будет постригати
 дань яко волну, праведно взимати.
 Но оле² времен развращенных зель!
 Режут днесь волну, и кожу, и тело.
 Сам, врачу вышний, изволь исцеляти,
 скудость бедных людей исполняти,
 Да твою выну прославляют,
 и звании своем честно пребывают.

2.

Блаженна страна и град той блаженный,
 в них же начальник благий поставленный,
 Торе же граду и стране бывает,
 Юже начальник не благ управляет;

¹ так

² О! - междометие

Гнев тамо божий, где начало злое,
 милость тогоже, идеже¹ благое.
 Да будет же благ, должен есть хранити,
 яже аз хошу сим словом явити.
 Перва начална сил добродетель, -
 благочестия да будет хранитель,
 С благодарствием о всех богом данных,
 сану приличных, многими желанных.
 Живущ же тако, богом снабдеваем
 бывает, правим от бедств защищаем;
 И яко бога он выну говеет,
 от подначальных точну честь имеет.
 Вторая сану начальных прилична
 есть добродетель, в мире не обычна;
 Та смирение есть божественное,
 Христом господем в конец храненное;
 Имать начальник в памяти держати,
 яко не в веки будет обладати;
 Смерть бо пришедшим хочет власть отяти,
 С прочими людьми во персти сравняти.
 Третья властей добротворение,
 еже хранити им разсуждение
 Во всяких делех, а не уповати
 на един свой ум, выну вопрошати
 Умных совета: тако бо верити
 благо вся мощно, а не грешити.
 Очеса лучше видит неже око;
 Никто о себе да держит высоко;
 В мнозе совете есть спасение,
 в едином уме поползновение.
 Четвертая есть добродетель властей:
 правду хранити, блюсти от напастей.
 Подчиненныя и чести даяти
 достойным, а не на злато смотряти
 Равно судити мала и велика,
 На лице зрящим прещает² владыка
 Не яко есть им закон да бывает;
 юже не крепку паук соплетае;
 Та бо животно мало уловляет,
 болшее – сети самыя терзает.
 Не суди тако, но един суд буди

¹ где, куда

² удерживает, останавливает

всем, иже в единой суть области люди
 Пятая крепость прилична владущим,
 не склонным бытию к прелести глаголющим,
 Ниже златыми вериги влеченным
 бытию, ни друзей прошенными прелщенным
 Шестая – кротость и приступность буди
 за но же господь возлюбит и люди,
 Яко мойсея кротко бог любяше
 и во всех нуждах ему помогаше.

Юрий Крижанич **(ок. 1618-1683)**

В XVI-XVII веках в России уже были люди, которые считали устаревшим и вредным прежний русский консерватизм, которые критически относились к современной им русской жизни и состоянию России, которые считали необходимым для России просвещение и сближение с Западом. К числу таких людей относится и южно-славянский (хорватский) просветитель, публицист Юрий Крижанич.

Этой теме посвящено его сочинение «Политика», в котором Крижанич ярко и искренне рисует состояние Московского государства, сравнивает его с состоянием других славянских народов и приходит к мысли о необходимости для России науки и просвещения. Он подробно останавливается на двух вопросах: 1) на всестороннем рассмотрении состояния России и других славянских народов в то время, обличает недостатки и отрицательные стороны их жизни; 2) Крижанич указывает средства улучшения и реформирования политического, экономического состояния России. Целью своей Крижанич считает необходимость пробудить в славянах, особенно в русских, самосознание, т.е. осознание хороших и дурных сторон в своем характере в частной и политической жизни, осознание своего положения среди других народов, и наконец, осознание необходимости *объединения всех славянских народов*.

В одной из глав «Политики» Крижанич подробно рассказывает о тех путях, которые ведут к благосостоянию и материальному процветанию государства. Средством преодоления накопившихся пороков он считал реформы политические и экономические: изменение законодательной деятельности, создание эффективных судов, внимательную финансовую политику государства, которая могла стать средством борьбы с казнокрадством, взяточничеством и воровством. Все эти преобразования, по мысли Крижанича, должна осуществить самодержавная власть, мудрый государь должен быть гарантом обновления России.

Вопросы:

1. В чем заключается основная идея труда Ю.Крижанича? Какой круг культурологических вопросов она затрагивает?
2. Что, по мнению Ю.Крижанича, должно способствовать развитию государства? Нет ли в его рассуждениях противоречий?

...Хороший правитель не довольствуется тем, что сохраняет государство в прежнем его состоянии, но всегда стремится сделать его богаче, достойнее, сильнее и непременно счастливее. И кто не старается улучшить свое государство, несомненно ухудшает его, ибо оно не может долго оставаться в одном состоянии, а становится либо лучше, либо хуже. Улучшение же и укрепление государства гораздо более зависит от хорошего законодательства, нежели от расширения рубежей и завоевания новых

*Преобразования
Адриана*

стран.

Царь Адриан перед смертью сказал своим боярам: «Получил я город Рим кирпичным, а оставляю его мраморным». По условиям того места и времени он поступил хорошо. Но много лучше поступил бы и большую славу стяжал бы тот правитель, который мог бы сказать: «Получил я государство, зараженное дурными порядками, а оставляю его наделенным хорошими законами».

*Хорошие дороги,
хорошая монета,
хорошие суды*

Филипп – князь Чешской державы в Немецкой земле – обычно говорил: «Хорошее устройство государства познается по трем вещам:

во-первых, по хорошим дорогам – если будут хорошие мосты и будет можно ходить по стране, не страшась воров и прочих опасностей;

во-вторых, по хорошей монете – если торговля не страдает от негодных денег;

и, в-третьих, по хорошим судам – если будет всем легко добиться суда и скорой управы».

Князь этот действительно хорошо сказал, но, однако же, назвал не все, что надо, а только самое основное. Ибо, кроме этих трех забот, правителям необходимы еще другие промыслы, о которых мы, с Божьей помощью, по мере наших сил здесь расскажем.

¹ Крижанич Ю. Политика. М, 1995.

Разделение сочинения

Иеремия говорит: «Да не хвалится мудрый мудростью своею, сильный – силою своею, богатый – богатством своим. Но хвалящийся хвалился тем, что разумеет и знает меня, – говорит господь». (Кн. пророка Иеремии, 9.23).

*Три мирские
основы и три
столпа
государства:
богатство, сила
и мудрость*

Этими словами пророк учит: прежде всего нужно воздать Богу славу, то есть познать его и любить, и прославлять добрыми делами. При этом он говорит о трех вещах, коими мир славится и в коих он почитает свое счастье – то есть о богатстве, силе и мудрости. Но мирскую славу он считает суетной и погибельной для душ, если стремятся к ней одной и при этом забывают Бога. Но для тех, кто верен Богу, эти вещи не вредны, а, напротив, хороши и много полезны и необходимы и являются дарами божьими.

Некоторые общие замечания о благочестии, богатстве, силе, мудрости и чести

В приведенных словах пророка сказано о четырех столпах государства: о благочестии, богатстве, силе и мудрости. Благочестие укрепляет душу и уготовливает вечное блаженство, а остальные укрепляют тело и приносят телесное блаженство тем, кто пользуется ими правильно и в меру.

Но к удивлению и превеликому несчастью, едва ли кто на деле ищет того, что лучше и важнее всего, то есть благочестия и вечного блаженства. А весь мир ищет богатства, силы, мудрости и славы и думает об этих вещах непрестанно и безмерно. Но великое множество ищет их неправедными путями, а многие и не знают, что представляют собой эти вещи.

Богатство правителя состоит не столько в его золотой и серебряной казне, сколько в многолюдности его страны. Не тот король богаче, у кого больше золота, а тот, у кого больше людей. Ибо Писание говорит: «Во множестве народа величие царя, а при малолюдстве – стыд государю».

*Богатство – это
многолюдность*

Сила состоит не столь в обширности державы и в неприступности крепостей, сколько в хороших законах. При жестоких порядках наилучшая земля останется пустой и редко населенной. При размеренных порядках и плохая земля бывает многолюдной и густо населенной.

*Мудрость:
познай самого
себя, не верь
чужестранцам*

Мирская мудрость государева основана на двух правилах: «Познай самого себя. Не верь чужестранцам». Ибо так же, как простые люди простыми бывают обмануты, так и

короли бывают обмануты другими королями и целые народы – другими народами. Лишь того человека не обманут, кто недоверчив. Считай вечной истиной, что никто и никогда не творит никакого добра для ближнего своего, а всегда ради себя и по своим причинам. И поэтому тот, кто верит людям, лишается того, на что надеялся. Особенно – наш народ, ибо причина всех наших тяжких общих бед в том, что мы сами себя не знаем, а чужестранцам верим.

Славу, честь и достоинство государево некоторые видят в трех вещах: 1. Похваляться перед чужестранцами красивой дорогой одеждой, пышным войском, государевым серебром и казной; 2. Одаривать тех же чужестранцев, послов и торговцев большими богатыми подарками; 3. Держать у себя на большом жаловании множество тех же чужестранцев праздных и ненужных лишь ради славы, какую они приносят.

*Что такое
суетная слава*

Но те, что так считают, горько ошибаются и обманывают своих государей. Суетна та слава, когда своих морят, чтобы чужих насытить. Соседние народы не хвалят этого, а хулят и высмеивают.

Нет славы королю в том, что множество чужестранцев будет у него обжираться и пьянствовать. Ведь сами эти хлебогубцы, обедаясь и пьянствуя, насмехаются над такими порядками, а другие люди – и подавно. Но славен будет король, если его собственные подданные будут богаты и достойны. Чем более достойными подданными король правит, тем больше почитают его самого. Король, который хочет, чтоб его особенно чтили, должен возвысить достоинство своих князей и бояр.

*Управлять
достойными*

(...)

О политической мудрости

Из всех мирских наук самая благородная наука и всем госпожа – это политика или королевская мудрость. Из всех наук она наиболее пристойна королям и их советникам. Ибо подобно тому, как в теле человеческом сила содержится в руках, быстрота в ногах, а разум в голове, так и в духовном теле всего народа разные свойства разделены между разными частями. Сила – у воинов, богатство – у торговцев, а государственная мудрость пребывает более всего у короля и у советников.

*Политика –
благородней-
шая из всех
наук*

Началом и основанием политической мудрости являются две пословицы или духовные заповеди: «Познай самого себя» и «Не верь чужестранцам». Ибо это считалось самым главным из поучений семи мудрецов, и над дверями храма Аполлона (которого язычники считали богом мудрости)

*Познай самого
себя, не верь
чужестранцам*

написано было поучение: «Познай самого себя». То же говорит и Соломон: «Мудрость разумного человека – понимание пути своего». Ибо, так же как врач, не понявший болезни, не может лечить человека, так и политик, который не знает самого себя и своих сил и слабостей, вовеки не может судить о самом себе, правильно вести свои дела и заботиться о своих нуждах. Но иногда то, что он сочтет лекарством, окажется отравой, а того, что на деле будет лекарством, он будет бояться как отравы.

Первая помеха общему народному благу – это незнание самого себя:

*Незнание
самого себя –
корень
народного зла*

когда люди слишком любят самих себя и свои поступки и обычаи и считают себя сильными, богатыми и мудрыми, не будучи таковыми. Платон об этом пишет такими словами: «излишняя любовь к самому себе бывает причиной всех людских бед. Ибо поскольку люди самих себя любят больше, чем истину, они вовеки не могут понять, что дурно и что хорошо».

Познание истины и политическая мудрость с начала до конца в том и состоят, чтобы познать самих себя, то есть природу и нрав, и состояние народа и страны нашей.

Как политик познает самого себя.

Итак, королевский советник должен прежде всего, познать

*Природные качества
народа*

природные качества своего народа, то есть его природный нрав, таланты и недостатки, достоинства и пороки и все, к чему наши люди от рождения способны и неспособны. Он должен оценить, и сравнить, и сопоставить обличие, склад, одежду, нравы и богатство иных народов и нашего народа.

Во-вторых, познать природные условия нашей страны или богатство и бедность наших полей: чем земля обильна, чем она бедна и чего лишена, что могла бы и чего не может уродить.

В-третьих, познать наше житие: чем оно бедно и чем славно, а

Наше житие

сравнив его с житием других народов и установив, в чем наше житие может считаться беднее, а в чем славнее жития соседних народов.

В-четвертых, познать силу и слабость нашу: в чем мы сильнее и в чем слабее того или иного народа.

В-пятых, познать отечественное правление или отечественные

*Законы и древности
народные*

законы и обычаи и древнее и нынешнее состояние народа: что в законах, в обычаях и стародавних государевых указах установлено хорошо и что – плохо.

В-шестых, познать силу и слабость своего королевства: что

*Безопасности
и опасности*

безопасно и что опасно для королевства, кто наши соседи, друзья и враги, каковы их силы, желания, думы, какая польза и какой вред нам от них обычно бывает или может еще быть впредь.

В-седьмых, познать способ использования своего богатства или
 знать, как пользоваться своим добром, которое от

*Способ
использования
нашего богатства*

природы дано богом народу и земле нашей, и уметь
 сохранять его. То есть надо направлять умы и руки
 подданных ко всему тому, на что они пригодны и
 способны и что может быть полезным для народного блага. А землю
 возделывать так, чтобы мы взяли от нее все плоды, какие она только
 может уродить.

В-восьмых, скрывать от иных народов тайны народа и королевства
 нашего. Скрывать неискренность и всякие общие пороки нашего
 племени. Соблюдать достоинство и славу народную.

В-девятых, уметь различать разные советы. Ибо некоторые советы,
 полезные какому-либо иному народу, могли бы и нам быть полезны. А

*Распознавать и
различать советы*

иные советы полезны для других народов, а для нас
 были бы вредны. Иные советы для других вредны,
 а для нас могли бы быть полезны. Все это можно понять благодаря
 обдумыванию причин.

Если бы наши древние славянские правители познали силу своего
 народа и понимали, против каких народов было бы справедливо и
 полезно ее направить, они могли бы сделать чудеса.

(...)

Аристотель говорит: «Долг законодателя состоит не в том, чтобы
 заложить город и воздвигнуть стены, а в том, чтобы научить, как
 сохранить его надолго и навечно». А Флор, римлянин, говорит:
 «Сохранить державу труднее, нежели добыть ее. Завоевывают силой, а
 чтоб сохранить – нужна справедливость». Справедливость – то есть
 благие законы.

Не стоит слушать тех, кои говорят, что это королевство до сих пор

*Без законов не
может быть
благополучия*

обходилось без мудрых законов, и без промыслов, и
 без прочих устоев, а значит, и впредь может
 обойтись без них. Им следует ответить, что и без
 хлеба и без соли могут люди жить, но житье будет худым. Может,
 конечно, королевство и дальше жить со своими обычными смутами, и
 напастями, и нищетой, презираемое всеми народами. Но оно не может
 быть счастливо без благих законов.

(...)

Некие короли, такие, как Александр, Юлий, Константин, Карл и
 иные, были грозными ратниками и славными дивосильниками и
 основателями новых королевств, и Бог украсил их многими
 добродетелями. Но королевства их были недолговечны, ибо среди
 преемников их были раздоры и кровопролития, так что большинство их
 погибло лютой смертью...

А от чего это случалось? Оттого, что эти дивосильники, достойные
 всяких похвал, из-за множества забот или из-за краткости их жизни не

смогли или, может быть, забыли или не догадались установить благие законы для укрепления своего королевства и прежде всего закон о своих наследниках и преемниках: как им вступать на престол, избегая раздоров, - ибо в этом состоит основа народного могущества...

Благие законы, спасительные для всего народа, должны

*У людей редко
бывают благие
законы*

действительно считаться великим Божьим даром, но такие законы встречаются редко. Ибо у некоторых народов сроду не бывало ученого мужа, который мог бы ввести благие законы. А в других странах не было недостатка в ученых людях, но остальной народ из-за своей личной корысти не дал установить новые, хотя бы и лучшие, законы.

*Некоторые
государства хорошо
устроены и поэтому
долговечны*

В Греции у афинян был Солон, а у спартанцев Ликург, их законодатели, и оба эти города стояли несколько сот лет в великой силе и

славе благодаря благим законам. Римляне получили мудрые законы от своего короля Нумы, но они еще и к афинянам отправили послов и переняли у них законы вдобавок к своим, но со всеми этими благими законами Рим пребывал в великой славе около 700 лет до царских времен.

А город Венеция дольше всех сохраняет свою славу, ибо стоит он в целости уже более тысячи двухсот лет, и никто его не одолел. А почему? Да потому, что венецианцы взяли все лучшее, что было где-либо и когда-либо узаконено, и вписали в свои законы.

А Чинское самодержавие или королевство в Индии – самое долговечное, ибо ему (как говорят) уже несколько тысяч лет. А это по той же причине: благодаря закрытию рубежей, гостогонству и иным благим законам.

Гражданское общество и его институты¹

Население любой страны неоднородно и делится по многим признакам: социальным, политическим, идеологическим, этническим, религиозным, профессиональным. Различным группам населения соответствуют и различные интересы – иногда совпадающие, иногда противостоящие. Гармония между этими интересами достигается в гражданском обществе. Оно не является альтернативой какому-либо иному обществу или результатам произвольного выбора, не вводится декретами или конституционными актами. Возникновение гражданского общества – процесс длительный, который связан с социальной борьбой, с разрешением глубоких противоречий между государством и обществом, обществом и человеком, борьбой за политические и социальные права, экономическое и культурное развитие.

¹ Основы гражданского образования. Нижний Новгород, 1995. С.107.

Вопросы:

1. **Объясните смысл понятия «гражданское общество», при каких условиях оно возникает и какими признаками обладает?**
2. **В чем смысл существования и особенности действий политических партий и других институтов гражданского общества?**
3. **Какова ваша точка зрения на состояние гражданского общества и его институтов в современной России?**

Теоретический аспект

Гражданское общество – это общество с развитыми экономическими, культурными, правовыми и политическими отношениями между его членами, независимое от государства, но взаимодействующее с ним, общество граждан высокого социального, экономического, политического, культурного статуса, создающих совместно с государством развитые правовые отношения.

Гражданское общество характеризует сумма признаков: промышленное, богатое, образованное, с развитой политической жизнью, в которой участвуют широкие массы, демократическое, с высоким творческим (научным, техническим, культурным) потенциалом, развитой системой политических, моральных ценностей.

Качество гражданского общества определяется соотношением идеальной модели и реально достигнутого состояния общества, которое стремится к такой модели. Движение к такому идеалу представляет собой бесконечный процесс совершенствования общества, власти, политики и человека, охватывающий все без исключения стороны жизни, процесс достижения свободы, равенства, справедливости и других ценностей. С этой точки зрения, гражданское общество выступает и как цель всех демократических сил в любой стране, и как средство, с помощью которого обеспечиваются перспективы общественного развития, демократический процесс, социальная и экономическая стабильность, исполнение законов – все то, без чего невозможно создание правового государства.

Исторически правовое государство и гражданское общество формируются совместно, это две стороны процесса целостного общественного развития. Но протекает он неравномерно. Взаимоотношениям между гражданским обществом и государством всегда присущ скрытый или явный конфликт. Это естественно и нормально. Складывающаяся система, какой является гражданское общество, испытывает постоянное давление со стороны государства, структуры которого все время усложняются, бюрократизируются,

создавая тем самым возможности для политического отчуждения. С другой стороны, государство само испытывает такое давление со стороны общества, являясь его продуктом.

Основное условие формирования гражданского общества – максимальная демократизация современных государственных систем. Только в условиях развитой демократии может быть реализован главный принцип гражданского общества: личность является приоритетным субъектом общественных отношений, а подданный становится гражданином, который обретает чувство собственного достоинства и способность делать политический выбор.

Личность гражданского общества (гражданин) – новый тип человека, ориентированный на гражданские отношения. Эту новую личность характеризуют самостоятельность человека, освободившегося от опеки государства, способного и желающего рассчитывать на собственные силы, соревнование; более независимое и более деятельное отношение к сообществу себе подобных.

Социально организованная структура гражданского общества складывается за пределами политических структур, но охватывает и их, ибо они составляют часть гражданского общества и образованы гражданами. В структуру гражданского общества входят, например, такие элементы, как демократическое законодательство, разделение властей, наличие оппозиции, многочисленность (плюрализм) политических партий, движений, общественных организаций и объединений. Сами по себе они не представляют целостную структуру гражданского общества, но порождены им и являются значимыми формами закрепления его влияния в политической организации общества. Их социальная роль состоит в реализации ценностей гражданской жизни, политической и социальной свободы людей с их правом объединения в ассоциации, группы, партии и т.п.

Институты гражданского общества.

Гражданское общество имеет сложную структуру, включает хозяйственные, экономические, семейно-родственные, этнические, религиозные, правовые отношения, мораль и т.д. В гражданском обществе преобладают не вертикальные отношения подчиненности, а горизонтальные связи – отношения конкуренции и партнерства между юридически свободными и равноправными партнерами.

Политическая партия – специализированная, организационно упорядоченная группа, объединяющая на добровольной основе наиболее активных приверженцев тех или иных целей (идеологий, лидеров) и имеющая целью борьбу за завоевание и использование политической власти в обществе. В основе деятельности партий могут лежать

различные интересы (социальные, национальные, конфессиональные, территориальные) разных групп населения, идеалы и ценности, утопии и идеологии. Но в любом случае партия оформляет эти коллективные интересы, идеи, стремления и представляет их высшим государственным институтам. Через партии население заявляет властям свои групповые требования, критикует власть и добивается изменения курса политики и самой власти. Однако и сами правящие структуры используют партии для обращения к народу за поддержкой в решении тех или иных вопросов. Партия, таким образом, выступает связующим звеном между обществом и государством.

1. *Функции партии.* Любая политическая партия решает внутренние и внешние задачи.

Внутренние функции: отбор членов, пополнение партийной кассы, регулирование отношений между первичными структурами и руководящими органами, партийной элитой и рядовыми членами.

Внешние функции:

- борьба за завоевание и использование политической власти в интересах той или иной группы населения на основе реализации собственной программы;
- обеспечение связи масс с государственными структурами, замена стихийных форм общественно-политической активности населения формализованными, подверженными контролю видами деятельности, преодоление политической апатии и пассивности граждан;
- отбор и рекрутирование политических лидеров и элит на всех уровнях политической системы, участие с их помощью в управлении делами общества;
- согласование общественных интересов, целей, программ с другими участниками политического процесса;
- осуществление политической социализации граждан

Основной способ осуществления этих функций – выдвижение партией своих кандидатов на выборах в законодательные органы государства и борьба за их избрание. Это предполагает развертывание пропагандистской политической кампании, цель которой – овладение общественным мнением. Партии, одержавшие победу на выборах или сумевшие провести в законодательные органы своих представителей, получают возможность участвовать в формировании правящей элиты, подборе и расстановке управленческих кадров. Партии-неудачники составляют политическую оппозицию, пытаются за счет критики государственных органов, путем внесения альтернативных законопроектов или другими мерами повысить свое влияние на избирателей.

В стабильных демократических государствах и победившие, и проигравшие партии соблюдают установленные правила «политической

игры», сохраняя и поддерживая статус выборов как главного механизма определения популярности партийных программ и целей. Это позволяет политическому меньшинству – оппозиции – бороться за потенциального избирателя и одновременно уважать политический выбор граждан. В странах с недемократическими системами правящие партии стремятся ограничить, а то и свести на нет формальные возможности деятельности оппозиционных партий, прибегая к фальсификации выборов или внедряя такие избирательные системы, которые обеспечивают им заведомую победу.

2. *Типология политических партий.* Многообразие исторических, социальных и культурных условий развития стран и народов породило партийные институты различного типа. С точки зрения внутренней структуры, партии подразделяются на кадровые (лидеры и активисты) и массовые; строго централизованные (как правило, коммунистические, левые, или фашистские, крайне правые). С точки зрения социальных целей и политических ориентаций, партии делятся на коммунистические, социал-демократические, либеральные, консервативные, фашистские. По совокупности взаимоотношений партий между собой выделяют однопартийные, двухпартийные и многопартийные системы.

3. *Общественное мнение* – одно из проявлений массового политического сознания, в котором выражается отношение народа, отдельных социальных групп к политической власти, проводимой в обществе внутренней и внешней политике, к важнейшим политическим событиям, к политической деятельности тех или иных партий, их руководителей, к злободневным вопросам экономической, социальной, культурной и политической жизни общества. Общественное мнение – не механическая сумма отдельных политических мнений, а своеобразное выражение общенародных групповых коллективных воззрений, взглядов, настроений, форма выражения сознания масс.

Общественное мнение оказывает существенное влияние на политические позиции и поведение каждого гражданина или иной социальной группы. Поэтому общественное мнение во всех странах тщательно изучается – чаще всего специальными научными организациями путем разного рода опросов, анкетирования, анализа результатов выборов. Государство изучает общественное мнение и путем референдумов – всенародным голосованием по какому-либо важному вопросу государственной и общественной жизни.

В демократических странах общественное мнение – неотъемлемый элемент гражданского общества, способ выражения отношения народа к власти и ее политике, и ни один здравомыслящий политик не может его не учитывать. Для политических партий изучение и формирование общественного мнения является формой борьбы за массы, голоса избирателей, средством определения своей стратегии и тактики. Опросы

общественного мнения накануне выборов позволяют с достаточной степенью надежности определить победителя, степень популярности партии или политика.

В странах с недемократическими режимами общественное мнение изучается и используется в интересах власти имущих, зачастую результаты опросов не публикуются, поскольку для официальной власти они неблагоприятны. Здесь имеет место манипуляция общественным мнением – фальсификация его результатов, продвижение в нужном властным структурам направлении. В этом случае оно не отражает реальной картины настроений народа.

Семинар № 5

Тема: Миф и культура. Современное мифотворчество

Вопросы для изучения:

1. Раскройте содержание понятий «Миф» и «мифология» как компоненты культуры.
2. Какие особенности человеческого мышления связаны с процессом возникновения мифов? В чем причины устойчивости мифологического сознания?
3. В чем различие между религиозными представлениями, объясняющими окружающий мир и мифами?
4. Каковы этапы систематизации мифов? Какое влияние оказали мифы на становление античной философии?
5. Какую роль играет мифология в современной жизни?
6. Какие новейшие теории интерпретации мифов вам известны? В чем состоят особенности современного мифотворчества?

Литература:¹

1. **Строгецкий В.М. Античное культурное наследие и современные проблемы мировой культуры: Учебное пособие. Ч.1. С.68-95.**
2. Ерасов Б.С. Социальная культурология. М., 2000. С. 158-165.
3. Голан А. Миф и символ. М., 1994
4. **Гуревич П.С. Мифология наших дней // Свободная мысль. 1992. № 11.**
5. Гуревич П.С. Социальная мифология. М., 1983.

¹ Обязательная литература выделена жирным шрифтом.

6. Лосев А.Ф. Мифология // Философская энциклопедия М., 1984. Т.3.
7. **Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.**
8. Пивоваров В.М. Миф в системе культуры. Петрозаводск, 1991.
9. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976.
10. Барт Р. Мифологии. М., 1996.
11. **Фрезер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1980.**
12. Шестаков В. Мифология XX века. М., 1988.
13. Культурология. XX век. Словарь СПб., 1997.
14. Бирлайн Дж. Ф. Параллельная мифология. М., 1997.
15. Потенция А.А. Слово и миф. М., 1989.

Задание 1.

Как возникает миф в культуре? Какие теории возникновения мифов иллюстрируют приведенные ниже цитаты?

1. Миф – это рассказ о происшествии или событии, в котором участвуют сверхъестественные, сверхчеловеческие силы или личности... Мифологическое мышление приписывает определенные феномены и события действию сверхъестественных, «божественных сил», которые мыслятся просто динамически, либо представлены как олицетворенные духи или боги. (Р.Бултман, немецкий теолог, в кн. «Новый Завет и мифология. Основные труды». Цит. по Бирлайн Дж. Ф. Параллельная мифология. М., 1997. С. 256).
2. Миф – *это слово...* это форма, способ обозначения... Миф представляет собой особую систему в том отношении, что он создается на основе уже ранее существовавшей семиологической цепочки: *это вторичная семиологическая система*. То, что в первичной системе было знаком (итог ассоциации понятия и образа), во вторичной оказывается всего лишь означающим...материалы, из которых создается мифическое высказывание (собственно язык, фотография, живопись, плакат, обряд, вещь и т.д.), могут быть исходно разнородными, но, попадая во владения мифа, они сводятся к голой знаковой функции; для мифа все они лишь сырье, все они едины в том, что приведены к чисто языковому состоянию. (Барт Р. Мифологии. М., 1996. С.233, 239).
3. Я уверен, что значительная часть мифологических понятий о мире, глубоко проникших в большинство современных религий, есть не что

иное, как психология, спроецированная во внешний мир. (З.Фрейд Цит. по Бирлайн Дж. Ф. Параллельная мифология. М., 1997. С. 257).

4. Миф – это естественная и необходимая ступень между бессознательным и сознательным мышлением (К.-Г. Юнг. Цит. по Бирлайн Дж. Ф. Параллельная мифология. М., 1997. С.258).
5. Мы вступаем в сферу уже собственно мифологическую, когда переходим от семантических оппозиций, выражающих простейшую ориентацию человека в пространстве и восприятие контрастных ощущений, к их космологическому осмыслению и к установлению параллелизма между противопоставлениями на “языке” разных органов чувств, частей человеческого тела, общества и природного мира, ... а также к известной их аксиологизации, т.е. включению в определенную шкалу ценностей... (Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976. С.230-231).

Задание 2.

Прочитайте фрагменты текстов. Определите, какой тип мифа о культуре в них представлен, заполните таблицу.

Типы мифов о культуре	Номера текстов
Естественно-научные	
Литературно-художественные	
Философские	
Религиозные	
Идеологические и пропагандистские	

1. ...Поэтому я твердо убежден в том, что распределение средств равномерным и справедливым способом и благополучие в ходе людских дел возможны только с совершенным уничтожением частной собственности; но если она останется, то у наибольшей и наилучшей части человечества всегда останется горькое и неизбежное время скорбей. Я, правда, допускаю, что оно может быть до известной степени облегчено, но категорически утверждаю, что его нельзя совершенно уничтожить. Например, можно установить следующее: никто не должен иметь земельной собственности выше известного предела, сумма денежного имущества каждого может

быть ограничена законами; могут быть изданы известные законы, запрещающие королю чрезмерно проявлять свою власть, а народу быть излишне своевольным; можно запретить приобретать должности подкупом или продажей; прохождение этих должностей не должно сопровождаться издержками, так как это предоставляет удобный случай к тому, чтобы потом наверстать эти деньги путем обманов и грабежей, и возникает необходимость назначать на эти должности людей богатых, тогда как люди умные выполнили бы эти обязанности гораздо лучше. Подобные законы, повторяю, могут облегчить и смягчить бедствия точно так же, как постоянные припарки обычно подкрепляют тело безнадежно больного. Но пока у каждого есть личная собственность, нет совершенно никакой надежды на выздоровление и возвращение организма в хорошее состояние... (Таранов П.С. Энциклопедия высокого ума. М., 1997. С.310)

2. Мы, американцы, особые, избранные люди, мы – Израиль нашего времени; мы несем ковчег свобод миру... Бог предопределил, а человечество ожидает, что мы совершим нечто великое; и это великое мы ощущаем в своих душах. Остальные нации должны вскоре оказаться позади нас... Мы достаточно долго скептически относились к себе и сомневались, действительно ли пришел политический мессия. Но он пришел в нас. (Шлезингер-младший А.М. Циклы американской истории. М., 1992. С. 31.)

3. Сизиф был зажиточным коринфянином, презиравшим богов и даже саму смерть. Однажды Зевс увидел прекрасную Эгину, дочь речного бога Асопа, и похитил ее прямо на улице Коринфа. Когда ее отец стал спрашивать коринфян об этом происшествии, никто не хотел говорить с ним, опасаясь гнева Зевса. Но умный Сизиф увидел здесь прекрасную возможность воспользоваться ею. Одной из главных трудностей Коринфа в то время было отсутствие источника воды внутри городских стен... Сизиф подошел к речному богу и предложил сведения об Эгине в обмен на воду... Сизиф рассказал все, что знал, и из земли забил источник свежей прохладной воды. Теперь Асоп смог явиться к Зевсу и потребовать, чтобы царь богов вернул ему любимую дочь. Зевс был в ярости: он прекрасно знал, кто из коринфян проболтался о похищении. Он обратился к своему брату Аиду, владыке мертвых, и тот послал за сизифом Смерть – Танатоса. Когда Танатос явился в мир живых, он очень обрадовался и развеселился. Ведь под землей он видел вокруг только ужасные и мрачные вещи. Итак, он легкомысленно принял радушное приглашение Сизифа, позвавшего разделить с ним трапезу... Но

через некоторое время Танатос понял, что шутки кончились и что он стал пленником Сизифа. Из-за этого изменился весь порядок вещей в мире. Аид перестал получать новых подданных. Ничто больше не умирало – ни растения, ни животные, ни люди... Люди же радовались от души. Они быстро заметили, что никто не умирает. Решив, что все они будут жить вечно, они предались веселью. Но в этом была одна и весьма печальная сторона: те, кто тяжело болел, так и продолжали болеть, и Смерть не могла избавить их от мучений. Глядя на это, Зевс еще больше разгневался и послал Ареса освободить Смерть и схватить Сизифа. Арес так и сделал. Он отвел душу Сизифа в Аид. Но у Сизифа была в запасе еще одна хитрость. Когда боги исторгали из него душу, он велел своей жене не хоронить его тело. Прибыв в царство мертвых, Сизиф стал жаловаться, что не может оставаться там, поскольку его тело не погребли должным образом и не совершили необходимых обрядов. Услышав это, Аид даровал Сизифу еще три дня, чтобы уладить все дела. Но когда три дня прошли, стало ясно, что Сизиф не намерен возвращаться в царство мертвых. Он снова обманул богов. На сей раз Зевс решил сам проследить, чтобы все сделали правильно. Он послал Гермеса, вестника богов, который обычно провожал души мертвых в подземный мир. Гермес исторг душу Сизифа, похоронил его тело, совершил необходимые ритуалы и отвел душу в Аид. За то, что Сизиф посмел захватить в плен Танатоса и издевался над богами, его приговорили к наказанию в подземном мире. Он должен вечно вкатывать огромный камень вверх на крутой холм; но едва он достигает вершины, как камень срывается обратно, и Сизиф вынужден снова браться за свой бесплодный труд.

4. На третий месяц по исходе из Египта, в новолуние... народ выходит к Синайской горе... Моисей восходит на гору, где ему возвещено, что явление Яхве будет на третий день; народ обязывается не восходить на табуированную гору и блюсти ритуальное воздержание... На установленный день разражается гроза, слышен таинственный трубный звук, гора дымится и колеблется. Моисей вторично восходит на гору и получает от Яхве десять заповедей... - запреты и повеления, регулирующие поведение человека перед богом. Народ, видя молнии, пламя и дым, слыша громы и звуки труб, в страхе отступает от горы, Моисей же «вступает во мрак, где бог...» Затем наступает торжественный момент заключения «завета»: народ обещает исполнять слова Яхве, на двенадцати жертвенных камнях (по числу двенадцати колен Израилевых) приносится жертва, и Моисей кропит народ кровью со словами: «вот кровь завета, который Яхве заключил с вами о всех словах сих»... Моисей снова уходит на гору на 40 дней и ночей... Пока Моисей пребывает в многодневной беседе с Яхве,

евреи и сам Аарон, только что заключившие «завет», нарушают его и совершают отступничество: народ требует зримого и вещественного «бога, который бы шел перед нами», и Аарон изготавливает золотого тельца, в честь которого тотчас же начинается празднество... Карательные меры Моисея по отношению к отступникам суровы: он уничтожает тельца и велит воинам из колена Левия предать казни наиболее виновных, не щадя самых близких... Скрижали, т.е. две каменные доски, на которых рукою Яхве были написаны слова откровения..., Моисей в гневе разбивает, затем он получает от Яхве новые скрижали...(Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М., 1997. Т.2. С. 164-168).

5. Вначале населяющие землю люди говорили на одном языке. Они занимали равнину в стране Сennaар, в бассейне рек Тигра и Евфрата. Земля там была необыкновенно плодородная, так что им жилось все лучше и лучше. Это их ввело в гордыню, и они решили построить такую высокую башню, чтобы верхушка ее доставала до самого неба. Вместо камня они использовали в качестве строительного материала обожженный кирпич, а вместо извести – глину. Башня росла все выше, пока Яхве не встревожился и не решил посмотреть, что она собою представляет. Человеческая гордыня вызвала его гнев, и он смешал языки, чтобы люди не могли между собой договориться. Среди строителей башни возникло по этой причине такое замешательство, что они вынуждены были отказаться от своего дерзкого замысла и рассеялись по всему свету, побросав груды материала и орудия, которыми они пользовались. А город, где возводили башню и где произошло смешение языков человеческих, назвали Вавилон. (Косидовский З. Библейские сказания; Сказания евангелистов. М., 1991. С.19).

6. Время –

начинаю

Про Ленина рассказ.

Но не потому,

что горя

нету более,

Время

потому,

что резкая тоска

Стала ясною,

осознанною болью.

Время,

снова

ленинские лозунги развихрь!

Нам ли
 растекаться
 слезной лужею.
 Ленин
 и теперь
 живее всех живых —
 Наше знание,
 сила
 и оружие. (Маяковский В.В. Собр. Соч.: В 12 т.
 М., 1978. Т.2. С.255)

Задание 3.

Выберите в предлагаемой вам таблице 1 слова, словосочетания и предложения, с которыми связаны мифы различных типов, с вашей точки зрения, однозначно определяющие античную, русскую, американскую, французскую, немецкую, итальянскую, испанскую, китайскую, японскую, английскую культуры.

Таблица 1

1. Американская мечта	2. Меркурий	3. Икебана	4. Медея	5. Александр Македонский
6. Нибелунги	7. Прометей	8. Гномы	9. Ромул и Рем	10. Демократия
11. Самурай	12. Колизей	13. Масленица	14. «Жесткая верхняя губа»	15. Вендетта
16. Эдип	17. Амур	18. Сталин	19. «Москва – Третий Рим»	20. Минотавр
21. «Железный занавес»	22. Сверхчеловек	23. Свастика	24. Беовульф	25. Серп и молот
26. Великий Мао	27. Двуглавый орел	28. Восток	29. Один	30. Кентавр
31. Иисус Христос	32. Фортуна	33. Илья Муромец	34. Американский флаг	35. Нирвана
36. Утопия	37. Эзоп	38. Будда	39. Аутодафе	40. София
41. Юрий Гагарин	42. Чапаев	43. Сфинкс	44. Перун	45. Цезарь
46. Инь и Ян	47. Упырь	48. Запад	49. Достоевский	50. Сад камней

Заполните табл. 2, вписав в пустые ячейки соответствующие номера слов (словосочетаний, предложений).¹

Таблица 2

Культура	Религиоз- ный миф	Социально- политический миф	Идеологиче- ский миф	Литературно- художествен- ный миф	Философ- ский миф
Русская					
Американская					
Французская					
Немецкая					
Итальянская					
Античная					
Испанская					
Английская					
Китайская					
Японская					
Мировая					

Задание 4.

Сознание современных представителей российской культуры имеет особый мифологический уровень, который может быть описан как иерархически организованная система различных мифов, позволяющая сформировать смысловое, эмоциональное и ценностное пространство, в котором носители данной культуры чувствуют себя органично и комфортно. Раскройте современное содержание некоторых из этих мифов и попробуйте объяснить причины их возникновения и относительной устойчивости в общественном сознании. Заполните таблицу 3.

Таблица 3

Ключевые слова и сфера Мифотворчества	Миф	Содержание мифа	Причины возникновения мифа
Свобода			
Демократия			
Новые русские			
Бизнес			
Нация			
Выбор			
Доллар			
Россия			
Православие			

¹ В случае затруднений см. стр. 283.

Задание 5.

Попытайтесь описать мифологический образ современной российской культуры в системе мифологического противопоставления «мы – они». Какие качества, по вашему, приписывает себе российская культура и какими качествами она наделяет культуры, с которыми она в данный момент себя сравнивает?»¹

Материалы для обсуждения

Эрнст Кассирер
(1874—1945)

С именем немецкого ученого **Эрнста Кассирера** связано развитие в культурологии весьма представительной и сравнительно молодой «символической» школы, объединяющей преимущественно лингвистов, филологов широкого профиля и искусствоведов, которые сводят любые проявления материальной и духовной культуры к ее чисто знаковой сущности. Кассирер как один из создателей философии культуры стал родоначальником семиотики – новой научной дисциплины, изучающей закономерности строения и функционирования различных знаковых систем, сохраняющих и передающих информацию как в человеческом обществе (язык, разные виды искусства, научные знаковые системы и т.п.), так и в природе (коммуникация в мире животных). В условиях бурного развития современных средств массовой информации семиотика часто претендует на роль общей культурологии и выступает как ее соперница.

Э. Кассирер, выходец из буржуазной еврейской семьи, учился в Берлине, Лейпциге, Гейдельберге и Марбурге, после чего преподавал философию и занимался теорией языка, первобытными культурами, мифологией, религией и литературой в университетах Берлина, а затем Гамбурга, где стал профессором (1919) и позднее (1930) — ректором. С приходом к власти Гитлера был вынужден уйти в отставку и эмигрировал, в Англию, затем в Швецию, потом в США (1941), где до конца жизни преподавал сначала в Йельском, а затем в Колумбийском университетах.

В фундаментальном труде «Философия символических форм» (1923—1929) Кассирер в основу своего толкования культуры кладет врожденную способность человека к символизации, подходя ко всем культурным проявлениям с позиций семиотики и называя его не «животным мыслящим», а «животным символическим». По сравнению с другими существами, многие из которых тоже способны «мыслить», только человек смог создать вокруг себя «вторую вселенную» — человеческую культуру. Язык, наука, искусство, религия, мифы — все наши духовные

¹ При выполнении задания вы можете использовать культурологический материал по любой культуре, например, по культуре современной России и СССР, можно сравнить российскую и американскую культуры.

проявления, находящие материальное воплощение, образуют вокруг человека постоянно усложняющуюся символическую среду, отделяющую людей от реального природного мира. «Цивилизованный» человек живет практически в мире знаков и символов, в то время как «естественный» человек, «дикарь», лишенный культурного «знакового» окружения, продолжает сохранять сбалансированное единство с первозданным миром природы.

Другая важная культурологическая тема в исследованиях Кассирера — тема «мифа» как одного из важнейших объединительных и одновременно разрушительных факторов любой культуры во все времена и у всех народов. Философ особо исследует политические мифы современности (национализм, коммунизм, расизм и т.п.), ничем не отличающиеся, со строго антропологической точки зрения, от мифов античности или от мифотворчества «примитивных» и первобытных народов. В своей последней крупной работе «Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры» (1944) Кассирер подробно останавливается на практике немецкого нацизма, жертвой которого стал и он сам. Философ сравнивает харизматических, тоталитарных «вождей» типа Гитлера, Муссолини, Ленина с заурядными шаманами и заклинателями, которые гипнотизируют людей несбыточными доктринами, неизбежно обреченными, подобно древним мифам, на критическую переоценку и забвение будущим, более совершенным человечеством.

Вопросы:

- 1. С каких позиций Э.Кассирер трактует понятие мифа?**
- 2. Какова, по мнению Э.Кассирера, роль мифа в современной культуре?**
- 3. Каковы, по мнению Э.Кассирера, функции политических лидеров в современных тоталитарных государствах? Какими мифологическими чертами они обладают? Приведите примеры.**

ФИЛОСОФИЯ СИМВОЛИЧЕСКИХ ФОРМ¹

Логика вещей, т.е. основных содержательных понятий и отношений, на которых строится наука, неотделима (...) от логики знаков. Ибо знак есть не просто случайная оболочка мысли, но ее необходимый и существенный орган. Он служит не только цели сообщения готового мысленного содержания, но является инструментом, благодаря которому само это содержание складывается и впервые приобретает свою полную определенность. Акт понятийного определения содержания идет рука об руку с актом его фиксации в каком-либо

¹ Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998.

характерном знаке. Таким образом, всякое подлинно строгое и точное мышление находит себе поддержку только в *символике* и *семиотике*, на которые оно опирается. Любой «закон природы» в нашем мышлении принимает вид общей «формулы», но всякую формулу можно представить только как связь общих специфических знаков. Без таких универсальных знаков, как, например, в арифметике и алгебре, нельзя было бы выразить ни одно особое отношение в физике, ни один частный закон природы. В этом как бы наглядно выражается основной принцип познания вообще, в соответствии с которым всеобщее может созерцаться всегда лишь в особенном, а особенное мыслится всегда только в отношении ко всеобщему.

Но это взаимоотношение не ограничивается только рамками науки, а прослеживается и во всех других основных формах духовного творчества. Для всех них характерно то, что свойственный им способ восприятия и формообразования они могут применить, только создав для него как бы определенный чувственный субстрат. И настолько существен здесь этот субстрат, что подчас кажется, будто он исчерпывает все содержание значения, весь собственный «смысл» этих форм. Язык, казалось бы, определяется и мыслится только как система звуковых знаков, — мир искусства и мифа кажется исчерпанным в мире особых, чувственно-пластических образов, которые искусство и миф демонстрируют нам. И тем самым по сути дела дана всеобъемлющая среда (*Medium*), в которой встречаются все духовные образования, так разнящиеся между собой. Содержание духа заключается только в его выражении; идеальная форма может быть распознана только по и в совокупности чувственных знаков, которые служат ее выражению. Если бы удалось получить систематический обзор всех различных направлений такого рода выражения, если бы удалось вскрыть его типичные, инвариантные черты, а также их особые градации и внутренние различия, то идеал «универсальной характеристики», поставленный (...) перед познанием, был бы тем самым, достигнут. Мы обладали бы тогда своего рода грамматикой символической функции — такой функции, посредством которой были бы охвачены и генерально соопределены ее отдельные выражения и идиомы, наблюдаемые нами в языке и искусстве, в мифе и религии. (...)

Через знак, связанный с каким-либо содержанием, само это содержание приобретает новое состояние и новую длительность, так как знаку — в противоположность реальной смене отдельных содержательных моментов в сознании — соответствует определенное идеальное *значение*, которое как таковое застывает в нем. Он не есть, подобно просто данному ощущению, нечто пунктуально обособленное, неповторимое и единственное в своем роде, но выступает в роли репрезентанта множества, совокупности возможных моментов содержания, каждому из которых он противостоит как «общее».

В символической функции сознания, деятельность которой мы видим в языке, в искусстве, в мифе, из потока сознания извлекаются сначала определенные устойчивые основные образы, частью понятийной, частью наглядной природы; вместо текущего содержания появляется замкнутое в себе застывающее единство формы.

ТЕХНИКА СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФОВ¹

Если мы попытаемся рассмотреть по элементам, что представляют собой современные политические мифы, окажется, что они не содержат ничего в полной мере нового. Все детали их давно известны. (...)

Даже в примитивных общинах, где мифы управляют всеми социальными чувствами и всей социальной жизнью человека, они не всегда функционируют одинаково и имеют одинаковую силу. Они набирают полную мощь, когда человек оказывается перед лицом необычной и опасной ситуации. Малиновский², проживший много лет среди туземцев Тробрианских островов³ и давший нам подробнейший анализ мифических концепций и магических ритуалов тамошних племен, неоднократно указывал на этот факт. (...)

Итак, во всех делах, которые не требуют особых, исключительных усилий выдержки и смелости, мы не находим применения какой-либо магии или мифологии. Обширная и развитая магическая система и связанная с ней мифология приходят в действие, когда налицо опасность и неизвестность.

Эта характеристика магии и мифов в примитивном обществе так же хорошо подходит и для весьма развитых форм политической жизни людей. В отчаянных ситуациях человек всегда склонен обращаться к отчаянным мерам, и наши сегодняшние политические мифы как раз, и есть такие меры. В случае, когда здравый смысл подводит нас, в запасе всегда остается сила сверхъестественного, мистического.

(...)

В мирное, спокойное время, в периоды стабильности и безопасности рациональная организация легко поддерживается и функционирует. Она кажется гарантированной от любых атак. Но в политике абсолютного, статического равновесия никогда не бывает — только динамическое. Всегда чувствуешь себя на вулкане, всегда ждешь подземных толчков и извержений. Во все критические моменты человеческой социальной жизни рациональные силы,

¹ Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998.

² Малиновский Бронислав Каспер (1884-1942) - английский этнограф и социолог, основатель функциональной школы в этнографии.

³ Острова Тробриан – группа островов в Меланезии, в юго-западной части Тихого океана.

сопротивляющиеся выходу на поверхность старых мифических концепций, не могут быть уверены в себе.

В это время возвращаются мифы — они никогда и не были по-настоящему подавлены, подчинены и лишь ждали своего часа, чтобы появиться из тени на свет. (...)

Миф — это персонифицированное желание группы. Это определение было дано 35 лет назад. Разумеется, автор не мог тогда предвидеть наши теперешние политические проблемы. Он выступал как антрополог, занимающийся религиозными ритуалами диких племен Северной Африки. Однако его формула вполне уместна как наиболее лаконичное и точное выражение современных представлений о лидерстве и диктаторстве. Потребность в вожде появляется только тогда, когда коллективное желание достигает максимальной силы и когда, с другой стороны, все надежды удовлетворения его обычными путями оказываются тщетными. В таком случае желание не только остро ощущается, но и персонифицируется, встает перед человеческим воображением в конкретной, пластичной и индивидуальной форме. Сила коллективного желания осуществляется в вожде. Все социальные установления — закон, справедливость, конституция — объявляются не имеющими никакой цены. Остается лишь мистическая сила и власть вождя, и воля его становится высшим законом.

Разумеется, коллективное желание не может удовлетворяться одинаково и в случае больших цивилизованных наций, и в случае племени, находящегося на первобытных ступенях развития. Цивилизованный человек — объект самых необузданных эмоций, и когда они достигают апогея, он способен поддаться совершенно диким импульсам, однако даже в этом случае он не может полностью отказаться от требований рациональности. Чтобы верить, он должен ощущать какие-то резонные основания для веры, он должен иметь теорию для оправдания своего кредо. И теории эти оказываются отнюдь не примитивными, а, наоборот, весьма сложными.

И все это происходит в нашем современном мире! Если исследовать нынешние политические мифы и их использование, мы обнаружим не только извращение всех наших этических ценностей, но даже искажения человеческой речи. Магическое слово вытесняет здесь семантическое. (...)

Но ловкое применение магического слова — это еще не все. Чтобы оно имело максимальный эффект, новое слово нужно подкрепить новыми ритуалами. И над этим фашистские лидеры работали продуманно, методично и успешно. Каждое политическое действие имеет свой ритуал. И поскольку в тоталитарном государстве не существует никакой личной, приватной сферы, свободной от вторжения политики, всю человеческую жизнь вдруг захлестывает волна новых ритуалов. Они так же регулярны, упорядочены и неизбежны, как

ритуалы, которые мы наблюдаем в примитивных общинах. Каждый класс, каждый пол, каждый возраст имеет свои ритуальные правила. Никто не может пройти без этого по улице, поздороваться с приятелем или соседом. И точно так же, как и в примитивных общинах, пренебрежение каким-либо из предписанных ритуалов значит страдание и смерть. Даже малым детям это не сходит с рук как нечаянный грех, а засчитывается преступлением против богоподобного вождя и тоталитарного государства.

Эффект новых ритуалов очевиден. Никто не может усыпить нашу активность, способность к самостоятельным суждениям и критической оценке, лишить нас ощущения собственной индивидуальности и персональной ответственности легче, чем постоянное, монотонное исполнение одних и тех же ритуальных действий. Неоспоримый научный факт: примитивные общества не знают такой вещи, как индивидуальная ответственность, существует только коллективная. Не индивидуум, а группа является здесь настоящим «моральным субъектом».

Клан, семья, племя ответственны за действия всех своих членов. Если совершено преступление, не ищут персонального ответчика. Подобно какой-то социальной заразе преступление распространяется на всю группу, никто не избегает инфекции. (...)

За последние 200 лет представления о жизни дикаря и ее отличиях от жизни современного человека совершенно изменились. Руссо в XVIII в. представлял ее себе настоящим раем простоты, невинности и счастья. Дикарь — один среди прохлады родного леса, считающийся лишь с собственными инстинктами и удовлетворяющий свои немудреные желания! Он обладает величайшим богатством — богатством абсолютной независимости.

К сожалению, успехи, сделанные в XIX в. антропологией, полностью разрушили эту философскую идиллию. Картина оказалась прямо противоположной той, которую нарисовал нам Руссо. Сидни Хартланд пишет в своей книге «Первобытный закон»: «Дикарь вовсе не такое свободное от каких-либо уз существо, каким представлял его себе Руссо. Наоборот, он со всех сторон стиснут обычаями своего племени, он закован в цепи неизменных традиций... Эти оковы принимаются им как нечто само собой разумеющееся, он никогда не ищет освобождения... Очень часто то же можно сказать и о цивилизованном человеке, но он слишком беспокоен, слишком любит перемены, слишком любопытен, чтобы долго сохранять установку покорности».

Эти слова написаны 20 лет назад, а за это время мы научились еще кое-чему, что весьма оскорбительно для гордого человечества. Оказалось, что современный человек, несмотря на все свое беспокойное нутро, а возможно, как раз из-за него, вовсе не преодолел своего сходства с дикарем. Когда он сталкивается с теми же силами, что и его

предок, он очень легко приходит в состояние полной покорности, никаких вопросов не задает и принимает все как сами собой разумеющееся.

Из печального опыта последних 20 лет этот факт, пожалуй, наиболее ужасен. Ситуацию можно сравнить с той, в которой оказался Одиссей на острове Цирцеи, но нынешняя, пожалуй, еще хуже. Там друзья и спутники Одиссея были превращены в различных зверей. Но здесь люди, и люди интеллигентные, честные и прямые, внезапно сами отказались от важнейшей человеческой привилегии — свободы и независимости мышления. Выполняя предписанные ритуалы, они стали чувствовать, думать и говорить тем же предписанным образом.

Их жесты остались живыми и энергичными, но это искусственная, поддельная жизнь. На самом-то деле ими движет внешняя сила, они действуют, как марионетки в кукольном представлении. И даже не подозревают, что за веревочки дергают и управляют всей их личной и общественной жизнью политические лидеры. (...)

В описании современных политических мифов мы упустили одну черту. Мы указывали, что в тоталитарном государстве политические лидеры принимают на себя те функции, которые в первобытном обществе были возложены на шаманов. Они были абсолютными властителями, они одни брались избавить общину от социального зла. Но это не все. В примитивной общине перед колдуном стоит еще и такая важная задача, как передача людям воли богов, предсказание будущего. Предсказатель занимает свое твердое место в примитивной общественной жизни, играет в ней совершенно необходимую роль. Даже на достаточно высокоразвитых уровнях политической культуры за ним сохраняются его старые права и привилегии. (...)

Даже в этом пункте наша современная политическая жизнь вернулась к формам, которые казались совершенно забытыми. Разумеется, у нас нет наивного колдовства, к нам не снисходят коллективные озарения, мы не угадываем судьбу по полету птиц или по внутренностям зарезанных животных. Мы разработали гораздо более тонкий и сложный метод предвидения, метод, претендующий на философскую глубину, на научность. Но если методы и изменились, то существо дела осталось тем же. Наши политики очень хорошо знают, что большие массы людей гораздо легче привести в действие с помощью силы воображения, чем применяя грубую физическую силу, и прекрасно пользуются этим знанием. Политики стали чем-то вроде предсказателей судьбы, пророчество превратилось в существенный элемент новой техники управления. Они обещают самые невероятные и даже совершенно невозможные вещи, снова и снова сулят людям «золотой век». (...)

Политика — еще далеко не позитивная наука, а тем более не точная. Я уверен, что потомки будут рассматривать многие из наших

политических систем с тем же чувством, что возникает у современного астронома при изучении астрологического сочинения или у химика, читающего алхимический трактат. В политике мы еще не имеем надежной базы, здесь нет упорядоченного знания, здесь все время существует угроза того, что нас захлестнет старый хаос. Мы строим высокие и гордые здания, но без твердого фундамента. Вера в то, что человек, ловко орудуя магическими формулами и заклинаниями, может управлять природой, господствовала сотни и тысячи лет человеческой истории, несмотря на все бесчисленные неудачи и разочарования.

Поэтому не удивительно, что наши политические действия и теории наполнены магическим содержанием. И когда небольшие группы людей пытаются осуществить свои желания и фантастические идеи относительно целых наций, всей политической вселенной, они могут иметь временный успех, могут даже достичь триумфа. Но достижения эти эфемерны, потому что в социальном мире, так же как и в физическом, есть своя логика, свои законы, которые не могут нарушаться безнаказанно. Даже в этой сфере мы должны следовать совету Бэкона — подчиняться законам социального мира, чтобы научиться управлять ими.

Что же может сделать философия, чтобы помочь в борьбе с политическими мифами? Современные философы давно уже отказались от мысли влиять на течение политических и социальных событий. Гегель верил в самую высокую ценность и достоинство философии. И, тем не менее, тот же Гегель сказал, что философия всегда является слишком поздно для *того*, чтобы переделать мир, и глупо рассчитывать на то, что какая-либо теория может обогнать свое время. (...)

Разумеется, она не в силах разрушить политические мифы. Мифы в некотором роде непобедимы: их не опровергнешь разумными аргументами и не побьешь силлогизмами. Философия может сослужить другую службу: она помогает понять врага, дабы затем разбить его. Понять не только его дефекты и слабые места, но и в чем его сила, которую мы все склонны преуменьшать. Когда впервые сталкиваешься с политическим мифом, он кажется столь абсурдным и неуместным, столь фантастическим и отвратительным, что трудно заставить себя принимать его всерьез. Но теперь стало ясно, какая это огромная ошибка, и не стоит допускать ее в другой раз. Необходимо тщательно изучать истоки, структуру и технику политических мифов, чтобы видеть лицо врага, которого мы надеемся одолеть.

Семинар № 6**Тема:****Некоторые направления истории культурологической мысли.****Вопросы для обсуждения:**

1. Античные мыслители о развитии культуры.
2. Понятие культуры в эпоху Возрождения.
3. Проблемы культуры в трудах просветителей.
4. Культурологические концепции Н.Данилевского, Ф.Ницше, О.Шпенглера и П.Сорокина.
5. Культурологические концепции К.Г.Юнга и К.Леви-Строса.
6. Западноевропейские концепции игровой культуры (И.Хейзинга, Х.Ортега-и-Гассет, Е.Финк).

Литература:

1. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
3. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983.
4. Леви-Строс К. Путь масок. М., 2000.
5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1990.
6. Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991.
7. Юнг К.Г. Воспоминания. Сновидения. Размышления. Киев, 1994
8. Ортага-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991.
9. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. М., 1991.
- 10.Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- 11.Хейзинга И. В тени завтрашнего дня. М., 1992.
- 12.Хейзинга И. Homo ludens. М., 1997.
- 13.Шпенглер О. Закат Европы. Т.1. М., 1993.
- 14.Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. М., 1992.
- 15.Фром Э. Иметь или быть? М., 1990.
- 16.Фром Э. Психоанализ и этика. М., 1993.
- 17.Фуко М. Слова и вещи. М., 1972.
- 18.Хайдеггер М. Время и Бытие. М., 1993.
- 19.Швейцер А. Культура и этика. М., 1973.
- 20.Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

Материалы для обсуждения.**ИОГАНН ГОТФРИД ГЕРДЕР
(1744 — 1803)**

В немецкой классической философии конца XVIII — начала XIX в. **Иоганн Готфрид Гердер**, пожалуй, больше других имеет право считаться теоретиком культуры в прямом смысле этого слова. Ему принадлежит одна из самых выразительных и фундаментальных попыток представить развитие мира как некий органический процесс эволюции неживой и живой природы, увенчанный появлением человека и развитием общества. Мысль о непрерывном прогрессе человечества Гердер проводит в своем четырехтомном труде "Идеи к философии истории человечества" (1784 — 1791), что оставалось едва ли не главной культурологической аксиомой вплоть до начала XX в.

Гердер считал, что общество — это саморазвивающееся целое, движущими пружинами которого являются, прежде всего, язык, а также порожденные с его помощью науки, ремесла, искусство, религия, семья и государство. История народов, по Гердеру, образует единую цепь культурного развития, где каждое звено связано с предыдущим и последующим. В работе "Идеи к философии истории человечества" ученый дает конкретный анализ истории культуры человечества, обращая особое внимание на греко-римскую античность и средневековье и выступая против преувеличения роли Европы в развитии мировой цивилизации. Он — сторонник равноправия и суверенитета народов и установления между ними «вечного мира».

Решающая роль, которую Гердер отводил в развитии культуры, с одной стороны, языку, а с другой — общественным институтам, позволяет считать его отдаленным предшественником символической и социологической школ в современной культурологии, представленных, например, Э. Кассирером и П. Сорокиным. В европейской культуре неопределима роль Гердера как теоретика и собирателя фольклора, в частности, народных песен различных этносов, в том числе творчества народов других континентов. В сборнике "Народные песни" (1778 — 1779) он располагал их по тематическому принципу, стремясь доказать единство мировых мифологических мотивов и чем-то предвосхитив гипотезы К.Г. Юнга о "коллективном бессознательном" и культурных архетипах. Особо следует отметить внимание и глубокое уважение Гердера к творческому гению славянских народов и народов России, которые, по его мнению, "принесут обильные плоды", "укажут путь погруженной в сон Европе и заставят ее служить тому же духовному началу". Недаром, один из чешских писателей, намекая на пренебрежительное отношение некоторых немецких "теоретиков" к народам Восточной и Юго-Восточной Европы назвал Гердера "первым защитником славян". Бесспорна и развивавшаяся

философом мысль о том, что творчество мировых гениев, типа Шекспира, Сервантеса или Пушкина, всегда глубоко национально и что гениальность в художественном творчестве немислима без неповторимого национального своеобразия. В своей поздней полемике с Кантом от отвергал теорию "незаинтересованности" искусства, послужившую позднее развитию разного рода эстетствующих и упаднических течений в искусстве XX в. Предлагаемые ниже отрывки из его основополагающего труда "Идеи к философии истории человечества" дают достаточно полное представление о культурологических взглядах Гердера.

Вопросы:

- 1. Как рассматривал развитие человеческой культуры И.Г.Гердер и какие факторы в этом процессе он считал определяющими? Почему?**
- 2. Какой характер, по мнению Гердера, имеет историческое развитие?**

ИДЕИ К ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА¹

*Все известные человеческому роду науки и искусства созданы
подражанием, разумом и языком*

Как только бог или гений научил человека отмечать признаки предметов и таким образом присваивать себе самые предметы, а с каждым найденным признаком соотносить условный знак, как только, говоря иначе, появились первые начатки языка разума, так сразу же оказалось, что человек встал на путь наук и искусств. Ибо, создавая науки и искусства, человек и не делает ничего иного, как отмечает и обозначает. Как только дано было человеку самое трудное его искусство — язык, так, можно сказать, ему дан был прообраз всего.

Так, например, человек, постигавший в животном тот признак, по которому он мог называть его, тем самым уже закладывал основу для того, чтобы приручать поддающихся приручению животных, получать пользу от приносящих пользу и вообще завоевать для себя все, что только ни есть в природе; присваивать и значило попросту замечать для себя признаки приносящего пользу, поддающегося приручению, подлежащего присваиванию существа и обозначать их каким-либо знаком или словом своего языка. Так, человек заметил, что ягненок сосет молоко кроткой овцы, что теплая овечья шерсть согревает руки; и то и другое человек постарался присвоить себе. На дереве, плодов которого заставлял искать человека голод, человек заметил листья,

¹ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.

которыми он мог препоясываться, древесину, которая могла согреть его. Так человек сел и на коня, чтобы конь нес и вез его, и оставил его при себе, чтобы конь и в другой раз вез его; человек замечал, как защищаются и кормятся животные, как природа воспитывает и хранит от опасности своих детей. И так вступил он на путь искусств, и не каким другим путем, а просто развивая отвлеченный от предмета признак и запечатляя его каким-либо способом или любым знаком, то есть, короче говоря, запечатляя его в языке. Благодаря языку, и только благодаря языку, сделалось возможным последовательное развитие мысли — цепь мыслей, стало возможным осознавать, распознавать что-либо, вспоминать о чем-либо, обладать чему-либо; так со временем родились науки и искусства: рождены они были отмечающим признаками разумом и преднамеренным подражанием. (...)

Иногда бывало и так, что люди находили новое и забывали о нем, — теория существовала, но ею не пользовались, и вот, наконец, счастливцев подбирал золото, лежащее на дороге, или находил для себя новую точку опоры и с помощью рычага сдвигал с места целые миры. История изобретения и совершенствования искусств, — история, которой более всего гордится человеческий ум, — свидетельствует напротив, о том, что высшая судьба правит во всех делах людей. Признаки, материя для их обозначения давно уже существовали; и только теперь люди заметили их, только теперь дали они им обозначения. Генезис искусства, как и генезис человека, — мгновенное наслаждение, какое испытывают, соединяясь, тело и душа, — бракосочетание Идеи и Знака.

С глубоким преклонением перед творениями человеческого духа я свожу их к простейшему принципу — вещи находятся и обозначаются, ибо именно в этом простом умении найти и обозначить вещи и состоит подлинная божественность человека, только ему свойственное преимущество. Кто пользуется выученным языком, блуждает, словно во сне, разум его спит, он мудр чужим умом, он умен как подражатель; кто пользуется чужим искусством, разве художник сам? Но в чьем уме рождаются особенные мысли, в ком мысли эти слагают для себя особое тело, кто видит не глазами только, но и духом, кто именует вещи не единым языком, но и душою, кому удастся подслушать природу, творящую в мастерской своих творений, высмотреть ранее не известные проявления ее деятельности и применить их для человеческих целей с помощью новых искусных орудий и приемов, — тот человек в собственном смысле слова, человек редкостный, — настоящий бог среди людей. Человек этот говорит, и тысячи вторят ему заплетающимися языками; он творит, другие играют его созданиями, он был муж в расцвете сил, а те, что пришли после него, быть может, на века останутся детьми. Как редки первооткрыватели среди людей; мы

лениво, бездумно цепляемся за то, что имеем, и не беспокоимся о том, чего нам недостает: мир, история народов являет тому тысячу примеров, доказывает это и сама история культуры.

Итак, с науками, с искусствами началась новая традиция рода человеческого, присоединить новое звено к ее цепи посчастливилось лишь совсем немногим; другие цепляются за нее, как верные и послушные рабы, и механически влекут ее вперед. Вот этот кофе, который я пью сейчас, он прошел через руки многих людей, а моя заслуга — только в том, что я его пью; так и с нашим разумом, с нашим образом жизни, ученостью и воспитанием, военным искусством и государственной мудростью, — это собрание чужих изобретений и мыслей, они собрались к нам со всех концов света, мы купаемся и тонем в них с детства, и нашей заслуги тут нет.

Итак, если европейская чернь гордится Просвещением, Искусством, Наукой, если толпа надменно презирает три прочие части света, так это пустое тщеславие; европеец, как безумец в рассказе, считает своими все корабли в гавани, все изобретения людей, и все только потому, что когда он родился, все эти изобретения, все эти традиции уже существовали рядом с ним. Жалкий! Придумал ли ты что-нибудь сам? И, впитывая все эти традиции, думаешь ли ты что-либо? Ведь пользоваться готовым — это труд машины; впитать в себя сок науки — это дело губки: ее заслуга, что она родилась на мокром месте. Если твой военный корабль плывет на Таити, а пушки твои гремят на Гебридах, то, право же, ты не умнее туземца и аборигена и ничуть не ловчее его, — он ведь умеет править своей лодкой, а построил он ее голыми руками. Вот это неясно чувствовали и дикари, познакомившись с европейцами, вооруженными всеми инструментами своих знаний. Европейцы показались им неведомыми, высшими существами, они склонились перед ними, они почтительно приветствовали их, но, когда они увидели, что европейцы болеют и умирают, что их можно ранить, что физически они слабее туземцев, они стали губить людей, потому что боялись их искусств, а между тем человек тут отнюдь не был тождествен своему искусству. И это же можно сказать обо всей европейской культуре в целом. Язык народа, тем более язык книжный, может быть умным и рассудительным, но отнюдь не непременно умен и рассудителен тот, кто читает эти книги и говорит на этом языке. Вопрос — как читать, как говорить; но и в любом случае, говорящий, читающий только повторяет уже сказанное, он следует за мыслями другого, все обозначившего и назвавшего. Дикарь в своей ограниченной жизни выражает свои мысли определеннее, яснее, истиннее, он умеет пользоваться своими органами чувств, членами тела, практическим рассудком, немногими орудиями труда, умеет пользоваться ими с большим искусством, всецело отдаваясь своему делу, — конечно же, если поставить его лицом к лицу

с той политической или ученой машиной, что, словно беспомощное дитя, стоит на очень высоких подмостках, построенных, увы! чужими руками, даже трудами всего прошлого мира, то дикарь будет образованнее и культурнее такой машины. Естественный человек — это ограниченный, но здоровый и умелый обитатель Земли. Никто не отрицает, что Европа — это архив искусств и деятельного человеческого рассудка; судьба времен сложила здесь все свои сокровища, они здесь умножаются и не лежат без движения. Но отсюда не следует, что у всякого, кто пользуется ими, рассудок первооткрывателя; скорее напротив, рассудок, пользуясь чужими находками, обленился: ведь если в руках моих чужой инструмент, я не буду утруждать себя изобретением нового.

Гораздо более трудный вопрос: как науки и искусства способствовали счастью людей; приумножили же они счастье людей? Я думаю, что на этот вопрос нельзя ответить просто — "да" или "нет", потому что и здесь все дело в том, как люди пользуются изобретенным и найденным. Что на свете есть теперь более тонкие и искусно сделанные орудия труда что, затратив меньшие усилия, можно теперь добиться большего, что можно беречь человеческий труд, — все это не вызывает сомнения. Неоспоримо и то, что всякое новое искусство, всякая новая наука создают новый союз солидарности между людьми, создают общие потребности, не удовлетворив которые, не могут даже и жить наделенные искусством люди. Но вот что остается вопросом: расширяют ли возросшие потребности тесный круг человеческого счастья: способно ли искусство прибавить к природе нечто существенное или же оно, напротив, только обделяет и изнеживает природу; не пробуждают ли научные и художественные таланты таких склонностей в человеческой душе, при которых людям все тяжелее и тяжелее обрести прекраснейший дар — удовлетворенность, ибо склонности эти, как балансир часов, беспрестанно противятся покою и удовлетворенности; и, наконец, не случилось ли так, что многие страны и города из-за скопления, из-за взаимосвязи теснящихся на узком пространстве людей превращались в приют для бедных, в госпиталь и лазарет, где в спертom воздухе, по всем правилам искусства, хиреет бледный род людей, они кормятся милостыней, незаслуженными ими благами наук, искусств, государств, а потому приняли облик нищих, занимаются нищенским ремеслом, а потому и терпят, как нищие. Как решить эти и многие другие вопросы, научит нас дочь Времени — светлая История.

О, вы, посланцы Судьбы, вы, гении и первооткрыватели, на каких опасных вершинах пользы исполняете вы свое божественное предназначение! То, что вы находили, вы находили не для себя, и не во власти вашей было назначить миру и потомству, как пользоваться вашими открытиями, что прибавить к ним, что, новое или

противоположное изыскать по аналогии с ним. Бывало и так, что жемчужина столетиями лежала в земле, рядом с нею копались в поисках червей петухи, пока, наконец, какой-нибудь недостойный не находил ее и не вправлял в корону монарха, где блеск ее не всегда благотворен для людей. Но вы делали свое дело и наградили потомство сокровищами, найденными вашим беспокойным духом или ненароком доставшимися вам в дар от судьбы. Судьбе и предоставили вы распоряжаться вашей находкой, и судьба поступала так, как считала нужным. Периодически совершавшиеся катастрофы или губили мысль, или позволяли ей развиваться; судьба, царящая во всем мире, смешивала яд и противоядие, пользу и вред, одно смягчала другим. Изобретатель пороха не думал о том, что искра черной пыли повлечет за собой чудовищные разрушения и будет уничтожать вещи и государства, но ни он, ни мы не можем и предполагать, какие благотворные семена заключены в бочке с порохом, на которой восседает теперь немало тиранов и деспотов, какие семена лучшего устройства мира будущего заключены в ней. Ведь гроза же очищает атмосферу! Человек, впервые заметивший, в какую сторону обращена магнитная стрелка, не предвидел ни счастья, ни бедствий, которые принесет этот волшебный дар всем частям света, когда поддержат его иные знания и художества, но и здесь новая катастрофа, возможно, положит конец прежним несчастьям и произведет на свет новые, неслыханные. То же можно сказать и о железе, стекле, одежде, деньгах, письменности и книгопечатании, астрономии и всех науках, какими пользуется искусство управления людьми и государствами. Та поразительная взаимосвязь всех открытий, которая сказывается в их развитии. периодическом продвижении вперед, то ни на что непохожее явление, когда одно удивительным образом ограничивает и смягчает действие другого, — все это признаки того, как распоряжается, как руководит бог нашим родом, все это - истинная философия истории человеческого рода.

ЖАН-ЖАК РУССО

(1712 — 1778)

Богатейшее творческое наследие великого французского философа, писателя и композитора Жана-Жака Руссо больше других, прямо или косвенно, было связано с самой "плотью" культуры, а позднее породило целый ряд оригинальных и порой противоречивых течений общественной и художественной мысли. Сын века Просвещения, он первым выступил с его суровой критикой; человек верующий, он находился в постоянном конфликте с официальной религией и церковью; представитель духовной элиты, он был врагом любой элитарности; талантливый служитель науки и муз, он заклеил их с позиций морали; гражданин сильного государства он разоблачал его как орудие насилия; и, наконец, не принадлежа к

народным "низам", он считал именно их хранителем нравственного и физического здоровья. К Руссо, так или иначе, восходят современные идеи демократии, социальной справедливости, анархизма, антирасизма и, прежде всего, экологические движения, выступающие за гармонию между Человеком и Природой, во главу угла общественного развития он ставил нравственные ценности. В то же время не следует забывать, что его идеями вдохновлялись французские якобинцы и их наиболее кровавый "вождь" Робеспьер.

Для современной культурологии наиболее важной, хотя и неоднозначной, представляется мысль Руссо о том, что культура с ее расслабляющими благами и удовольствиями, отделяя человека и целые народы от Матери-природы, подрывает их физическое и нравственное здоровье и в конечном счете ведет к вырождению и гибели, как это случилось в древности с Египтом, Грецией, Римом, а также с Византией и другими исчезнувшими цивилизациями. Считая, что мысль — убийца жизни, в одном из писем к Вольтеру Руссо утверждал: "Культуру можно сравнить с ужасным мечом, воткнутым в молодой, здоровый ствол. После того как железо вошло в дерево, его никоим образом не следует вытаскивать, ибо тогда дерево погибнет. Но все же было бы лучше, если бы железо никогда не входило в дерево". Подобная неприязнь к культуре делает Руссо идейным предшественником Ницше с его критикой "слабого человека; Фрейда с его "недовольством культурой"; Леви-Строса с его восхвалением "примитивных" племен; Шпенглера и Тойнби с их цивилизационными теориями, а также множества других культурологов, особенно этнографов и антропологов, так или иначе склоняющихся к мысли о "больном человечестве". Самым известным произведением Руссо, где эти мысли впервые нашли отражение, стал трактат "Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?" (1750), отрывки из которого приводятся ниже.

Вопросы:

- 1. Над какими проблемами культуры работал Ж.-Ж. Руссо, как их трактовал?**
- 2. Почему в процессе развития культуры он отдавал предпочтение этическим проблемам?**
- 3. Руссо критиковал современную ему цивилизацию как цивилизацию неравенства: какие аргументы он приводил? Подтвердите ваши рассуждения цитатами.**

СПОСОБСТВОВАЛО ЛИ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НАУК И ИСКУССТВ ОЧИЩЕНИЮ НРАВОВ?¹

У духа есть свои потребности, как и у тела. Эти последние образуют самые основания общества; первые же придают ему приятность. В то время как Правительство и Законы обеспечивают безопасность и благополучие объединившихся людей, Науки, Литература и Искусства — менее деспотичные, но, быть может, более могущественные, — покрывают гирляндами цветов железные цепи, коими опутаны эти люди; подавляют в них чувство той исконной свободы, для которой они, казалось бы, рождены; заставляют их любить свое рабское состояние и превращают их в то, что называется цивилизованными народами. Необходимость воздвигла троны; Науки и Искусства их укрепили. (...)

Как было бы приятно жить среди нас, если бы внешность всегда выражала подлинные душевные склонности, если бы благопристойность была добродетелью, если бы наши возвышенные моральные афоризмы служили нам в самом деле правилами поведения, если бы настоящая философия была неотделима от звания философа! Но столь многие качества слишком редко открываются вместе, и добродетель едва ли шествует с такою пышною свитой. Богатство наряда может говорить нам о зажиточности человека, а его изящество — о том, что это человек со вкусом, но здоровый и крепкий человек узнается по другим приметам: под деревенской одеждой землепашца, а не под шитым золотым нарядом придворного, — вот где окажется сильное и крепкое тело. Наряды не менее чужды добродетели, которая есть сила и крепость души. Добродетельный человек — это атлет, который находит удовольствие в том, чтобы сражаться нагим; он презирает все эти ничтожные украшения, которые помешали бы ему проявить силу и большая часть которых была изобретена лишь для того, чтобы скрыть какое-нибудь уродство.

До того, как искусство обтесало наши манеры и научило наши страсти говорить готовым языком, нравы у нас были грубые и простые, но естественные, и различие в поведении с первого взгляда говорило о различии характеров. Человеческая природа, в сущности, не была лучшею, но люди видели свою безопасность в легкости, с какою они понимали друг друга, и это преимущество, ценности которого мы уже не чувствуем, избавляло их от многих пороков.

Ныне, когда более хитроумные ухищрения и более тонкий вкус свели искусство нравиться к определенным принципам, в наших нравах воцарилось низкое обманчивое однообразие, и все умы кажутся

¹ Руссо Ж.Ж. Сочинения. М., 2001.

отлитыми в одной и той же форме: вежливость без конца чего-то требует, благопристойность приказывает, мы без конца следуем обычаям и никогда — собственному своему разуму. Люди уже не решаются казаться тем, что они есть; и при таком постоянном принуждении эти люди, составляющие стадо, именуемое обществом, поставленные в одинаковые условия, будут все делать то же самое, если только более могущественные причины их от этого не отвратят. Никогда не знаешь, как следует, с кем имеешь дело: для того, чтобы узнать своего друга, нужно таким образом ждать крупных событий, т.е. ждать, когда на это уже нет больше времени, так как именно ради этих событий и было бы важно узнать, кто твой друг.

Какая вереница пороков тянется за этой неуверенностью. Нет больше ни искренней дружбы, ни настоящего уважения, ни обоснованного доверия. Подозрения, недоверие, страхи, холодность, сдержанность, ненависть постоянно скрываются под этим неизменным и коварным обликом вежливости, под этою столь хваленою благовоспитанностью, которой мы обязаны просвещенности нашего века. Никто уже не станет помянуть всуе имя Владыки вселенной, но его оскорбляют богохульством, и это не оскорбляет наш слух. Люди уже не превозносят свои собственные заслуги, но они умаляют заслуги других людей. Никто уже не станет грубо оскорблять своего врага, но его умеют ловко оклеветать. Национальная вражда угасает, но вместе с нею угасает и любовь к Отечеству. Невежество, достойное презрения, заменяется опасным пирронизмом¹. Появляются недозволенные излишества, бесчестные пороки; но иные из пороков и излишеств награждаются именем добродетелей; нужно обладать ими или притворяться, что ими обладаешь. (...)

Там, где нет никакого результата, там нечего искать и какой-либо причины, но здесь результат несомненен — явная испорченность; и наши души развратились по мере того, как шли к совершенству наши науки и искусства. Можно ли сказать, что это несчастье свойственно лишь нашему веку? Нет, господа, беды, вызванные нашим ненужным любопытством, стары, как мир. Ежедневные приливы и отливы вод Океана не более связаны с движением планеты, что светит нам по ночам, чем судьба нравов и честности с успехами наук и искусств. Люди видели, что добродетель исчезла по мере того, как их сияние поднималось все выше над нашим горизонтом, и то же явление наблюдалось во все времена и повсеместно.

Возьмите Египет — эту первую школу вселенной. (...) Эта страна становится матерью философии и изящных искусств, и вскоре после

¹ Пирронизм — скептицизм. По имени греческого философа Пиррона.

этого завоевана Камбизом¹, затем греками, римлянами, арабами и, наконец, турками.

Возьмите Грецию, некогда населенную героями, которые дважды одолели Азию, один раз у Трои, а другой — у собственных своих очагов².

Во времена Энниев и Теренциев³ — вот когда Рим, основанный пастухом и прославленный земледельцами, начинает приходить в упадок. (...) Рим, бывший когда-то храмом добродетели, превращается в театр преступлений, позор народов и игрушку варваров. (...)

А что скажу я о том центре Восточной империи⁴, который по своему положению, казалось бы, должен был быть центром всего мира, об этом прибежище наук и искусств, изгнанных из остальной части Европы, быть может, скорее вследствие осмотрительности, нежели из варварства? Все, что в разврате и испорченности есть самого постыдного — в изменах, убийствах и отравлениях, — самого черного, все, что есть в скопищах всех преступлений самого жестокого, — вот что образует основу историй Константинополя; вот он, чистый источник, из которого просочились к нам знания, коими кичится наш век. (...)

Вот каким образом роскошь, распущенность и рабство во все времена становились наказанием за все исполненные гордыни попытки выйти из счастливого неведения, в которое погрузила нас вечная Мудрость. Густая пелена, которою покрыла она все свои действия, казалось, достаточно предупреждала нас о том, что она вовсе не предназначала нас для ненужных и пустых разысканий. Но сумели ли мы воспользоваться или безнаказанно пренебречь хоть одним из ее уроков? Народы, знайте же раз навсегда, что природа хотела уберечь вас от знания, как мать, которая вырывает опасный предмет из рук своего дитяти; что все тайны, которые она от нас скрывает, — это беды, от которых она нас ограждает; что трудности учения — это не меньшее из ее благодеяний. Люди испорчены; они могли бы быть еще хуже, если бы имели несчастье родиться учеными...

Сколько опасностей, сколько ложных путей угрожают нам в научных исследованиях! Через сколько ошибок, в тысячу раз более опасных, чем польза, приносимая истиною, нужно пройти, чтобы этой

¹ Камбиз (Камбис) — персидский царь; в 525 г. до н.э. вторгся в Египет.

² Имеются в виду Троянская война (XIII в. до н.э.) и Марафонская битва (490 г. до н.э.).

³ Энний Квинт (239 — 169 гг. до н.э.) и Теренций Публий (195 — 159 гг. до н.э.) — римские писатели, противостоявшие сохранению наследия римской старины.

⁴ Имеется в виду Константинополь.

истины достигнуть? Несоразмерность затрат и результатов очевидна: ибо ложное может выступать в бесконечных сочетаниях, истина же существует лишь в одном виде. Впрочем, кто же ищет ее со всею искренностью? Даже при самом большом желании, по каким признакам можно с уверенностью ее узнать? В этой толчее различных мнений, что будет нашим критерием, позволяющим верно судить о ней? [Примечание Руссо: Чем меньше люди знают, тем более сведущими они себя считают.] (...)

Если наши науки бессильны решить те задачи, которые они перед собою ставят, то они еще более опасны по тем результатам, к которым они приводят. Рожденные в праздности, они, в свою очередь, питают праздность, и невозместимая потеря времени — вот в чем, раньше всего, выражается вред, который они неизбежно приносят обществу. (...)

Это большое зло — потеря времени. Но зло еще худшее несут с собою литература и искусства. Такое зло — роскошь, рожденная, как и они, из праздности и людского тщеславия. Роскошь редко обходится без наук и искусств, они же никогда не обходятся без роскоши. Я знаю, что наша философия, неистощимая в изобретении удивительных афоризмов, утверждает, вопреки всему вековому опыту, что роскошь сообщает блеск государствам; но, забыв о необходимости законов против роскоши, осмелится ли она также отрицать, что долговечность империй зиждется на добрых нравах и что роскошь представляет собою диаметрально противоположность добрым нравам? Пусть роскошь представляет собою достоверный признак богатства; пусть она даже служит, если угодно, для умножения богатств: что же следует заключить из этого парадокса, столь достойного наших дней? И что станет с добродетелью, если люди будут вынуждены обогащаться любой ценою? Политики древности беспрестанно говорили о нравах и о добродетели; наши — говорят лишь о торговле и о деньгах. Они оценивают людей как стада скота. По их мнению, ценность человека в Государстве определяется лишь тем, что он в этом Государстве потребляет; таким образом, один сибарит¹ стоил бы добрых тридцати лакедемонян. (...)

Размышляя о нравах, нельзя не вспомнить с наслаждением картины простоты обычаев первобытных времен. Это — прекрасное побережье, украшенное руками одной только природы, к которому беспрестанно обращаются наши взоры и от которого отдаляешься столь неохотно. Когда люди были невинны и добродетельны, они хотели, чтобы боги были свидетелями их поступков, и они жили с богами под одной и тою же крышею; но вскоре, когда люди стали недобрыми, им наскучили эти

¹ Сибарис — богатая древнегреческая колония, жители которой отличались изнеженностью; Лакедемон, иначе Спарта — символ простоты быта.

неудобные свидетели, и они удалили их в великолепные храмы. В конце концов, они изгнали богов и оттуда, чтобы обосноваться в этих храмах самим, или, по меньшей мере, храмы богов уже перестали отличаться от домов людей. Это было пределом упадка нравов, и никогда пороки не заходили столь далеко, как в то время, когда их, так сказать, поддерживали мраморные колонны и когда они у входа во дворцы великих мира сего были запечатлены в коринфских капителях.

Пока умножаются жизненные удобства, совершенствуются искусства и распространяется роскошь, истинное мужество хиреет, воинские доблести исчезают и все это тоже дело наук и всех этих искусств, что развиваются в тиши кабинетов. Когда готы опустошили Грецию, все библиотеки были спасены от сожжения лишь благодаря тому, что один из победителей подумал: надо оставить врагам то их достояние, которое так удачно отвращает их от военных упражнений и располагает к занятиям праздным и требующим сидячего образа жизни. (...)

Если развитие наук вредно отражается на воинских качествах, то на свойствах моральных оно отражается еще более вредно. С первых же лет нашей жизни безрассудное воспитание изощряет наш ум и извращает наши суждения. Я вижу повсюду бесчисленные заведения, где с большими затратами воспитывают молодежь, чтобы научить ее всему, но только не выполнению ее обязанностей. (...) Я знаю, что детей нужно как-то занимать и что праздность есть для них самая страшная опасность. Чему же они должны научиться? Вот, поистине, удивительный вопрос! Пусть они учатся тому, что они должны будут делать, когда станут мужами, а не тому, что они должны позабыть...

ПЕТР ЯКОВЛЕВИЧ ЧААДАЕВ (1794 — 1856)

В истории русской культурологической мысли роль основоположника и первопроходца едва ли не монопольно принадлежит **Петру Яковлевичу Чаадаеву**. Выходец из старинного дворянского рода, офицер лейб-гвардии, участник Бородинской битвы и заграничных походов русской армии (1813 — 1815), он некоторое время был связан с декабристами, но потом отошел от них и с 1823 по 1826 г. жил в Европе, где сблизился с Шеллингом, многими другими деятелями культуры, глубоко проникся религиозно-философскими идеями и материальными достижениями тогдашней европейской цивилизации. Это обусловило его крайне отрицательное отношение к патриархальной отечественной действительности. Результатом стали знаменитые «Философические письма» (1829 — 1831), написанные на французском языке под первоначальным названием «Письма о философии истории». При жизни

автора, в 1836 г., было опубликовано лишь одно письмо из восьми, а именно первое, где Чаадаев дал уничтожающую и во многом несправедливую критику России и русского народа, вызвавшую неприятие многих современников, в том числе его младшего друга и почитателя — великого Пушкина. Император Николай I, убежденным врагом которого был Чаадаев, своим указом объявил философа сумасшедшим, посадил его под домашний арест и запретил печататься. До конца жизни Чаадаев, в молодости связанный с масонами, находился в оппозиции к императорской власти, крепостничеству, официальному православию (он симпатизировал католицизму) и к любого рода ксенофобии, считая себя, однако, честным патриотом, призванным вскрывать язвы современной ему российской действительности.

С творческого наследия Чаадаева, — которое было достаточно противоречивым и сводилось не только к "хуле" России, но и к признанию ее духовных достоинств и особой исторической роли ("Апология сумасшедшего", 1837), — по существу, начинается бурное развитие национального самосознания с его основной дихотомией «западничество» — «славянофильство», «европеизм» — «почвенничество»¹, которая ощущается вплоть до наших дней. Не менее актуальны и некоторые другие философские и культурологические взгляды Чаадаева: например, он отрицательно относился к революционным методам разрешения социальных противоречий, в том числе и к Французской революции; достаточно скептически оценивал современные ему идеи социализма; выступал за единство философии и религии в нравственном совершенствовании отдельных людей и целых народов. Особо следует выделить мысль Чаадаева о призвании России соединить в себе непохожие цивилизации Востока и Запада, что отдаленно предвещало современные идеи евразийства.

Предлагаемые ниже фрагменты из первого "Философического письма" и "Апологии сумасшедшего" показывают П.Я. Чаадаева, с одной стороны, как критика, который болезненно утрировал якобы врожденные пороки своего Отечества, с другой — как мыслителя-гуманиста, верящего в достойное будущее России.

Вопросы:

- 1. Какова роль П.Я.Чаадаева в истории отечественной культуры?**
- 2. Почему и как его творческое наследие вплоть до наших дней преломляется в духе России?**

¹ Почвенники — представители течения русской общественной мысли 60-х годов XIX в., сложившегося под влиянием идей Ф.М. Достоевского. Проповедовали сближение образованного общества с народом (почвой) на религиозно-этической основе.

ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА¹

Письмо первое

Одна из самых прискорбных особенностей нашей своеобразной цивилизации состоит в том, что мы все еще открываем истины, ставшие избитыми в других странах и даже у народов, гораздо более нас отсталых. Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось. Дивная связь человеческих идей в преемстве поколений и история человеческого духа, приведшие его во всем остальном мире к его современному состоянию, на нас не оказали никакого действия. (...)

У всех народов есть период бурных волнений, страстного беспокойства, деятельности без обдуманых намерений. (...) Это пора великих побуждений, великих свершений, великих страстей у народов. Они тогда неистовствуют без ясного повода, но не без пользы для грядущих поколений. Все общества прошли через такие периоды, когда вырабатываются самые яркие воспоминания, свои чудеса, своя поэзия, свои самые сильные и плодотворные идеи. В этом и состоят необходимые общественные устои. (...) Эта увлекательная эпоха в истории народов, это их юность; это время, когда всего сильнее развиваются их дарования, и память о нем составляет отраду и поучение их зрелого возраста. Мы, напротив, не имели ничего подобного. Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее иноземное владычество, жестокое и унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, — вот печальная история нашей юности. Пory быющей через край деятельности, кипучей игры нравственных сил народа — ничего подобного у нас не было. Эпоха нашей социальной жизни, соответствующая этому возрасту, была наполнена тусклым и мрачным существованием без силы, без энергии, одушевляемом только злодеяниями и смягчаемом только рабством. (...)

Первые наши годы, протекшие в неподвижной дикости, не оставили никакого следа в нашем уме и нет в нас ничего лично нам присущего, на что могла бы опереться наша мысль; выделенные по странной воле судьбы из всеобщего движения человечества, не восприняли мы и традиционных идей человеческого рода. (...)

Мы так удивительно шествуем во времени, что, по мере движения вперед, пережитое пропадает для нас безвозвратно. Это естественное

¹ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т.1 и 2.

последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной. У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса; прежние идеи вымываются новыми, потому, что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда. Мы воспринимаем только совершенно готовые идеи, поэтому те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний. Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед по кривой, т.е. по линии, не приводящей к цели. Мы подобны тем детям, которых не заставили самих рассуждать, так что, когда они вырастают, своего в них нет ничего; все их знание поверхностно, вся их душа вне их. Таковы же и мы.

Народы — существа нравственные, точно так, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как людей воспитывают годы. Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру. (...)

Я, конечно, не утверждаю, что среди нас одни только пороки, а среди народов Европы одни добродетели, избави Бог. Но я говорю, что для суждения о народах надо исследовать общий дух, составляющий их сущность, ибо только этот общий дух способен вознести их к более совершенному нравственному состоянию и направить к бесконечному развитию, а не та или другая черта их характера.

Массы подчиняются известным силам, стоящим у вершин общества. Непосредственно они не размышляют. Среди них имеется известное число мыслителей, которые за них думают, которые дают толчок коллективному сознанию нации и приводят ее в движение. Незначительное меньшинство мыслит, остальная часть чувствует, в итоге же получается общее движение. Это справедливо для всех народов земли; исключение составляют только некоторые одичавшие расы, которые сохранили из человеческой природы один только внешний облик. (...) А теперь, я вас спрошу, где наши мудрецы, где наши мыслители? Кто из нас когда-либо думал, кто за нас думает теперь?

А между тем, раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию, мы должны бы были сочетать в себе два великих начала духовной природы — воображение и разум, и объединить в нашей цивилизации историю всего земного шара. Не эту роль предоставило нам провидение. (...) Века и поколения протекли для нас бесплодно. Глядя на нас, можно сказать, что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведен на нет. Одинокие в мире, мы миру ничего не дали,

ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили. Начиная с самых первых мгновений нашего социального существования, от нас не вышло ничего пригодного для общего блага людей, ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины, ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды; мы не дали себе труда ничего создать в области воображения и из того, что создано воображением других, мы заимствовали одну лишь обманчивую внешность и бесполезную роскошь.

АПОЛОГИЯ СУМАСШЕДШЕГО¹

Больше, чем кто-либо из вас, поверьте, я люблю свою родину, желаю ей славы, умею ценить высокие качества моего народа; но верно и то, что патриотическое чувство, одушевляющее меня, совсем не похоже на чувства тех, чьи крики нарушили мое спокойное существование и снова бросили в океан людских треволнений мою ладью, вынесенную на берег у подножья креста. Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, со склоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если хорошо понимает ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы, прежде всего, обязаны родине истиной. Я люблю мое отечество, как Петр Великий научил меня любить его. Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм, этот патриотизм лени, который умудряется все видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями, и которым, к сожалению, страдают теперь у нас многие дельные умы. Я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия. (...) Я считаю наше положение счастливым, если только мы сумеем правильно оценить его; я думаю, что большое преимущество — иметь возможность созерцать и судить мир со всей высоты мысли, свободной от необузданных страстей и жалких корыстей, которые в других местах мутят взор человека и извращают его суждения. Больше того: у меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, которые занимают человечество. Я часто говорил и охотно повторяю; мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим

¹ Там же.

тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества. (...)

Что же, разве я предлагаю моей родине скудное будущее? Или вы находите, что я призываю для нее бесславные судьбы? И это великое будущее, которое, без сомнения, осуществится, эти прекрасные судьбы, которые, без сомнения, исполнятся, будут лишь результатом тех особенных свойств русского народа, которые впервые были указаны в злополучной статье. Во всяком случае, мне давно хотелось сказать, и я счастлив, что имею теперь случай сделать это признание: да, было преувеличение в этом своеобразном обвинительном акте, предъявленном великому народу, вся вина которого в конечном итоге сводилась к тому, что он был заброшен на крайнюю грань всех цивилизаций мира, далеко от стран, где естественно должно было накапливаться просвещение, далеко от очагов, откуда оно сияло в течение стольких веков. (...)

Мы еще очень далеки от сознательного патриотизма старых наций, созревших в умственном труде, просвещенных научным знанием и мышлением; мы любим наше отечество еще на манер тех юных народов, которых еще не тревожила мысль, которые еще отыскивают принадлежащую им идею, еще отыскивают роль, которую они призваны исполнить на мировой сцене; наши умственные силы еще не упражнялись в серьезных вещах; одним словом, до сего дня у нас почти не существовало умственной работы. Мы с изумительной быстротой достигли известного уровня цивилизации, которому справедливо удивляется Европа. Наше могущество держит в трепете мир, наша держава занимает пятую часть земного шара, но всем этим, надо сознаться, мы обязаны только энергичной воле наших государей, которой содействовали физические условия страны, обитаемой нами.

Н.Я. Данилевский (1822-1885)

Одним из первых русских культурологов в прямом значении этого слова был **Николай Яковлевич** Данилевский. Сын заслуженного генерала, он, однако, с юных лет посвятил себя естественным наукам, увлекаясь одновременно и идеями утопического социализма. После получения кандидатской степени Данилевский за участие в революционно-демократическом кружке петрашевцев был арестован, три месяца провел в Петропавловской крепости, но сумел избежать суда и оказался высланным из Петербурга. В дальнейшем как профессиональный естествоиспытатель, ботаник и специалист по рыбоохране служил по департаменту сельского хозяйства; в научных экспедициях и командировках объездил значительную часть России.

Н.Я. Данилевский вошел в историю русской общественной мысли, прежде всего, как идеолог панславизма и создатель оригинальной теории развития культуры, во многом проникнутой биологизмом и предвосхитившей взгляды таких выдающихся европейских культурологов более позднего времени, как О. Шпенглер и А. Дж. Тойнби. В своем главном сочинении "Россия и Европа" (1869) он обосновал идею существования культурно-исторических типов (другими словами, культур или цивилизаций), которые в ходе истории, подобно живым организмам, находятся в непрерывной борьбе друг с другом и с окружающей природной средой. Они проходят те же стадии, что и биологические особи, — зарождения, расцвета и гибели, сохраняя свою неповторимую индивидуальность и проявляя себя с разной степенью зрелости в четырех неравномерно, а порой и однобоко развивающихся сферах: религиозной, собственно культурной, политической и общественно-экономической. В мировой культуре Данилевский выделял десять культурно-исторических типов, многие из которых уже умерли или исчерпали свою жизненную силу. Во второй половине XIX в. самыми «молодыми» являлись романо-германский (или западноевропейский) культурно-исторический тип и его более поздний соперник — тип славянский, сформировавшийся примерно на четыре столетия позднее и объединяющий славянские народы во главе с Россией.

Во многом опираясь на идеи славянофилов, Данилевский, тем не менее, отличался от них своим крайне непримиримым отношением к западноевропейской, с его точки зрения, агрессивной цивилизации, считая, что "Европа не только нечто нам чуждое, но даже враждебное, и ее интересы не только не могут быть нашими интересами, но в большинстве случаев прямо им противоположны".

Ниже, в отрывках из книги "Россия и Европа" дается развернутое сопоставление Н.Я. Данилевским сильных и слабых сторон в развитии романо-германского и славянского культурно-исторических типов и, несмотря на высокую и достаточно объективную оценку достижений западноевропейской цивилизации, выражается оптимистическая надежда на грядущий расцвет России и родственных ей народов.

Работа Н.Я.Данилевского впервые была опубликована в 1869 г. Эта книга оставалась на Западе целиком неизвестной до 1920 г., пока не была издана в немецком переводе, после чего вскоре получила широкое признание наряду с работой О.Шпенглера. Интерес вызвала и антизападная направленность книги русского мыслителя, но, прежде всего, концептуальное утверждение многообразия цивилизаций, что также отвечало настрою европейской общественной мысли в период после первой мировой войны.

Россия и Европа¹

Вопросы:

1. В чем заключаются основные признаки, которые по Н.Я.Данилевскому, отличают славянский культурно-исторический тип от романо-германского?
2. Как бы вы оценили панславистские идеи Н.Я.Данилевского в свете сегодняшнего положения России?
3. Тожественна ли, по мнению Н.Я.Данилевского, европейская культура с общечеловеческой? Подтвердите ваши рассуждения соответствующими цитатами.

Прежде всего, предстоит нам... прибегнуть к установлению тех общих категорий, под которые подводились бы естественным образом все стороны народной деятельности, которые обнимали бы собою все разнообразные обнаружения исторической жизни, обозначаемые словами культура и цивилизация.

Общих разрядов культурной деятельности в обширном смысле этого слова... насчитывается не более и не менее четырех, именно:

1. *Деятельность религиозная*, объемлющая собою отношения человека к Богу, — понятие человека о судьбах своих как нравственного неделимого в отношении к общим судьбам человечества и Вселенной, то есть, выражаясь более общими терминами: народное мировоззрение не как теоретическое, более или менее гадательное знание, во всяком случае, доступное только немногим, а как твердая вера, составляющая живую основу всей нравственной деятельности человека.

2. *Деятельность культурная*, в тесном значении этого слова, объемлющая отношения человека к внешнему миру, во-первых, *теоретическое* — *научное*, во-вторых, *эстетическое* — *художественное* (причем, конечно, к внешнему миру причисляется и сам человек как предмет исследования, мышления и художественного воспроизведения) и, в-третьих, *техническое* — *промышленное*, то есть добывание и обработка предметов внешнего мира, применительно к нуждам человека и сообразно с пониманием как этих нужд, так и внешнего мира достигнутым путем теоретическим.

3. *Деятельность политическая*, объемлющая собою отношения людей между собою как членов одного народного целого, и отношения этого целого как единицы высшего порядка к другим народам. Наконец

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к Романо-германскому. СПб., 1995.

4. *Деятельность общественно-экономическая*, объемлющая собою отношения людей между собою не непосредственно как нравственных и политических личностей, а посредственно — применительно к условиям пользования предметами внешнего мира, следовательно, и добывания и обработки их.

Нам следует теперь рассмотреть, в какой мере каждый из культурно-исторических типов, жизнь которых составляет содержание всемирной истории, проявлял свою деятельность по этим общим категориям, на которые эта деятельность разделяется, и каких достигал в ней результатов.

Первые культуры: египетскую, китайскую, вавилонскую, индийскую и иранскую мы можем по всей справедливости начать первичными, или автохтонными, потому что они сами себя построили, так сказать, сосредоточив на равных точках земного шара слабые лучи первобытной догосударственной деятельности человечества. Они не проявили в особенности одной из только что перечисленных нами сторон человеческой деятельности, а были, так сказать, культурами подготовительными, имевшими своею задачей выработать те условия, при которых вообще становится возможною жизнь в организованном обществе. (...)

Цивилизации, последовавшие за первобытными автохтонными культурами, развили каждая только одну из сторон культурной деятельности: *еврейская* — сторону *религиозную*, *греческая* — *собственно культурную*, а *римская* — *политическую*. Поэтому мы должны характеризовать культурно-исторические типы: еврейский, греческий и римский – именем *типов одноосновных*.

Дальнейший исторический прогресс мог и должен был преимущественно заключаться как в развитии четвертой стороны культурной деятельности — общественно-экономической, так и в достижении большей многосторонности посредством соединения в одном и том же культурном типе нескольких сторон культурной деятельности, проявляющихся доселе раздельно. На эту более широкую дорогу, более сложную степень развития и выступил тот тип, который, под именем европейского, или германо-романского, главнейшим образом занял историческую сцену после распада Западной Римской империи (...)

Религиозная истина, в вечной форме христианства, была открыта и усвоена с покорностью и восторгом новыми народами, богатыми дарами духовной природы, к числу которых нельзя не причислить, и пламенного религиозного чувства. В этом же религиозном учении скрывалась, как в зерне, необходимость уничтожения рабства; и действительно, оно оказалось лишь переходящею формою быта германо-романских народов. Политическим смыслом и способностью

для культурного развития: научного, художественного и промышленного — оказались эти народы также богато одаренными.

Всем этим великим задаткам не суждено было, однако же, осуществиться вполне, и препятствием к сему послужили насильственность их энергического характера и павшие на благоприятную почву сильное влияние римского властолюбия и римского государственного строя. (...) Этим путем искажена была христианская истина чрез искажение существенно важного понятия о значении Церкви, которая обратилась в религиозно-политический деспотизм католицизма. Этот церковный деспотизм в соединении с деспотизмом феодальным, коренившимся в насильственности германского характера, и с деспотизмом схоластики, коренившимся в подобострастном отношении к формам древней науки, обратили всю историю Европы в тяжкую борьбу, окончившуюся троякою анархией: анархией религиозною, то есть *протестантизмом*, думавшим основать религиозную достоверность на личном авторитете; анархией философскою, то есть *всеотрицающим материализмом*, который начинает принимать характер веры и мало-помалу замещает в умах место религиозного убеждения; анархией политико-социальною, то есть *противоречием между* все более и более распространяющимся *политическим демократизмом* и *экономическим феодализмом*.

Так как эти анархии суть предвестники и орудия разложения, то и не могут, конечно, считаться живыми вкладами в общую сокровищницу человечества: и германо-романский культурно-исторический тип не может считаться успешным представителем ни религиозной, ни общественно-экономической стороны культурной деятельности.

Напротив того, с политической и собственно так называемой культурной стороны результаты исторической жизни Европы громадны. Народы Европы не только основали могущественные государства, распространившие власть свою на все части света, но и установили отвлеченно-правомерные отношения как граждан между собою, так и граждан к государству. Другими словами, они успели соединить политическое могущество государства с его внутреннею свободою, то есть решили в весьма удовлетворительной степени обе стороны политической задачи. (...)

Еще выше и обильнее плоды европейской цивилизации в собственно культурном отношении. Методы и результаты европейской науки находятся вне всякого сравнения с совершенным всеми остальными культурными типами, не исключая даже греческого. Таковы же плоды и промышленной, технической деятельности. Со стороны искусства, хотя народы Европы должны уступить пальму первенства грекам по степени совершенства достигнутых результатов, они, однако же, значительно расширили его область и проложили в ней новые пути. По все этим причинам должны мы усвоить за Романо-германским культурно-историческим типом название *двуосновного политико-культурного*

типа, с преимущественно научным и промышленным характерами культуры, в тесном смысле этого слова.

Обращаюсь теперь к миру славянскому, и преимущественно к России как единственной независимой представительнице его, с тем, чтобы рассмотреть результаты и задатки еще начинающейся только его культурно-исторической жизни, с четырех принятых точек зрения: религии, культуры, политики и общественно-экономического строя, дабы таким образом уяснить, хотя бы в самых общих чертах, чего вправе мы ожидать и надеяться от славянского культурно-исторического типа, в чем может заключаться особая славянская цивилизация, если она пойдет по пути самобытного развития?

Религия составляла самое существенное, господствующее (почти исключительно) содержание древней русской жизни, и в настоящее время в ней же заключается преобладающий духовный интерес простых русских людей; и поистине нельзя не удивляться невежеству и дерзости тех, которые могли утверждать (в угоду своим фантазиям) религиозный индифферентизм русского народа. (...)

Самый характер русских, и вообще славян, чуждый насильственности, исполненный мягкости, покорности, почтительности, имеет наибольшую соотнесенность с христианским идеалом. С другой стороны, религиозные уклонения, болезни русского народа – раскол старообрядчества и секты – указывают: первый на настойчивую охранительность, не допускающую ни малейших перемен в самой внешности, в оболочке святыни; вторые же, особенно духоборство¹, – на способность к религиозно-философскому мышлению. У других славянских народов мы видим гуситское религиозное движение – самую чистую, идеальную из религиозных реформ, в которой проявлялся не мятежный, преобразовательный дух реформы Лютера, Кальвина, а характер реставрационный, восстановительный, стремившийся к возвращению, к духовной истине, некогда переданной св. Кириллом и Мефодием. (...)

Если обратимся к политической стороне вопроса, к тому, насколько славянские народы выказали способности к устройству своей государственности, мы встречаем явление, весьма не ободрительное с первого взгляда. Именно, все славянские народы, за исключением русского, или не успели основать самостоятельных государств, или, по крайней мере, не сумели сохранить своей самостоятельности и независимости. Такое заключение не выдерживает ни малейшей критики, если даже не обращать внимания на те причины, которые препятствовали доселе славянам образоваться в независимые

¹ Духоборы – христианская секта, возникла в России во второй половине XVIII в. Отвергает православные обряды и таинства, священников, монашество. Обожествляет руководителей своих общин. В конце XIX в. большинство духоборов переселились в Канаду.

политические тела, а принять факт, что он существует. Факт этот говорит, что огромное большинство славянских племен (по меньшей мере, две трети их, если не более), образовали огромное сплошное государство, просуществовавшее уже тысячу лет и все возраставшее и возраставшее в силе и могуществе, несмотря на все бури, которые ему пришлось выносить во время его долгой исторической жизни. Одним этим фактом первой величины доказан политический смысл славян, по крайней мере, значительного большинства их. (...)

В отношении к общественно-экономическому строю Россия составляет единственное обширное государство, имеющее под ногами твердую почву, в котором нет обезземеленной массы, в котором, следовательно, общественное здание зиждется не на нужде большинства граждан, не на необеспеченности их положения, где нет противоречия между идеалами политическими и экономическими. ...именно это противоречие грозит бедой европейской жизни, вступившей уже в своем историческом плаваньи в те опасные моря, где, с одной стороны, грозит Харибда цезаризма или военного деспотизма, а с другой – Сцилла¹ социальной революции. Условия, дающие такое превосходство русскому общественному строю над европейским, доставляющие ему непоколебимую устойчивость, обращающие те именно общественные классы в самые консервативные, которые угрожают Европе переворотами, - заключается в крестьянском наделе и в общинном землевладении. (...)

Нам остается рассмотреть, можно ли ожидать, чтобы славянский культурно-исторический тип занял видное место в культурном отношении, в тесном значении этого слова.

Нельзя не сознаться, что совершенное до сих пор русским и другими славянскими народами в науках и искусствах весьма незначительно в сравнении с тем, что сделано двумя великими культурными типами: греческим и европейским.

Такому невыгодному для славян факту, очевидно, может быть дано двоякое объяснение: или это коренная неспособность их к культурной деятельности, или же сравнительная их молодость, недавность вступления на поприще исторической деятельности и неблагоприятные в этом отношении обстоятельства их развития. (...)

Что касается вообще до возраста славянской культуры, взятого сравнительно с возрастом европейской, то промежуток времени, протекший с выступления германских народов из периода их этнографической жизни в период исторический, превосходит четырьмя столетиями исторический период славянских государств. (...)

¹ Сцилла и Харибда – в греческой мифологии два чудовища, жившие по обеим сторонам пролива и губившие проплывающих между ними мореходов.

Я упоминал уже об особенного рода препятствиях, которые представляла русская государственная область для установления и утверждения на ней государственного строя жизни, препятствиях, заключавшихся главнейше в том, что ее обширные леса и степи давали возможность редкому населению, жившему еще этнографическими формами быта, уклоняться от тягостей, налагаемых государством, ускользать от них без активного сопротивления. (...)

В России ... при опасности от внешних врагов, угрожавших со всех сторон – вначале преимущественно с востока, а потом с запада, - недостаток государственной сосредоточенности, при которой только и было возможно напряжение всех сил народных для отпора врагов, неминуемо повлек бы за собою невозвратимую утрату народной независимости. Отсюда вытекла необходимость напряженной государственно-политической деятельности при возможно сильном, то есть самодержавном и единодержавном правлении, которое своею неограниченною волею направляло бы и устремляло частную деятельность к общим целям подобно тому, как условия американской жизни вели к деятельности технической при возможно слабом федеративно-демократическом правлении. В обоих случаях деятельность научная и художественная должны были отступить на задний план; для них не наступило еще время.

Все эти соображения дают, кажется мне, вполне удовлетворительный ответ, почему не могли до сих пор Россия и прочие славянские страны занять видные места в чисто культурной деятельности, хотя бы те способности, которыми они одарены природою, представляли им к этому полную возможность. Но задатки этих способностей, тех духовных сил, которые необходимы для блистательной деятельности на поприще наук и искусств, бесспорно, представлены уже и теперь, славянскими народами, при всех неблагоприятствовавших тому условиях их жизни; и мы вправе, следовательно, ожидать, что с переменою этих условий разовьются и они в роскошные цветы и плоды. (...)

Примеры всех цивилизаций показывают, что не только культурная деятельность наступала после более или менее успешного решения политическо-государственной задачи, но что и в ней широкое развитие науки всегда было последним плодом, что искусство предшествовало науке. Сообразно с этим и в славянской культуре задатки самобытного художественного развития гораздо обильнее задатков самобытного научного развития.

Привыкнув презрительно смотреть на все русское, мы не замечаем, что в некоторых отраслях изящной словесности мы представили образцы, которые могут равняться с высшими произведениями европейских литератур. (...)

Итак, мы видим, что славянский культурный тип представил уже достаточно задатков художественного, а в меньшей степени научного развития, по которым мы можем, во всяком случае, заключить его способности достигнуть и в этом отношении значительной степени развития, и что только относительная молодость племени, устремление всех сил его на другие, более насущные стороны деятельности, которые их поглощали, не дали славянам возможности приобрести до сих пор культурного значения в тесном смысле этого слова. Это не должно и не может приводить нас в смущение, ибо указывает на правильность хода развития.

Пока не расчищено место, не углублен в почву крепкий фундамент, нельзя и не должно думать о возведении прочного здания. (...) Фундамент этот — политическая независимость племени, и следовательно, к достижению его должны быть направлены все славянские силы. Это необходимо в двояком отношении: во-первых, потому, что без сознания племенной цельности и единства, в противоположность прочим племенам...невозможна самобытность культуры, то есть, собственно говоря, невозможна сама культура, которая и имени этого не заслуживает, если не самобытна. Во-вторых, потому, что без плодотворного взаимодействия сродных между собою, освобожденных от чужой власти и влияния народных единиц, на которые разделяется племя, невозможно разнообразие и богатство культуры. (...)

В отношении к славянам это необходимое предварительное достижение политической независимости имеет в культурном, как и во всех прочих отношениях, еще ту особенную важность, что сама борьба с германо-романским миром, без которой невозможна славянская независимость, должна послужить лекарством для искоренения той язвы подражательности и рабского отношения к Западу, которая въелась в славянское тело и душу путем некоторых неблагоприятных условий их исторического развития. (...)

Итак, на основании анализа существеннейших общих результатов деятельности предшествовавших культурно-исторических типов, и сравнения их частью с высказавшимися уже особенностями славянского мира, частью же с теми задатками, которые лежат в славянской природе, можем мы питать основательную надежду, что славянский культурно-исторический тип в первый раз представит синтез всех сторон культурной деятельности в обширном значении этого слова. (...) Мы можем надеяться, что славянский тип будет первым полным *четырёхосновным культурно-историческим типом*. Особенно оригинальною чертою его должно быть в первый раз имеющее осуществиться удовлетворительное решение общественно-экономической задачи. Какое взаимное отношение займут в нем все три прочие стороны культурной деятельности? Не будут ли они

преимущественно занимать эту главную роль? Какой, наконец, качественный характер примет собственно культурная деятельность, до сих пор наименее других сторон деятельности успевшая определиться? – этого, конечно, предвидеть невозможно.

(...)

Запад и Восток, Европа и Азия представляются нашему уму какими-то противоположностями, полярностями. Запад, Европа, составляют полюс прогресса, неустанного усовершенствования, непрерывного движения вперед; Восток, Азия – полюс застоя и коснения, столь ненавистных современному человеку. Это историко-географические аксиомы, в которых никто не сомневается; - и всякого русского правоверного последователя современной науки дрожь пробирает при мысли о возможности быть причислену к сфере застоя и коснения. Ибо, если не Запад, так Восток; не Европа, так Азия, - середины тут нет...среднее, междуумочное положение также невыносимо. Всякая примесь застоя и коснения – уже вред и гибель. Итак, как можно громче заявим, что наш край европейский, европейский, европейский, - что прогресс нам пуще жизни мил, застой пуще смерти противен, - что нет спасения вне прогрессивной, европейской, всечеловеческой цивилизации, - что вне ее даже никакой цивилизации быть не может, потому что вне ее нет прогресса. Утверждать противное – зловредная ересь, обрекающая еретика если не на сожжение, то, во всяком случае, на отлучение от общества мыслящих, на высокомерное от него презрение. И все это – совершеннейший вздор, до того поверхностный, что даже опровергать совестно. (...)

Мнимая привилегия прогрессивности вовсе не составляет какой-либо особенности Европы. Дело в том, что во всех частях света есть страны очень способные, менее способные и вовсе не способные к гражданскому развитию человеческих обществ, что европейский полуостров в этом отношении весьма хорошо наделен, хотя не обделена и остальная Азия, которая *абсолютно* имеет больше годных для культуры стран, чем ее западный полуостров, и только в смысле *относительном* (ко всему пространству) должна ему уступить. Везде же, где только гражданственность и культура могла развиваться, они имели тот же прогрессивный характер, как и в Европе. Возьмем самый тип застоя и коснения – Китай, выставляемый как наисильнейший контраст прогрессивной Европе. В этой стране живет около 400 млн. народа в гражданском благоустройстве. (...)

Науки и знания нигде в мире не пользуются таким высоким уважением и влиянием как в Китае. Неужели эта высокая степень гражданского, промышленного и в некоторой степени даже научного развития, которая во многом оставляет далеко за собою цивилизацию древних греков и римлян, в ином даже и теперь может служить образцом для европейцев, - вышла во всеоружии из головы первого

китайца, как Минерва из головы Юпитера, а все остальные четыре или пять тысяч лет своего существования этот народ переживал старое и не подвигался вперед? Не были ли эти успехи, добытые на крайнем востоке Азиатского материка, таким же результатом постепенно накапливавшегося умственного и физического, самостоятельного и своеобразного труда поколений, как и на крайнем его западе – на Европейском полуострове? И что же это такое как не прогресс? Правда, что прогресс этот давно прекратился, что даже многие прекрасные черты китайской гражданственности (как, например, влияние, предоставляемое науке и знанию) обратились в пустой формализм, что дух жизни отлетел от Китая, что он замирает под тяжестью прожитых им веков. Но разве это не общая судьба всего человечества и разве один только Восток представляет подобные явления? Не в числе ли прогрессивных западных, как говорят, европейских народов считаются древние греки и римляне; И, однако же, не совершенно ли то же явление, что и Китай представляла греческая Византийская империя? С лишком тысячу лет прожила она после отделения от своей римской сестры; каким же прогрессом ознаменовалась ее жизнь после последнего великого дела эллинского народа – утверждения православной христианской догматики?

Фридрих Ницше (1844-1900)

Родился Фридрих Ницше в прусской Саксонии, в Рёккене, в старинной пасторской протестантской семье. По окончании школы Ницше поступил в Боннский университет. Здесь он проучился год на теологическом факультете, а затем перешел на философский факультет и занялся филологией.¹ В 1869 г. Ницше был рекомендован на преподавательскую должность в университет г. Базеля. На протяжении 10 лет Ницше жил в Швейцарии и был профессором базельского университета.

¹ Стоит напомнить, что слово «филология» в европейских университетах имело значение, несколько отличающееся от привычного нам сегодня. В греческом языке, где оно родилось, оно обозначало изучение духовной жизни народа. Во времена Возрождения в Европе так стали называть изучение античной классической духовной культуры. А с XVIII века филологией в Европе называлась совокупность знаний о духовной жизни разных культурных народов, комплекс наук, начинающихся с познания языка как древнейшего памятника культуры, затем переходящих к продуктам мышления, запечатленным языком, - к мифам, песням, литературным произведениям, к искусству и общественной жизни. Иными словами, это целая совокупность лингвистических, исторических и философских дисциплин. Ницше занимался филологией классической, т.е. изучением языка и культуры античного мира.

Самым значительным приключением в жизни Ницше стало его участие во франко-прусской войне 1870-1871 гг. Он ушел на войну добровольцем¹ и стал санитаром. Однако его участие в войне продолжалось всего несколько недель, т.к. он серьезно заболел. Состояние его здоровья с годами ухудшалось, в 1876 г. он из-за болезни был вынужден оставить преподавательскую деятельность и занялся философией и искусством.²

Конец жизни, с 1883 по 1888 год Ницше прожил в Италии – в Ницце, Венеции, Турине. Болезнь его с годами все больше прогрессировала³, и в начале 1889 г. он сошел с ума. С помутненным рассудком Ф.Ницше прожил еще 11 лет. Именно в это последнее десятилетие XIX века началось триумфальное шествие ницшеанства по всему миру. Но Ницше уже не суждено было узнать об этом.

Вопросы:

1. Охарактеризуйте в целом фигуру Ф.Ницше.
2. Как он относился к войне, нравственности, религии, молодежи, женщине?
3. В чем вы лично видите неправоту (правоту) выдающегося немецкого философа?

О пользе и вреде истории для жизни⁴

(...) Подобно тому, как при землетрясениях разрушаются и пустеют города и человек лишь боязливо и на скорую руку строит свой дом на вулканической почве, то жизнь колеблется в своих устоях и лишается силы и мужества, когда под воздействием науки *сотрясается почва понятий*, отнимая у человека фундамент, на котором покоится его уверенность и спокойствие, а также веру в устойчивое и прочное. Должна ли господствовать жизнь над познанием, над наукой или познание над жизнью? Какая из двух сил есть высшая и решающая? Никто не усомнится: жизнь есть высшая, господствующая сила, ибо познание, которое уничтожило бы жизнь, уничтожило бы вместе с нею и само себя. Познание предполагает жизнь и поэтому настолько же заинтересовано в сохранении жизни, насколько каждое существо заинтересовано в продолжении своего собственного существования. Поэтому наука нуждается в высшем надзоре и контроле; рядом; рядом с наукой возникает учение о *гигиене жизни*, а одно из положений этого учения гласило бы так: неисторическое и надисторическое должны считаться естественными противоядиями против заглушения жизни

¹ С должности профессора!

² Ницше был также композитором и поэтом.

³ Его мучили сильнейшие головные боли.

⁴ Ницше Ф. Философская проза. СПб., 1993.

историческим, против исторической болезни. По всей вероятности, мы, больные историей, будем страдать также и от противоядий. Но то обстоятельство, что противоядия также причиняют нам страдания, не может считаться аргументом против правильности избранного метода лечения.

И вот в этом-то я усматриваю миссию того юношества, того первого поколения борцов и истребителей змей, которое идет в авангарде более счастливого и более прекрасного образования и человечности, не получая от этого грядущего счастья и будущей красоты ничего кроме многообещающего предчувствия. Это юное поколение будет одновременно страдать и от болезни, и от противоядия, и все-таки оно имеет больше прав говорить о своем более крепком здоровье и более естественной природе, чем предыдущее поколение – поколение образованных «мужей» и «старцев» современности. Миссия же его заключается в том, чтобы подорвать веру в понятия, которые господствуют теперь относительно «здоровья» и «образования», и возбудить ненависть и презрение к этим чудовищным понятиям-ублюдкам; и наивернейшим показателем более прочного здоровья этой молодежи должно служить именно то, что она для образования истинной своей сущности не находит подходящего понятия или партийного термина в обращающейся в современной публике монете слов или понятий, а только в каждую удачную минуту своей жизни сознает в себе действие живущей в ней боевой отборочной и рассасывающей силы и всегда повышенного чувства жизни. Можно оспаривать, что эта молодежь уже обладает образованием – но какой молодежи это могло бы быть поставлено в упрек? Можно обвинять ее в грубости и неумеренности – но она еще недостаточно стара и умудрена опытом, чтобы сдерживать свои порывы; да, прежде всего ей нет никакой надобности лицемерно претендовать на законченное образование и защищать его, ибо она имеет права на все утешения и преимущества юности, в особенности на преимущество смелой и не знающей колебаний честности и на утешение воодушевляющей надежды.

Человеческое, слишком человеческое

Война необходима. Только мечтательность и прекраснодушие могут ожидать от человечества еще многого (или даже особенно многого), когда оно разучится вести войны. Доселе же нам неведомы иные средства, которые могли бы так же сильно и верно, как всякая война, внушать слабеющим народам такую грубую походную энергию, такую болезненную глубокую безликую ненависть, такое хладнокровие убийцы со спокойной совестью, такой общий организованный пыл в

уничтожении врага, такое гордое равнодушие к великим потерям, к своей собственной жизни и к жизни близких, такой глухой, подобный землетрясению, трепет души;

(...)

С сознанием того, что всякая культура покоится на принуждении к труду и на отказе от влечений, а потому неизбежно вызывает сопротивление со стороны объектов своих императивов, стало ясно, что сами блага, средства их получения и порядок их распределения не могут быть главным или единственным содержанием культуры. Ибо им угрожает бунт и разрушительная страсть участников культуры. Рядом с благами теперь выступают средства, способные служить защите культуры, - средства принуждения и другие, призванные примирить людей с нею и вознаградить их за принесенные жертвы. Эти средства второго рода можно охарактеризовать как психологический арсенал культуры. (...)

Самая может быть, важная часть психического инвентаря культуры до сих пор еще не упоминалась. Это ее, в широчайшем смысле, религиозные представления, иными словами, - как мы постараемся обосновать ниже – ее иллюзия.

(...) Религиозные... представления считаются драгоценнейшим достоянием культуры, высшей ценностью, какую она может предложить своим участникам, гораздо большей, чем все искусства и умения, позволяющие открывать земные недра, снабжать человечество пищей или предотвращать его болезни. Люди говорят, что жизнь станет невыносимой, если религиозные представления утратят для них ту ценность, которую они им приписывают. И вот встает вопрос, что являются собой эти представления в свете психологии, откуда идет столь высокая их оценка... какова их действительная ценность?

Когда я говорю, что все это иллюзия, то должен уточнить значение употребляемого слова. Иллюзия не то же самое, что заблуждение, она даже необязательно совпадает с заблуждением. (...) Характерной чертой иллюзии является ее происхождение из человеческого желания, она близка в этом аспекте к бредовым идеям психиатрии, хотя отличается от них, не говоря уж о большей структурной сложности бредовой идеи. В бредовой идее мы выделяем как существенную черту противоречие реальности, иллюзия же не обязательно должна быть ложной, т.е. нереализуемой или противоречащей реальности. (...)

Возвращаясь после этого уточнения к религиозным учениям, мы можем опять же сказать: они все – иллюзия, доказательств им нет, никого нельзя заставить считать их истинными, верить в них. Некоторые из них настолько неправдоподобны, настолько противоречат всему нашему в трудах добытому знанию о реальности мира, что мы вправе – с необходимым учетом психологических различий – сравнить их с бредовыми идеями. (...)

В одном пункте я безоговорочно согласен с Вами. Намерение насильственно и одним ударом опрокинуть религию – несомненно, абсурдное предприятие. Прежде всего потому, что оно бесперспективно. Верующий не позволит отнять у себя свою веру ни доводами разума, ни запретами. Было бы жестокостью, если бы в отношении кого-то такое удалось.

Недовольство культурой

(...) Мы сталкиваемся с одним предположением, столь поразительным, что стоит на нем остановиться. Оно гласит, что большую часть вины за наши несчастья несет наша так называемая культура; мы были бы несравнимо счастливее, если бы от нее отказались и вернулись к первобытности. Я называю это утверждение поразительным, поскольку, как бы мы ни определяли понятие культуры, все же вызывает сомнение, что все наши средства защиты от угрожающих страданий принадлежат именно культуре. (...)

Обнаружилось, что человек невротизируется, ибо не может вынести всей массы ограничений, налагаемых на него обществом во имя своих культурных идеалов. Из этого был сделан вывод, что со снятием или значительным уменьшением этих ограничений произошел бы возврат к утерянным возможностям счастья.

К этому добавляется еще одно разочарование. За время жизни последних поколений люди достигли изумительного прогресса в естествознании и его технических применениях, их господство над природой необычайно укрепилось. Всем известны различные стороны этого прогресса, вряд ли есть нужда их перечислять. Люди гордятся этими достижениями и имеют на то право. Но они заметили, что новообретенное господство над пространством и временем, подчинение сил природы, исполнение желаний тысячелетней давности не увеличили наслаждения от жизни и не сделали их счастливее. Из этого следовало бы удовлетвориться выводом, что власть над природой не является единственным условием человеческого счастья, а не выводить отсюда бесполезность технического прогресса для экономии счастья.

(...) Сексуальная жизнь культурного человека все же сильно покалечена и производит впечатление такой же отмирающей функции, как наши челюсти или волосы на голове. Мы вправе сказать, что произошло чувствительное ослабление значения сексуальности как источника счастья, а тем самым и реализации наших жизненных целей. (...)

Так как культура требует принесения в жертву не только сексуальности, но также агрессивных склонностей человека, нам становится понятнее, почему людям нелегко считать себя ею

осчастливленными. Первобытному человеку, действительно, было лучше тем, что он не знал никаких ограничений на свои влечения. Взамен весьма незначительной была его уверенность в том, что он долгое время может наслаждаться такого рода счастьем. Культурный человек променял часть своего возможного счастья на частичную безопасность. (...)

Когда мы справедливо обвиняем наше нынешнее состояние культуры в том, что оно не благоприятствует нашим требованиям счастья, что оно приносит бесчисленные страдания, каковых, наверное, можно было бы избежать, когда мы с беспощадной критикой обрушиваемся на ее несовершенства, мы имеем на то полное право и не выказываем себя врагами культуры. Мы должны ждать таких изменений нашей культуры, которые способствовали лучшему удовлетворению наших потребностей и сделали бы ненужной эту критику. Однако нам следовало бы привыкнуть к мысли, что есть трудности, принадлежащие самой сущности культуры, недоступные каким-либо попыткам реформ. Помимо ограничения влечений, к которому мы уже подготовлены, нам угрожает еще одно состояние, которое можно назвать «психологической нищетой масс». Эта опасность грозит прежде всего там, где общественная связь устанавливается главным образом через взаимную идентификацию участников, тогда как индивидуальность вождей не обретает того значения, которое должно было им принадлежать при формировании массы. Современное культурное состояние Америки дает хорошую возможность для изучения этой ущербности культуры. Но я устою перед искушением и не стану вдаваться в критику американской культуры; не хотелось бы вызвать впечатление, что я сам прибегаю к американским методам. (...)

Я далек здесь от общей оценки человеческой культуры, на то есть свои причины. Но я воздерживаюсь от предрассудка, согласно которому культура является самым драгоценным нашим достоянием, а путь культуры обязательно ведет к невиданным совершенствам. Я могу без негодования выслушивать критика культуры, полагающего, что при рассмотрении целей и средств культуры неизбежно следует вывод: все ее усилия не стоят затраченного труда, а итогом их будет лишь невыносимое для индивида состояние. Мне легко быть беспристрастным по одной простой причине: я не слишком много знаю об этих предметах. С уверенностью я знаю только то, что ценностные суждения неизбежно направляются желаниями людей, их стремлением к счастью, попытками подкрепить свои иллюзии аргументами. Я вполне готов понять, когда кто-нибудь, заметив принудительный характер культуры, скажет, что ограничение сексуальной жизни или навязывание гуманистических идеалов ценой естественного отбора – все это неизбежность, и лучше уж ей подчиниться как природной необходимости. Известно мне и возражение: многое из того, что казалось неизбежным на протяжении

человеческой истории, не раз отбрасывалось и заменялось совсем другим. На роль пророка мне не хватает смелости, и я готов принять упрек в том, что не в силах принести ближним никакого утешения. А ведь именно его столь страстно жаждут и самые яркие революционеры, и самые набожные верующие.

Роковым для рода человеческого, мне кажется, вопрос: удастся ли – и в какой мере – обуздать на пути культуры влечение к агрессии и самоуничтожению, ведущее к разрушению человеческого сосуществования. Наше время представляет в связи с этим особый интерес. Ныне люди настолько далеко зашли в своем господстве над силами природы, что с их помощью легко можно истребить друг друга вплоть до последнего человека. Они знают это, отсюда немалая доля их теперешнего беспокойства, их несчастья, их тревоги. Остается надеяться, что другая из «небесных властей» - вечный Эрос – приложит свои силы, дабы отстоять свои права в борьбе с равно бессмертным противником. Но кто знает, на чьей стороне будет победа, кому доступно предвидение исхода борьбы?

Освальд Шпенглер (1880-1936)

Немецкий философ и историк, один из основоположников теории цивилизаций и философии культуры. Его взгляд на исторический процесс утверждает идею об уникальности каждого культурного типа, как замкнутой общественной единицы. Развитие культурных типов он рассматривал в биологическом ритме: рождение, молодость, зрелость, старость и «закат». В этом цикле он выделяет два главных этапа: период восхождения и нисхождения.

Главным фактором, придающим своеобразие каждому культурному типу, является стиль и форма.

Закат Европы¹

Вопросы:

- 1. В чем заключается цивилизационная теория Шпенглера? Кто был его предшественником в России?**
- 2. Какой этап в развитии культурных типов О.Шпенглер именовал «цивилизацией»?**
- 3. Как теория Шпенглера была связана с естественными науками?**
- 4. Почему книга «Закат Европы» стала в свое время бестселлером?**

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993.

Глава вторая. Проблема мировой истории

(...) *Культуры есть организмы.* История культуры – их биография. Данная нам, как некоторое историческое явление в образе памяти, история представляет собой полную аналогию с историей отдельного человека, животного, дерева или цветка. Если мы хотим узнать ее структуру, то сравнительная морфология растений и животных дано уже подготовила соответствующие методы. Феноменами отдельных, следующих друг за другом, рядом вырастающих, соприкасающихся, затеняющих и подавляющих одна другую культур исчерпывается все содержание истории. И если предоставить всем ее образам, которые до сего времени слишком основательно были скрыты под поверхностью тривиально протекающей так называемой «истории человечества», свободно проходить под умственным взором, то, в конце концов, несомненно, удастся открыть тип, первообраз культуры как таковой, освобожденный от всего затемняющего и незначительного и лежащий, как идеал формы, в основе всякой отдельной культуры.

Я различаю *идею* культуры, ее внутренние возможности от ее чувственного проявления в картине истории. Это равносильно отношению души к телу, как к ее *проявлению* в области протяженного и ставшего. История культуры есть осуществление ее возможностей. Завершение равнозначит концу. Таково отношение аполлоновской души, чью идею некоторые из нас, пожалуй, еще раз могут *почувствовать и пережить*, к ее пространственному раскрытию, к научно доступной «античности», физиогномию которой изучают археолог, физиолог, эстетик и историк.

Культура есть прафеномен всякой прошедшей и будущей мировой истории. Глубокая и мало оцененная идея Гете, открытая им в его живой природе и постоянно полагавшаяся в основу его морфологических исследований, будет применена нами в самом точном смысле ко всем вполне созревшим, умершим в расцвете, полуразвившимся, загложшим в зародыше образованиям человеческой истории. Здесь говорит не анализирующий рассудок, а непосредственное мирочувствование и созерцание. (...) Прафеномен – это то, в чем идея становления в чистом виде лежит перед наблюдателем. Гёте ясно усмотрел своим духовным оком идею *прараствения* в образе каждого отдельного, случайно возникшего или вообще возможного растения. С полной ясностью он почувствовал смысл становления. (...)

Прафеномен, как решительно утверждает Гете, есть чистое созерцание идеи, а не познание понятия. Но все историческое описание было до сего времени исключительно неорганическим

комбинированием фактов и наблюдений, выведенным в лучшем случае из познавательного принципа социальной или политической, во всяком случае, причинной формулировки, который, в свою очередь, был заимствован из естествознания и притом материалистического. (...) Задача XX века заключается в том, чтобы вскрыть структуру исторических организмов, отделить морфологически необходимое от случайного, разгадать выражение всех исторических черт и отыскать подлинный смысл немого языка.

Течение истории до сего времени затруднительно для обозрения. Как вполне созревшие образования, каждое из которых, следовательно, является телом достигшей своего полного завершения душевной стихии, можно рассматривать китайскую, вавилонскую, египетскую, индийскую, античную, арабскую, западную культуру и культуру Майя. В качестве находящейся в возникновении перед нами культура русская. Число не достигших зрелости культур невелико: персидская, хеттская и культура Кечуа находятся в их числе. Для понимания самого прафеномена они не имеют значения. (...)

Культура зарождается в тот момент, когда из первобытно-душевного состояния вечно детского человечества пробуждается и выделяется великая душа, некий образ из безобразного, ограниченное и преходящее из безграничного и пребывающего. Она расцветает на почве строго ограниченной местности, к которой она и остается привязанной, наподобие растения. Культура умирает после того, как эта душа осуществит полную сумму своих возможностей в виде народов, языков, вероучений, искусств, государств и наук и, таким образом, вновь возвратится в первичную душевную стихию. Ее жизненное существование, целый ряд великих эпох, в строгих контурах отмечающих постоянное совершенствование, есть глубоко внутренняя, страстная борьба за утверждение идеи против внешних сил хаоса и внутренней бессознательности, где угрожающе затаились эти противоборствующие силы. Не только художник борется с сопротивлением материала и уничтожением идеи внутри себя. Каждая культура находится в глубоко символической связи с материей и пространством, в котором и через которое она стремится реализоваться. Когда цель достигнута и идея, т.е. все изобилие внутренних возможностей, завершена и осуществлена во внешнем, тогда культура вдруг *застывает*, отмирает, ее кровь свертывается, силы ее надламываются – она становится *цивилизацией*. И она, огромное засохшее дерево в первобытном лесу, еще многие столетия может топорщить свои гнилые сучья. Мы наблюдаем это на примерах Египта, Китая, Индии и мусульманского мира. Так, античная цивилизация времен империи необъятно разрасталась с кажущейся юношеской силой и изобилием и отнимала воздух и свет у молодой арабской культуры Востока.

Таков смысл всех *падений* в истории, к числу которых принадлежит наиболее отчетливо рисующееся перед нами «падение античного мира», и мы уже сегодня определенно ощущаем вокруг нас первые признаки того, касающегося нас самих и по течению и длительности вполне тождественного с первым событием, которое заполнит первые века ближайшего тысячелетия и которое будет «падением Запада».

Всякая культура переживает возрасты отдельного человека. У каждой имеется свое детство, юность, возмужалость и старость. Юная, робеющая, чреватая предчувствиями душа проявляется на рассвете романской эпохи и готики. (...) Чем более приближается культура к полудню своего существования, тем более мужественным, резким, властным, насыщенным становится ее окончательно утвердившийся язык форм, тем увереннее становится она в ощущении своей силы, тем яснее становятся ее черты. (...) Наконец при наступлении старости, начинающейся цивилизации, огонь души угасает. Угасающие силы еще раз делают попытку, с половинным успехом – в классицизме, родственном всякой умирающей культуре – проявить себя в творчестве большого размаха; душа еще раз с грустью вспоминает в романтике о своем детстве. Наконец, усталая, вялая и остывшая, она теряет радость бытия и стремится – как в римскую эпоху – из тысячелетнего света обратно в потемки прадушевной мистики, назад, в материнское лоно, в могилу. Вот очарование, которым некогда привлекали к себе умирающий Рим, культуры Исида, Сераписа, Гора, Митры, те самые культуры, которые вызвала к жизни, как ранее, мечтательное и боязливое выражение своего существования, и наполнила новой искренностью только что пробуждающаяся к жизни новая душа на Востоке. (...)

Как листья, цветы, ветви и плоды выражают во внешнем виде, форме и способе произрастания существование растения, так и этические, математические, политические и хозяйственные образования играют ту же роль в существовании культуры. (...)

В этом смысле каждое значительное личное существование с внутренней необходимостью повторяет все фазы той культуры, к которой оно принадлежит. В каждом из нас пробуждается внутренняя жизнь в тот решительный момент, когда мы начинаем сознавать, что у нас есть свое «я» – притом с того же самого пункта, где некогда пробудилась душа целой культуры. Каждый из нас, людей Запада, в своем детстве еще раз переживал свою готику, свои соборы, рыцарские замки и героические сказания... в снах и наяву, в детских играх. Каждый юный грек переживал свою гомеровскую эпоху и свой Марафон. В Гётевском «Вертере», изображении целой эпохи, которая знакома каждому фаустовскому, но незнакома ни одному античному

человеку, еще раз оживает раннее время Петрарки¹ и Миннезанга². Когда Гёте создавал план своего пра-Фауста, он был Парсифалем. Когда он закончил первую часть, он был Гамлетом. И только во второй части он стал космополитом XIX века, понимавшим Байрона. Даже старость античности, те причудливые и бесплодные столетия позднего эллинизма³, то «второе детство» усталой и пресыщенной интеллигентности можно наблюдать у многих великих старцев Греции. (...)

ПИТИРИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ СОРОКИН (1889 — 1968)

Становлению культурологии как науки в значительной степени способствовал русско-американский социолог Питирим Александрович Сорокин. Его жизнь как человека и ученого стала ярким примером развития науки независимо от национальных границ. Труды этого энциклопедиста нашего времени доказали и другую истину: «охраняемых рубежей» не существует и между отдельными отраслями знания, в частности, между социологией, общественной психологией и выросшей на их почве наукой о культуре.

Биография П.А. Сорокина полна борьбы и драматизма: выходец из социальных низов российской "глубинки" (отец его был церковным реставратором, а мать — простой крестьянкой из небольшой народности коми), будущий ученый с детских лет сам зарабатывал себе на жизнь и сумел получить среднее образование. В 15 лет он вступил в партию эсеров, вел подпольную революционную работу, арестовывался, но благодаря огромной тяге к знаниям сумел закончить юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1914) и остался в нем в качестве доцента. В предреволюционные годы и непосредственно после большевистского переворота Сорокин наряду с активной научно-педагогической деятельностью проявил себя как незаурядный политик; принимал участие в работе Государственной Думы, был одним из лидеров правых эсеров, личным секретарем главы Временного правительства А.Ф. Керенского, депутатом Учредительного Собрания, а в 1918 г. его арестовали большевики, обвинив в подготовке покушения на Ленина (!).

¹ Петрарка Франческо (1304-1374) — итальянский поэт, родоначальник гуманистической культуры Возрождения. Оказал значительное влияние на развитие итальянской поэзии.

² Миннезанг, миннезангеры — рыцарские поэты-певцы в германских странах средневековой Европы. Миннезанг — «пение о любви» — складывалось под влиянием лирики провансальских трубадуров.

³ Эллинизм — период в истории Восточного Средиземноморья между 323 и 30 гг. до н.э. Культура эллинизма представляла собой синтез греческой и местных восточных культур.

Выйдя из заключения, Сорокин скрывался в северных лесах, но в условиях укрепления новой власти в открытом письме отказался от политической борьбы и был «помилован». Позднее работал профессором в Петербургском университете, написал там свой основополагающий труд «Система социологии» (1920) и организовал первый в стране социологический факультет. Однако новые правители России в памятном 1922 г. вместе с другими тогдашними диссидентами выслали его из страны. Оказавшись в США, Сорокин как ученый завоевал там общеамериканское и мировое признание, став деканом социологического факультета в Гарвардском университете (1930) и председателем Американской социологической ассоциации (1964).

Среди десятков работ П.А. Сорокина на русском и английском языках, многие из которых посвящены непосредственно вопросам культуры, выделяется четырехтомный фундаментальный труд "Социокультурная динамика" (1937 — 1941). В этом труде собственно социологический материал неразрывно связан с культурологическим. Именно здесь была изложена знаменитая сорокинская теория "циклической флуктуации" исторического процесса, согласно которой в истории человечества на протяжении тысячелетий последовательно сменяются, повторяясь, три типа социокультурных суперсистем; идеациональный", где преобладает вера и самоотречение; "чувственный", где господствует тяга к наслаждению и потребительству; и "идеалистический", представляющий некий синтез "идеационального" и "чувственного" типов, где чувство уравнивается разумом, а вера — наукой. Современная "чувственная" (или потребительская) культура Запада, согласно Сорокину, переживает очередной глубокий кризис, и ее естественный путь — возвращение к духовным, или, иными словами, религиозным ценностям, вере и самоотречению как условиям сохранения человечества, на будущее которого Сорокин смотрел с оптимизмом.

Вопросы:

- 1. Охарактеризуйте место Питирима Сорокина в мировой культуре XX в.**
- 2. Какова связь социального, психологического и культурного в теории «циклической флуктуации», исторического процесс как чередования идеациональных, идеалистических и чувственных культур?**

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА¹*Кризис нашего времени*

Все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживают серьезный кризис... Больны плоть и кровь западного общества, и едва ли на его теле найдется одно здоровое место или нормально функционирующая ткань... Мы как бы находимся между двумя эпохами: умирающей *чувственной* культурой нашего лучезарного вчера и грядущей *идеациональной* культурой создаваемого завтра.

Однако если само наличие кризиса не вызывает сомнений, то этого никак нельзя сказать о его природе, причинах и последствиях. Ежедневно мы слышим десятки различных мнений и диагнозов, в которых при желании можно выделить две противоположные точки зрения. Многие из так называемых экспертов все еще продолжают думать, что это — обыкновенный кризис, подобный тем, которые не раз случались в западном обществе в каждом столетии. Многие из них рассматривают его просто как обострение очередного экономического или политического кризиса. Суть его они видят в противопоставлении либо демократии и тоталитаризма, либо капитализма и коммунизма, либо национализма и интернационализма, деспотизма и свободы, или же Великобритании и Германии. Среди этих диагностов встречаются даже такие "эксперты", которые сводят суть кризиса всего лишь к конфликту "плохих людей", вроде Гитлера, Сталина и Муссолини, с одной стороны, и "людей хороших", типа Черчилля и Рузвельта, — с другой. Исходя из такой оценки, эти диагносты назначают и соответствующее лечение — легкое или более радикальное изменение экономических условий, начиная с денежной реформы, реформы банковской системы и системы социального страхования, кончая уничтожением частной собственности. Еще одно средство — изменение каким-либо образом политических условий как в национальном, так и в международном масштабе или же устранение Гитлера и других "нехороших людей". Этими и подобными мерами они надеются исправить положение дел, искоренить зло, вернуться к блаженству "лучшего и большего" процветания, к радости надежного мира на земле, к благам "рационального" прогресса. Таков один из диагнозов кризиса, возможно, наиболее распространенный; таковы его истоки и средства преодоления.

Другой диагноз гораздо более пессимистичен, хотя и менее распространен, особенно и Соединенных Штатах. Он рассматривает данный кризис как предсмертную агонию западного общества и его культуры. Его адепты, которых не так давно возглавил Освальд Шпенглер, уверяют нас в том, что любая культура смертна. Достигнув

¹ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

зрелости, она начинает приходить в упадок. Концом этого упадка является неизбежное крушение культуры и общества, которому она принадлежит. Западные общества и их культура уже пережили точку своего наивысшего расцвета и сейчас находятся на последней стадии своего упадка. В связи с этим настоящий Кризис — всего лишь начало конца их исторического существования. Не существует средства, которое могло бы отвратить предначертанное, как и не существует панацеи, способной помешать смерти западной культуры. Такова суть второго существующего диагноза нашего кризиса. И в такой острой форме он выражается лишь некоторыми мыслителями. В менее острой форме "смертельно и опасности, грозящей западной культуре", ее возможному разложению и упадку в случае, если победа будет на стороне врагов, этот кризис ежедневно провозглашается профессорами и другими лидерами колледжей, министрами, журналистами политиками и государственными деятелями, членами мужских и женских клубов. Именно в такой форме кризис проходит красной нитью в публикациях наших ведущих газет.

На мой взгляд, оба этих диагноза абсолютно неточны. В противовес диагнозу оптимистическому настоящий кризис носит не обычный, а экстраординарный характер. Это — не просто экономические или политические неурядицы, кризис затрагивает одновременно почти всю западную культуру и общество, все их главные институты. Это — кризис искусства и науки, философии и религии, права и морали, образа жизни и нравов. Это — кризис форм социальной, политической и экономической организаций, включая формы брака и семьи. Короче говоря, это — кризис почти всей жизни, образа мыслей и поведения, присущих западному обществу. Если быть более точным, этот кризис заключается в распаде основополагающих форм западной культуры и общества последних четырех столетий.

(...) Всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность. Доминирующие черты изящных искусств и науки такой единой культуры, ее философии и религии, этики и права, ее основных форм социальной, экономической и политической организации, большей части ее нравов и обычаев, ее образа жизни и мышления (менталитета) — все они по-своему выражают ее основополагающий принцип, ее главную ценность. Именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры. По этой причине важнейшие составные части такой интегрированной культуры так же чаще всего взаимозависимы: в случае изменения одной из них остальные неизбежно подвергаются схожей трансформации.

Возьмем, например, культуру Запада средних веков. Ее главным принципом или главной истиной (ценностью) был Бог. Все важные разделы средневековья культуры выражали этот фундаментальный принцип или ценность, как он формулируется в христианском "Credo".

Во всех своих взаимосвязанных компонентах средневековая культура выражала:

Credo in unum Deum, Patrem omnipotentem, factorem coeli et terrae, visibilium omnium et invisibilium; et in Dominum Jesum Christum, filium Dei unigenitum, et ex Patre natum ante omnia saecula ...и т.д. вплоть до.... Confiteor unum baptisma in remissionem peccatorum, et exspecto resurrectionem mortuorum, et vitam venturae saeculi. Amen.¹

Архитектура и скульптура средних веков были "Библией в камне". Литература так же была насквозь пронизана религией и христианской верой. Живопись выражала те же библейские темы в линии и цвете. Музыка почти исключительно носила религиозный характер. (...) Философия была практически идентична религии и теологии и концентрировалась вокруг той же основной ценности или принципа, каким являлся Бог. Наука была всего лишь прислужницей христианской религии. Этика и право представляли собой только дальнейшую разработку абсолютных заповедей христианства. Политическая организация в ее духовной и светской сферах была преимущественно теократической и базировалась на Боге и религии. Семья, как священный религиозный союз, выражала все ту же фундаментальную ценность. Даже организация экономики контролировалась религией, налагавшей запреты на многие формы экономических отношений, которые могли бы оказаться уместными и прибыльными, поощряя в то же время другие формы экономической деятельности, нецелесообразные с чисто утилитарной точки зрения. Господствующие нравы и обычаи, образ жизни, мышления подчеркивали свое единство с Богом как единственную и высшую цель, а также свое отрицательное или безразличное отношение к чувственному миру, его богатству, радостям и ценностям. Чувственный мир рассматривался только как временное "прибежище человека", в котором христианин всего лишь странник, стремящийся достичь вечной обители Бога и ищущий путь, как сделать себя достойным, чтобы войти туда. (...) Такая унифицированная система культуры, основанная на принципе сверхчувственности и сверхразумности Бога как единственной реальности и ценности может быть названа *идеациональной*. (...)

¹ Верую в единого Бога, отца вседержителя, творца неба и земли, видимым же всем и невидимым; и во единого Господа Иисуса Христа, сына Божия единородного, от Отца рожденного прежде всех веков... и т.д. вплоть до... исповедую единое крещение для оставления грехов, ожидаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь.

Закат средневековой культуры заключался именно в разрушении этой идеациональной системы культуры. Он начался в конце XII века, когда появился зародыш нового — совершенно отличного — основного принципа, заключавшегося в том, что *объективная реальность и ее смысл чувственны*. Только то, что мы видим, слышим, осязаем, ощущаем и воспринимаем через наши органы чувств, — реально и имеет смысл. Вне этой чувственной реальности или нет ничего, или есть что-либо такое, чего мы не можем прочувствовать, а это — эквивалент нереального, несуществующего. Как таковым им можно пренебречь. Таков был новый принцип, совершенно отличный от основного принципа идеациональной культуры.

Этот медленно приобретающий вес новый принцип столкнулся с приходящим в упадок принципом идеациональной культуры, и их слияние в органическое целое создало совершенно новую культуру в XIII — XIV столетиях. Его основной посылкой было то, что *объективная реальность частично сверхчувственна и частично чувственна*; она охватывает сверхчувственный и сверхрациональный аспекты, плюс рациональный и, наконец, сенсорный аспекты, образуя собой единство этого бесконечного многообразия. Культурная система, воплощающая эту посылку, может быть названа *идеалистической*. Культура XIII — XIV столетий в Западной Европе, так же, как и греческая культура V — IV веков до нашей эры, были преимущественно идеалистическими, основанными на этой синтезирующей идее.

Однако процесс на этом не закончился. Идеациональная культура средних веков продолжала приходить в упадок, в то время как культура, основанная на признании того, что объективная реальность и смысл ее сенсорный, продолжала наращивать темп в последующих столетиях. Начиная приблизительно с XVI века новый принцип стал доминирующим, а с ним и основанная на нем культура. Таким образом, возникла современная форма нашей культуры — культуры сенсорной, эмпирической, светской и "соответствующей этому миру". Она может быть названа *чувственной*. Она основывается и объединяется вокруг этого нового принципа: *объективная действительность и смысл ее сенсорны*. Именно этот принцип провозглашается нашей современной чувственной культурой во всех ее основных компонентах: в искусстве и науке, философии и псевдорелигии, этике и праве; в социальной, экономической и политической организациях, в образе жизни и умонастроениях людей. (...)

Таким образом, основной принцип средневековой культуры делал ее преимущественно потусторонней и религиозной, ориентированной на сверхчувственность Бога и пронизанной этой идеей. Основным принцип идеалистической культуры был частично сверхсенсорный и религиозный, а частично светский и посюсторонний. Наконец, основной принцип нашей современной чувственной культуры — светский и

утилитарный — "соответствует этому миру". Все эти типы: идеациональный, идеалистический и чувственный — обнаруживаются в истории египетской, вавилонской, греко-римской, индуистской, китайской и других культур.

После этого отступления мы можем вновь вернуться к нашему исходному тезису и детальнее изложить тот факт, что настоящий кризис нашей культуры и общества заключается именно в разрушении преобладающей чувственной системы евро-американской культуры. Будучи доминирующей, чувственная культура наложила отпечаток на все основные компоненты западной культуры и общества и сделала их также преимущественно чувственными. По мере разрушения чувственной формы культуры разрушаются и все другие компоненты нашего общества и культуры. По этой причине кризис — это не только несоответствие того или иного компонента культуры, а скорее разрушение большей части ее секторов, интегрированных "в" или "около" чувственный принцип. Будучи "тоталитарным" или интегральным по своей природе, он несравнимо более глубокий и в целом глобальнее любого другого кризиса. Он так далеко зашел, что его можно сравнить только с четырьмя кризисами, которые имели место за последние три тысячи лет истории греко-римской и западной культуры. Но даже и они были меньшего масштаба, чем тот, с которым мы столкнулись в настоящее время. Мы живем и действуем в один из поворотных моментов человеческой истории, когда *одна форма культуры и общества (чувственная) исчезает, а другая форма лишь появляется*. Кризис чрезвычайен в том смысле, что он, как и его предшественники, отмечен необычайным взрывом войн, революций, анархии и кровопролитий; социальным, моральным, экономическим и интеллектуальным хаосом; возрождением отвратительной жестокости, временным разрушением больших и малых ценностей человечества; нищетой и страданием миллионов — потрясениями значительно большими, чем хаос и разложение обычного кризиса. Такие переходные периоды всегда были воистину *dies irae, dies illa*¹.

Это значит, что главный вопрос нашего времени не противостояние демократии и тоталитаризма, свободы и деспотизма, капитализма и коммунизма, пацифизма и милитаризма, интернационализма и национализма, а также не один из текущих расхожих вопросов, которые ежедневно провозглашаются государственными деятелями и политиками, профессорами и министрами, журналистами и просто уличными ораторами. Все эти темы не что иное, как маленькие побочные вопросы — всего лишь побочные продукты главного вопроса,

¹ "Тот день, день гнева" (лат.) — Прим. П. Сорокина – Начало средневекового церковного гимна, в основе которого лежит библейское пророчество о судном дне.

а именно: чувственная форма культуры и образа жизни против других форм. Еще менее значительны такие вопросы, как Гитлер против Черчилля или Англия против Германии, Япония против Соединенных Штатов и им подобные. Мы слышали такие же лозунги и ранее, во время войны 1914—1918 годов. И тогда многочисленные голоса провозглашали источниками зла отдельные личности, такие, как император Вильгельм Гогенцоллерн, и отдельные страны, такие, как Германия; рассматривали их поражение и уничтожение как главный вопрос войны и радикальное средство избавления от зла. Кайзера низвергли, Германии нанесли поражение, но это не предотвратило, не ослабило последующего кризиса, не предупредило настоящую катастрофу. Ни Гитлер, ни Сталин, ни Муссолини не создали сегодняшний кризис, а, наоборот, существующий кризис создал их такими, каковы они есть, — его инструментами и марионетками. Их можно убрать, но это не уничтожит кризис и даже не уменьшит его. Этот кризис пока он существует, будет создавать новых Гитлеров, Сталиных, Черчиллей и Рузвельтов.

Во всех этих отношениях первый диагноз ошибочен. Не менее ложны и рецепты его лечения. Они не могут ни избавить от кризиса, ни приостановить его дальнейшее развитие. В лучшем случае они бесполезны, чаще же — вредны. Даже если англо-саксонский блок победит в настоящей войне, то это не остановит и не уменьшит трагедию кризиса до тех пор, пока мы не увидим, что чувственная посылка нашей культуры вытеснилась более адекватной посылкой.

Не в меньшей степени я не согласен и с другим — пессимистическим диагнозом. Вопреки его заявлению настоящий кризис не есть предсмертная агония западной культуры и общества, то есть кризис не означает ни разрушения, ни конца их исторического существования. Основанные лишь на биологических аналогиях, все подобные теории беспочвенны. Нет единого закона, согласно которому каждая культура проходила бы стадий, детства; зрелости и смерти. Ни одному из приверженцев этих очень старых теорий не удалось показать, что же разумеется под детством общества или под старением культуры; каковы типичные характеристики каждого из возрастов; когда и как умирает данное общество и что значит смерть общества и культуры вообще. Во всех отношениях теории, о которых идет речь, — это простые аналогии, состоящие из неопределенных терминов, несуществующих универсалий, бессмысленных заявок. Они еще менее убедительны, утверждая, что западная культура достигла последней стадии старения и сейчас находится в предсмертной агонии. Не пояснено при этом ни само значение «смерти» западной культуры, и не приведены какие-либо доказательства.

Тщательное изучение ситуации показывает, что настоящий кризис представляет собой лишь разрушение чувственной формы западного

общества и культуры, за которым последует новая интеграция, столь же достойная внимания, каковой была чувственная форма в дни своей славы и расцвета. Точно так же как замена одного образа жизни у человека на другой вовсе не означает его смерти, так и замена одной фундаментальной формы культуры на другую не ведет к гибели того общества и его культуры, которые подвергаются трансформации. В западной культуре конца средних веков таким же образом произошла смена одной фундаментальной социально-культурной формы на другую — идеациональной на чувственную форму. И тем не менее такое изменение не положило конца существованию общества, не парализовало его созидательные силы. После хаоса переходного периода в конце средних веков западная культура и общество демонстрировали в течение пяти веков все великолепие своих созидательных возможностей и вписали одну из самых ярких страниц в историю мировой культуры. То же самое можно сказать и о греко-римской и других великих культурах, которые претерпели в течение своего исторического пути несколько подобных изменений. Равным образом теперешнее разрушение чувственной формы никак не тождественно концу западной культуры и общества. Трагедия и хаос, ужасы и горе переходного периода окончены, они вызовут к жизни новые созидательные силы в новой интегральной форме, столь же значительной, как все пять веков эры чувственной культуры.

Более того, такое изменение, сколь бы болезненным оно ни было, как бы является необходимым условием для любой культуры, чтобы быть творчески созидательной на всем протяжении ее исторического развития. Ни одна из форм культуры не беспредельна в своих созидательных возможностях, они всегда ограничены. В противном случае было бы не несколько форм одной культуры, а единая, абсолютная, включающая в себя все форм, когда созидательные силы исчерпаны и все их ограниченные возможности реализованы, соответствующая культура и общество или становятся мертвыми и несозидательными, или изменяются в новую форму, которая открывает новые созидательные возможности и ценности. Все великие культуры, сохранившие творческий потенциал, подвергались как раз таким изменениям. С другой стороны, культуры и общества, которые не изменяли форму и не смогли найти новые пути и средства передачи, стали инертными, мертвыми и непродуктивными. Немезида таких культур — стерильность, непродуктивность, прозябание. Таким образом, вопреки диагнозу шпенглерянцев, их мнимая смертная агония была не чем иным, как острой болью рождения новой формы культуры, родовыми муками, сопутствующими высвобождению новых созидательных сил.

КРИЗИС ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ

1. Идеациональная, идеалистическая и чувственная формы изящных искусств

Начнем с анатомии кризиса в изящных искусствах. Они являются наиболее чувствительным зеркалом, отражающим общество и культуру, составной частью которых являются. Каковы культура и общество, таковыми будут и изящные искусства. Если культура преимущественно чувственная, чувственными будут и ее основные изобразительные искусства. Если культура не интегрирована, хаотичными и эклектичными будут ее основные виды изобразительных искусств. Так как западная культура преимущественно чувственная, а кризис заключается в разрушении ее основной сверхсистемы, то и современный кризис изобразительных искусств демонстрирует разрушение чувственной формы нашей живописи и скульптуры, музыки, литературы, драматургии и архитектуры. Давайте рассмотрим, что представляют из себя чувственные формы изобразительных искусств в общем и современные чувственные формы изобразительных искусств в частности, а также каковы симптомы причины их разрушения.

В первой главе я кратко изложил тезис о том, что каждая из трех основных культур — идеациональная, идеалистическая, чувственная — имеет свою собственную форму изобразительных искусств, отличную от другой как внешними признаками, так и внутренним содержанием. Причем основные признаки каждой из трех форм изобразительных искусств следуют основной посылке каждой из этих систем культуры. Обрисуем предварительный портрет идеационального, идеалистического и чувственного типов искусств.

Идеациональное искусство. Как своим содержанием, так и своей формой идеациональное искусство выражает основную посылку идеациональной культуры — основная реальность-ценность есть Бог. Поэтому *тема идеационального искусства — сверхчувственное царство Бога*. Ее герои — Бог и другие божества, ангелы, святые и грешники, душа, а также тайны мироздания, воплощения, искупления, распятия, спасения и другие трансцендентальные события. Искусство вдоль и поперек религиозно. Оно мало уделяет внимания личности, предметам и событиям чувственного эмпирического мира. Поэтому нельзя найти какого-либо реального *пейзажа, жанра, портрета*. Ибо цель не развлекать, не веселить, не доставить удовольствие, а приблизить верующего к Богу. Как таковое, искусство священо как по содержанию, так и по форме. Оно не допускает и толики чувственности, эротики, сатиры, комедии, фарса. Эмоциональный тон искусства — религиозный, благочестивый, эфирный, аскетичный.

Его стиль есть и должен быть символичным. Это не более чем видимый' или чувственный знак невидимого или сверхчувственного

мира ценностей. Так как Бог и сверхчувственные явления не имеют никакой материальной формы, то их нельзя постичь или изобразить натуралистически, такими, какими они предстают перед нашими органами чувств. Они могут быть обозначены лишь символически. Отсюда трансцендентальный символизм идеационального искусства. Знаки голубя, якоря, оливковой ветви в раннехристианских катакомбах были всего лишь символами ценностей невидимого мира Бога, в отличие от голубя или оливковой ветки реального мира. Полностью погруженное в вечный сверхчувственный мир, такое искусство статично по своему характеру и по своей приверженности к освященным, иератическим формам традиции. Оно всецело интровертно, без всяких чувственных украшений, пышности и нарочитости. Оно предполагает великолепие духовности, но облаченной в ветхие одеяния. Его значение не во внешнем проявлении, а во внутренних ценностях, которые оно символизирует. Это не искусство одного профессионального художника, а творчество безымянного коллектива верующих, общающихся с Богом и со своей собственной душой. Такое общение не нуждается ни в профессиональном посреднике, ни в каком-либо внешнем приукрашивании. Таковы грубо очерченные штрихи идеационального искусства, где бы и когда бы оно ни обнаруживалось. Оно всего лишь являет собой деривацию и выражение основной посылки идеациональной культуры.

Чувственное искусство. Его типичные черты совершенно противоположны чертам идеационального искусства, так как основная посылка чувственной культуры противоположна основной посылке идеациональной культуры. Чувственное искусство живет и развивается в эмпирическом мире чувств. Реальный пейзаж, человек, реальные события и приключения, реальный портрет — таковы его темы. Фермеры, рабочие, домашние хозяйки, девушки, стенографистки, учителя и другие типы — его персонажи. На своей зрелой ступени его любимые "герои" — проститутки, преступники, уличные мальчишки, сумасшедшие, лицемеры, мошенники и другие подобные им субсоциальные типы. Его цель — доставить тонкое чувственное наслаждение: расслабление, возбуждение усталых нервов, развлечение, увеселение. По этой причине оно должно быть сенсационным, страстным, патетичным, чувственным, постоянно ищущим нечто новое. Оно отмечено возбуждающей наготой и сладострастием. Оно свободно от религии, морали и других ценностей, а его стиль — "искусство ради искусства". Так как оно должно развлекать и веселить, оно широко использует карикатуру, сатиру, комедию, фарс, разоблачение, насмешку и тому подобные средства.

Стиль чувственного искусства натуралистичен, даже подчас несколько иллюзионистичен, свободен от всякого сверхчувственного символизма. Оно воспроизводит явления внешнего мира такими,

какими они воспринимаются нашими органами чувств. Это искусство динамично по своей природе: в своей эмоциональности, силе изображаемых страстей и действий, по своей настоящей современности и изменчивости. Ему приходится непрерывно меняться, выстраивая цепочку прихотей и образов, так как в противном случае оно будет скучным, безынтересным и неувлекательным. По этой же причине это искусство внешнего проявления, так сказать, напоказ. Так как оно не символизирует никакой сверхчувственной ценности, оно зиждется на внешней саморепрезентации. Как глупенькая, но при этом шикарная девица, оно добивается успеха, поскольку принаряжено и сохраняет свою внешнюю привлекательность. А чтобы сохранить красоту, ему приходится щедро использовать пышность и внешние обстоятельства, размах, ошеломляющие приемы и другие средства внешнего изыска. Более того, это — искусство профессиональных художников, угождающих пассивной публике. Чем оно более развито, тем более ярким становятся его характеристики.

Идеалистическое искусство. Идеалистическое искусство является посредником между идеациональной и чувственной формами искусства. Его мир частично сверхчувственный, частично чувственный, но только в самых возвышенных и благородных проявлениях чувственной действительности. Его герои то боги и другие мистические создания, то реальный человек, но только в его благороднейшем проявлении. Оно намеренно слепо ко всему недостойному, вульгарному, уродливому, негативному в реальном мире чувств. Его стиль частично символичен и аллегоричен, частично же реалистичен и натуралистичен. Он спокоен, ясен, невозмутим. Художник всего лишь *primus inter pares* общности, членом которой он выступает. Словом, оно представляет собой великолепный синтез идеационального и благороднейших форм чувственного искусства.

Эклектичное искусство есть псевдоискусство, не объединенное каким-либо серьезным образом в единый стиль, представляющее собой исключительно механическую смесь той или иной формы. У него нет ни внешнего, ни внутреннего единства, нет индивидуального или постоянного стиля, и оно не отражает системы унифицированных ценностей. Это искусство восточного базара, мешанины различных стилей, форм, тем, идей. Такое искусство скорее псевдо, чем истинное.

Исторические примеры. Так как идеациональная, идеалистическая и чувственная формы культуры извечны и универсальны, имеют примеры и в прошлом и в настоящем, среди примитивных и цивилизованных народов, то, следовательно, и три интегрированные формы изобразительных искусств можно найти и в прошлом, и в настоящем, в племенном мире и в мире сложных цивилизаций. Идеациональное искусство в смешанной форме встречается у многих примитивных народов, подобно индейцам Зуни,

негритянским племенам Африки и австралийским аборигенам. Точно так же символическое искусство геометрики эпохи неолита было типично идеациональным. В так называемых исторических культурах идеациональное искусство доминировало в те или иные периоды в искусстве даоистского Китая, Тибета, Брахманской Индии, в буддистской культуре, культуре Древнего Египта, искусстве Греции с IX по VI век до нашей эры, искусстве раннесредневекового христианского Запада и т. д. То же мы наблюдаем в отношении распространения во все времена чувственной формы искусства. Это и превалирующая форма культуры раннего палеолита многих примитивных племен, таких, как бушмены в Африке, многие индийские и скифские племена и т. п. Она питала изобразительные искусства Ассирии по крайней мере в течение некоторых периодов ее истории, искусство Древнего Египта на последних стадиях развития Древнего Царства, в периоды Среднего и Нового Царства и особенно, в последние эпохи саисского, птолемеевского и римского Египта. Она определенно характеризует последнюю известную нам эру крито-микенской культуры и греко-римскую цивилизацию с III века до нашей эры по IV век нашей эры. Наконец, она доминирует в западной культуре на протяжении последних пяти веков. Идеалистическая форма искусства не была столь широко распространенной, как две другие формы, но господствовала она не раз. Ее лучшие образцы нашли свое завершение в греческом искусстве V века до нашей эры и западноевропейском искусстве XIII века.

Как бы ни отличались во многих отношениях изобразительные искусства примитивных и цивилизованных народов, они все имеют ряд сходных внешних и внутренних черт, если они принадлежат к одному и тому же типу культуры. Среди других факторов господство той или иной формы в изобразительном искусстве означает не столько наличие или отсутствие художественного мастерства, сколько эффект идеационального, идеалистического, чувственного или смешанного мышления, людей и их культур. Живя в век чувственной культуры, мы склонны считать идеациональное искусство более примитивным, чем чувственное, и идеационального художника менее искусным и совершенным, чем художника чувственной культуры. Однако такое обоснование не имеет под собой почвы. Человек эпохи палеолита или раннего каменного века был художником чувственной культуры, очень искусным в зримом воспроизводстве предметов окружающего мира, которые его в первую очередь интересовали (животные, сцены охоты и т. п.). Человек неолита, более развитой культуры позднего каменного века, был в основном художником идеациональной культуры, и, его творчество почти не содержало в себе черт чувственной культуры. Таким образом, более поздняя и развитая ступень культуры вос-

производила в большей степени идеациональную *форму* культуры, чем предшествующую ей чувственную культуру. Равным образом и совершенное искусство крито-микенской эры сменилось после IX века до нашей эры идеациональным искусством ранней Греции. Подобные переходы от одной формы искусства к другой мы наблюдаем в изобразительном искусстве Древнего Египта, Китая и многих других стран. Наконец, совершенное чувственное искусство греко-римской культуры III века до нашей эры — IV века нашей эры сменилось идеациональным искусством средневекового христианского Запада.

Все это означает, как мы видели, лишь одно — превосходство любой формы изобразительных искусств не есть вопрос наличия или отсутствия художественного мастерства, а доминируется природой сверхсистемы культуры. В культуре, отмеченной идеациональной суперсистемой, изящные искусства преимущественно идеациональные. Подобное обобщение верно и в тех случаях, когда, соответственно, доминирует чувственная, идеалистическая или смешанная сверхсистема.

Бердяев Н.А. (1874-1948)

Николай Александрович Бердяев – крупнейший русский философ XX века происходил из богатой аристократической семьи и, подобно многим представителям наиболее образованной части интеллигенции, в конце XIX века испытал увлечение «легальным марксизмом» и даже арест и ссылку. Однако под впечатлением кровавого опыта революции 1905 г. он вместе видными отечественными интеллектуалами (С.Н.Булгаков, П.Б.Струве, М.О.Гершензон, С.Л.Франк и др.) перешел на позиции идеализма, оказался среди вдохновителей этапного в истории русской культуры сборника «Вехи». После октябрьского переворота с большой группой единомышленников, не принявших революции, по инициативе Ленина был выслан из России на знаменитом «корабле философов». Последнюю четверть века Бердяев провел во Франции, где приобрел мировую известность как национальный русский мыслитель и один из основоположников экзистенциализма.

В многочисленных трудах Н.А.Бердяева (около 40 книг) проблемы творчества, вопросы культуры и искусства занимают едва ли не преобладающее место, что позволяет считать его одним из ведущих отечественных культурологов.

В небольшой статье «О культуре», которая в сокращенном виде предлагается ниже, автор рассматривает важную культурологическую проблему – о соотношении «культуры» и «цивилизации», делая акцент на религиозной, культовой обусловленности всякой подлинной культуры.

О культуре¹

Вопросы:

1. Дайте краткую характеристику Н.А.Бердяева как культуролога.
2. Какому комплексу вопросов, связанных с судьбами культуры, посвящен приведенный ниже отрывок?
3. Как Н.А.Бердяев относится к роли интеллигенции и церкви в истории России?
4. Каково соотношение между понятиями «культура» и «цивилизация», национальным и общечеловеческим в культуре?

В жизни общественной духовный примат принадлежит культуре. Не в политике и не в экономике, а в культуре осуществляются цели общества. И высоким качественным уровнем культуры измеряется ценность и качество общественности. Давно уже происходящая в мире демократическая революция не оправдывает высокой ценностью и высоким качеством той культуры, которую она несет с собой в мир. От демократизации культура повсюду понижается в своем качестве и в своей ценности. Она делается более дешевой, более доступной, более широко разлитой, более полезной и комфортабельной, но и более плоской, пониженной в своем качестве, некрасивой, лишенной стиля. Культура переходит в цивилизацию. Демократизация неизбежно ведет к цивилизации. Высшие подьемы культуры принадлежат прошлому, а не нашему буржуазно-демократическому вкусу, который более всего заинтересован уравнительным процессом. В этом плебейском веке натуры творческие и утонченно культурные чувствуют себя более одинокими и непризнанными, чем во все предшествующие века. Культура родилась из культа. Истоки ее $\ncong$ сакральны. Вокруг храма зачалась она и в органический свой период была связана с жизнью религиозной. Так было в великих древних культурах, в культуре греческой, в культуре средневековой, в культуре раннего Возрождения. Культура благородного происхождения. Ей передался иерархический характер культа. Культура имеет религиозные основы. Это нужно считать установленным и с самой позитивно-научной точки зрения. Культура – символична по своей природе. Символизм свой она получила от культовой символики. В культуре не реалистически, а символически выражена духовная жизнь. Все достижения культуры по природе своей символичны. В ней даны не последние достижения бытия, а лишь символические его знаки. Такова же и природа культа, который есть

¹ Бердяев Н.А. О культуре // Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. М., 1994.

прообраз осуществленных божественных тайн. Цивилизация не имеет такого благородного происхождения. Цивилизация всегда имеет вид “parvenue”¹. В ней нет связи с символикой культа. Её происхождение мирское. Она родилась в борьбе человека с природой, вне храма и культа. Культура всегда идет сверху вниз, путь ее аристократический. Цивилизация идет снизу вверх, путь ее буржуазный и демократический. Культура есть явление глубоко индивидуальное и неповторимое. Цивилизация же есть явление общее и повсюду повторяющееся. Переход от варварства к цивилизации имеет общие признаки у всех народов, и признаки преимущественно материальные, как, например, употребление железа и т.п. Культура же древних народов на самых начальных ступенях своих очень своеобразна и неповторимо индивидуальна, как культура Египта, Вавилона, Греции и т.п. Культура имеет душу. Цивилизация же имеет лишь методы и орудия.

Благородство всякой истинной культуры определяется тем, что культура есть культ предков, почитание могил и памятников, связь сынов с отцами. Культура основана на священном предании. И чем древнее культура, тем они значительнее и прекраснее. Культура всегда гордится древностью своего происхождения, неразрывной связью с великим прошлым. И на культуре почиет особого рода благодать священства. Культура, подобно церкви, более всего дорожит своей преемственностью. В культуре нет хамизма, пренебрежительного отношения к могилам отцов. Слишком новая, недавняя культура, не имеющая преданий, стесняется этого своего положения. Этого нельзя сказать про цивилизацию. Цивилизация дорожит своим недавним происхождением, она не ищет древних и глубоких источников. Она гордится изобретением сегодняшнего. У нее нет предков. Она не любит могил. Цивилизация всегда имеет такой вид, будто она возникла сегодня или вчера. Все в ней новенькое, все приспособлено к удобствам сегодняшнего дня. В культуре происходит великая борьба вечности с временем, великое противление власти времени. Культура борется со смертью, хотя бессильна победить ее реально. Ей дорого увековечение, непрерывность, преемственность, прочность культурных творений и памятников. Культура, у которой есть религиозная глубина, стремится к воскресению. В этом отношении величайшим образцом культуры религиозной является культура древнего Египта. Она вся была основана на жажде вечности, жажде воскресения, вся была борьбой со смертью. И египетские пирамиды пережили долгие тысячелетия и сохранились до наших дней. Современная цивилизация не строит пирамид и не дорожит тем, чтобы памятники ее имели тысячелетнюю прочность. Все быстротечно в современной цивилизации. Цивилизация, в отличие от культуры, не борется со смертью, не хочет вечности. Она не только

¹ Parvenu, м.р.; -е, жен. род. (фр.) – выскочка.

мирится со смертоносной властью времени, но и на этой смертоносности временного потока основывает все свои успехи и завоевания. Цивилизация очень приятно и весело устраивается на кладбищах, забыв о покойниках. Цивилизация футуристична. В цивилизации есть хамизм зазнавшегося «Parvenu». Этот хамизм сообщается и культуре, которая хочет быть окончательно безрелигиозной.

В культуре действуют два начала – консервативное, обращенное к прошлому и поддерживающее с ним преемственную связь, творческое, обращенное к будущему и создающее новые ценности. Но и в культуре не может действовать начало революционное, разрушительное. Революционное начало, по сути, враждебно культуре, антикультурно. Культура немыслима без иерархической преемственности, без качественного неравенства. Революционное начало враждебно всякому иерархизму и направлено на разрушение качеств. Дух революционный хочет вооружить себя цивилизацией, присвоить себе ее утилитарные завоевания, но культуры он не хочет, культура ему не нужна. И не случайно, вы, революционеры так любите говорить о буржуазности культуры, о неправде, в которой родились все культуры, и с таким пафосом декламируете против слишком дорогой цены культуры, против неравенства и жертв, которыми она покупается. Никто из вас внутренне не дорожит культурой, не любит ее интимно, не чувствует ее своей собственной ценностью, своим собственным богатством. Культура творилась людьми чужого вам духа. Ничто в великих памятниках культуры не вызывает в вас священного трепета. Вы с легкостью готовы разрушить все памятники великих культур, все творческие их ценности во имя утилитарных целей, во имя блага народных масс. Пора окончательно разоблачить ваше двусмысленное отношение к культуре. Новой культуры вы не можете создать, потому что вообще нельзя создать новой культуры, не имеющей никакой преемственной связи с прошлой культурой, не имеющей никакого предания, не почитающей предков. (...)

Карл Густав Юнг (1875 — 1961)

Самым талантливым последователем З. Фрейда, обогатившим фрейдизм как культурологическую дисциплину, был швейцарский психиатр, психолог и исследователь культуры **Карл Густав Юнг**. Позднее Юнг как ученый разошелся с Фрейдом. По сравнению со своим бывшим учителем и коллегой, которого он по многим далеким от медицины вопросам значительно превзошел, Юнг занялся главным образом не душой отдельного индивида, а "глубинной психологией" целых народов и всего человечества. Наряду с "индивидуальным бессознательным" Фрейда,

он выдвинул понятие «коллективного бессознательного» и сосредоточился на нем как на самом древнем и "темном" субстрате психики, а, следовательно, и культуры. Таким образом, Юнг неизмеримо расширил сферу применения метода психоанализа, перенес его с преимущественно индивидуального уровня на этнический, национальный и общечеловеческий. Истоки групповой души стали предметом такого же глубокого изучения, как и истоки души отдельной личности.

Анализируя в целом наследие Юнга, можно утверждать, что культурологические темы преобладают в нем над узко медицинскими и составляют его подлинно новаторскую часть. Прежде всего, это касается «коллективного бессознательного», которое проявляется в архетипах — обычно несознаваемых и, возможно, генетически обусловленных следах памяти прошлого — первичного — опыта, зафиксированного в структуре внутреннего мира человека и передаваемого из поколения в поколение. Архетипы могут выражаться в первообразах, например, Матери-Земли, Отца-Солнца, Древа жизни, Мудрого старца, и, конечно, в многочисленных религиозных символах и мифологических сюжетах, обычно совпадающих у многих народов. Архетипы тесно связаны с фольклором, обычаями, изначальной сельскохозяйственной деятельностью, оккультными науками, именно с теми сферами культуры (а не цивилизации!), которые восходят к далекому прошлому, к "подкультуре", подобно тому как сознание восходит к "подсознанию". Любое художественное творчество, опираясь на прошлый, казалось бы, уже умерший опыт, так или иначе питается архетипами и является их постоянным оживлением.

Для теории культуры большое значение имели и другие новаторские идеи Юнга, например, предложенная им типология характеров, разделяющая людей на экстравертов (т.е. обращенных вовне) и интровертов (т.е. обращенных к своему внутреннему миру). Перенесенная в культурологию, эта теория позволила Юнгу создать ряд работ, посвященных основному различию между цивилизациями Запада и Востока, их религиями, философскими системами и мироощущениями. При анализе художественных произведений, особенно в литературе и изобразительном искусстве, нашли применение и развитые Юнгом понятия "комплекс" и "закомплексованность", отражающие особую направленность художника и его творений. И наконец, нельзя не признать принципиального значения критики Юнгом знаменитой фрейдовской категории "либидо" (иначе говоря, сексуальности), якобы движущей человеческую культуру.

Юнг расходился с Фрейдом в понимании коллективного бессознательного, которое он трактовал не как «свалку» вытесненных и неприемлемых для общества влечений, но как главный резервуар культуры, хранилище ее «праобразов» и «праформ», названных им архетипами.

Вопросы:

1. Что такое по К.Юнгу «культурные архетипы»?
2. В чем заключается отношение К.Юнга к бессознательному и роли религии в человеческой жизни?

Об архетипах коллективного бессознательного¹

Гипотеза о существовании коллективного бессознательного принадлежит к числу тех научных идей, которые поначалу остаются чуждыми публике, но затем быстро превращаются в хорошо ей известные и даже популярные. Примерно то же самое произошло и с более емким и широким понятием бессознательного. (...) При этом на первых порах понятие бессознательного использовалось для обозначения только таких состояний, которые характеризуются наличием вытесненных или забытых содержаний. Хотя у Фрейда бессознательное выступает – по крайней мере метафорически – в качестве действующего субъекта, по сути оно остается ни чем иным, как местом скопления вытесненных содержаний; и только поэтому за ним признается практическое значение. Ясно, что с этой точки зрения бессознательное имеет исключительно личностную природу, хотя, с другой стороны, уже Фрейд понимал архаико-мифологический характер бессознательного мышления.

Конечно, поверхностный слой бессознательного является в известной степени личностным, мы называем его *личностным бессознательным*. Однако этот слой покоится на другом, более глубоком, ведущем свое происхождение и приобретаемом уже не из личного опыта. Этот врожденный более глубокий слой и является так называемым *коллективным бессознательным*. Я выбрал термин «коллективное», поскольку речь идет о бессознательном, имеющем не индивидуальную, а всеобщую природу, это означает, что оно включает в себя, в противоположность личностной душе, содержания и образы поведения, которые *cum grano salis* являются повсюду и у всех индивидов одними и теми же. Другими словами, коллективное бессознательное идентично у всех людей и образует тем самым всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе сверхличным.

Существование чего-нибудь в нашей душе признается только в том случае, если в ней присутствуют так или иначе осознаваемые содержания. Мы можем говорить о бессознательном лишь в той мере, в какой способны удостовериться в наличии таких содержаний. В личном бессознательном это по большей части так называемые эмоционально окрашенные *комплексы*, образующие интимную душевную жизнь

¹ Юнг К. Архетип и символ. М., 1991.

личности. Содержанием коллективного бессознательного являются так называемые *архетипы*. (...)

«Архетип» - это пояснительное описание платоновского «эйдоса»¹. Это наименование является верным и полезным для наших целей, поскольку оно значит, что, говоря о содержаниях коллективного бессознательного, мы имеем дело с древнейшими, лучше сказать, изначальными типами, т.е. испокон веку наличными всеобщими образами. Без особых трудностей применимо к бессознательным содержаниям и выражение “representations collectives”², которое употреблялось Леви-Брюлем для обозначения символических фигур в первобытном мировоззрении. Речь идет практически все о том же самом: примитивные родо-племенные учения имеют дело с видоизмененными архетипами. Правда, это уже не содержания бессознательного; они успели приобрести осознаваемые формы, которые передаются с помощью традиционного обучения в основном в виде тайных учений, являющихся вообще типичным способом передачи коллективных содержаний, берущих начало в бессознательном.

Другим хорошо известным выражением архетипов являются мифы и сказки. Но и здесь речь идет о специфических формах, передаваемых на протяжении долгого времени. Понятие «архетип» опосредованно относимо к *representations collectives*, в которых оно обозначает только ту часть психического содержания, которая еще не прошла какой-либо сознательной обработки и представляет собой еще *только непосредственную психическую деятельность*. Архетип как таковой существенно отличается от исторически ставших или переработанных форм. На высших уровнях тайных учений архетипы предстают в такой оправе, которая, как правило, безошибочно указывает на влияние сознательной их переработки в суждениях и оценках. Непосредственные проявления архетипов, с которыми мы встречаемся в сновидениях и видениях, напротив, значительно более индивидуальны, непонятны и наивны, нежели, скажем, мифы. По существу, архетип представляет то бессознательное содержание, которое изменяется, становясь осознанным и воспринятым; оно претерпевает изменения под влиянием того индивидуального сознания, на поверхности которого оно возникает.

То, что подразумевается под «архетипом», проясняется через его соотнесение с мифом, тайным учением, сказкой. (...)

Субъективность первобытного человека столь удивительна, что самым первым предположением должно было бы быть выведение мифов из его душевной жизни. Познание природы сводится для него, по существу, к языку и внешним проявлениям бессознательных душевных

¹ Эйдос – термин древнегреческой философии, обозначающий субстанциальную идею какого-то явления.

² (Фр.) – букв. «коллективные представления».

процессов. Их бессознательность представляет собой причину того, что при объяснении мифов обращались к чему угодно, только не к душе. Недоступным пониманию было то, что душа содержит в себе все те же образы, из которых ведут свое происхождение мифы, что наше бессознательное является действующим и претерпевающим действия субъектом, драму которого первобытный человек по аналогии обнаруживал в больших и малых природных процессах.

Клод Леви-Строс **(р. 1908)**

С именем К.Леви-Строса связаны прежде всего значительные изменения и достижения в изучении примитивных культур. Взгляд на человека как на неотъемлемую часть животного мира, обладающую, однако, свойственными лишь людям социокультурными качествами, всегда был определяющим в классической антропологии. При этом, по мнению ученых-естествоиспытателей, в ходе длительной эволюции соотношение между «природным» и «человеческим» в рамках биологического вида *Homo sapiens* неуклонно меняется в пользу последнего. Человек из существа естественного, живущего инстинктами и чувствами, постепенно превращается в некую искусственную, скованную ограничениями и правилами структуру, подчиненную прежде всего разуму, точнее — оторванному от реальности абстрактному мышлению. О скрытых опасностях такой трансформации говорили многие выдающиеся умы, в том числе Руссо, Ницше и Фрейд. Осмыслению и практическому исследованию этой проблемы на примере 'примитивных' племен Южной и отчасти Северной Америки посвятил свою жизнь французский этнограф, антрополог и философ культуры Клод Леви-Строс. Признавая разницу в соотношении чувственного и рационального у «первобытных» и «цивилизованных» народов и подчеркивая их общечеловеческое единство, он, однако, пришел к выводу об опасном «перекосе рационализма» и разрыве с матерью-Природой в высокоразвитых обществах, равно как и о более гармоничном внутреннем, а следовательно, и культурном мире современных дикарей. Больше того, Леви-Строс, создатель новой отрасли науки — структурной антропологии — считал примитивного человека не менее, если не более умным и способным, чем самый утонченный европеец. Отвергая издержки современной цивилизации, он выдвинул известную концепцию «сверхрационализма», т.е. умственной деятельности, которая сродни непревзойденной разумности самой Природы.

К. Леви-Строс родился в еврейской семье художника, учился в Сорбонне на философском факультете, в молодости увлекался социалистическими идеями, а в 1935 — 1938 гг. находился на преподавательской работе в Бразилии, где после знакомства с жизнью местных индейских племен стал заниматься этнографией и антропологией. Во время оккупации Франции его преследовали нацисты; в 1946 — 1947 гг.

он служил советником по вопросам культуры французского посольства в США. По возвращении на родину Леви-Строс некоторое время работал вице-директором Антропологического музея в Париже, а позднее был много лет профессором Коллеж де Франс. С 1973 г. он член Французской Академии, автор большого количества работ, в том числе 43 монографий.

Как этнолог и антрополог Леви-Строс изучал тотемизм, ритуалы, нравы и обычаи, маски и мифологию первобытных народов в поисках общих истоков мировой культуры. Особенно его интересовал анализ структур мышления «естественного» человека независимо от давления цивилизации, индивидуального сознания и выбора. При этом он отдавал предпочтение синхронному исследованию культуры, т.е. изучению ее разнообразия и единства не во времени, а преимущественно в пространстве. Важной чертой Леви-Строса - культуролога был его интерес, как и у Юнга, к коллективному бессознательному, в котором он искал корни мифологии и искусства. Но, пожалуй, больше всего мы обязаны Леви-Стросу современным толкованием понятия мифа в качестве главного фактора коллективного сознания и основы устойчивых социальных структур. Иными словами, древние мифы прошлого так же успешно объединяли и мобилизовывали людей, как в наши дни мифы в форме различных идеологий и учений объединяют и делают более устойчивыми целые народы, государства и даже империи. В этих взглядах Леви-Строс очень созвучен Э. Кассиреру, тем более, что оба они пострадали от современной мифологии нацизма. В целом творчество французского мыслителя было посвящено доказательству психобиологического равноправия и равноценности всех, даже самых «отсталых» этносов и народов, критике издержек рационалистической технотронной цивилизации и таких ее проявлений, как расизм, фашизм, ксенофобия, европоцентризм и другие идеологизированные и разделяющие людей «измы».

Ниже приведен отрывок из книги «Первобытное мышление».¹

Вопросы:

- 1. Как рассматривает К.Леви-Строс соотношение «природного» и «человеческого», «чувственного» и «рационального» у первобытных и цивилизованных народов?**
- 2. В чем он видел главную опасность для будущего человеческой цивилизации?**

¹ Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994.

РУССО — ОТЕЦ АНТРОПОЛОГИИ

(...) Руссо был не только предтечей антропологии, но и ее основоположником. Во-первых, он дал ей практическую основу, написав "Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми", в котором поставил проблему взаимоотношений между природой и цивилизацией и которое можно считать первым научным исследованием по общей антропологии; во-вторых, он дал ей теоретическое обоснование, замечательно ясно и лаконично указав на самостоятельные задачи антропологии, отличные от задач истории и этики: "Когда хочешь изучать людей, надобно смотреть вокруг себя, но чтобы изучить человека, надо научиться смотреть вдаль; чтобы обнаружить свойства, надо сперва наблюдать различия ("Опыт о происхождении языков", глава VIII). (...)

Революция в умах, произведенная Руссо, предшествовавшая антропологической революции и положившая ей начало, состоит в отказе от принудительного отождествления какой-либо культуры со своей собственной культурой или отдельного члена какой-либо культуры с тем образом или с той ролью, которую эта культура пытается навязать ему.

В обоих случаях культура или отдельная личность отстаивают свое право на свободное отождествление, которое может осуществляться только за пределами человека, т.е. путем сопоставления со всеми теми существами, которые живут и, следовательно, страдают; а также до того, как человек превратился в общественную фигуру или ему приписали историческую роль, т.е. путем сравнения с существом как таковым, еще не вылепленным и не классифицированным.

Таким образом, "я" и "другой", освобожденные от антагонизма, который одна лишь философия пыталась поощрять, возвращают себе единство. Возобновленная, наконец, первобытная связь помогает им объединить "нас" против "них", т.е. против антагонистического человеку общества, которое человек чувствует себя готовым отвергнуть, поскольку своим примером Руссо учит, как избежать невыносимых противоречий цивилизованной жизни.

Ибо если и верно, что природа изгнала человека и что общество продолжает угнетать его, то человек может, по крайней мере, переменить полюса дилеммы и искать общения с природой, чтобы там размышлять о природе общества. Как мне кажется, в этом и состоит основная идея "Общественного договора", "Писем о ботанике" и "Прогулок одинокого мечтателя"¹. (...)

¹ Названия наиболее известных сочинений Руссо.

В этом мире, быть может, более жестоком по отношению к человеку, чем когда-либо, где имеют место убийства, пытки, массовые истребления, которые мы, конечно, не всегда отрицаем, но стараемся не замечать, как нечто несущественное, поскольку они касаются далеких от нас народов, якобы претерпевающих эти страдания для нашего блага или, во всяком случае, во имя нас; в мире, границы которого все более сокращаются по мере роста его населения; в мире, где ни одна частица человечества не может считать себя в полной безопасности, — в этом мире над каждым из нас навис страх жизни в обществе. (...)

Мы начали с того, что отделили человека от природы и поставили его над ней. Таким образом мы думали уничтожить самое неотъемлемое свойство человека, а именно то, что он прежде является живым существом. Тем же, что мы закрывали глаза на это общее свойство, дана была свобода для всяких злоупотреблений.

Никогда на протяжении последних четырех веков своего существования западный человек не имел лучшей возможности, чем сейчас, чтобы понять, что, присваивая себе право устанавливать преграды между человеческим и животным миром, предоставляя первому все то, что он отнимает у второго, — он опускается в некий адский круг. Ибо эта преграда, становясь все более непроницаемой, используется для отделения одних людей от других и для оправдания в глазах все более сокращающегося меньшинства его претензии быть единственной человеческой цивилизацией. Такая цивилизация, основанная на принципе и идее повышенного мнения о себе, является гнилой с самого своего рождения.

Только Руссо смог восстать против этого эгоцентризма. Он пишет в цитированном выше примечании к "Рассуждению о неравенстве", что больших обезьян Африки и Азии, известных нам по неумелым описаниям путешественников, он скорее предпочитает отнести к людям неизвестной нам расы, чем рисковать отказать в человеческой природе существам, которые, возможно, ею обладают.

И первая ошибка была бы менее серьезной, чем вторая, потому что уважение к другим возникает произвольно в человеке еще до того, как будут приведены в действие расчет и софистика. Доказательство присущей человеку отзывчивости Руссо находит во "врожденном отвращении к виду страдания себе подобного". И это открытие заставляет его видеть в каждом страждущем существе существо, подобное себе и наделенное, следовательно, неотъемлемым правом на сострадание.

Потому что единственный залог того, что в один прекрасный день другие люди не обойдутся с нами, как с животными, состоит в том, что все люди, и прежде всего мы сами, сумеем осознать себя как страждущие существа, воспитать в себе способность к состраданию, которое в природе заменяет "законы, нравственность и добродетель" и

без которой, как мы теперь понимаем, в обществе не может быть ни закона, ни нравственности, ни добродетели.

Таким образом, провозглашенное Руссо отождествление со всеми формами жизни, начиная с самых скромных, означает для современного человека отнюдь не призыв к ностальгическому возврату в прошлое, а принцип коллективной мудрости и коллективных действий. В мире, перенаселенность которого делает все более трудным, а значит, и более необходимым взаимное уважение, это и есть тот единственный принцип, который смог бы позволить людям жить вместе и строить гармоничное будущее.

Быть может, этот принцип был уже заложен в великих религиях Дальнего Востока, но на Западе, где со времен античности считалось допустимым лицемерие и пренебрежение к той истине, что человек является живым и страдающим существом, таким же, как все остальные существа, до того, как он отделился от них благодаря второстепенным факторам, кто же иной, как не Руссо, донес до нас эту истину?

"Я испытываю ужасное отвращение к государствам, которые господствуют над другими, — пишет Руссо в своем четвертом письме к Мальзербу¹, — я ненавижу великих, я ненавижу их государство". Не применимо ли это заявление прежде всего к человеку, который возымел намерение господствовать над другими живыми существами и пользоваться особыми правами, предоставляя, таким образом, наименее достойным людям свободу поступать так же по отношению к другим людям и извлекать пользу из идеи, такой же бесчестной в этой частной форме, какой она уже была в своей общей форме?

Возомнить себя существом извечно или хотя бы временно поставленным над другими, обращаться с людьми как с вещами либо из-за различия рас и культур, либо в результате завоевания, либо ради "высокой миссии", либо просто ради целесообразности, — это неискупимый грех, которому нет оправдания в цивилизованном обществе.

В жизни Руссо было мгновение, имевшее для него очень большое значение. Он вспоминает его на склоне лет, пишет о нем в своем последнем сочинении, к нему возвращается в мыслях во время одиноких прогулок. Что же это было? Он попросту пришел в себя после падения, вызвавшего глубокий обморок. Но ощущение того, что ты жив, есть, без сомнения, самое "драгоценное чувство" из всех, потому что оно так редко и так неопределенно. "Мне казалось, что я наполняю своим легким существованием все воспринимаемые мною предметы... у меня не было никакого отчетливого ощущения своей личности... я чувствовал во всем своем существе дивное спокойствие и всякий раз, как вспоминаю о нем, не могу подыскать ничего равного ему среди всех изведанных мною

¹ Мальзерб К.Г. (1721 — 1794) — французский юрист, министр короля Людовика XVI, впоследствии, во время революции, казненный.

наслаждений". С этим знаменитым отрывком из второй "Прогулки" перекликается отрывок из седьмой "Прогулки", разъясняющий эти слова: "Я испытываю неизъяснимые восторги, взлеты, растворяясь, так сказать, в системе живых существ, отождествляясь со всей природой".

Это первобытное отождествление, в котором современное общество отказывает человеку и которое он, забыв его основную ценность, может ощущать лишь изредка, при случайном стечении обстоятельств, ведет нас к самым глубинам творчества Руссо. И если мы отводим ему особое место в великих созданиях человеческого гения, то это потому, что Руссо не только открыл в отождествлении истинный принцип человеческого познания и единственные возможные основы нравственности, но и передал нам огонь своей страсти. Вот уже два столетия горит этот огонь и будет вечно гореть в том горниле, где нашли свое единение живые существа, несмотря на тех социологов и философов, которые в своей гордыне изо всех сил стремятся сделать несовместимым мое "я" и мое "другое", мое общество и другие общества, природу и цивилизацию, чувственное и рациональное, человечество и жизнь.

Йохан Хейзинга **(1872-1945)**

Йохан Хейзинга — выдающийся голландский культуролог, взгляды которого формировались в полемике с утвердившейся в 30-е годы фашистской идеологией. Это во многом предопределило специфику культурологических построений ученого. Своеобразие его подхода к проблемам культуры состоит в том, что он отрицал целесообразность абстрактно-теоретического осмысления культуры, полагал что объективные законы истории не существуют, поэтому построение систематизированной культурологической теории невозможно. Цель и способ познания культуры он видит в выявлении основных настроений и мировоззрения эпохи, которое достигается через «вживание» исследователя в духовную суть событий.

Особую известность принесла Хейзинге концепция игрового элемента культуры. В опубликованной в 1938 г. книге «Homo ludens» Хейзинга рассматривает игру в нескольких аспектах: как вид деятельности, как форму происхождения культуры, как обязательный элемент всякой культурной активности, как движущую силу развития культуры.

Вопросы:

- 1. Как определяет Хейзинга игру? Связана ли игра с какой-либо степенью развития культуры?**

2. Можно ли произведение Хейзинги, посвященное игре, рассматривать как культурологическую утопию, как создание образа «настоящей» культуры с тем, чтобы противопоставить его культуре европейской?

«Homo ludens»¹

(...)

Игра старше культуры, ибо понятие культуры, как бы несовершенно его ни определяли, в любом случае предполагает человеческое сообщество, а животные вовсе не ждали появления человека, чтобы он научил их играть.

(...) Природа могла бы дать своим детям все эти полезные функции разрядки избыточной энергии, отдыха после напряжения сил, приготовления к испытаниям жизни и компенсации несбывшихся желаний, на худой конец в форме чисто механических упражнений и реакций. Но нет, она дала нам Игру, с ее напряжением, с ее радостью, с ее шуткой и забавой (grap).

Этот последний элемент, *aardigheid* (шутливость, развлекательность, забавность) игры, сопротивляется всякому анализу, всякой логической интерпретации. Само слово "*aardigheid*" в таком контексте имеет много значений. В его происхождении от "*aard*" («характер, натура, род, вид») словно бы уже заключено признание, что дальше в этимологию углубляться некуда. Для нашего современного чувства языка эта неразложимость, пожалуй, нигде не выражена столь метко, как в английском "*fun*" («шутка, веселье, забава»), которое в своем общеупотребительном значении существует еще сравнительно недавно. С нашими словами "*grap*" и "*aardigheid*", вместе взятыми, корреспондируют, хотя и приблизительно и под другим углом зрения, немецкие слова "*Spaß*" («шутка») и "*Witz*" («юмор, острота»). Странно, что французский язык не имеет эквивалента этому понятию. А ведь как раз данный элемент и определяет сущность игры. В игре мы имеем дело с безусловно узнаваемой для каждого, абсолютно первичной жизненной категорией, некой *тотальностью*, если существует вообще что-нибудь заслуживающее этого имени. Мы должны попытаться понять и оценить игру только в ее целостности.

Реальность, именуемая Игрой, доступная восприятию любого и каждого, простирается в одно и то же время на мир животный и мир человеческий. Поэтому она не может опираться на какой-либо рациональный фундамент, поскольку разумные основания ограничивали бы ее пределы только миром человеческим. Существование игры не

¹ Хейзинга Й. «Homo ludens». Опыт определения игрового элемента культуры. М., 1992.

привязано ни к определенной степени культуры, ни к определенной форме мировоззрения. Любое мыслящее существо может немедленно представить себе эту реальность — игру, «играние» — как самостоятельное, самодовлеющее нечто, если даже его собственный язык не располагает общим словесным выражением этого понятия. Игру нельзя отрицать. Можно отрицать почти все абстрактные понятия: право, красоту, истину, добро, дух, Бога. Можно отрицать серьезность. Игру — нельзя.

Но хочется того или нет, признавая игру, признают и дух. Ибо игра, какова бы ни была ее сущность, не есть нечто материальное. Уже в мире животных ломает она границы физического существования. С точки зрения детерминированно мыслимого мира, мира сплошного взаимодействия сил, игра есть в самом полном смысле слова "superabundans" («излишество, избыток»). Только с вмешательством духа, снимающего эту всеобщую детерминированность, наличие игры делается возможным, мыслимым, постижимым. Бытие игры всякий час подтверждает, причем в самом высшем смысле, супралоогический характер нашего положения во Вселенной. Животные могут играть, значит, они уже нечто большее, чем просто механизмы. Мы играем, и мы знаем, что мы играем, значит, мы более чем просто разумные существа, ибо игра есть занятие вне разумное.

(...)

Кто обратит свой взгляд на функцию игры не в жизни животных и не в жизни детей, а в культуре, тот вправе рассматривать понятие игры в той его части, где от него отступаются биология и психология. Он находит игру в культуре как заданную величину, существовавшую прежде самой культуры, сопровождающую и пронизывающую ее с самого начала вплоть до той фазы культуры, в которой живет сам. Он всюду замечает присутствие игры как определенного качества деятельности, отличного от «обыденной» жизни. Он может не задумываться над тем, насколько удастся научному анализу свести данное качество к факторам количественным. Ведь ему важно определить именно то качество, которое он обнаруживает как свойственное жизненной форме, что именуется им игрой. Игра как форма деятельности, как содержательная форма, несущая смысл, и как социальная функция — вот объект его интереса. Он уже не ищет естественных стимулов, влияющих на игру вообще, но рассматривает игру непосредственно как социальную структуру в ее многообразных конкретных формах. Он старается понять игру такой, какой видит ее сам играющий, то есть в ее первоначальном значении. Если он придет к выводу, что игра опирается на действия с определенными образами, на известное «преображение» действительности, тогда он постарается в первую очередь понять ценность и значение этих образов и самого претворения в образы.

(...)

Игра в нашем сознании противостоит серьезному. Истоки этого противопоставления пока что выявить так же трудно, как и происхождение самого понятия игры. Если присмотреться внимательнее, противопоставление игры и серьезного перестанет нам казаться законченным и устойчивым. Мы можем сказать: игра есть несерьезное. Но помимо того, что эта формула ничего не говорит о положительных качествах игры, ее чрезвычайно легко опровергнуть. Стоит нам вместо «игра есть несерьезное» произнести «игра несерьезна», как данное противопоставление теряет силу, ибо игра может быть по-настоящему серьезной. Более того, мы тотчас же наталкиваемся на различные фундаментальные категории жизни, равным образом подпадающие под рубрику несерьезного, однако никак не соотносимые с игрой. Смех тоже в известном смысле противостоит серьезному, однако между ним и игрой никоим образом нет необходимой связи. Дети, футболисты, шахматисты играют со всей серьезностью, без малейшей склонности смеяться. Примечательное обстоятельство: как раз чисто физиологическое отправление смеха присуще исключительно человеку, в то время как содержательная функция игры является у него с животными общей. Аристотелевское *animal ridens* (смеющееся животное) характеризует человека в противоположность животному, пожалуй, еще более четко, нежели *Homo sapiens*.

(...)

Примем на будущее то положение, что в игре мы имеем дело с функцией живого существа, которая в равно малой степени может быть детерминирована только биологически, только логически или только этически. Понятие игры странным образом лежит в стороне от всех прочих форм нашей мысли, в которых мы способны выразить структуру духовной жизни и жизни общества. Поэтому мы сейчас должны предварительно ограничить свою задачу определением главных признаков игры.

Здесь нам придется очень кстати, что наша тема, взаимосвязь игры и культуры, позволит избежать обозрения всех до единой бытующих форм игры. Мы можем ограничить себя в основном играми социального характера. Если угодно, их можно назвать высшими формами игры. Эти формы легче описывать, чем более примитивные игры младенцев и четвероногой молодежи, поскольку они имеют более сложную и разветвленную структуру, их отличительные признаки более разнообразны и очевидны, меж тем как при определении сущности примитивной игры мы почти сразу наталкиваемся на фундаментальное игровое качество, не выводимое ни из чего другого, которое не поддается, на наш взгляд, анализу. Предметом нашего разговора будут единоборство и состязание в беге, представления и зрелища, танцы и

музыка, маскарад и турнир. Среди признаков, которые мы будем перечислять, некоторые имеют отношение к игре вообще, другие же — к социальной игре в особенности.

Всякая Игра есть, прежде всего, и в первую голову *свободная деятельность*. Игра по приказу уже больше не игра. В крайнем случае, она может быть некой навязанной имитацией, воспроизведением игры. Уже благодаря свободному характеру игра выходит за рамки природного процесса. Она присовокупляется к нему, располагается поверх него как украшение, убор. Разумеется, свободу тут следует понимать в более широком смысле слова, при котором не затронуты проблемы детерминизма.

(...)

Все исследователи подчеркивают незаинтересованный характер игры. Не будучи «обыденной» жизнью, она лежит за рамками процесса непосредственного удовлетворения нужд и страстей. Она прерывает этот процесс. Она вклинивается в него как временное действие, которое протекает внутри себя самого и совершается ради Удовлетворения, приносимого самим совершением действия. Такой, во всяком случае, представляется нам игра сама по себе и в первом приближении: интермеццо повседневной жизни, занятие во время отдыха и ради отдыха. Но уже в этом своем качестве возобновляемого разнообразия она становится сопровождением, приложением, частью жизни вообще. Она украшает жизнь, она дополняет ее и вследствие этого является необходимой. Она необходима индивидууму как биологическая функция, и она необходима обществу в силу заключенного в ней смысла, силу своего значения, своей выразительной ценности, силу завязываемых ею духовных и социальных связей — короче, необходима как культурная функция. Игра удовлетворяет идеалы коммуникации (*uitdrukking*) и общежития. Место ей в сфере более возвышенной, нежели чисто биологический процесс добывания пищи, спаривания и самосохранения. Это высказывание на первый взгляд входит в противоречие с тем фактом, что в животном мире игра занимает большое место в брачный период. Но разве было бы таким уж абсурдом пение, танцы, брачное украшение птиц, равно как и человеческие игры, ситуировать за пределами чисто биологической сферы? Как бы то ни было, человеческая игра во всех своих высших проявлениях, когда она что-то *означает* или что-то *знаменует*, находит себе место в сфере праздника и культа, в сфере священного.

Противоречит ли тот факт, что игра необходима, что она служит культуре, лучше сказать, сама становится культурой,— противоречит ли это ее незаинтересованности? Нет, ибо цели, которым она служит, сами лежат вне сферы прямого материального интереса или индивидуального удовлетворения потребностей. В качестве священнодействия игра может

служить благу целой группы, но иным образом и иными средствами, нежели те, что непосредственно направлены на удовлетворение жизненных потребностей.

Игра обособляется от «обыденной» жизни местом действия и продолжительностью. Изолированность составляет третий отличительный признак игры. Она «разыгрывается» в определенных рамках пространства и времени. Ее течение и смысл заключены в ней самой.

Здесь перед нами еще один новый и позитивный признак игры. Игра начинается и в определенный момент заканчивается. Она сыграна. Пока она происходит, в ней царит движение, прямое и попятное, подъем и спад, чередование, завязка и развязка. С ее временной ограниченностью непосредственно связано другое примечательное качество. Игра сразу фиксируется как культурная форма. Будучи однажды сыгранной, она остается в памяти как некое духовное творение или ценность, передается далее как традиция и может быть повторена в любое время, будь то немедленно, как детская забава, партия в триктрак, бег взапуски, либо после длительного перерыва. Эта повторяемость есть одно из существеннейших свойств игры. Она характеризует не только игру в целом, но и ее внутреннюю структуру. Элементы повтора, рефрена, чередования встречаются на каждом шагу почти во всех развитых игровых формах.

Еще замечательнее временного ограничения пространственное ограничение игры. Любая игра протекает внутри своего игрового пространства, которое заранее обозначается, будь то материально или только идеально, преднамеренно или как бы само собой подразумеваясь. Подобно тому, как формально отсутствует всякое различие между игрой и священнодействием, иначе говоря, священнодействие совершается в тех же формах, что и сама игра, так и освященное место формально не отличается от игрового пространства. Арена цирка, игровой стол, волшебный круг, храм, сцена, экран синематографа, судное место — все они по форме и функции суть игровые пространства, то есть отчужденная земля, обособленные, выгороженные, освященные территории, на которых имеют силу особенные, собственные правила. Это как бы временные миры внутри обычного, созданные для выполнения замкнутого в себе действия.

Внутри игрового пространства царит собственный, безусловный (*volstrekt*) порядок. И тут мы опять открываем для себя новую, еще более положительную черту игры: она творит порядок, она есть порядок. В несовершенном мире и сумбурной жизни она создает временное, ограниченное совершенство. Порядок, устанавливаемый игрой, имеет непреложный характер. Малейшее отклонение от него расстраивает игру, лишает ее собственного характера и обесценивает. В этой органичной связи с понятием порядка заключается, вне всякого

сомнения, причина того, почему игра, как мимоходом уже отмечалось выше, по видимости располагается в столь значительной части на территории эстетического. Игра, говорили мы, имеет склонность быть красивой. Этот эстетический фактор, по всей вероятности, тождествен стремлению творить, что оживляет игру во всех ее видах и обликах. Слова, с помощью которых мы можем именовать элементы игры, принадлежат большей частью сфере эстетического. Это те же самые термины, которыми мы обозначаем проявления прекрасного: напряжение, равновесие, балансирование, чередование, контраст, вариантность, завязка и развязка, разрешение. Игра связывает и освобождает. Она приковывает, как бы зачаровывает. Она исполнена тех двух благороднейших качеств, которые человек способен замечать в вещах окружающего мира и сам может выразить: ритма и гармонии.

Среди квалификаций, уместных в отношении игры, мы называли напряжение. Элемент напряжения занимает в игре особое и важное место. Напряжение означает неуверенность, неустойчивость, некий шанс или возможность. В нем есть стремление к разрядке, расслаблению. Чтобы нечто «удалось», требуются усилия. Этот элемент присутствует уже в хватательных движениях грудного младенца, у котенка, гоняющего катушку ниток, у играющей в мяч маленькой девочки. Он преобладает в индивидуальных играх на ловкость или сообразительность — головоломке, мозаике, пасьянсе, стрельбе в мишень, — и значение его возрастает по мере того, как игра приобретает все более соревновательный характер. В азартной игре и в спортивном состязании он достигает крайней точки. Именно элемент напряжения сообщает игровой деятельности, которая сама по себе лежит вне области добра и зла, вполне определенное этическое содержание.

(...)

Инобытие и тайна игры вместе наглядно выражаются в переодевании. Здесь достигает законченности «необычность» игры. Переодеваясь или надевая маску, человек «играет» другое существо. Он и есть это «другое существо»! Детский испуг, бурный восторг, священный ритуал и мистическое претворение неразлучно сопутствуют всему, что есть маска и переодевание.

Суммируя эти наблюдения с точки зрения формы, мы можем теперь назвать игру свободной деятельностью, которая осознается как «невзаправду» и вне повседневной жизни выполняемое занятие, однако она может целиком овладевать играющим, не преследует при этом никакого прямого материального интереса, не ищет пользы, — свободной деятельностью, которая совершается внутри намеренно ограниченного пространства и времени, протекает упорядоченно, по определенным правилам и вызывает к жизни общественные группировки, предпочитающие окружать себя тайной либо

подчеркивающие свое отличие от прочего мира всевозможной маскировкой.

Функция игры в ее высокоразвитых формах, о которых здесь идет речь, в подавляющем большинстве случаев может быть легко выведена из двух существенных аспектов, в которых она проявляется. Игра есть борьба за *что-нибудь* или же представление *чего-нибудь*. Обе эти функции без труда объединяются таким образом, что игра «представляет» борьбу за что-то либо является состязанием в том, кто лучше других что-то представит.

Слово «представлять» по своему происхождению значит «ставить что-то перед глазами». Это может быть простой показ перед зрителями чего-либо естественно существующего, данного самой природой. Павлин или индюк показывает самкам свое роскошное оперение, но в этом показе уже видна демонстрация чего-то необыкновенного, особенного с целью вызвать восхищение. Если птица делает при этом танцевальные па, тогда это уже представление, выход за рамки обычной действительности, транспонирование этой действительности в некий более высокий порядок. Мы не знаем, что чувствуют при этом сами животные. В жизни ребенка такого рода представления уже с самых ранних лет полны образности. Ребенок «воображает» нечто другое, представляет что-то более красивое или возвышенное или более опасное, чем его обычная жизнь. Ребенок видит себя принцем или отцом, или злой ведьмой, или тигром. При этом он испытывает такую степень восторга, которая совершенно роднит его с мыслью, что он и взаправду принц и т. д., хотя «обыденная» реальность при этом и не вытесняется полностью из сознания. Его представление есть «как будто» воплощение, мнимое осуществление, есть плод «воображения», то есть выражение или представление в образе.

Переходя теперь от детской игры к священным представлениям в культе архаических культур, мы находим здесь в сравнении с детской игрой больше духовного элемента, который весьма нелегко поддается точному определению. Священное представление есть нечто большее, чем мнимое осуществление, чем символическое воплощение, оно есть мистическое претворение. В представлении этом нечто невидимое и невыразимое принимает прекрасную, существенную, священную форму. Участники культа убеждены, что действие это актуализирует некое благо, и некий высший порядок вещей освящает при этом их обычную жизнь. Тем не менее, это претворение через представление сохраняет и далее во всех аспектах формальные признаки игры. Оно разыгрывается, ставится, как спектакль, внутри реально обособленного игрового пространства, разыгрывается, как праздник, то есть в свободе и радости. Ради него выгораживается собственный, временно действующий мир, Но с завершением игры действие его не прекращается, а излучает свое

сияние на обычный мир вовне, учиняет безопасность, порядок, благоденствие группы, управлявшей этот праздник...

(...)

Выделение освященного места, святилища, есть также первейший признак сакрального акта. Это требование изоляции, обособления в культе, включая магию и правовую практику, содержит в себе далеко не только лишь пространственный и временной смысл. Почти все виды ритуала посвящения и освящения предусматривают создание искусственных ситуаций исключения и обособления для исполнителей или посвящаемых. Повсюду, где речь идет о принятии в некий орден или братство, о тайном союзе, о клятве или обете, в том или ином виде в игру обязательно бывает замешано подобное отграничение, внутри которого и действует данный факт и ритуал. Чародей, гадатель, жрец перед жертвоприношением начинает с того, что очерчивает себе магический круг. Тайнство и мистерия предполагают наличие святилища.

Формально функция этого обособления ради священной цели или ради чистой игры совершенно одна и та же. Ипподром, теннисный корт, размеченная площадка для детской игры в «классики», шахматная доска функционально не отличаются от храма или магического круга. Поразительная гомогенность ритуалов освящения по всей земле указывает на то, что подобные обычаи коренятся в очень древнем и фундаментальном свойстве человеческого духа. Это всеобщее сходство культурных форм нередко сводят к чисто логической причине, объясняя потребность в отграничении стремлением оградить святилище от вредных воздействий извне, поскольку оно в силу своей святости особенно подвержено опасностям и само несет опасность. Тем самым зачину названного культурного процесса приписываются разумные основания и полезные цели, то есть дается утилитарное объяснение. Хотя при этом и не впадают снова, как некогда, в трюизм о хитрых священниках, которые выдумали религию, но что-то от рационалистских мотивирующих домыслов данное воззрение все же сохраняет. Если же, напротив, принять как данность сущностное и изначальное тождество игры и ритуала и тем самым признать святилище, по сути дела, игровым пространством, тогда вводящий в заблуждение вопрос: «Зачем, почему?» — вообще не возникнет.

Если священнодействие, судя по всему, формально мало отличается от игры, тогда встает вопрос, не заходит ли подобие между культом и игрой дальше чисто формального момента. Достойно удивления, что история религии и этнология не делают никакого акцента на вопросе, в какой степени происходящие в форме игры сакральные акты отличаются также игровым поведением и настроением их участников. Насколько я мог убедиться, Фробениус тоже не задавался этим вопросом. Что же касается меня, то я бы ограничился здесь некоторыми замечаниями, обобщающими самые разные источники.

Состояние духа, в котором общество переживает и принимает культовые ритуалы, в первую очередь отличается высокой и священной серьезностью; этот факт сам собой разумеется. И все же повторим еще раз: настоящее и спонтанное игровое поведение тоже может быть глубоко серьезным. Играющий может предаваться игре всей душой. Сознание «это только игра» при этом вытесняется далеко на задний план. Неразлучно связанная с игрой радость переходит не только в напряжение, но и в подъем чувств. На двух полюсах игровой атмосферы стоят ликование (*uitgelatenheid*) и экзальтация. Не случайно оба эти слова выражают некие крайние состояния. Наверное, можно было бы сказать, что игровое настроение всегда мажорно. Но это приведет нас к вопросам психологии, чего хотелось бы избежать.

Как же обстоит дело с соблюдением и атмосферой священных празднеств? Слово «празднество» говорит уже само за себя: празднуется священный акт, то есть, иными словами, он попадает в рамки праздника. Народ, торжественно собирающийся к своим святыням, собирается для совместного выражения радости. Освящение, жертвоприношение, священные танцы, сакральные состязания, представления, таинства и мистерии — все они охватываются рамками празднества. И даже несмотря на кровавые ритуалы, жестокие испытания посвящаемых, наводящие ужас маски, все событие разыгрывается как праздник. Обыденная жизнь остановлена....

Хосе Ортега-и-Гассет (1883-1955)

Испания, в отличие от Франции и Германии последних трех столетий, не выдвинула большого числа мыслителей, получивших признание за ее пределами. Тем более привлекательна фигура философа, публициста и общественного деятеля Хосе Ортеги-и-Гассета. Республиканец, либерал и сторонник европеизации Испании. В качестве теоретика культуры Ортега стал одним из главных создателей теорий «массового общества и массового искусства» и видным теоретиком творческого «модернизма».

Хосе Ортега-и-Гассет родился в семье известного журналиста и депутата испанского парламента, закончил иезуитский колледж и столичный университет (1904), учился в Германии и с 1910 г. в течение четверти века возглавлял кафедру метафизики на факультете философии и языка Мадридского университета, одновременно занимаясь издательской и политической деятельностью в рядах антимонархической, а позднее антифашистской интеллигенции. С 1936 по 1948 г. философ находился в эмиграции в Германии, Аргентине и Португалии.

В самом известном своем труде "Восстание масс" (1930), переведенном на многие языки, Ортега-и-Гассет развивает мысль о том, что современное

общество и его культура поражены тяжелой болезнью — засильем бездуховного, лишённого каких-либо стремлений человека-обывателя, навязывающего свою волю и стиль жизни целым государствам и даже порождающего порой такие же самодовольно-невежественные тоталитарные режимы. Ортега предлагает делить людей на тех, кто трудом и творчеством двигает человечество вперед, и тех, кто, «как все», плывет по течению, захлестывая активное меньшинство. Трагедия современного мира, по Ортеге, заключается в гибели "духовных элит" и их высокой культуры и в повсеместном торжестве посредственности, порожденной стандартизацией и массовостью и неспособной выдвинуть новых Сервантесов, Шекспиров или Толстых. В критике «массовой культуры» Ортега-и-Гассет идет за Ницше, Шпенглером и другими мыслителями-культурологами.

Восстание масс¹

Часть первая

Вопросы:

- 1. Какой круг вопросов, связанных с состоянием и характерными чертами современной культуры, затронут в приведенном отрывке?**
- 2. В чем суть теории Х.Ортеги-и-Гассета о массовом обществе и массовой культуре? Чем принципиально отличается массовая культура от культуры предшествующих эпох?**
- 3. Изложите основные идеи Х.Ортеги-и-Гассета и ответьте на вопрос, кажутся ли они вам верными или неверными?**

1. Феномен стадности

Происходит явление, которое к счастью или к несчастью, определяет современную европейскую жизнь. Этот феномен — полный захват массами общественной власти. Поскольку масса, по определению, не должна и не способна управлять собой, а тем более обществом, речь идет о серьезном кризисе европейских народов и культур, самом серьезном из возможных. В истории подобный кризис разражался не однажды. Его характер и последствия известны. Известно и его название. Он именуется восстание масс.

Чтобы понять это грандиозное явление, надо стараться не вкладывать в такие слова, как «восстание», «власть» и т.д., смысл исключительно или преимущественно политический. Общественная жизнь — процесс не только политический, но вместе с тем и даже прежде того интеллектуальный, нравственный, экономический, духовный...

¹ Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997.

...лучший способ подойти к этому историческому феномену – довериться зрению, выделив ту черту современного мира, которая первой бросается в глаза.

Назвать ее легко, хоть и не так легко объяснить, - я говорю о растущем столпотворении, стадности, всеобщей переполненности. Города переполнены. Отели переполнены. Кафе уже не вмещают посетителей. Улицы – прохожих...Становится вечной проблемой то, что раньше не составляло труда, – найти место. (...)

Что же мы в сущности видим и чему так удивляемся? Перед нами - толпа как таковая, в чьем распоряжении сегодня все, что создано цивилизацией. (...)

Столпотворение, переполненность раньше не были повседневностью. Что же произошло? (...)

Толпа, возникшая на авансцене общества, внезапно стала зримой. Прежде она, возникая, оставалась незаметной, теснилась где-то в глубине сцены; теперь она вышла к рампе – и сегодня это главный персонаж. Солистов больше нет – один хор.

Толпа – понятие количественное и визуальное: множество. Переведем его... на язык социологии. И получим «массу». (...) Масса – это «средний человек». Стихийный рост массы предполагает совпадение мыслей, целей, образа жизни. Но не так ли обстоит дело с любым сообществом, каким бы избранным оно себя не считало? В общем, да. Но есть существенная разница.

В обществах, чуждых массовости, совместная цель, идея или идеал служат единственной связью, что само по себе исключает многочисленность. Для создания меньшинства – какого угодно - сначала надо, чтобы каждый по причинам *особым*, более или менее личным, отпал от толпы. Его совпадение с теми, кто образует меньшинство – это позднейший результат особости каждого. (...)

В сущности, чтобы ощутить массу как психологическую реальность, не требуется людских скопищ. По одному-единственному человеку можно определить, масса это или нет. Масса – всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, «как и все», и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью. Представим себе, что самый обычный человек, пытаясь мерить себя особой мерой – задаваясь вопросом, есть ли у него какое-то дарование, умение, достоинство, - убеждается, что нет никакого. Этот человек почувствует себя заурядностью, бездарностью, серостью. Но не «массой».

Обычно, говоря об «избранном меньшинстве», передергивают смысл этого выражения, притворно забывая, что избранные не те, кто кичливо ставит себя выше, но те, кто требует от себя больше, даже если требование к себе непосильно. И конечно, радикальней всего делить человечество на два класса: на тех, кто требует от себя многого и сам на

себя взваливает тяготы и обязательства, и на тех, кто не требует ничего и для кого жить – это плыть по течению, оставаясь таким, каков он ни на есть, и не сясь перерасти себя.

Таким образом, деление общества на массы и избранные меньшинства типологическое и не совпадает с делением на социальные классы, ни с их иерархией. Внутри любого класса есть собственные массы и меньшинства. ...плебейство и гнет массы даже в кругах, традиционно элитарных, - характерный признак нашего времени. Так, интеллектуальная жизнь, казалось бы взыскательная к мысли, становится триумфальной дорогой псевдоинтеллигентов, не мыслящих, немислимых и ни в каком виде неприемлемых. Ничем не лучше останки «аристократии», как мужские так и женские. И напротив, в рабочей среде, которая прежде считалась эталоном массы, не редкость сегодня встретить души высочайшего закала.

Далее. Во всех сферах общественной жизни есть обязанности и занятия особого рода, и способностей они требуют тоже особых. Это касается и зрелищных или увеселительных программ, и программ политических и правительственных. Подобными делами всегда занималось опытное, искусное или хотя бы претендующее на искусность меньшинство. Масса ни на что не претендовала, прекрасно сознавая, что если она хочет участвовать, то должна обрести необходимое умение и перестать быть массой.

Если вернуться к изложенным выше фактам, они предстанут безошибочными признаками того, что роль массы изменилась. Все подтверждает, что она решила выйти на авансцену, занять места и получить удовольствия и блага, прежде адресованные немногим. (...)

...новоявленные политические режимы, недавно возникшие, представляются мне не чем иным, как политическим диктатом масс. Прежде народовластие было разбавлено изрядной порцией либерализма и преклонения перед законом. Служение этим двум началам требовало от каждого большой внутренней дисциплины. Благодаря либеральным основам и юридическим нормам могли существовать и действовать меньшинства. Закон и демократия, узаконенное существование, были синонимами. Сегодня мы видим торжество гипердемократии, при которой масса действует непосредственно, все всякого закона, и с помощью грубого давления навязывает свои желания и вкусы. (...)

В этом процессе, который предстоит анализировать, можно выделить два момента: во-первых, сегодня массы достигли жизненного уровня, подобного тому, который прежде казался предназначенным лишь для немногих; во-вторых, массы вышли из повиновения, не подчиняются никакому меньшинству, не следуют за ним и не только не считаются с ним, но и вытесняют его и сами его замещают.

В XVIII веке определенные узкие круги открыли, что каждому человеку, без каких-либо оценок, один уже факт его появления на свет

дает основные политические права, названные правами человека и гражданина, и что в действительности лишь эти всеобщие права и существуют. Все иные права, связанные с личными заслугами, осуждались как привилегии. Вначале это было идеей немногих и чистой теорией, но вскоре эти немногие, лучшие из немногих стали воплощать свою идею в жизнь, утверждать и отстаивать ее. Однако в течение всего XIX века масса, вдохновляясь идеей всеобщих прав как идеалом, за собой этих прав не чувствовала, не пользовалась и не дорожила ими, а продолжала жить и ощущать себя в условиях демократии так же, как до нее. «Народ» - так теперь в духе времени именовали массу – «народ» уже знал, что он властитель, но сам в это не верил. Лишь сегодня идеал осуществился – и не в законодательстве, ... а в сердце каждого человека независимо от убеждений, включая убежденных реакционеров; *другими словами - включая тех, кто крушит и вдребезги разносит устои, обеспечившие ему всеобщие права.* (...) Приоритет человека вообще, без примет и отличий, человека как такового, превратился из общей идеи и правового идеала в массовое мироощущение, во всеобщую психологическую установку. Заметим, что идеал, осуществляясь, перестает быть идеалом.

Все так, но ведь смысл равноправия в том и состоял, чтобы вызволить человеческие души из внутреннего рабства и уверить их в собственном достоинстве и могуществе. Чего добивались? Чтобы простой человек ощутил себя господином своей судьбы? Цель достигнута. (...)

Итак, в жизнь рядового человека вошло все то, что отличало лишь самые верхи общества. (...) И если сегодня средний уровень достиг отметки, которой прежде касались лишь аристократы, надо честно признать, что уровень истории внезапно поднялся.... Человеческая жизнь вся сразу пошла в гору.

Все блага и беды настоящего и ближайшего будущего берут истоки в этом общем подъеме исторического уровня. (...)

Торжеством масс и последующим сказочным подъемом жизненного уровня Европа обязана двухвековому внутреннему процессу – материальному обогащению общества, воспитанного прогрессистами. (...)

IV. Рост жизни

Захват власти массами и возросшая вслед за ними высота времени – в свою очередь лишь следствия одной общей причины. (...) Просто-напросто мир неожиданно вырос, а вместе с ним выросла и жизнь. Прежде всего, она стала планетарной; я хочу сказать, что жизнь рядового человека вмещает сегодня всю планету, что простой смертный привычно обживает весь мир. (...)

Но существенно даже не то, что мир увеличился в размерах; существенней, что в мире всего стало больше. Всего, что можно придумать, пожелать, создать, разрушить, найти, употребить или отвергнуть – что ни глагол, то сгусток жизненной активности. Возьмем самое житейское, например, покупку. Представьте, что два человека, один – в наши дни, а другой – в XVIII веке, владеют одинаковым, соответственно ценам обеих эпох, состоянием, и сравните ассортимент товаров, доступных тому и другому. Разница почти фантастическая. Возможности современного покупателя выглядят практически безгранично. (...)

...нашему времени присуще редкостное чувство превосходства над любыми другими эпохами; больше того, оно не приводится с ними к общему знаменателю, равнодушно к ним, не верит в образцовые времена и считает себя совершенно новой высшей формой жизни.

(...) Именно здесь его главная проблема. Если бы оно ощущало упадок, то смотрело бы на прошлое снизу вверх и потому считалось с ним, восхищалось им и чтило его заветы. У нашего времени были бы ясные и четкие цели и не было бы сил достичь их. Действительность же прямо противоположна: мы живем в эпоху, которая чувствует себя способной достичь чего угодно, но не знает чего именно. Она владеет всем, но только не собой. Она заблудилась в собственном изобилии.

V. Статистическая справка

В этой работе я хотел бы угадать недуг нашего времени, нашей сегодняшней жизни. И первые результаты можно обобщить так: современная жизнь грандиозна, избыточна и превосходит любую исторически известную. (...) Жизнь – это прежде всего наша возможная жизнь, то, чем мы способны стать, и как выбор возможного – наше решение, то, чем мы действительно становимся. Обстоятельства, то есть возможности, нам заданы и навязаны. Мы называем их миром. Вместо единственной траектории нам задается множество, и мы, соответственно, обречены ... выбирать себя. Жить – значит быть *осужденным на свободу*, вечно решать, чем ты станешь в этом мире.

Чем дольше существуешь, тем тягостней убеждаешься, что большинству не доступно никакое усилие.

VI. Введение в анатомию массового человека

Кто он, тот массовый человек, что главенствует сейчас в общественной жизни, политической и неполитической? Почему он таков, каков есть, иначе говоря, как он получился таким?

Человек, который намерен сегодня возглавлять европейскую жизнь, мало похож на тех, кто двигал девятнадцатый век, но именно

девятнадцатым веком он рожден и вскормлен.(...) Какой представлялась жизнь той человеческой массе, которую в изобилии плодил XIX век? Прежде всего и во всех отношениях – материально доступной. Никогда еще рядовой человек не утолял с таким размахом свои житейские запросы...росло чувство надежности и собственной независимости. То, что прежде считалось удачей и рождало смиренную признательность судьбе, стало правом, которое не благословляют, а требуют.

Этой материальной доступности и обеспеченности сопутствует житейская – *confort* и общественный порядок. Жизнь катится по надежным рельсам, и столкновение с чем-то враждебным и грозным мало представимо... во всех основных и решающих моментах жизнь представляется новому человеку *лишенной преград*. Это обстоятельство и его важность осознаются сами собой, если вспомнить, что прежде рядовой человек не подозревал о такой жизненной раскрепощенности. Напротив, жизнь была для него тяжелой участью – и материально и житейски. Он с рождения ощущал ее как скопище преград, которые обречен терпеть, с которыми принужден смириться и втиснуться в отведенную ему щель.

Контраст еще очевидней, если от материального перейти к аспекту гражданскому и моральному. С середины прошлого века средний человек не видит перед собой никаких социальных барьеров.

(...)

Средний человек усваивает как истину, что все люди узаконенно равны.

Никогда за всю историю человек не знал условий, даже отдаленно похожих на современные. Три начала сделали возможным этот новый мир: либеральная демократия, экспериментальная наука и промышленность. Два последних фактора можно объединить в одно понятие – техника.

Девятнадцатый век был революционным по сути.... он поместил огромную массу общества в жизненные условия, прямо противоположные всему, с чем средний человек свыкся ранее. (...)

Прежде даже для богатых и могущественных земля была миром нужды, тягот и риска¹.

Тот мир, что окружает нового человека с колыбели, не только не понуждает его к самообузданию, не только не ставит перед ним никаких запретов и ограничений, но напротив, непрестанно берedit аппетиты, которые в принципе могут расти бесконечно... мало кто сомневается, что автомобили через пять лет будут лучше и дешевле, чем сегодня. Это

¹ При любом относительном богатстве сфера благ и удобств, обеспеченных им, крайне сужена всеобщей бедностью мира. Жизнь среднего человека сегодня много легче, изобильней и безопасней жизни могущественнейшего властителя иных времен. Какая разница, кто кого богаче, если мир богат и не скупится на автострады, магистрали, телеграфы, отели, личную безопасность и аспирин.

так же непреложно, как завтрашний восход солнца. Видя мир так великолепно устроенным и слаженным, человек заурядный полагает это делом рук самой природы и не в силах додуматься, что это требует усилий людей незаурядных. Еще трудней ему уразуметь, что все эти легко достижимые блага держатся на определенных и нелегко достижимых человеческих качествах, малейший недобор которых незамедлительно развеет прахом великолепное сооружение.

Пора уже наметить... психологический рисунок сегодняшнего массового человека: эти две черты – беспрепятственный рост жизненных запросов и, следовательно, безудержная экспансия собственной натуры и второе – врожденная неблагодарность ко всему, что сумело облегчить ему жизнь. Обе черты рисуют весьма знакомый душевный склад – избалованного ребенка. Современная чернь избалована окружением. Баловать – значит потакать, поддерживать иллюзию, что все дозволено и ничто не обязательно. Избавленный от любого давления извне, от любых столкновений с другими, он [ребенок] и впрямь начинает верить, что существует только он, и привыкает ни с кем не считаться, а главное – никого не считать лучше себя. (...)

Массовый человек, верный своей природе, не станет считаться ни с чем, помимо себя, пока нужда не заставит. А так как сегодня она не заставляет, он и не считается, полагая себя хозяином жизни. Напротив, человек недюжинный, неповторимый внутренне, нуждается в чем-то большем и высшем, чем он сам, постоянно сверяется с ним и служит ему по собственной воле. Вспомним, чем отличаются избранный от заурядного человека – первый требует от себя многого, второй в восторге от себя и не требует ничего¹. Вопреки ходячему мнению служение – удел избранных, а не массы. Жизнь как испытание – это благородная жизнь. Благородство определяется требовательностью и долгом, а не правами. *Noblesse oblige*². «Жить как хочется – плебейство, благородны долг и верность» (Гёте).

Для меня «благородство» – синоним жизни окрыленной, призванной перерасти себя и вечно устремленной от того, чем она становится, к тому, чем должна стать. И людей, живущих инертно, мы называем массой не за их многочисленность, а за их инертность.

Чем дольше существуешь, тем тягостнее убеждаешься, что большинству недоступно никакое усилие, кроме вынужденной реакции на внешнюю необходимость. Поэтому так редки на нашем пути те немногие, кто оказался способен на самопроизвольное щедрое усилие.

¹ Массовое мышление – это мышление тех, у кого на любой вопрос заранее готов ответ, что не составляет труда и вполне устраивает. Напротив, незаурядность избегает судить без предварительных умственных усилий и считает достойным себя только то, что еще недоступно и требует нового взлета мысли.

² Положение (букв. благородство) обязывает (фр.)

XIX век создал новый тип человека, наделив его ненасытными потребностями и могучими средствами для их удовлетворения, небывалыми по своей массовости и действенности. Наделив его все этой мощью, XIX век предоставил его самому себе, и средний человек, верный своей природной неподатливости, наглухо замкнулся. В итоге сегодня масса сильнее, чем когда-либо, но при этом непробиваема, самонадеянна, и не способна считаться ни с кем и ни с чем – словом, неуправляема. (...)

Массовый человек ощущает себя совершенным. (..) Сегодняшней заурядности, этому новому Адаму, и в голову не взбредет усомниться в собственной избыточности.

(...)

Мир сегодня глубоко деморализован, и один из симптомов этого – разнузданный бунт масс, а источником недуга стала Европа. Причин тому много, но одна из главных – перераспределение власти, которую прежде осуществлял над собой и остальным миром наш континент.

(...)

Суть дела такова: Европа утратила нравственность. Прежнюю массовый человек отверг не ради новой, а ради того, чтобы согласно своему жизненному складу, не придерживаться никакой. Что бы не твердила молодежь о «новой морали», не верьте ни единому слову. Утверждаю, что на всем континенте ни у кого из знатоков нового *ethos* нет и подобия морали.

Так что наивно укорять современного человека в безнравственности. Это не только не заденет, но даже польстит. Безнравственность нынче стала ширпотребом, и кто только не щеголяет ею.

(...)

Отвращением к долгу отчасти объясняется и полусмешной-полупостыдный феномен нашего времени – культ «молодежи» как таковой. Все от мала до велика подались в «молодые», прослышав, что у молодых больше прав, чем обязанностей, поскольку последние можно отложить в долгий ящик и приберечь для зрелости. Молодость как таковую всегда освобождали от тяжести свершений. Она жила в долг. По-человечески так и должно быть. Это мнимое право ее снисходительно и ласково дарят старшие. И надо же было настолько одурманить ее, что она и впрямь сочла это своим заслуженным правом, за которым должны последовать и все прочие заслуженные права...

Именной указатель

- Аристотель (384-322 до н.э.)** ученик Платона, создатель самой обширной научной системы из существовавших в античности.
- Бердяев Н.А. (1874-1948)** – один из крупнейших русских философов XX века. В многочисленных трудах Н.А.Бердяева (около 40 книг) проблемы творчества, вопросы культуры и искусства занимают едва ли не преобладающее место, что позволяет считать его одним из ведущих отечественных культурологов.
- Вернадский В.И. (1863-1945)** – выдающийся русский ученый, развил учение о биосфере и месте в ней человека, обосновал переход биосферы в ноосферу.
- Данилевский Н.Я (1822-1885)**, русский социолог и естествоиспытатель, часто причисляемый к основоположникам теории цивилизаций, его основной труд: Россия и Европа.
- Кассирер Э. (1874-1945)** – немецкий философ, представитель «символической» школы, объединяющей преимущественно лингвистов, филологов широкого профиля и искусствоведов, которые сводят любые проявления материальной и духовной культуры к ее чисто знаковой сущности. Кассирер как один из создателей философии культуры стал родоначальником семиотики – новой научной дисциплины, изучающей закономерности строения и функционирования различных знаковых систем, сохраняющих и передающих информацию как в человеческом обществе (язык, разные виды искусства, научные знаковые системы и т.п.), так и в природе (коммуникация в мире животных).
- Крижанич Юрий** - славянский патриот, сторонник объединения всех славянских народов под властью русского царя. Выступал горячим приверженцем обновления и реформирования России, изменения ее законодательства и судебной системы, выступал за создание в России системы образования на европейский манер.
- Леви-Строс (р.1908)** – французский этнограф, антрополог и социолог, представитель структурализма.
- Лихачев Д.С.** - наиболее оригинальным вкладом ученого в общую культурологию стала предложенная им под влиянием В.И. Вернадского идея гомосферы (т.е. человеческой сферы) Земли, а также разработка основ новой научной дисциплины — экологии культуры.
- Локк Дж. (1632-1704)** - английский философ, принимал активное участие в политической борьбе в Англии, разработал учение о государственной власти, развивал идею о переходе из естественного состояния к гражданскому состоянию. Цель государства по Локку – сохранение свободы и собственности.

- Макиавелли Николо (1469-1527)** – итальянский мыслитель. Считал, что в политической борьбе во имя великих целей допустимо пренебрегать законами морали и применять любые средства в борьбе правителей за власть.
- Моисеев Н.Н.** – математик, эколог. Осмысливал вопрос о взаимоотношении человека и природы, разработчик так называемого принципа антропности.
- Монтескье Ш. (1689-1755)** – французский философ-просветитель, политический мыслитель, социолог и историк, развивал идею всеобщей закономерности, которой подчинены все явления в природе и обществе.
- Ницше Фридрих (1844-1900)** - немецкий философ, представитель философии жизни
- Ортега-и-Гассет Хосе (1883- 1955)** – испанский философ, в центре его внимания стояли социальные вопросы; впервые изложил основные принципы «массовой культуры».
- Петрарка Франческо (1304-1374)** - итальянский поэт, родоначальник гуманистической культуры Возрождения.
- Печчеи Аурелио** - видный итальянский экономист, предприниматель и организатор науки. Комплекс вопросов «научно-технический прогресс — экология — культура» стал основным в практической и творческой деятельности **Аурелио Печчеи**. Ему принадлежит заслуга создания международного научно-аналитического сообщества ученых, так называемого Римского клуба, стремящегося комплексными, в том числе и математическими, методами прогнозировать будущее мировой цивилизации.
- Пико Дела Мирандола Джованни (1463-1494)** – происходил из семьи графов Мирандолы, получил широкое университетское образование, поражал современников прекрасным знанием древних и новых языков (греческого, латинского, арабского, халдейского, еврейского и др.), широчайшей философской эрудицией. В 1487 г. его «900 тезисов», выдвинутые для публичного чтения в Риме, были признаны еретическими по решению комиссии папы Иннокентия VIII. От сурового приговора Пико спасло заступничество Лоренцо Медичи, взявшего его «на поруки». Все последующие годы Пико провел во Флоренции в кругу друзей. Здесь он написал ряд своих значительных сочинений: «De Ente et Uno» («О Сущем и Едином»), «Disputationes adversus astrologiam divinatricem» (Рассуждения против божественной астрологии) и др. Творчество Пико отличается стремлением к созданию собственной философской системы, в которой сплавляются многие разнородные идеи, для Пико характерен оригинальный смелый подход к решению философских проблем.

- Полибий** – историк III –II века до н.э. Наряду со Страбоном считается основателем теории географического детерминизма.
- Полоцкий Симеон (1629-1680)** – русский ученый, просветитель, поэт и книгоиздатель.
- Руссо Ж.Ж. (1712-1778)** – представитель французского Просвещения, сторонник теории общественного договора.
- Сорокин П.А. (1889-1868)** - российский и американский социолог, один из основоположников теории социологии. Соч.: Social and Cultural Dynamics. V. 1-4; Sociological Theories of Today.
- Страбон** – см. Полибий
- Тейяр де Шарден Пьер (1881-1955)** - французский ученый, философ, палеонтолог, один из открывателей синантропа; антрополог и богослов; разработал теорию о «культурном слое», обозначив в его термином «ноосфера», автор идеи «благоговения перед жизнью».
- Тойнби Арнольд (1889-1975)**, видный британский историк и цивилизационщик
- Хейзинга Йохан (1872-1945)** – испанский культуролог, создатель игровой концепции культуры.
- Чаадаев Петр Яковлевич (1794-1856)** - В творческом наследии Чаадаева, которое было достаточно противоречивым, имеет место как критика современной мыслителю российской действительности так и признание духовных достоинств России и её особой исторической роли. С Чаадаева, по существу, начинается бурное развитие национального самосознания с его основной дихотомией «западничество» — «славянофильство», которая ощущается вплоть до наших дней. Особо следует выделить мысль Чаадаева о призвании России соединить в себе непохожие цивилизации Востока и Запада, что отдаленно предвещало современные идеи евразийства.
- Швейцер Альберт (1875-1965)** – немецко-французский мыслитель, представитель философии культуры.
- Шпенглер Освальд (1880-1936)** – немецкий философ и историк, один из основоположников теории цивилизаций и философии культуры.
- Энгельс Фридрих (1820-1895)** – немецкий философ и социолог, один из основоположников марксизма, автор многих работ, в том числе: «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884).
- Юнг Карл Густав (1875-1961)** – швейцарский психолог, философ и психиатр. Развил свою версию учения о бессознательном, назвав ее «аналитической психологией». Наряду с «индивидуальным бессознательным» Фрейда выдвинул понятие «коллективного бессознательного».

Библиографический список

1. Антология кинизма. М., 1996.
2. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т.4. М., 1984.
3. Атеистический словарь. М., 1984.
4. Барт Р. Мифологии. М., 1996.
5. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
6. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1994.
7. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. М., 1994.
8. Бирлайн Дж. Ф. Параллельная мифология. М., 1997.
9. Вернадский В.И. Биосфера и Ноосфера. М., 1989.
10. Вернадский В.И. Живое вещество и биосфера. М., 1994.
11. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
12. Гесиод. Труды и дни. Теогония // Эллинские поэты. М., 1963.
13. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990.
14. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., 1994.
15. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к Романо-германскому. СПб., 1995.
16. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
17. Ерасов Б.С. Социальная культурология. М., 1997.
18. Зеньковский В.В. История русской философии. Т.1-4. Л., 1991.
19. Каган М.С. Философия культуры. СПб., 2000.
20. Карягин К.М. Будда. Конфуций. Магомет. Франциск Ассизский. Савонарола: Биографические очерки. М., 1995.
21. Кассирер Э. Лекции по философии и культуре // Культурология XX века. М., 1995.
22. Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. М., 1988.
23. Косидовский З. Библейские сказания; Сказания евангелистов. М., 1991.
24. Культурология в вопросах и ответах. М., 1997.
25. Культурология XX века. Антология. М., 1995.
26. Кун Н. Легенды и мифы Древней Греции и Древнего Рима. М., 1995.
27. Леви-Стросс К. Мифологии. М., 2000.
28. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994.
29. Леви-Стросс К. Путь масок. М., 2000.
30. Лихачев Д.С. Раздумья. М., 1996.
31. Лихачев Д.С. Земля родная. М., 1993.

32. Локк Дж. Опыты о человеческом разумении. Два трактата о правлении. Мысли о воспитании. Соч. в 3-х т. М., 1985-1988.
33. Лосев А. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
34. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX века). СПб., 1994.
35. Лукреций Кар Т. О природе вещей. М., 1983.
36. Макиавелли Н. Государь. М., 1990.
37. Маяковский В.В. Собр. Соч.: в 12 т. М., 1978. Т.2.
38. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976.
39. Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. М., 1997. Т.2.
40. Моисеев И.Н. Человек и Ноосфера. М., 1990.
41. Моисеев И.Н. Экология человечества глазами математика. М., 1988.
42. Монтескье Ш. О духе законов. Избр. произв. М., 1955.
43. Ницше Ф. Философская проза. СПб., 1993.
44. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997.
45. Основы гражданского образования. Нижний Новгород, 1995.
46. Переверзенцев С.В. Практикум по истории западноевропейской философии. М., 1997.
47. Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985.
48. Платон. Собрание сочинений в 4 томах. М., 1994. Государство. Т. 3.
49. Полибий. Всеобщая история М., 1994.
50. Политология: энциклопедический словарь. М., 1993.
51. Полоцкий. Избранные сочинения М.; Л., 1953.
52. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.1. М., 1992.
53. Руссо Ж.Ж. Сочинения. М., 2001.
54. Сенека Люций Анней. Нравственные письма к Луцилию. М., 1987.
55. Словарь по этике. М., 1989.
56. Современная западная социология: словарь. М., 1990.
57. Сорокин П. Человек. Цивилизация, Общество. М., 1992.
58. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 2001.
59. Страбон. География. М., 1994.
60. Строгеецкий В.М. Античное культурное наследие и современные проблемы мировой культуры. Учеб. пособие. Ч. 1-2. Н.Новгород., 2002.
61. Таранов П.С. Мудрость трех тысячелетий. М., 1997.
62. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.
63. Философский словарь/ Под ред. И.Т.Фролова. М., 1991.
64. Шиманская О.К., Сметанина Т.А. Культура и религия. Учебно-методическое пособие по курсу «Культурология». Нижний Новгород, 2001.
65. Шлезингер-младший А.М. Циклы американской истории. М., 1992.

- 66.Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М., 1992.
- 67.Хейзинга Й. Homo ludens. Опыт определения игрового элемента культуры. М., 1992.
- 68.Чаадаев П.Я. Философические письма; Апология сумасшедшего // Чаадаев П.Я. Сочинения. М., 1989.
- 69.Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992.
- 70.Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. М., 1993.
- 71.Шестаков В. Мифология XX века. М., 1988.
- 72.Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993.
- 73.Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Политиздат, 1978.
- 74.Эстетика: словарь. М., 1989.
- 75.Юнг К. Психология бессознательного. М., 1994.

Ключ к выполнению заданий

Семинар 1

Задание 7

Рисунок 1.

Модель, представленная на этом рисунке, иллюстрирует представления о сущности и развитии культуры как организма в культурологической теории О.Шпенглера (1880-1836). На рисунке изображены восемь овалов, представляющих восемь культурно-исторических типов. Шпенглер в своем труде «Закат Европы» отвергает традиционную линейную схему развития мировой культуры – «древний мир – средние века – новое время», называя ее птолемеевской, поскольку в центре данной концепции находилась Европа, и предлагает свое, как он говорит, коперниковское понимание культуры. Он утверждал, что не существует единой мировой культуры, а есть «спектакль множества мощных культур», каждая из которых имеет свою логику развития и свои цели. Шпенглер писал, что, подобно любому живому организму, отдельная культура проходит различные стадии развития: рождение, становление, зрелость, и на закате своего существования, исчерпав свой творческий и жизненный потенциал, она превращается в цивилизацию. На рисунке – не соприкасающиеся между собой овалы, что означает независимое, автономное развитие различных культур, и внутри одного овала показаны стадии развития отдельной культуры.

Сходные идеи о культуре как организме можно найти в трудах Вико, Н.Я.Данилевского и др.).

Рисунок 2.

Модель, представленная на этом рисунке, выражает представления психоаналитической школы о сущности, происхождении и функционировании культуры. Если представить себе душу человека в виде сферы, под внешней оболочкой (сознанием) которой находятся глубинные структуры подсознания, то, по мнению многих психоаналитиков и, прежде всего З.Фрейда, процесс культурной деятельности основан на сублимации (возвышении, выходе наружу) вытесненных в подсознание сексуальных комплексов, а также комплексов разрушения и саморазрушения, комплексов власти. Сама по себе сфера бессознательного формируется у человека вследствие вытеснения из сознательной сферы желаний, которые табуированы обществом, на которые культура накладывает этические запреты. Нереализованная естественным путем энергия либидо, по Фрейду, выливается в творческую деятельность человека на поприще искусства, политики, религии и т.д. Стрелками на рисунке показаны, с одной стороны, влияние культуры и сознания человека на сферу бессознательного и, с другой стороны, процесс выхода энергии бессознательного в сферу культуры.

Рисунок 3. Модель, представленная на этом рисунке, иллюстрирует весьма распространенные взгляды культурологов, философов, социологов, антропологов и т.д. о взаимодействии и слиянии культур. Эта модель отражает представления, например, У.Ростоу (теория стадий экономического роста), Д.Белла (теория постиндустриального общества), Р.Арона (теория единого индустриального общества).

Рисунок 4. Схематично выражает социологическую трактовку как аспекта и функции социальной системы: культура, экономика, государство, идеология оказывают активное влияние друг на друга и взаимопроникают друг в друга.

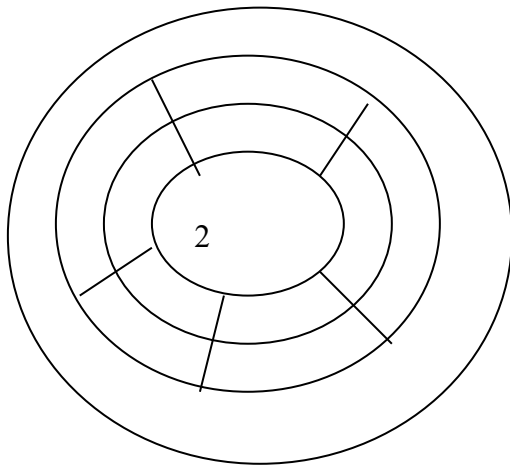
Рисунок 5. Модель культуры, представленная в манифестах Римского клуба, позволяет определить тот шаткий баланс, который существует между природой и культурой и нарушение которого может привести к страшным экологическим катастрофам.

Рисунок 6. Здесь представлены культурологические идеи Л.Н.Гумилева (1912-1992). Он понимал культуру как след, который оставляет на земле этногенез. Возникновение и развитие этноса («устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, противопоставляющий себя всем прочим аналогичным коллективам и отличающийся своеобразным стереотипом поведения, который закономерно меняется в историческом времени»), Л.Гумилев связывал с энергетикой космоса, с воздействием космических лучей на антропосферу Земли. Он выдвинул гипотезу о том, что наиболее сильные «пассионарные толчки» (т.е. максимальное проявление творческих способностей отдельных представителей этноса, сверхнапряжение, создаваемое в этносе и позволяющее этносу расширить границы своего существования и воздействовать на окружающий мир) связаны со снижением солнечной активности, когда на Землю беспрепятственно проникает энергия Галактики. На определенном этапе своего развития этнос начинает рефлексировать, стремиться осознать свою историю, свою сущность и свое место в мире. Тогда-то он и создает произведения искусства, философские трактаты, научные концепции и т.д. – т.е. культуру. Но, по мнению Л.Гумилева, культура носит по отношению к истории этноса вторичный характер: «Рожденное живет и умирает, а сделанное переживает своих создателей, и тех, для кого оно было сделано, и их наследников, ибо косное вещество, заключенное в форму, – вневременно. В нем время отделено от пространства. Оно памятник тому, что ушло; оно – след минувшей жизни». Поэтому на рисунке этнос изображен как движущаяся сфера, на которую действует космическое излучение (показано стрелками). Культура на рисунке представлена в виде овала (См. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., 1994).

Рисунок 7. Оппозиция «природа – культура» широко представлена в европейском видении мира эпохи Средневековья и Нового времени: Ф.Бэкон в «новой Атлантиде» писал, что «Целью нашего общества является...расширение власти человека над природой, пока все не станет возможным», представлена, например, в идеологии русского модерна. Его представители стремились развести культуру и природу, а с другой стороны, искали пути их сближения

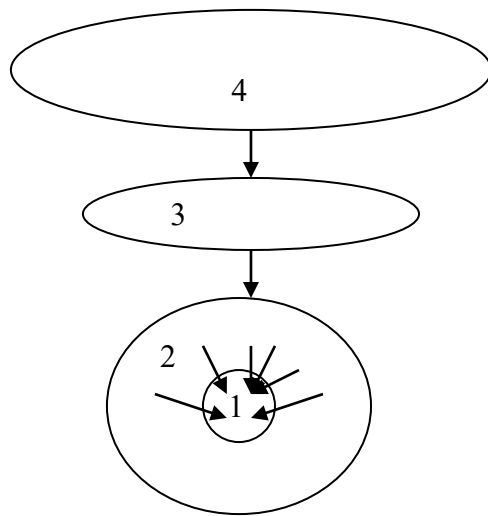
Семинар 1 Задание 8

1. Культурологическую концепцию Э.Кассирера схематично можно представить, например, следующим образом:

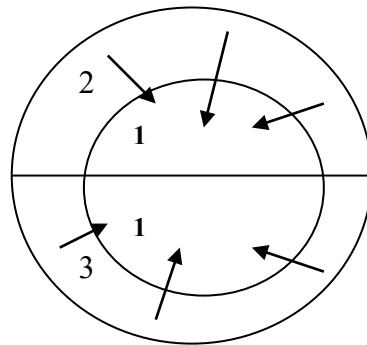
1 – космос; 2 – социум; 3,4,5, 6, 7 – соответственно: миф, религия, искусство, наука – символические формы, которые взаимосвязаны друг с другом, взаимопроникают друг в друга, составляют единую целостную систему человеческой культуры, сферу символических форм

2. Культурологическая концепция Чаадаева.

1 – социальная жизнь. На земле, в социуме Провидение строит Царство Божие; 2 – христианская церковь, которая претворяет на земле нравственный закон христианства и способствует нравственному, социальному и общекультурному прогрессу человечества; 3 – христианство, которое представляет собой истину нравственного закона; 4 – провидение, которое через христианство и церковь реализуется в мире.

3. Культурологические взгляды К.-Ю.Юнга схематично можно представить так:

1 – социум;
2 – культура
3 – природа.

Семинар 3

Задание 1

1. **Буддизм**¹ – мировая монотеистическая религия, распространенная в странах Юго-Восточной Азии. Основоположник буддизма – Сидхартха Гаутама. Жил в VI-V вв. до н.э. Первым из смертных прервал цепь перерождений и попал в состояние нирваны. Буддизму присуще понимание земной жизни как пути страдания, потерь, разочарования, боли и горя. Главная цель буддизма – освободить человека от страдания. Этические основы буддизма призваны дать людям возможность осуществить эту цель. Во фрагменте текста, представленном в задании, изложены Четыре Высокие истины буддизма.
2. **Ислам**² – мировая монотеистическая религия, возникшая в начале VII в. в арабской культуре. Здесь приводится фрагмент из священного текста мусульман – Корана, который включает в себя послания или откровения, данные Аллахом своему пророку Мухаммеду. Мусульмане – это люди, «живущие согласно воле Аллаха». Ислам – это «повиновение» Аллаху». В приведенном фрагменте содержатся морально-этические основы ислама, требующего от верующих безусловного подчинения воле Аллаха. В морально-этических нормах нашли свое отражение культурно-бытовые особенности арабского мира того времени, когда возник ислам. См.: Коран. РИО Таджикского респ. отд. Советского фонда культуры, 1990. С. 191-192.
3. **Иудаизм** – мировая религия, самая древняя из всех известных монотеистических религий. Здесь приведен фрагмент из Ветхого Завета, в котором изложены заповеди, представленные в ритуализированной форме. Это древний вариант морально-этических основ первобытной еврейской общины, в котором отразились особенности древней иудейской культуры. Свое учение Бог раскрыл иудейскому народу в священных книгах (первые пять книг Библии, Тора). Цит. по.: Фрезер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1990. С. 426.

¹ Подробнее см.: Шиманская О.К., Сметанина Т.А. Культура и религия: Учебно-методическое пособие по курсу «Культурология». Нижний Новгород, 2001. С.11-15.;

Карягин К.М. Будда. Конфуций. Магомет. Франциск Ассизский. Савонарола: Биографические очерки. М., 1995. С.41.

² Подробнее см.: Шиманская О.К., Сметанина Т.А. Культура и религия: Учебно-методическое пособие по курсу «Культурология». Нижний Новгород, 2001. С. 20-25, 76-79.

4. **Конфуцианство** – этико-социальное учение, основанное в Китае Конфуцием (VI-V вв. до н.э.). В основе конфуцианства – или, как его называют сами китайцы, Чжу – лежит почитание культа предков, вера в два великих начала природы и человеческого мира – Небо и Землю, соблюдение древних китайских традиций, особенно касающихся семьи как основы государства. Цель конфуцианства – служение обществу и государству. В задании приведены этические нормы конфуцианства, которые Конфуций назвал мыслями, способными привести человека к высочайшим ступеням мудрости. См. Карягин К.М. Конфуций. Его жизнь и философская деятельность // Карягин К.М. Будда. Конфуций. Магомет. Франциск Ассизский. Савонарола: Биографические очерки. М., 1995. С. 91. 95.

5. **Христианство**¹ – мировая монотеистическая религия, в основе которой лежат представления о едином любящем и милосердном Боге, который явился людям как человек, через свою мученическую смерть на кресте искупивший грехи всех верующих. Бога в христианстве понимают триединым: Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Святой Дух. Священные тексты христианства - Ветхий и Новый Заветы (27 сочинений, духовным ядром которых являются четыре Евангелия). В задании приведены десять заповедей из Ветхого Завета, т.е. заповеди, данные Богом Ягве (или Яхве) Моисею. Эти заповеди, вместе с учением Иисуса Христа, являются этическим ядром христианского вероучения.

6. **Ницшеанство** – идейно-политическое учение, основанное на учении Ф.Ницше о сверхчеловеке и на его понимании новой морали сверхчеловека в условиях объявленной им смерти христианского Бога. На философии Ницше была построена антигуманная пропаганда немецкого фашизма, своими чудовищными идеями зачеркнувшая гуманизм и глубину учения Ницше. «Нужно отказаться от морали, чтобы стать моральным» - в этом лозунге Ницше выражена мысль о создании новой морали, основанной на отрицании слабости человеческой, которая, по мнению философа, культивируется в христианском вероучении, названном им «религией рабов». См. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего. // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С.346.

7. **Коммунизм** – идейно-политическое учение, которое было основой идеологии и социально-экономической политики в СССР. В основе коммунистической этики лежали представления о

¹ Там же С.31 и далее.

доминировании общественных интересов, о коллективизме, о нивелировании личности человека для осуществления на практике утопических идеалов всеобщего равенства и братства. На протяжении нескольких десятилетий коммунистическая идеология стала своеобразной социоцентрической религией (поиск идеала в рабочем классе и в идеальном общественном устройстве, отражающем интересы рабочего класса) с детально разработанной этической схемой. См.: Моральный кодекс строителя коммунизма // Материалы XXII съезда КПСС. С. 411.

8. **Этика Аристотеля** - в ней отражаются представления древнегреческой культуры о добродетелях

Задание 2

Таблица 2

	Ислам	Христианство	Буддизм	Иудаизм
Образ абсолюта (Бога, божественной силы, богов и т.д.)	Бог авторитарный, могущественный. Он всевидящ, наказывает непослушных верующих грозно и беспощадно. Основы священного учения Аллаха записаны пророком Мухаммедом в священной книге всех правоверных - Коране	Бог всемогущ. Он любит и прощает людей, если они, согрешив, раскаялись. Бог триедин: Бог-Отец, Бог-Сын и Бог Святой Дух. К людям явился в облике богочеловека – Иисуса Христа: чтобы заключить с ними Новый Завет. Божественное откровение для верующих христиан заключено в книгах Ветхого и Нового Завета.	Божественная сила бытия за несоблюдение нравственных принципов буддизма наказывает человека тем, что подвергает его после смерти перерождению, возвращая в другой физической оболочке и заставляя проходить вновь земной путь, полный страданий, мучений, потерь.	Бог, создавший мир и человека, требует от человека исполнения заповедей, в ответ на это гарантируя свое покровительство. Божественное откровение для иудеев воплощено в книгах Ветхого Завета

Образ человека	Человек всецело зависит от воли Аллаха. Он – винтик в строго определенной системе нормативных актов, предлагаемых ему Аллахом.	Человек относительно свободен. Он знает, что, нарушая христианские заповеди, он обрекается на наказание в загробной жизни, но и при этой жизни человеку дается возможность искупить свои грехи раскаянием и достойным поведением.	Судьба человека и степень его приближения к состоянию нирваны, к пресечению цепи перерождений, всецело зависит от воли и сознания отдельного человека.	Человек заключил договор с Богом и строго выполняет условия этого договора – следует моральным заповедям и выполняет ритуальные церемонии.
Принципы взаимоотношений между абсолют и человеком	Основаны на безусловном подчинении воле Аллаха.	Основаны на вере в силу триединого Бога и на любви к нему и к людям.	Основаны на стремлении к глубинному самопознанию и принципах непротивления, непричинения зла живым существам	Основаны на строгом соблюдении норм и завета
Моральные требования к человеку и характер их декларирования	Категоричны и устрашающи, имеют строго регламентирующий характер не только в области духовной, но и практической. Через пророка Мухаммеда они переданы людям и отражены в священных книгах, в том числе, в Коране.	Десять заповедей Моисея (Ветхий Завет) и десять заповедей блаженства (Новый завет). В них отражены все морально-этические требования христианства. Христианство обращается к личности человека, к его внутреннему миру, к его душе, призывая следовать принципам человеколюбия и смирения.	Моральные требования не строго категоричны. Главное в них – призыв к духовному саморазвитию, ограничению физических удовольствий и углубленному самопознанию	Моральные требования достаточно категоричны. Они подкрепляются обещаниями блаженства в раю или мучений в аду в загробной жизни.
№ текста	2	5	1	3

Семинар 5**Задание 3**

1. **Американская мечта** – миф, который преломляется во всех сферах американской культуры, в том числе и во взаимодействии с другими культурами; этот миф имеет свою интерпретацию и в философии, и в социально-политической практике, и в идеологической сфере; это один из всеобъемлющих мифов американской культуры.
2. **Меркурий** – религиозный миф; в римской мифологии бог торговли; в 459 г. до н.э. по решению народного собрания ему был посвящен храм у великого цирка; вместе с тем была образована коллегия торговцев, находившихся под его защитой; как бог прибыли и обогащения Меркурий изображался с кошельком и назывался «счастливым».
3. **Икебана** – искусство составления букетов, распространенное в Японии, а также сам букет, составленный по принципам икебаны; сама по себе икебана не является мифом, но ее по праву можно считать средством мифологизации чувств, настроений, знаковой системой и способом коммуникации и создания художественных образов.
4. **Медее** – первоначально – религиозный миф, который часто находил свое литературно-художественное воплощение в культурах европейских народов; в греческой мифологии волшебница, дочь царя Колхиды Эета и океаниды Идии; миф о Медее связан с мифом об аргонавтах; когда аргонавты во главе с Ясоном прибыли в Колхиду, боги внушили Медее страстную любовь к Ясону; она помогла преодолеть ему испытания, которым подверг возлюбленного ее отец; она усыпила дракона, сторожившего золотое руно, и тем самым помогла Ясону заполучить сокровище; миф имеет несколько вариантов; сказочные черты Медее претерпели существенные изменения в творчестве греческих и римских писателей, которые, по сути, создавали литературно-художественные мифы на основе известного религиозного сюжета; у Еврипида Медее предстает перед зрителем как жертва неразделенной любви и убийца своих детей; Сенека изображает Медее как расчетливую мстительницу.
5. **Александр Македонский** – Александр Великий, жил в 356-323 гг. до н.э.; царь Македонии с 336 г. до н.э.; один из легендарных полководцев и государственных деятелей в мировой культуре; с целью создания мировой империи Александр предпринял поход против персидской державы Дария III Кодомана; Александр вышел из битвы 331 г. до н.э. победителем; имя Александра Македонского было мифологизировано еще в античности, вокруг его личности сложилось немало легенд. Многие из этих легенд описал Плутарх в

трактате «О счастливой судьбе Александра Великого». Миф об Александре Великом – миф социально-политический и литературно-художественный. Он является символом величия и победы.

6. **Ниbelунги** - в германо-скандинавской мифологии и эпосе имя, обозначающее в немецкой «Песне о Ниbelунгах», во-первых, первоначальных обладателей клада, которым завладел Зигфрид, «король страны Ниbelунгов»; во-вторых, бургундских королей Гунтера и его братьев после перехода в их руки клада; тема клада, приносящего несчастья его обладателю, занимает видное место в германо-скандинавском эпосе; в легенде о Ниbelунгах сокровища трактуются как воплощение власти; могущество принадлежит тому, кто владеет золотом; здесь богатство – магически материализованные «счастье», «удача»; тема Ниbelунгов имеет много вариантов литературно-художественной мифологизации; одним из наиболее известных примеров является оперная тетралогия Р.Вагнера «Кольцо Ниbelунга»: «Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид», «Гибель богов». Мифические образы ниbelунгов и Зигфрида активно использовались в немецкой культуре для обозначения национальной героической идеи; мифы о Ниbelунгах, Зигфриде и Вотане эффективно использовались немецкой социал-националистической пропагандой, культивирующей «дух германской расы» и идеалы «немецкого превосходства».
7. **Прометей** – в греческой мифологии провидец, сын титана Иапета и Климены; согласно некоторым мифам сотворил человека из глины, обманув Зевса при жертвоприношении; Зевс разгадал обман и лишил людей огня; Прометей похитил огонь и принес его людям. Начиная с эпохи Ренессанса образ Прометея стал символом прогресса, созидательных сил человечества, а похищение огня символизировало веру в науку и будущее; богоборческие мотивы мифа о Прометее использовали атеисты и революционно настроенные мыслители; в мировой культуре миф о Прометее получил множественные трактовки и способы переосмысления – начиная с придания Прометею свойств «сверхчеловека» в ницшеанском смысле и заканчивая романтическими представлениями страданий и стойкости Прометея как символа человеческой судьбы вообще; будучи первоначально религиозным мифом древней Греции, миф о Прометее в дальнейшем стал одним из основных философских и литературно-художественных мифов современной культуры.
8. **Гномы** – в мифологии народов Европы низшие божества, невысокого роста, антропоморфные, обитающие под землей, в горах или в лесу; наделены сверхъестественной силой; искусные ремесленники – могут выковать волшебные кольца, мечи; под землей гномы хранят несметные сокровища – драгоценные камни и

металлы. В современной западноевропейской культуре мифы о гномах утратили свой первоначальный религиозный смысл и теперь являются частью литературно-художественной мифологии, особенно ярко проявляющейся в детских сказках.

9. **Ромул и Рем** – в римской религиозной мифологии братья-близнецы; Ромул – основатель и эпоним Рима; о происхождении Ромула и Рема существует несколько версий, по одной из которых они являются сыновьями или внуками Энея; по мере развития «римского мифа» миф о Ромуле стал воплощением идеи богоизбранности римского народа и предначертанности римского господства над миром.
10. **Демократия** – один из основополагающих социал-политических, идеологических и философских мифов современной мировой культуры; выработанная первоначально у греков, прежде всего в Ионии, государственная система на основе прогрессивных хозяйственных и социальных отношений; идеал афинской демократии, был отражен Фукидидом в надгробной речи Перикла; веру в демократию как идеальную форму государственного устройства исповедали многие гуманисты: «человеческий посев в условиях либеральной демократии и технического прогресса – двух основных факторов – за столетие утроил людские ресурсы Европы» (Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С.315.); в современной культуре представления о демократии как наиболее совершенной системе государственной жизни занимают важное место: «Демократия в ее правильном понимании не предполагает ни совершенства человека, ни его врожденной порочности. Демократия считает, что человек отягощен первородным грехом, но способен к покаянию. Демократическое общество отнюдь не гарантирует торжества добродетели, а глас народа отнюдь не всегда глас Божий. Но активность оппозиции и аутсайдеров в демократическом обществе в известной мере нейтрализует заблуждения власть имущих. Демократия не избавляет политику от иррациональности и вполне может поощрить ханжество и демагогию. Но наряду с этим она подтверждает убеждение выдающихся демократических лидеров в том, что нельзя дурачить постоянно весь народ. Цементом демократического здания является понимание и принятие человека во всем его многообразии, в его слабости и в его величии. «Демократия может существовать, - учил Райнольд Нибур, - лишь благодаря способности человека быть справедливым, тогда как склонность человека быть несправедливым делает ее абсолютно необходимой» (Шлезингер-младший А.М. Циклы американской истории. М., 1992. С.628.
11. **Самурай** – японский феодал; военно-феодалское сословие мелких дворян в Японии; знаменитый японский праздник, который проходит у буддийского храма в Токио – день сорока самураев,

потерявших хозяина (ронин); он посвящен подвигу самураев, которые отомстили за своего господина, несправедливо принужденного к самоубийству, а потом покончили с собой; в японской национальной культуре это осмысленное ритуальное самоубийство (харакири) воспринимается как подвиг во имя преданности; этот мифологический сюжет лег в основу драмы Чушингура, которая идет на сцене в дни праздника в декабре; в японской и мировой культуре мифологизирован и кодекс самурайской чести бусидо; можно сказать, что миф о самураях играет большую роль как в японской мифологии, так и в мировой мифологии, в мифологическом образе Японии в сознании других культур.

12. **Колизей** – (лат. –Colosseum) – самый большой амфитеатр Рима и всего античного мира, построен при Флавиях. В социально-политической мифологии Колизей до сих пор символизирует мощь и богатство римской культуры
13. **Масленица** – в славянской языческой мифологии персонаж, воплощающий плодородие и вместе с тем зиму и смерть; название русского календарного праздника проводов зимы и встречи весны - масленицы – было перенесено на антропоморфный персонаж, который встречали с величальными песнями в начале праздника на горках; масленицей называли также чучело из соломы, обряженное в женское тряпье, иногда с блином или сковородой в руках; с ним вместе веселились, а потом хоронили или сжигали чучело; аналогичный масленице персонаж низшей мифологии других народов Европы – карнавал.
14. **«Жесткая верхняя губа»** - социально-политический миф английской национальной культуры, который выражает идеал поведения личности в обществе. “Когда англичане говорят о «жесткой верхней губе», за этим стоят два понятия: во первых, способность владеть собой – культ самоконтроля, и во-вторых, умение подобающим образом реагировать на жизненные ситуации – культ предписанного поведения ” (Овчинников В.В. Корни дуба: Впечатления и размышления об Англии и англичанах. М., 1980. С. 154). Этот миф существует не только внутри английской культуры, но и за ее пределами. Многие из представителей других культур описывали этот миф как ключевой для понимания национального характера англичан. На этом мифе основаны многие современные стереотипы восприятия представителей английской культуры в системе межкультурных коммуникаций.
15. **Вендетта** – обычай кровной мести за убитого родственника, существовавший в итальянской культуре. С ним тесно связан соответствующий социально-политический и литературно-художественный миф. Это слово носит мифический характер благодаря произведениям мировой литературы и кинематографа,

которые однозначно связали вендетту с пониманием особенностей национальной культуры и национального характера; создание образов итальянских мафиози в трагическом и комическом плане, как правило, не обходится без мифа «вендетта». В XIV-XVI веках кровная месть в Италии поддерживалась общественным мнением и была широко распространена не только среди простолюдинов, но и среди высших аристократических сословий.

16. **Эдип** – в греческой мифологии сын фиванского царя Лая и Иокасты. Так как Лая была предсказана Аполлоном смерть от руки собственного сына, он велел жене бросить новорожденного на горе Киферон, проколов ему булавкой сухожилия у лодыжек. Однако пастух спас новорожденного от смерти. Коринфский пастух, которому передали мальчика, отнес младенца бездетному царю Полибу, назвавшему ребенка Эдипом («с опухшими ногами») и воспитавшего его как сына. Когда Эдип повзрослел, он отправился в Дельфы, чтобы узнать у оракула тайну своего рождения; оракул дал Эдипу прорицание, что он убьет отца и женится на матери; на перекрестке трех дорог Эдип убивает напавшего на него спутника со своими слугами, не зная, что это и есть его отец, затем он избавляет Фивы от чудовищной Сфинкс и женится на вдове Лая, то есть на собственной матери, с которой живет счастливо около 20 лет. У них рождается четверо детей. Когда тайна раскрылась, Эдип выколол себе глаза золотой застежкой, снятой с платья повесившейся Иокасты. Эдип был изгнан из Фив, сопровождала его преданная ему дочь Антигона. Миф об Эдипе – не только религиозный миф, но и литературно-художественный, представленный во многих произведениях литературы и искусства античности и современности; Миф об Эдипе является ключевым мифом в психоанализе Фрейда.
17. **Амур** - в римской мифологии божество любви, посланник и неизменный спутник Венеры. Первоначально существовавший как религиозный миф римской культуры, миф об амурах постепенно преобразовался в литературно-художественный миф мировой культуры.
18. **Сталин** – имя этого государственного и политического лидера Советского Союза долгие годы было одним из главных мифологических слов; «Сталин» - это социально-политический и идеологический миф; «Сталин как словесный объект представлял в чистом виде все основные черты мифического слова. В нем был и смысл, то есть реальный, исторический Сталин; и означающее, то есть ритуальное прославление Сталина; и означаемое, то есть интенция к ортодоксии, дисциплине и единству, адресно направленная коммунистическими партиями на определенную ситуацию; и, наконец, значение, то есть Сталин сакрализированный, чьи исторически определяющие черты переосмыслены, сублимированы под именем Гениальности...» (Барт Р. Мифологии.

М., 1996. С. 274.). В современной российской социально-политической мифологии имя Сталина сохраняет мифологические черты, в связи с изменением историко-культурных обстоятельств значение мифа о Сталине поменяло знак плюс на минус.

19. **«Москва – Третий Рим»** - религиозный и социально-политический миф о всемирной роли Московского государства. Полное развитие этой теории можно найти в посланиях игумена псковского монастыря Филофея (конец XV века); эта теория служила достижению одной из главных целей русской православной церкви – национальной самостоятельности, независимости от Византии; эта теория выдвигала идею «единого во всем мире царя православного» и по сути способствовала сплочению государства и церкви. Этот миф носит эсхатологический и миссионерский характер: «Два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть»; таким образом, Россия и русский царь провозглашались последним оплотом истинного православия, вплоть до второго пришествия Христа.
20. **Минотавр** – в греческой религиозной мифологии чудовище – человек-бык.
21. **«Железный занавес»** – один из ключевых идеологических и социально-политических мифов «холодной войны». Идею «железного занавеса» от советского влияния в Европе высказал У.Черчилль в 1946 г.. В 1947 г. появилась доктрина Трумена, в которой впервые говорилось о «холодной войне». Джордж Ф. Кеннан сформулировал доктрину создания плотины от советского проникновения в Европу; в 1949 г. основано НАТО; в 1950 в Вашингтоне была разработана основополагающая стратегическая установка в отношениях с Советским Союзом – директива Совета Национальной Безопасности № 68, которая определила политику США на весь период «холодной войны».
22. **Сверхчеловек** - один из главных философских мифов Ф.Ницше, который пытался создать мировоззренческую систему, основанную на новой морали. Идею о существовании «твари» и «творца» в человеке Ф.Ницше взял у Достоевского и развил ее в своем философском творчестве. Гуманистические идеи превознесения «творца» в человеке получили превратное толкование в немецкой национал-социалистической пропаганде и явились аргументом в защиту идеалов фашизма.
23. **Свастика** – древний символ, который встречается во многих культурах. В Индии – это монограмма Вишну и Шивы, в скандинавских легендах – боевой топор Тора. Слово «свастика» происходит из санскрита и означает «да будет так», символизируя покорность духа. В мировой культуре XX века свастика приобрела смысл, который зачеркнул ее первоначальные значения, и стала страшным для любого цивилизованного человека символом фашизма, так как была использована в качестве главного знака в

фашистской идеологии и в мифологии немецкого национал-социализма.

24. **Беовульф** – (др.-англ. Beowulf – пчелиный волк, т.е. медведь) – мифоэпический герой, главный персонаж одноименного англосаксонского эпического произведения (написано в конце VII в. или в VIII в.). Беовульф, юный воин из народа гаутов, отправляется за море, чтобы избавить короля данов Хродгара от чудовища по имени Грендель, он убивает чудовище и его мать. Беовульф возвращается на родину, становится королем наутов и правит ими 50 лет. Один из его главных подвигов – победа над драконом, который опустошал страну, разгневанный посягательством на охраняемый им клад. Беовульф убивает дракона и сам получает смертельную рану, тело его сжигают на погребальном костре вместе с завоеванным им кладом.
25. **Серп и молот** – эмблема Советского государства, символизирующая мирный труд советских людей, братский союз рабочих и крестьян. В советской мифологии это был всепроникающий и всеобъемлющий символ (эмблема воспроизводилась на печатях, официальных документах, на зданиях государственных предприятий и учреждений, на денежных знаках, на важнейших печатных изданиях, на советских орденах и медалях). Для представителей других культур «Серп и молот» был одним из главных знаков советской культуры.
26. **Великий Мао** – обожествленная, культовая в китайской социалистической культуре личность вождя Мао Цзэ-дуна. Миф о великом Мао – один из важнейших идеологических и социально-политических мифов китайской тоталитарной культуры; он соотносим с мифами о Ленине, о Сталине, о Муссолини, о Гитлере. Структура мифа в системе мифологического сознания народа аналогична религиозному мифу о герое или спасителе и идеологическому мифу о вожде.
27. **Двуглавый орел** – фантастическая гербовая фигура, символизирующая власть, силу и единство. Древнейшее изображение двуглавого орла найдено при раскопках Древней Мидии и датируется VII-VI в. до н.э. В IV-XV вв. двуглавый орел был государственной эмблемой Византии, символом единства Восточной и Западной Римских империй, а затем притязания Византии на территории бывшей Западной Римской империи. С XIV века Двуглавый орел изображался на монетах Людвига Баварского и других монархов, считавших себя наследниками Римской империи; в России двуглавый орел стал государственной эмблемой после брака Ивана III с византийской принцессой Софьей Палеолог и олицетворял претензии Руси на византийское наследство; впоследствии служил эмблемой неразделенности Европейской и Азиатской России. Двуглавый орел был символом мощи российского самодержавия, он был одним из основополагающих

мифов идеологии и национального самосознания Российской империи. В годы существования СССР он приобрел негативную окраску, став символом антинародного и кровавого царизма.

28. **Восток** – обозначение культуры, противоположной западной культуре по многим параметрам – по отношению человека к истине, по оценке преобразовательных и познавательных возможностей человека, по концепции мироздания и по пониманию Бога. Миф «Восток» обозначает непостижимость и притягательность восточных культур для сознания европейца, у которого слово «Восток» порождает многообразную гамму образов, чувств и ассоциаций. (подробнее см.: Сравнительное изучение цивилизаций. М., 2001. С.246-285).
29. **О́дин** – в скандинавской мифологии верховный бог, соответствующий западногерманскому Водану (Вотану). О́дин имеет черты хтонического демона, ему служат хтонические звери – вороны и волки. Хтонические черты имеет и его восьминогий конь. В небесном царстве мертвых ему подчинены воинственные валькирии, распределяющие по его приказу победы и поражения в битвах. О́дин – бог войны и военной дружины, дарователь победы и поражения, покровитель героев, сеятель военных раздоров. От Водана ведут свой род англосаксонские короли, датский королевский род Скъельдунгов ведет свое происхождение от Скъельда – сына Одина.
30. **Кентавры** – в греческих сказаниях мифические существа, полулюди, полукони. На свадьбе царя Пирифоя они пытались похитить женщин, и прежде всего невесту Гипподамию. В битве между лапифами и кентаврами последние потерпели поражение. Знаменитые кентавры – Хирон, Неес и Фол.
31. **Иисус Христос** – в христианской религиозно-мифологической системе богочеловек, вмещающий в единстве своей личности всю полноту человеческой природы.
32. **Фортуна** – римская богиня счастья, счастливого случая и удачи. В произведениях искусства изображалась с рогом изобилия, колесом и рулевым веслом на катящемся или парящем шаре (или с крыльями).
33. **Илья Муромец** – русский былинный богатырь, герой русского национального эпоса. Мифологический сюжет о чудесном исцелении Ильи и чудесном приобретении им силы является прологом к сюжетам о различных подвигах богатыря (например, победа над Соловьем-разбойником). Илья Муромец в русском эпосе представлен как народный герой, сильный и мужественный, самоотверженно служащий интересам своей родины.
34. **Американский флаг** – в американской социально-политической мифологии флаг США является символом национального единства, свободы, демократии и государственного могущества. В мировой культуре миф «Американский флаг» имеет различные

интерпретации, начиная с понимания его как символа великой спасительной миссии Америки во всем мире и оканчивая «американским империализмом».

- 35. Нирвана** – одно из главных понятий буддизма, цель стремлений и помыслов человека; религиозный и философский миф.
- 36. Утопия** – развернутое описание общественной и частной жизни воображаемой страны, отвечающей тому или иному идеалу социальной гармонии. В современной литературе – жанр научной фантастики. Наиболее известными являются «Утопия» Томаса Мора, «Город Солнца» Т. Кампанеллы, «Новая Атлантида» Ф. Бэкона и «Океания» Дж. Гаррингтона; Утопия – миф о возможности (или невозможности) существования справедливого, гармоничного, идеального общества, а также миф о достижимом счастье человека.
- 37. Эзоп** – греческий баснописец VI в. до н.э. Вокруг его личности существовало множество легенд, славился тем, что в своих баснях умел сочетать краткий развлекательный сюжет с глубокой моралью. Выражение «Эзопов язык» означает иносказательный, полный намеков, умолчаний и аллегорий.
- 38. Будда** – в буддийской мифологии 1) человек, достигший наивысшего предела духовного развития, 2) антропоморфный символ, воплощающий в себе идеал предела духовного развития, является основополагающим мифом внутри буддийской культуры. Для западной культуры также является важным литературно-художественным и философским мифом, воплощением духовности Востока и уникальности восточной религиозно-мировоззренческой системы, отличающейся от христианства.
- 39. Аутодафе** - (португ. Auto-de-fe – букв. акт веры) – первоначальное оглашение а впоследствии и приведение в исполнение приговоров инквизиции, в частности публичное сожжение осужденных на костре.
- 40. София** – Премудрость, олицетворенная мудрость божества в иудаистических и христианских религиозно-мифологических представлениях. Термин «София» возник в Греции и употреблялся как отвлеченное, умозрительное понятие. Из Византии на Русь христианство пришло под знаком Софии. Своеобразную концепцию Софии в ее философско-мистической цельности вводит в свою систему русский философ В.С. Соловьев. София – религиозный и философский миф русской культуры.
- 41. Юрий Гагарин** – первый русский космонавт, жизнь которого стала символом достижений человеческого разума, науки и техники, символом покорения космоса. Миф о Гагарине был чрезвычайно значим в советской культуре, обозначал прогрессивность социалистического строя и нес в себе идеалы общественного сознания тех времен; миф о Гагарине – социально-политический и идеологический миф о герое социалистической культуры.

- 42. Чапаев** – герой Гражданской войны, его имя стало легендарным в советской культуре. Олицетворял собой непримиримую и плодотворную борьбу нового социального и политического порядка со старым; «Миф о Чапаеве» – социально-политический и идеологический миф о герое – защитнике идеалов социализма и о герое-мученике. Этот миф нашел благодатную почву в сознании советского общества и прочно вошел в фольклор.
- 43. Сфинкс** – в греческой мифологии чудовище с лицом и грудью женщины, телом льва и крыльями птицы. Особенно активно образ Сфинкс использовался русскими философами и писателями в качестве основы для создания философского и литературно-художественного мифа о загадке русской души и своеобразии русской культуры.
- 44. Перун** - в славянской мифологии бог грома, считался покровителем военной дружины и князя. Главным оружием Перуна были камни, стрелы и топоры, которые являлись предметами языческого культа. Наиболее очевидной интерпретацией мифа о Перуне является его истолкование как этиологического мифа о происхождении грома, грозы, плодотворного дождя. В пантеоне Киевской Руси Перун почитался как высший бог.
- 45. Цезарь** Гай Юлий (100-44 гг. до н.э.) – римский политический деятель и полководец. Его образ связан с проблемой тираноубийства, которая по-разному интерпретировалась в мировой культуре. Немецкие писатели XI-XII вв. рассматривали Цезаря как предшественника германского кайзерства; Данте и Петрарка проклинали убийцу Цезаря – Брута; Шекспир создал образ Цезаря как волевой и властолюбивой личности; Корнель и Б.Шоу положили в основу своих произведений взаимоотношения Цезаря и Клеопатры. Миф о Цезаре имеет противоположные интерпретации – с одной стороны, он предстает перед нами как гений, а с другой – как злодей.
- 46. Инь и Ян** - основные космологические категории традиционной китайской мифологии. Самый общий смысл: Инь – земное начало, Ян – небесное. Их дуализм и взаимослияние объясняют сущность всех мировых процессов, человеческой жизни и принципов истинного познания и разумного действия. В европейской культуре это миф о непостижимости, таинственности и мистической притягательности восточной культуры, несущей новое, неизвестное европейцу знание о мироздании и человеке.
- 47. Упырь** – в славянской мифологии мертвец, нападающий на людей и животных. Мифы об упырях (а также о вурдалаках, людях-оборотнях) разрабатывались в русской литературе; в современной мировой культуре эта мифология представлена наиболее ярко в кинематографе (фильмы ужасов).

- 48. Запад** – один из ведущих мифов в современной мировой культуре. Запад как особый объект из множества других объектов выделяется различными способами. Первый – перечисление конкретных стран, включаемых в Запад или считаемых западными. Второй способ – дефиниция, в которой указываются характерные свойства стран, считаемых западными (см.: Сравнительное изучение цивилизаций. М., 2001. С.247.). После Первой мировой войны и Октябрьской революции в России мир раскололся на два враждебных лагеря – на лагерь капитализма и лагерь коммунизма. Первый стали называть Западом, а второй – Востоком, акцентируя внимание на социально-политическом строе Советского Союза. В русской культуре «Запад» не всегда был идеологическим и социально-политическим мифом. Начиная с публикации первого философического письма П.Я.Чаадаева, русская философская мысль разделилась на два противоположных лагеря – «западников» и «славянофилов», которые различались во взглядах на перспективы развития страны и на оценку самобытности русской культуры
- 49. Достоевский** – один из философских и литературно-художественных мифов мировой культуры XX века. Имя Достоевского стало не только символом русской культуры, но и символом мировоззрения, духовности и противоречивого внутреннего мира человека, ищущего нравственные основы своего бытия.
- 50. «Сад камней»** – находится во внутреннем дворике храма Рёандзи в г. Киото. Создан в XV веке мастером чайной церемонии, придворным художником и каллиграфом дзэн-буддийским монахом Соами. Состоит из пятнадцати черных необработанных, отличающихся друг от друга по величине камней, разбросанных по белому песку; является одним из величайших воплощений эстетики дзэн, буддийского вероучения, многие столетия определяющего особенности японской национальной культуры. Автор «Сада камней» выразил свое понимание дзэнского «просветления»: зритель не может увидеть сразу все камни, так как один из них постоянно закрыт каким-нибудь другим. В. Овчинников писал: «Слова бессильны передать до конца философский смысл «Сада камней», его ассиметричную гармонию, которая выражает вечность мира в его бесконечной изменчивости» (Таранов П.С. Мудрость трех тысячелетий. М., 1997. С.413-422.)

Контрольные экзаменационные вопросы по культурологии
(Составитель В.М.Строгеецкий)

1. Понятие «культура» и ее содержание. Соотношение древности и современности в культуре общества. Функции культуры.
2. Античность как фундаментальная основа культурного развития человечества.
3. Античное культурное наследие и гуманитарное образование.
4. Тоталитаризм и культура.
5. Формация, цивилизация и культура.
6. Определение понятия «географическая среда» и характеристика ее содержания.
7. Человек и природа в эпоху первобытной древности.
8. Новые явления во взаимоотношениях человека с окружающей географической средой в древних цивилизациях.
9. Влияние христианства на связь человека с природой.
10. Европейская цивилизация Нового времени и теории, объясняющие взаимоотношения человека с природой.
11. Научно-техническая революция XX в. и «глобальная империя человека».
12. Теории Биосферы и Ноосферы. Римский клуб и глобальные задачи, стоящие перед человеком.
13. Содержание понятий «миф» и «мифология» и их связь с культурой человечества.
14. Возникновение мифов и их связь с особенностями человеческого мышления.
15. Религиозные представления и мифы.
16. Этапы систематизации мифов: от мифа к философии, науке и литературе.
17. Истоки и причины мифотворчества в античности и современности.
18. Новейшие теории интерпретации мифов.
19. Миф в демократическом и тоталитарном обществе.
20. Мораль, нравственность, этика и нравственная культура общества
21. Система нравственных ценностей в эпоху становления и подъема античной цивилизации: Гомер, Гесиод, Сократ.
22. Нравственные концепции Платона и Аристотеля.
23. Кризисные явления в античной цивилизации и смена нравственных ориентиров. Мораль «новых людей». Поиск новых нравственных ценностей.
24. Нравственная философия киников и их связь с современными нигилистическими этико-культурологическими представлениями.

- 25.Этика стоиков. Люций Аней Сенека. Истоки христианской и светской гуманистической этики.
- 26.Основы христианской этики. Гуманистические идеи и общечеловеческие нравственные ценности.
- 27.Нравственное здоровье личности и культура.
- 28.Понятие науки и ее социокультурные функции.
- 29.Основные этапы развития науки.
- 30.Особенности развития науки в России. Противоречия, трудности и достижения.
- 31.Античная политико-правовая мысль и ее связь с современной политической культурой.
- 32.Политико-правовая мысль и практика государственного развития России.
- 33.Гражданское общество, правовое государство и демократия – важнейшие ценности политической культуры.
- 34.Возрождение античной демократической и общественно-политической и правовой мысли в Европе Нового времени.
- 35.Принцип социальной справедливости и социальной защищенности – составная часть политической культуры общества.
- 36.Международные документы о гражданских и политических правах.
- 37.Античные мыслители о развитии культуры.
- 38.Понятие культуры в эпоху Возрождения и Реформации.
- 39.Понятие культуры в трудах просветителей.
- 40.Культурологические концепции Ф.Ницше, О.Шпенглера, П.Сорокина.
- 41.Культурологические концепции К.Юнга и К.Леви-Стросса.
- 42.Западноевропейские концепции игровой культуры (И.Хейзинга, Х.Ортега-и-Гассет).
- 43.Культурологические теории в России.
- 44.Типология культур. Языки культуры и особенности межкультурной коммуникации.

Мария Павловна Самойлова

Актуальные проблемы культурологии

Учебное пособие для практических занятий

Отв. редактор: Владимир Михайлович Строгеецкий

На обложке: Пьер Поге «Александр и Диоген»: рельеф. 1692 г.

Редакторы: Л.П. Шахрова,
Н.И. Морозова

Лицензия ЛР № 020073 от 20.06.97.

Подписано к печати

Формат 60 x 90 1/16

Печ. л. 18,5

Тираж экз.

Заказ

Цена договорная

Типография НГЛУ им. Н.А.Добролюбова
603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31 а